

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Берестнев Роман Сергеевич

САРМАТЫ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ХОПРА И ВОЛГИ

07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Медведев А.П.

Воронеж – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	с. 4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ САРМАТ- СКОГО ВРЕМЕНИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ХОПРА И ВОЛГИ.....	с. 21
1.1. Период первоначального накопления археологического мате- риала по сарматской культуре междуречья Хопра и Волги (80-е гг. XIX в. – 70-е гг. XX в.).....	с. 22
1.2. Период целенаправленного изучения сарматских памятников междуречья Хопра и Волги (80-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.).....	с. 38
ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ВЕЩЕВОГО КОМ- ПЛЕКСА ИЗ САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ МЕЖДУРЕЧЬЯ ХОПРА И ВОЛГИ.....	с. 50
2.1. Керамика.....	с. 50
2.2. Вооружение.....	с. 78
2.3. Фибулы.....	с. 95
2.4. Зеркала.....	с. 105
2.5. Бусы.....	с. 112
2.6. Пряжки и поясные наборы.....	с. 123
2.7. Орудия труда.....	с. 128
2.8. Редкие типы предметов.....	с. 133
ГЛАВА 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД САРМАТОВ МЕЖДУРЕЧЬЯ ХОПРА И ВОЛГИ.....	с. 147
3.1. Погребальная обрядность носителей раннесарматской культу- ры.....	с. 148
3.2. Погребальная обрядность носителей среднесарматской культу- ры.....	с. 153
3.3. Погребальная обрядность носителей позднесарматской культу- ры.....	с. 165

ГЛАВА 4. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ХОПРА И ВОЛГИ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ.....	с. 178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	с. 203
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	с. 208
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	с. 244
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	с. 245

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. К настоящему моменту в сарматской археологии известно два основных направления исследования памятников в зависимости от физико-географических зон. Первое направление рассматривает сарматские племена в их классическом понимании, как степных номадов, потому что именно в степи сосредоточена основная масса оставленных ими памятников, прежде всего, курганов и курганных некрополей¹. Это имеет бесспорное обоснование: по господствующему хозяйственно-культурному типу сарматы были степными кочевниками². Второе направление – сарматы в лесостепи – зародилось относительно недавно, с конца 70-х – начала 80-х гг. XX в.³, после открытия большого числа сарматских памятников в различных районах лесостепи. Однако, оба направления недостаточно много внимания уделяют буферной зоне степи-лесостепи. К таким территориям относится ареал сарматских памятников между Хопром и Волгой.

Открытие в рассматриваемом регионе немалого числа разновременных сарматских древностей, в том числе могильников, насчитывающих десятки насыпей, сейчас невозможно объяснить кратковременными и эпизодическими перекочевками. С каждым годом всё большее количество факторов позволяет нам говорить о длительном пребывании сарматов в междуречье Хопра и Волги. Их памятники здесь отличаются от аналогичных древностей лесостепных районов. Кроме того, Хопёрско-Волжское междуречье мы не можем интерпретировать, как классический степной вариант культуры по целому ряду факторов (главный – отсутствие в погребениях конской упряжи). Важным по этой причине представляется выяснение тех особенностей, которые

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 29.

² Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 40-44.

³ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.

имеют сарматы степи-лесостепи междуречья Хопра и Волги с собственно степняками и населением лесостепных районов.

Район памятников в междуречье Хопра и Волги, как ареал обитания сарматов, в археологическом смысле никогда не был объектом специального исследования, что и обусловило актуальность заявленной темы. Неразработанной остаётся и культурно-хронологическая шкала древностей региона, для чего необходимо сравнение материальной культуры обитателей лесостепи и степи между Хопром и Волгой с другими локальными вариантами ранне-, средне- и позднесарматской культур.

На сегодняшний момент территория междуречья Хопра и Волги раскопками исследована неплохо. Здесь сосредоточено большое количество памятников сарматской культуры (более 160). Достаточно представительное число могильников и случайных находок дает возможность разработки типологии вещевого материала, уточнения хронологии для более детальной периодизации рассматриваемых культур и эволюции на этой основе погребального обряда. Такой региональный подход характерен для сарматологии в целом, где в последнее время наблюдается тенденция к локализации исследований: изучению разных культур в пределах ограниченных территорий, выработке собственных хронологий для них ⁴. Этот подход делает возможным не только детальное исследование вопросов их становления и развития, но и позволяет выявить преемственность и инновационность культур с учетом территориальных лакун, на которые не обращается внимания в ходе рассмотрения тех же проблем на более обобщенном уровне в пределах широких ареалов. Подтверждением этого является целая серия работ аналогичного характера ⁵.

⁴ Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии // Сборник докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – 241 с.

⁵ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. 150 с.; Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.;

Объём накопившихся источников позволяет на более высоком, качественно новом уровне рассмотреть особенности развития сарматской культуры в междуречье Хопра и Волги от ее становления до того момента, когда кочевники покинули эти территории. Есть возможность, как нам представляется, выделить здесь не только этапы культуры, то есть проследить периодизацию, но и локализовать отдельный район памятников со своими особенностями⁶. Кроме того, мы попытаемся решить актуальную проблему отождествления этнонимов, касающихся сарматов по сообщениям античных авторов, и сарматских культур на примере рассматриваемого района памятников.

Степень разработанности. В настоящее время можно говорить о двух направлениях в изучении заявленной проблематики исследования: с одной стороны – локальное, которое касается непосредственно темы диссертационного исследования, то есть сарматских памятников междуречья Хопра и Волги (о них речь пойдёт в главе 1); с другой стороны – вопросы районирования

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. 288 с.; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. 143 с.; Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. – 174 с.; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6. 304 с.; Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 372 с.; Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002. 216 с.; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2001. 351 с.; Трибунский С.А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Самара, 2003. 211 с.; Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2005. 336 с.; Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2010. 344 с.

⁶ Берестнев Р.С., Медведев А.П. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 2 (32). С. 7-17.

и хронологии сопредельных территорий и относительно недавно оформившаяся тема «Сарматы и лесостепь».

К настоящему моменту довольно хорошо изучены сарматские памятники степной зоны европейской части Российской Федерации, а лесостепное междуречье Хопра и Волги, долгое время оставалось практически не исследованным. Знания о памятниках этого региона к концу XX в. фактически ограничивались несколькими публикациями материалов раскопок А.Д. Матюхина ⁷, К.Ю. Ефимова ⁸ и В.Д. Березуцкого ⁹. Первой серьезной попыткой пролить свет на данную проблематику в целом стала кандидатская диссертация А.П. Медведева и его монография «Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья)» ¹⁰. На основе данных археологии с привлечением сведений письменных источников им рассмотрена история проникновения в донскую лесостепь сарматских племен, их контакты с автохтонным населением. Впервые учёный обобщил и опубликовал материалы различных сарматских могильников лесостепного Подонья первых веков нашей эры, открытые возглавляемой им скифо-сарматской экспедицией ВГУ. А.П. Медведев подробно проанализировал инвентарь и погребальный обряд, разработал хронологию. На основе полученных данных, он выявил ряд локальных групп памятников сарматского времени и предложил их этнокультурную атрибуцию. Исследо-

⁷ Матюхин А.Д. Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья // АВЕС. 1992. Вып. 3. С. 144-158; его же. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1996 году. 1997. Вып. 2. С. 182-198.

⁸ Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. – Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 19-35.

⁹ Березуцкий В.Д. Сарматские погребения Власовского могильника // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 36-41.

¹⁰ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.

ватель продолжил заниматься поставленной проблематикой, в результате чего появилась монография – «Сарматы в верховьях Танаиса»¹¹, где, как один из вариантов сарматской культуры в лесостепи, выделяется Среднее Прихопёрье. Но и в этой монографии использовано лишь несколько сарматских памятников, позволивших наметить лишь круг вопросов, которые еще предстояло изучить. Таким образом, в лесостепном Подонье сарматские памятники встречены и проанализированы в значительном количестве, а в Хопёрско-Волжском междуречье, в том числе и лесостепном, они стали изучаться хоть и раньше, с конца XIX в.¹², но исследованы несравненно хуже. До сих пор нет обобщающего исследования по сарматским древностям этого обширного региона.

В последние два десятилетия появился ряд работ по сопредельным степным территориям, что связано с увеличением количества раскопанных сарматских курганов. Как уже отмечалось выше, в настоящее время в сарматской науке наблюдается тенденция исследований сарматской культуры на разных её этапах в отдельно взятых локальных регионах.

Большая заслуга в разработке данной проблемы принадлежит археологам Волгоградской школы. Нельзя не упомянуть, что ещё в 1974 г. А.С. Скрипкин защитил диссертацию на тему «Позднесарматская культура Нижнего Поволжья»¹³. Исследователь не только один из первых приступил к разработке локальной сарматской тематики в археологической науке, но впоследствии стал основателем целой волгоградской школы сарматологии, разрабатывающей данную проблему.

Так, в 1997 г. в ИА РАН И.В. Сергацковым, учеником А.С. Скрипкина, была защищена кандидатская диссертация «Сарматские памятники II в. до

¹¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. 252 с.

¹² Волков И.А. Больше-Дмитриевские курганы // Труды СУАК. 1888. Т.1. Вып. 3. С. 285-293.

¹³ Скрипкин А.С. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 21 с.

н.э. – III в. н.э. в бассейне Иловли». В 2000 г. исследование было опубликовано в качестве монографии¹⁴. Работа, территориально охватывающая бассейн одного из левых притоков Дона южнее Хопра, позволила более наглядно, чем где-либо, выявить не только преемственность, но и постепенность перехода сарматских культур в низовьях этой реки. Однако, со сменой культур, старое население не покинуло «насиженное» место, но продолжало доминировать, испытывая сильное воздействие пришлых позднесарматских этногрупп. Археологически, учёный указывает сочетание признаков обеих культур во многих памятниках Иловли. Исследователь предложил отождествить среднесарматские памятники на Иловле с одним из племен, упомянутых Клавдием Птолемеем – перьербидами.¹⁵

Вопросам хронологии, реконструкции этноисторических процессов в раннесарматскую эпоху на территории Нижнего Поволжья, посвящена диссертация В.М. Клепикова, позже переработанная в монографию¹⁶. Им была развита идея о сохранении основных черт раннесарматской культуры вплоть до рубежа эр, а также предложено выделение в рамках этой культуры двух периодов, датируемых IV – III (сарматское или савромато-сарматское население) и II – I вв. до н.э. (носители прохоровской культуры)¹⁷.

Ведущий ростовский сарматолог В.Е. Максименко в монографии «Савроматы и сарматы на Нижнем Дону»¹⁸ начал, а в работе «Сарматы на Дону»¹⁹ подвел итог рассмотрению не только материальной культуры, но и политиче-

¹⁴ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 372 с.

¹⁵ Там же. С. 225, 241, 244.

¹⁶ Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002. 216 с.

¹⁷ Там же. С. 125-141.

¹⁸ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. 224 с.

¹⁹ Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6. 304 с.

ской и этнической истории кочевников степного Подонья второй половины I тыс. до н.э. – первых веков нашей эры. Своё исследование автор сосредоточил на памятниках, главным образом, Ростовской области. Его труд ценен тем, что при изучении этнической истории населения, жившего на Дону в предсарматскую и сарматскую эпохи, он анализировал не только археологические материалы, но и данные греческих и римских авторов.

В первое десятилетие XXI в. защищаются три кандидатские диссертации под руководством А.С. Скрипкина²⁰ и М.Г. Мошковой²¹. Они посвящены трём сарматским периодам истории на территории южной части междуречья Дона и Волги, Подонья.

А.А. Глухов, ученик А.С. Скрипкина, изучивший сарматские памятники I – первой половины II вв. н.э. южной части Волго-Донского междуречья, пришел к выводу о миграционном характере формирования новой культуры. Выделив 5 районов концентрации памятников, учёный сделал заключение о неоднородности среднесарматской культуры и о различных путях ее формирования в отдельных локальных районах²².

Диссертационное исследование М.В. Кривошеева, выполненное под руководством А.С. Скрипкина, посвящено позднесарматским памятникам Нижнего Поволжья. Выделение локальных районов на исследуемой территории позволило учёному выявить своеобразие взаимодействия различных культурных компонентов, которые принимали участие в формировании

²⁰ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2001. 351 с.; Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2005. 336 с.

²¹ Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2010. 344 с.

²² Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. С. 107-121.

позднесарматской культуры. Он разработал собственную периодизацию культуры, включающую три этапа²³.

В.П. Глебов, ученик М.Г. Мошковой, картографировав памятники заключительного этапа раннесарматского периода Нижнего Подонья, выделил несколько районов их наибольшей концентрации: I район – прицимлянские районы донского левобережья, среднее течение рек Сал и Маныч; II район – левобережье р. Дон и нижнее течение рек Маныч и Сал; III район – правобережье р. Дон от дельты до устья р. Северский Донец²⁴. Он считает, что население Нижнего Подонья II в. до н.э. (аорсы) – качественно новое и более мощное в отличие от предыдущего, распространившее влияние сарматской культуры не только в Подонье, но и западнее до Днепра.

Территорию Приуралья и Западного Казахстана сарматского времени анализируют в своем труде «Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей» С.Г. Боталов и С.Ю. Гуцалов²⁵. По особенностям развития культуры ими было выделено две крупных группы памятников и два периода не связанных между собой генетически²⁶. Кроме того, авторы проводят четкую грань различия между гунно-сарматским населением – «ядром кочевого государства гуннов» и алано-сарматами Поволжья. Буферной зоной двух этногрупп, по их мнению, были степи Южного Приуралья. Взгляды этих исследователей вызвали бурную дискуссию на страницах Российской археологии и не были приняты большинством российских сарматологов²⁷.

²³ Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2005. С. 188-191.

²⁴ Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2010. С. 13.

²⁵ Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000. 265 с.

²⁶ Там же. С. 28, 140.

²⁷ Мошкова М.Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный

Гипотеза о «гунно-сарматской культуре» не нашла поддержки и в кандидатской диссертации С.А. Трибунского²⁸. Исследователь показал, что урало-казахстанские степи являлись самой восточной зоной распространения уже сформировавшейся позднесарматской культуры. Анализ сопровождающего покойников инвентаря и погребального обряда могильников урало-казахстанских степей позволил учёному сделать вывод о родственном их характере аналогичным категориям могильников Средней Азии. Обряд и инвентарь сарматских некрополей Приуралья, по мнению учёного, имеет широкие аналогии в среде подбойно-катакомбных погребений (могильники Туз-Гыр, Тумек-Кичиджик, Кую-Мазарский и др.).

Таким образом, тематика и содержание рассмотренных выше работ говорит о повышенном внимании учёных в настоящее время к рассмотрению территориально ограниченных регионов распространения сарматских культур. Многолетние полевые исследования в междуречье Хопра и Волги, в целом, дали в распоряжение археологов большой по объёму и яркий по содержанию материал, характеризующий сарматскую культуру этой обширной территории, что объективно предоставляет возможность исследователям обратиться к рассмотрению различных вопросов, связанных с историей сарматских племен восточноевропейской степи-лесостепи. Но как уже отмечалось, до сих пор не существует специального исследования, посвященного истории и культуре сарматов интересующего нас региона, как целостного и самобытного района сарматских памятников.

обряд) // РА. 2007. № 3. С. 103-111; Малашев В.Ю. Археологические памятники южно-уральских степей второй половины II – IV в.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111-121; Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б. Проблема культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последней четверти I тыс. до н. э. – IV в. н. э. // РА. 2007. № 3. С. 121-132.

²⁸ Трибунский С.А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Самара, 2003. 211 с.

Объект исследования – сарматские археологические памятники (погребения, случайные находки) на территории междуречья Хопра и Волги.

Предметом исследования являются хронология, периодизация и разработанная на их основе этническая история трёх сарматских культур с территории междуречья Хопра и Волги в той степени, в какой они нашли отражение, прежде всего, в археологических источниках.

Хронологические рамки. Хронологически диссертационное исследование охватывает время со II в. до н.э. до середины IV в. н.э. По археологической периодизации, принятой в современной сарматологии, это время распространения трёх археологических культур: раннесарматской (II – I вв. до н.э.), среднесарматской (I – середина II в. н.э.) и позднесарматской (вторая половина II – первая половина IV вв.)²⁹.

Географические рамки. Охватывают междуречье Хопра и Волги в пределах частей современных Тамбовской, Волгоградской, Саратовской и Воронежской областей, где известны сарматские памятники II в. до н.э. – IV в. н.э. В географическом плане к области исследования относятся: весь бассейн Хопра, Бузулука, Медведицы, левобережье Битюга, верховья Иловли, а также правобережье Волги. По современному ландшафтному районированию территория расположена главным образом в двух природных зонах – лесостепи и северной степи³⁰ (рис. 1). Мы старались учитывать то обстоятельство, что по отношению к сарматской эпохе, климат рассматриваемой территории, судя по палеопочвенным анализам, был более гумидным по сравнению с современным³¹ (в особенности в ранне- и позднесарматскую эпохи). Кроме

²⁹ Раев Б.А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Волгоград, 2006. Вып. 1. С. 92.

³⁰ Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977. С. 126-128.

³¹ Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н. Подкурганые палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за историческое время // Поволжская археология. 2013. №2 (4). С. 126-142.

того, все могильники расположены достаточно близко к рекам, которые и сегодня относятся к другим подзонам в составе зон.

Таким образом, северную границу изучаемой области достаточно условно можно обозначить по линии несколько выше истока р. Цны до р. Волги перпендикулярно рекам Донского бассейна, так как выше сарматских памятников выявлено не было. Южная граница рассматриваемой территории условно проведена по линии от устья р. Бузулук до р. Волги на восток, до р. Дон на Запад. Более южные районы междуречья в диссертационном исследовании не рассматриваются, так как бассейн Иловли является определенным рубежом и в природно-географическом, и в археологическом отношениях, имеющим свою специфику по сравнению с более южными памятниками. Кроме того, по указанному району существует достаточно глубокое исследование³². С востока исследуемый регион ограничивает р. Волга; с запада – правобережье Хопра вплоть до Битюга. Естественно, в ряде случаев мы были вынуждены выходить за указанные рамки и касаться сарматских древностей других сопредельных регионов, без чего невозможно было выявить специфику культуры сарматов междуречья Хопра и Волги.

Цель и задачи исследования. Основной целью выполняемого диссертационного исследования является изучение вопросов хронологии и выявление специфических особенностей развития раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской культур в исследуемом регионе. Только после этого возможно исследование проблем этнической, политической, социальной истории сарматов междуречья Хопра и Волги по материалам археологии.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

– Изучить историю исследования памятников сарматского времени рассматриваемой территории.

³² Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 372 с.

- Составить сводку и археологическую карту всех сарматских памятников междуречья Хопра и Волги.
- Используя типологический метод, проанализировать погребальный обряд и сопровождающий инвентарь в курганах Хопёрско-Волжского междуречья.
- На основе этого анализа выяснить основные этапы и особенности становления и развития памятников трёх сарматских археологических культур в междуречье Хопра и Волги.
- Изучить античные источники, сообщающие о сарматских этносах рассматриваемого региона (Азиатская Сарматия) и попытаться сопоставить их с результатами проведенного нами археологического исследования.
- Выявить культурные и экономические связи номадов Хопёрско-Волжского междуречья с окружающим их миром.

Методология исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются принципы научной объективности и историзма, а также, историко-системный, историко-генетический и компаративный (сравнительно-исторический) методы. В ходе проделанной работы использовался современный комплексный подход к анализу археологических источников. В его основу положен эволюционно-типологический метод, а также выявление естественной взаимовстречаемости («корреляция») различных типов вещей в закрытых погребальных комплексах. Важным подспорьем явился также картографический метод.

Принцип объективности не только обязывает рассматривать историческую реальность в целом, независимо от субъективных категорий, но и подразумевает под собой исследование объективных закономерностей, которые определяют процессы развития общества; аналитическое рассмотрение явлений; выявление противоречий и т.п.

В соответствии с принципом историзма, сарматские культуры Хопёрско-Волжского междуречья изучались с точки зрения их генезиса, развития

каждой культуры в условиях меняющихся климатической обстановки и этнополитической ситуации.

Согласно историко-системному методу, эмпирические факты о сарматах изучаемой территории обобщались в единую систему для более глубокого анализа истории их создателей и носителей.

С помощью использования историко-генетического метода анализ всех сарматских культур междуречья Хопра и Волги осуществлялся в процессе их развития, от зарождения до оставления территорий и перекочевки номадов на другое место.

Сравнительно-исторический метод позволил вычленить раннесарматский, среднесарматский и позднесарматский этапы развития сарматской культуры рассматриваемой территории, выявить путём сравнения общее и особенное в развитии сарматских культур лесостепи и степи, находящихся на одном уровне развития.

Эволюционно-типологический метод позволил не только классифицировать разнообразный погребальный инвентарь и составляющие обрядовых действий, но и установить основные тенденции эволюции их составляющих.

Картографический метод дал возможность наглядно представить ареалы распространения памятников тех или иных сарматских культур в изучаемом регионе.

Источники исследования. Основными источниками для изучения истории и культуры сарматов являются данные археологии: материалы раскопок, случайные находки. В междуречье Хопра и Волги к настоящему времени нами учтено около 160 комплексов сарматской эпохи. Они стали известны, прежде всего, благодаря археологическим коллекциям, хранящимся в Государственном историческом музее, Государственном Эрмитаже, Воронежском, Саратовском, Волгоградском, Тамбовском областных краеведческих музеях, в Борисоглебском историко-художественном музее, Балашовском, Бутурлиновском, Аткарском краеведческих музеях, а также в университетских музеях археологии ВГУ, ВГПУ, ИАКН СГУ. Материалы, за ис-

ключением предметов из фондов Гос. Эрмитажа, были проработаны нами лично. Однако, так как коллекции происходили в основном из погребений – закрытых комплексов, мы строго следовали отчётной документации, в которой были описаны все категории артефактов.

Таким образом, стержневую часть источниковой базы составили архивные источники (архивы Института археологии Российской академии наук, Института истории материальной культуры Российской академии наук), отчетная документация из фондов областных краеведческих музеев Воронежа, Волгограда, Саратова, археологических музеев ВГУ и ВГПУ, проработанных нами лично. Кроме того, были задействованы материалы бывшей НИАЛ СГУ (сегодня – архив музея археологии института археологии и культурного наследия СГУ). Часть комплексов, утерянная в результате раскопок конца XIX известна по публикациям³³ (сведения по источникам подробно представлены в таблице 1. 1).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые обобщены все археологические исследования, связанные с сарматами, проводившиеся в междуречье Хопра и Волги, а также всесторонне изучены их памятники на этой территории. На основе детального анализа археологических источников, картографирования памятников с учетом их специфики выделен новый локальный район сарматской культуры – хопёрско-волжский, имеющий свое культурно-историческое своеобразие; охарактеризованы основные вехи его истории; прослежена динамика развития сарматских культур района. Для основных категорий сопровождающего инвентаря разработаны новые или уточнены предшествующие типологии, позволившие установить присутствие в изучаемом регионе трёх сарматских культур, последовательно сменявших друг друга.

³³ Берхин И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С.141-153.

На основе выделения и изучения отдельных специфических признаков погребального обряда и инвентаря выявлена специфика археологических памятников рассматриваемого района по сравнению с сопредельными территориями Поволжья и Подонья. Исходя из результатов проведенного археологического анализа, с привлечением данных античных источников, предложена этногенетическая реконструкция и этническая атрибуция сарматского общества в пределах рассматриваемого района со II в. до н.э. по IV в. н.э.

Установлено, что формирование на рассматриваемой территории раннесарматской культуры, было связано с племенами роксоланов, финал же её отождествляют с выходом на историческую сцену племенного объединения аланов, как основных носителей среднесарматской культуры. Различные сарматские и аланские этнические группировки (асэи, закаты Клавдия Птолемея) доживают в регионе до угасания первого этапа позднесарматской культуры в III в. н.э. Затем территорию заселяют новые племена, соотносящиеся с аланами-танаитами.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Картографирование и подробный анализ исследованных сарматских памятников позволяют выделить хопёрско-волжский их район, древности из которого имеют свои особенности на всех этапах развития сарматских культур (со II в. до н.э. по IV в. н.э.) по отношению к сарматским комплексам сопредельных степных и лесостепных районов.

2. Анализ погребальных памятников, включающий изучение обрядовых действий и инвентаря, позволил заключить, что принятые в науке хронологические рамки ранне-, средне- и позднесарматской культур в целом соответствуют периодизации сарматских памятников в хопёрско-волжском районе. Однако, внутренняя периодизация развития культуры здесь более локальна по сравнению с сопредельными территориями.

3. Этническая история хопёрско-волжского района памятников реконструируется при сопоставлении письменных и результатов анализа археоло-

гических источников следующим образом: население II – I вв. до н.э. соотносится со страбоновым этнонимом «*роксоланы*».

4. Этническое содержание среднесарматской культуры изучаемой территории – это, по месту и времени, *асэи* и *закаты* Птолемея, как часть аланского этно-политического объединения.

5. В первый позднесарматский период (вторая половина II – первая половина III вв. н.э.) изучаемый регион был заселен потомками среднесарматского населения, которые сосуществовали здесь с иной неочевидной культурой иньясевского типа.

6. С середины III в. н.э. в этнической истории хопёрско-волжского района наблюдаются значительные изменения, связанные с появлением новых этнических групп, одна из которых – *аланы-танаиты*, соотносимые с погребениями в Т-образных катакомбах.

Практическая значимость исследования. Настоящее диссертационное исследование, как по отдельным частям, так и в целом, может быть полезно для историков, этнографов и археологов, изучающих историю восточноевропейской степи-лесостепи раннего железного века и начала средневековья. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих исследованиях по археологии и истории Восточной Европы в начале н.э., а также в лекционных курсах и спецкурсах по археологии, этнографии и краеведению и созданию новых музейных экспозиций и выставок.

Апробация результатов исследования. Основные разделы, выводы и положения настоящего диссертационного исследования были представлены автором на международных, всероссийских и региональных научных конференциях в Воронеже (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017), Ульяновске (2014), Саратове (2014), Москве (2016); на международном научном семинаре «История и культура сарматов: традиционный и междисциплинарный подход», посвященном 75-летию А.С. Скрипкина в Волгограде (2015). Текст диссертации обсуждался на кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского университета.

По теме диссертационного исследования автором издано 11 публикаций общим объемом 4,9 п.л. Из них – 5 статей (одна из них в соавторстве) общим объемом 3,1 п.л. – в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованный ВАК РФ, остальные 6 статей и тезисов докладов общим объемом 1,8 п.л.

Так же, материалы исследования были использованы при построении автором раздела экспозиции «Сарматы в Воронежском крае» на выставке «Время номадов» в Воронежском областном краеведческом музее в 2015 году.

Структура диссертации. Диссертационное исследование, в соответствии со своей целью и задачами, включает введение, четыре главы основной части (внутри глав выделяются параграфы), заключение, список использованных архивных источников и литературы, а также приложения, содержащие табличный и иллюстративный материал.

Глава 1. История изучения памятников сарматского времени в междуречье Хопра и Волги

Данная глава ставит целью систематизировать материалы по истории изучения сарматских памятников в Хоперско-Волжском междуречье. Но прежде, чем перейти к ее рассмотрению, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день относительно хорошо изучены сарматские памятники степной зоны европейской части Российской Федерации. И это вполне понятно, потому что по господствующему хозяйственно-культурному типу сарматы были степным кочевым народом. На их фоне обширный регион – лесостепное междуречье Дона и Волги, долгое время оставался мало изученным (вплоть до 70-80-х гг. XX в.). Однако, к настоящему моменту, следует констатировать, что сарматские древности всего Волго-Донского междуречья проанализированы в значительном количестве³⁴. На их фоне буферная зона степи-лесостепи между Хопром и Волгой представляет интерес для исследователей, так как здесь сарматские памятники стали изучаться хоть и раньше, но исследованы гораздо хуже. Именно изучению междуречья Хопра и Волги посвящена как диссертация, так и данная глава, поскольку по сопредельным районам существуют фундаментальные исследования³⁵.

В истории сарматской археологии на рассматриваемой территории можно выделить два конститутивных периода, отличающихся фазисом и масштабностью исследования памятников, оставленных отдельными груп-

³⁴ Берестнев Р.С. История изучения сарматских памятников междуречья Волги и Дона // Новик: сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. 2013. Вып. 18. С. 22-27; его же. История исследования памятников сарматского времени между Хопром и Волгой // Новик: сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. 2015. Вып. 19. С. 9-14; его же. Сарматы между Доном и Волгой (историографический аспект) // Известия ВГПУ. 2016. № 3 (272). С. 73-76.

³⁵ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 372 с.; Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.

пами сарматов в разное время. Кроме того, внутри периодов выделяются этапы, обусловленные рядом объективных факторов: общей политической и идеологической ситуацией в стране, уровнем научной подготовки исследователей и степенью развития научных школы:

I период – время первоначального накопления археологического материала по сарматской культуре междуречья Хопра и Волги (80-е гг. XIX в. – 70-е гг. XX в):

1 этап – 80-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в.

2 этап – 20 – 30-е гг. XX в.

3 этап – 60 – 70-е XX в.

II период – период целенаправленного изучения сарматских памятников междуречья Хопра и Волги и появления обобщающих археологических исследований по соседним и отчасти интересующему нас региону (80-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.)

1.1. Период первоначального накопления археологического материала по сарматской культуре междуречья Хопра и Волги (80-е гг. XIX в. – 70-е гг. XX в.)

Начало изучению сарматских древностей междуречья Хопра и Волги было положено в 80-е гг. XIX в. Это было связано с деятельностью, образованной в 1886 г., Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК). Впервые в Российской империи Губернские учёные архивные комиссии были учреждены 13 апреля 1884 г.³⁶ Эти организации совмещали функции архивных органов и научно-исследовательских обществ.

В 1887-1888 гг. действительным членом Саратовской ученой архивной комиссии И.А. Волковым были обследованы расположенные в устье р. Латрык Дмитриевские курганы. Здесь, между с. Большая Дмитриевка и дер.

³⁶ ПСЗРИ. СПб., 1887. Собрание третье. Т. IV. Ст. 2149. С. 226.

Двоенка в Аткарском уезде Саратовской губернии, им было зарегистрировано 172 кургана. За два года работ он раскопал 8 курганов (по 4 кургана в сезон), давших яркий разновременный материал женских погребений. Из них лишь одно погребение оказалось сарматским (погребение из кургана 96). Его отличительные черты: по обряду – ориентировка погребенной на запад, по инвентарю – большое количество импорта. Курганы позднее были опубликованы И.А. Волковым³⁷, а сарматское погребение анализировалось Е.К. Максимовым³⁸ и В.П. Шиловым уже во второй половине XX в.³⁹.

Необходимо отметить, что деятельность СУАК по выявлению археологических памятников на этом не закончилась. Основное внимание саратовских археологов было обращено на погибавшее Увекское городище золотоордынского времени, исследование курганных полей близ слободы Покровской, наблюдения в зоне строительства Царицынского пушечного завода, охранные раскопки Водянского городища⁴⁰. А зона Правобережья Волги и сарматские памятники на данной территории выпали из сферы интересов членов СУАК.

В этот же период, в 1887 г., в окрестностях колонии Норка Камышинского уезда Саратовской губернии на р. Иловле крестьянами было раскопано богатое сарматское погребение, содержащее золотую гривну, золотую пряжку, подвеску, зеркало, пастовые бусы, серебряную фибулу. Погребение при-

³⁷ Волков И.А. Больше-Дмитриевские курганы // Труды СУАК. 1888. Т.1. Вып. 3. С. 285–293.

³⁸ Максимов Е.К. Сарматское погребение из кургана Большая Дмитровка Саратовской области // СА.1957. № 4. С. 157–161.

³⁹ Шилов В.П. Металлические сосуды из кургана Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. 1973. № 4. С. 252–255.

⁴⁰ Волков В.А. Археологическая деятельность научных обществ Нижнего Поволжья в конце XIX - начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саратов, 2008. С. 71–111; его же. Археологическое картографирование в Саратовском Поволжье в досоветский период // Саратовский краеведческий сборник. 2005. Вып. 2. С. 229–239.

обрело широкую известность после его публикации в 1961 г. И.П. Берхин-Засецкой⁴¹.

Необходимо отметить, что конец XIX в. – время открытия достаточно представительного количества случайных находок. В 1887 г., 1896 г. в Сердобском и Балашовском уездах Саратовской губернии, были обнаружены литые котлы в количестве трёх экземпляров и относящиеся к одному типу. Они были опубликованы в 1966 г. Е.К. Максимовым⁴².

Следующая веха в истории изучения сарматских памятников Хоперско-Волжского междуречья – включение археологических древностей правобережных районов Саратовского Поволжья в область научных горизонтов Императорской Археологической Комиссии (ИАК). Это учреждение было создано в 1859 г., как государственный центр по археологии⁴³. С 1889 г. ИАК принадлежала прерогатива не только проведения и разрешения археологических раскопок на государственных и общественных землях, но также – право на «реставрацию монументальных памятников древности»⁴⁴. Иными словами, Комиссия стала организацией, ведавшей выдачей открытых листов и органом контроля за проведением археологических работ.

С 1896 г. в служебные обязанности штатного члена ИАК А.А. Спицына, по точному выражению Е.Ю. Захаровой⁴⁵, вошло «заведование» регионом, который включил междуречье Дона и Волги. Он был должен вести «археологические дела»: производить раскопки; собирать сведения о памятни-

⁴¹ Берхин И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 148.

⁴² Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. №1. С. 51-60.

⁴³ Смирнов А.П. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX - начала XX века). М., 2011. 592с.

⁴⁴ ПСЗРИ. СПб., 1891. Собрание третье. Т. IX. Ст. 5841. С. 95.

⁴⁵ Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.): дис. ... доктора ист. наук: 07.00.06. Воронеж, 2016. С. 189.

ках древности и случайных находках, публиковать их; рассматривать вопросы реставрации монументальных памятников; разрабатывать итоговую отчетную документацию об исследованиях для последующей публикации⁴⁶. Нам представляется, что данный регион был включен в поле интересов ИАК во многом, благодаря археологическому «открытию» Нижнего Поволжья А.А. Спицыным в 1895 г., когда им были исследованы курганные могильники у дер. Машевка Балашовского уезда в верховьях р. Аркадак (Большой Аркадак) – притока р. Хопёр и близ немецкой колонии Норка в верховьях р. Иловля, а также станции Лебяжье Камышинского уезда Саратовской губернии. Он раскопал 18 курганов на р. Иловля и 6 курганов на р. Аркадак. Краткая информация о раскопках была опубликована автором в ОАК за 1895 г.⁴⁷, более подробно А.А. Спицын описывает раскопанные комплексы в одном из томов ЗРАО⁴⁸.

Надо заметить, что на весьма незначительном материале учёный выделил группу погребений с северной ориентировкой костяков и деформированными черепами, впервые обосновав их принадлежность сарматам. Отличительные особенности: труположение покойных в глубокие ямы; миски с костями барана в качестве заупокойной трапезы; помещение в могилы фибул и маленьких зеркал. Эти комплексы А.А. Спицын датировал II–III вв. н.э., при этом, специально не разрабатывая вопрос об их культурной принадлежности. Таким образом, учёный впервые выделил и описал позднесарматские погребения в Нижнем Поволжье, хотя таковыми он их, естественно, тогда

⁴⁶ РА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 241. Л. 1 - 2; Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред. Г. В. Длужневская, А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.), Е. Н. Носов (отв. ред.), И. Л. Тихонов. СПб: «Дмитрий Буланин», 2009. С. 168–169.

⁴⁷ Отчет Археологической комиссии за 1895 г. СПб, 1897. С. 30–32.

⁴⁸ Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // Записки Русского археологического общества. СПб., 1896. Т.8. Вып. 1, 2. С. 140-154.

еще не называл. Кроме того, исследователь указывал на близость погребений с деформированными черепами из бассейна Дона и Волги с аналогичными погребениями Северного Кавказа, известными по раскопкам А.А. Бобринского⁴⁹.

В 1897 г. коллекции из раскопок А.А. Спицына в 1895 г. были переданы в дар Российскому Императорскому историческому музею имени Александра III (ныне – ГИМ). Этими материалами и отчётом А.А. Спицына⁵⁰ позднее активно пользовался П.Д. Рау⁵¹, который разделил сарматские комплексы в бассейне Иловли и Хопра на хронологические группы. Наиболее полно материалы раскопок А.А. Спицына, хранящиеся в ГИМе, были опубликованы только в 2000 г. И.И. Гущиной⁵².

Важным направлением деятельности ИАК стало собирание древностей, происходящих из разрушенных курганов. Из числа случайно найденных погребений выделяются комплексы, открытые в этот период у слободы Котовой (1898 г.)⁵³ и деревни Щербаковки (1899 г.)⁵⁴. Нужно отметить, что эти раскопки производили люди, не имеющие достаточной квалификации либо вообще не имеющие отношения к науке. Вследствие этого, большая часть

⁴⁹ Отчет Археологической комиссии за 1895 г. С. 32.

⁵⁰ Спицын А.А. Отчёт о раскопках в 1895 г. в Саратовской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. № 79. Л. 20 – 29.

⁵¹ Рау П. Курганные погребения римского времени в Нижнем Поволжье (Результаты исследования курганов в Республике Немцев Поволжья) // Известия Центрального музея Автономной социалистической советской республики Немцев Поволжья. Год издания 1. Вып.1-2. Покровск, 1926; Rau P. Die Graber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze // Mitteilungen des Zentral Museums. Pskrowsk, 1929. Heft 1. 113 s.

⁵² Гущина И.И. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовком и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. 2000. Вып.3. С. 268–293.

⁵³ ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С.77–78.

⁵⁴ ОАК за 1899 г. СПб., 1902. С. 120.

предметов из раскопок пропала бесследно. Сохранились лишь те артефакты, которые были приобретены ИАК или Радищевским музеем в Саратове. Необходимо добавить, что оба раскопанных комплекса относились к категории социально-престижных захоронений, о чём говорит инвентарь погребенных: у сл. Котово – две серебряные и лучковая бронзовая фибулы, зеркало, два сердолика, набор пронизей из египетского фаянса, серьги, золотые бляшки, флакон. Спустя полвека этот комплекс был опубликован И.П. Берхин-Засецкой⁵⁵. У дер. Щербаковка найден железные кинжал и меч, серебряная обкладка ножен меча и глиняный двуручный сосуд, золотой витой шейный обруч, котёл из листовой бронзы, а также курильница⁵⁶.

В этот же период времени С.А. Щеглов и П.П. Греков, как действительные члены СУАК, получили Открытые листы на раскопки у с. Саламатино Камышинского уезда. В отчеты, представленные в виде докладов, были включены, кроме фотографий и плана местности, опись находок, включающая фрагменты глиняных сосудов, орнаментированный насечками по краю венчика глиняный кувшин, мелкие золотые бляшки и кремневые орудия⁵⁷.

Как выяснилось в конце XIX в., в верховьях р. Иловли располагалось большое количество археологических памятников, преимущественно древних курганов. В 1899–1900, 1903 гг. раскопки на Иловле продолжил П.П. Греков совместно с ассистентом Эрмитажа Н.Е. Макаренко. Раскопки проводились в пределах родового имения Грековых, в местечке Мишкина пристань, позднее у с. Гусёвка Царицынского уезда (ныне Ольховский район Волгоградской области). По опубликованным А.А. Спицыным кратким сведениям можно судить, что некоторые открытые в курганах погребения отно-

⁵⁵ Берхин И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 143-144, 148.

⁵⁶ Длужевская Г.В. Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). Санкт-Петербург, 2014. С. 56, 58.

⁵⁷ Там же. С. 52.

сились к позднесарматской культуре⁵⁸. Это были последние дореволюционные исследования сарматских древностей интересующего нас региона.

Подведем некоторые итоги этого этапа. Изучение сарматских памятников в конце XIX – начале XX вв. характеризуется здесь сочетанием грабительских раскопок с научными исследованиями, вполне отвечавшими требованиям методики полевых исследований того времени. Прежде всего, это полевые работы сотрудников ИАК. Кроме того, материалы грабительских раскопок, благодаря членам СУАК и ИАК, собирались и передавались в центральные музеи – Эрмитаж и РИИМ, провинциальные музейные центры. В целом для этого этапа характерно накопление археологического материала по сарматской культуре, выделение ее памятников, начало осмысления погребального обряда сарматов.

Следующий этап наступил после Революции и Гражданской войны. И связан он, прежде всего, с учёными Саратовского университета, который становится ведущим центром по археологическому изучению междуречья Хопра и Волги. Начало послереволюционных исследований указанного региона положил профессиональный археолог П.С. Рыков, ученик известного русского учёного В.А. Городцова. Он, узнав в Государственном Российском историческом музее о возможности работать в Саратове и при содействии учителя, подал заявление о приеме на службу в Саратовский Университет. П.С. Рыков был не только принят в штат педагогического факультета. Ученый совет избрал его в сентябре 1920 г. доцентом, заведующим кафедры археологии, руководителем одноименного кабинета. Таким образом, именно по инициативе Павла Сергеевича, в сентябре 1920 г. в СГУ была открыта кафедра археологии, первым заведующим которой он и был назначен⁵⁹. Уже

⁵⁸ Спицын А.А. Раскопки близ с. Гусёвки Царицынского уезда // ЗОРСА. 1907. Т.VII. Вып.2. С.226. Рис.1.

⁵⁹ Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918-1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2006. С. 12.

через год учёный сдает магистерские испытания, а в 1922 г. утверждается Главным учёным советом Саратовского университета в звании профессора⁶⁰. Он читал курс лекций по первобытной и бытовой археологии, вел семинарские занятия, занимался разведками и раскопками на территории Нижнего Поволжья.

В летнем сезоне 1923 г. П.С. Рыков приступает к изучению бассейна р. Медведицы. Он, опираясь на дореволюционные работы СУАК, организует разведки по её малым притокам – р. Карамыш и р. Латрык. Экспедицией, обследовавшей полосу в 5,5 – 8,5 километров по обоим берегам рек, были выявлены не только поселенческие памятники, но и многочисленные курганные могильники. Некоторые курганы в группах около города Покровска и села Большая Дмитриевка стали объектами раскопок⁶¹.

Нельзя не упомянуть о знаковом событии в сарматологии, связанном с именем Павла Сергеевича – открытии им Суловского могильника. Этот могильник, впоследствии, дал название целому периоду сарматской культуры – суловская. Он воспринимался как эталон культуры, впоследствии ставшей именоваться среднесарматской⁶². В 1924 г. именно П.С. Рыков возглавил экспедицию с целью выявления археологических памятников в районах р. Медведицы, р. Терсы в Саратовском Правобережье Волги. Здесь им был раскопан большой курганный могильник близ с. Суслы на р. Большой Караман в Левобережье Волги⁶³. В 1924 г. было исследовано 60 насыпей, а в 1926 г. еще 10 курганов. Материалы раскопок 1924 г. были опубли-

⁶⁰ Арзютов Н.К. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности П.С. Рыкова // ИНВИК. 1936. Т. 7. С. 127.

⁶¹ Максимов Е.К. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // АВЕС. Вып. 1. 1989. С.5.

⁶² Скрипкин А.С. Материалы Суловского курганного могильника // НАВ. Вып. 1. 1998. С. 104.

⁶³ Там же. С. 6.

кованы П.С. Рыковым в 1925 и 1927 гг.⁶⁴, результаты исследований 1926 г. сохранились в виде отчетной документации.

Хотелось бы отметить, что П.С. Рыков попытался первым интерпретировать результаты своих раскопок. Исследователь, по конструкциям могильных ям и позам покойных, проклассифицировал все погребения, уложив их в рамки четырёх культур – А, В, С, Д⁶⁵. В эту классификационную схему вошли и сарматские захоронения. Однако, большое количество погребений он датировал некорректно, «омолодив» их. Необходимо подчеркнуть, что в этот период времени, на взгляды учёного не оказывает влияние тенденция к социологизации исследований. Во-первых, он анализирует погребения, а не массовый, поселенческий материал. Во-вторых, в его публикациях Суловского курганного могильника сохраняются такие «буржуазные» понятия, как археологическая культура, периодизация и др. Этих же идей в 20-е гг. в сарматской проблематике придерживались и ученики П.С. Рыкова. С конца 20-х гг., когда археология включается в историческую науку, где распространяются марксистские концепции, саратовская научная школа в деле анализа материалов смещает свои интересы на эпоху бронзы. При этом, материал по сарматской археологии продолжил накапливаться. Но, так как памятники не были массовыми, их практически не публиковали. Единичные публикации погребений не содержат стадиальных построений.

С середины 20-х гг. XX в. сарматскую проблематику начинают разрабатывать ученики П.С. Рыкова. В 1927 г., после 20-летнего перерыва, были исследованы сарматские памятники на р. Иловля. В этот год П.Д. Рау раскопал несколько курганов в верховьях этой реки у с. Каменка. Он, опираясь на выборку из более чем 70 сарматских погребений с территории Саратовской области и Республики немцев Поволжья из раскопок своего учителя и соб-

⁶⁴ Рыков П.С. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925. 64 с.; его же. Суловский курганы могильник // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1927. Т. IV. Вып. 3. С. 3–48.

⁶⁵ Рыков П.С. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925. С. 23.

ственных, привлекая дореволюционные отчёты А.А. Спицына и других членов ИАК, выделил для сарматских древностей две хронологические стадии: раннеримскую (Stufe A) I – II вв. н.э. и позднеримскую (Stufe B) III – IV вв. н.э. Именно П.Д. Рау впервые определил основные черты двух последних этапов сарматской культуры ⁶⁶. Предложенные им хронологические рамки этих этапов были долгое время признаны в отечественной археологии. Материалы обследования в 1927 г. П.Д. Рау нагорной стороны Правобережья Волги у с. Бальцер, с. Усть-Грязнуха, с. Каменка, в верховьях Иловли сохранились в виде «Дневника археологических раскопок, произведенных в нижнем Поволжье летом 1927 г.», который был опубликован в 1946 г. И.В. Сеницыным ⁶⁷.

В середине 20-х гг. XX в. Археологический научно-исследовательский институт в Саратове, созданный по инициативе П.С. Рыкова в 1922 г., был преобразован в Нижневолжский Краеведческий Институт ⁶⁸. Институт краеведения имел свою аспирантуру, которую по археологии и истории докалассового общества окончили – И.В. Сеницын (1928–1932 гг.) и Н.К. Арзютов (20 ноября 1935 г.). С их именами связано открытие целого ряда сарматских памятников северной части междуречья Волги и Хопра.

Так, в конце 20-х – начале 30-х гг. полевые работы в лесостепном Саратовском правобережье Волги проводил Н.К. Арзютов, открывший сармат-

⁶⁶ Рау П. Курганные погребения римского времени в Нижнем Поволжье (Результаты исследования курганов в Республике Немцев Поволжья) // Известия Центрального музея Автономной социалистической советской республики Немцев Поволжья. Год издания 1. Вып. 1-2. Покровск, 1926; Rau P. Die Graber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze // Mitteilungen des Zentral Museums. Pskrowsk, 1929. Heft 1. 113 s.

⁶⁷ Сеницын И.В. К материалам сарматской культуры на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Вып. 8. С. 73–95.

⁶⁸ Дело о ликвидации Археологического научно-исследовательского института при СГУ им. Н.Г. Чернышевского и организации Нижневолжского краеведческого института. Начато 21. VII. 1924 // ГАСО. Ф.407. Оп. 2. Д. 461. Л. 1.

ские памятники в большом могильнике у г. Аткарска⁶⁹. Им было исследовано 30 насыпей; два кургана оказались сарматскими⁷⁰.

С 1930 г. в рассматриваемом регионе вновь проводит свои исследования П.С. Рыков. Он работает в бассейне р. Хопёр от с. Рассказань через г. Балашов и далее вверх до с. Надеждино. В результате разведывательно-раскопной деятельности на археологическую карту были нанесены 34 курганные группы, 7 дюнных стоянок, одно селище и два городища. Было раскопано 15 курганов. В итоге им собраны материалы от эпохи неолита до позднего средневековья, но преобладающими оказались памятники раннего железного века, в том числе сарматские⁷¹.

Также, летом 1930 г. на левом притоке р. Медведицы – р. Колышлей, в её нижнем течении, проводит свои раскопки ученик П.С. Рыкова, И.В. Сеницын. Они интересны прежде всего для уточнения границ распространения сарматской культуры в северных районах правобережья Волги. И.В. Сеницыным было изучено 7 насыпей, содержащих погребения сарматов. Материалы раскопок 1930 г. им были опубликованы в 1932 г.⁷²

В 1937 г. И.В. Сеницын обследует низовья реки Иловли и раскапывает 8 курганов во второй группе Авиловского могильника, в которых было обнаружено 7 сарматских погребений, на основе которых учёный выделил три группы могильных ям⁷³. В первую группу были включены впускные захоро-

⁶⁹ Арзютов Н.К. Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928-1930 гг. // ИИ-ВИК. 1936. Т. VII. С. 86-101.

⁷⁰ Там же. С. 98-101.

⁷¹ Максимов Е.К. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // АВЕС. 1989. Вып. 1. С. 8.

⁷² Сеницын И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 56–70.

⁷³ Сеницын И.В. Археологические памятники в низовьях р. Иловли // Ученые записки Саратовского Государственного Университета. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1954. Т. XXXIX. С. 222 – 253.

нения в прямоугольных ямах с южной ориентировкой скелета; во вторую – погребения в широких прямоугольных ямах; в третью – остальные исследованные здесь погребения.

На этом довоенные раскопки, связанные с исследованием сарматских памятников рассматриваемого региона, были закончены. Связано это с тем, что биографии почти всех археологов Нижневолжского Краеведческого Института Саратовской вузовской региональной научной школы трагически оборвались. Не вдаваясь в подробности по поводу судьбы археологической науки в Нижнем Поволжье, укажем, что в разгар революционной перестройки советского общества покончил с жизнью П.Д. Рау. Затем были подвергнуты репрессиям, как «враги народа», и умерли в лагерях Н.К. Арзютов и П.С. Рыков⁷⁴. Видимо, эти трагические события не прошли бесследно и для И.В. Сеницына, так как за период с 1937 по 1941 гг. не удалось выявить ни одной его опубликованной статьи по археологии.

Ситуация изменилась с началом Великой отечественной войны. В 1941 г. И.В. Сеницын вступает в партию и избирается заместителем секретаря парткома университета⁷⁵. В 1943 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Поселения родового общества на территории Нижнего Поволжья» (оппоненты В.А. Равдоникас и В.В. Мавродин) на историческом факультете Ленинградского университета, эвакуированного в г. Саратов.

Таким образом, в первый этап советской археологии сарматские памятники на территории междуречья Хопра и Волги продолжают изучаться более активно. Их исследование приобретает более систематический характер. Раскопки сарматских курганов соответствовали методике того времени – насыпи редко изучались «на снос», земляные работы ограничивались закладкой перекрестных траншей, иногда с расширением площади раскопа для

⁷⁴ Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918-1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 26-28.

⁷⁵ Там же. С. 27.

изучения всего погребения. Но главное, были сделаны первые обобщения и попытки разработки периодизации развития сарматской культуры в Поволжье (П.С. Рыков, П.Д. Рау). Однако, все эти плодотворные начинания неожиданно были прерваны, а большинство саратовских археологов подверглось репрессиям. В результате зарождающаяся в Саратове школа сарматской археологии – первая в России – фактически прекратила существование. Нет ее и до сих пор.

Археологические исследования в СССР были прерваны репрессиями и войной, после чего интересующий нас район не изучался до 60-х гг. Основные силы археологов-курганщиков были сконцентрированы южнее изучаемого района: на новостройках Цимлянского водохранилища, Волго-Донского канала, Волгоградского водохранилища и Волжской ГЭС ⁷⁶.

Лишь в 1959 г. проводились раскопки Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под рук. В.П. Шилова у с. Сидоры ⁷⁷. Было открыто 10 погребений, принадлежавших сарматам. В 1972 г. сотрудники Волгоградского краеведческого музея продолжили раскопки курганного могильника у с. Сидоры, начатые в 1959 г. В.П. Шиловым (руководитель – В.И. Мамонтов) ⁷⁸. Экспедиция пополнила фонды музея коллекцией предметов сарматского времени еще из 8 погребений.

В 1966 г. выпускник СГУ, сотрудник Саратовского областного музея краеведения, Е.К. Максимов проводил разведки, в ходе которых были выявлены курганы близ г. Ртищево, а также у сел Темп, Урусово и Дивовка на р.

⁷⁶ Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции // МИА. 60. Том I. М., 1959. 598 с.; Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции // МИА. 78. Том II. М., 1960. 307 с.

⁷⁷ Шилов В.П. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. 1960. Р.-1. № 1976. 78 л.

⁷⁸ Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской археологической экспедиции в Михайловском, Калачевском и Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. // Архив ИА РАН. 1973. Р.-1. № 4905. 33 с.

Хопёр. Тогда же в курганном могильнике у с. Таптулино Е.К. Максимов раскопал два кургана ⁷⁹, в одном из которых была обнаружена каменная баба, а также два погребения: кочевника XII-XIII вв. и интересное сарматское захоронение I-II вв. Второй курган содержал два погребения эпохи поздней бронзы (срубная культура) и одно сарматское. Е.К. Максимов в 1974 г. опубликовал сарматские погребения в КСИА ⁸⁰. В то время он решил заняться сарматской археологией, но к сожалению эти его намерения не были осуществлены.

С 1967 г., после длительного перерыва, продолжилось исследование памятников сарматского времени на р. Иловле. Выпускник Волгоградского педагогического института, А.С. Скрипкин провёл раскопки курганной группы у с. Ютаевка в низовьях реки. По его мнению, материалы 23 курганов сарматского времени, полученные в результате раскопок, демонстрируют становление позднесарматской культуры на местной основе ⁸¹.

Кроме раскопок Ютаевского и Авиловского могильников в это время выходят важные публикации, касающиеся памятников, изученных ранее в Иловлинском регионе. А.К. Амброз подробно проанализировал фибулу из раскопок в 1895 г. А.А. Спицына у станции Лебяжье и на ее основе выделил серию фибул лебяжбинского типа ⁸². В 70-х годах материалы Авиловского могильника из раскопок 1937 г. проанализировала М. Г. Мошкова ⁸³, датировав их I – серединой II в. н.э. И.П. Засецкая издала комплекс вещей, происходящих из случайно раскопанного богатого погребения близ с. Саламатино

⁷⁹ Максимов Е.К. Отчёт об археологических разведках и раскопках в Ртищевском районе Саратовской области // Архив ИА РАН. 1967. Р.1. № 3463. С. 3-6.

⁸⁰ Максимов Е.К. Ртищевские курганы // КСИА. 1974. Вып.140. С.64-67.

⁸¹ Скрипкин А.С. Отчет о раскопках курганного могильника, расположенного у хутора Ютаевка Иловлинского района Волгоградской области в 1967 г. // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3489. 43 с.

⁸² Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в.н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30. С. 55–66.

⁸³ Мошкова М.Г. О дате сарматских погребений Авиловского могильника на Иловле // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 18–30.

(1902 г.), где особое внимание было уделено золотым многовитковым браслетам в зверином стиле – с изображением горного козла и головы барана на концах ⁸⁴.

Что касается буферной зоны северной степи, а именно нижнего течения р. Хопёр с притоком р. Бузулук, то до середины 60-х гг. прошлого столетия, данные территории в археологическом отношении почти не были исследованы. Пожалуй, первым открытием сарматских памятников здесь стало разрушенное при рытье погреба местным жителем в 1964 г. погребение в Нехаевском. Оно было включено В.И. Мамонтовым в отчёт за 1964 г. археологического отряда Волгоградского краеведческого музея ⁸⁵.

В 1965 г., во время полевых работ, в урочище Королёва могила Михайловского района Волгоградской области из земли был выпахан литой бронзовый котёл. Местные жители передали его в Волгоградский областной краеведческий музей ⁸⁶. Он был опубликован как случайная находка в 1970 г. А.С. Скрипкиным ⁸⁷.

В 1968 г. В.И. Мамонтов начал раскопки курганной группы у ст. Берёзовской в Новоаннинском районе Волгоградской области и у г. Новоаннинска, выявившие несколько сарматских погребений ⁸⁸. Исследования продолжались до середины 70-х гг. XX в. На следующий год В.И. Мамонтов провёл

⁸⁴ Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3. С. 35-47.

⁸⁵ Мамонтов В.И. Отчёт о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея в 1964 г. // Архив ИА РАН. 1968. Р.1. № 2843. С. 10.

⁸⁶ Мамонтов В.И. Отчёт о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея за 1966 г. // Архив ИА РАН. 1967. Р.1. № 3233. С. 47.

⁸⁷ Скрипкин А.С. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // СА. 1970. №. 4. С. 206-209.

⁸⁸ Мамонтов В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛО ИА АН СССР и Волгоградского управления культуры // Архив ИА РАН. 1968. Р.1. № 3656. С. 16-25; он же. Отчёт о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции в 1975 г. // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. 1975. Ф. 78а.

раскопки у хут. Короли ⁸⁹. Всего в Новоаннинском районе было выявлено семь памятников сарматского времени, в том числе и раннесарматское захоронение.

В 1969 г. А.С. Скрипкиным были продолжены раскопки в Нехаевском районе Волгоградской области в правобережье р. Хопёр ⁹⁰. Исследованный им могильник содержал погребения эпохи бронзы и раннего железного века, последних здесь оказалось семь. На следующий год раскопки в Нехаевском районе продолжились под его же руководством силами археологического отряда Волгоградского педагогического института ⁹¹. Тогда было вскрыто ещё три сарматских погребения.

Результаты этих раскопок, а также случайные находки были опубликованы в сводной статье А.С. Скрипкина ⁹². Материалы из северо-западных районов Волгоградской области важны из-за буферного положения курганных групп. Они показывают постепенное освоение р. Хопёр кочевниками в среднесарматское время и закрепление этой реки за отдельными сарматскими группами в позднесарматский период.

К концу 70-х гг. прошлого века немногочисленные сарматские памятники раскопками были исследованы на территории восточнее Хопра, в нижнем течении реки. По ландшафтному районированию – это зона северной степи с небольшим выходом в лесостепь. Западнее Хопра, в лесостепном Подонье, к этому моменту было открыто лишь одно сарматское погребение.

⁸⁹ Мамонтов В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда Астраханской экспедиции ЛО ИА АН СССР за 1969 г. // Архив ИА РАН. 1970. Р.1. № 3959. С. 1-22; он же. Раскопки Королевского могильника // АО 1969 года. М., 1970. С. 155-156.

⁹⁰ Скрипкин А.С. Отчёт о раскопках Нехаевского курганного могильника в 1969 г. // Архив ИА РАН. 1969. Р.1. №3989.

⁹¹ Скрипкин А.С. Отчёт о раскопках археологического отряда Волгоградского педагогического института в 1970 г. // Архив ИА РАН. 1971. Р.1. № 4224. С. 2-3.

⁹² Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 134-159.

В 1960-е гг. в Побитюжье памятники раннего железного века изучались Левобережным отрядом Лесостепной Скифской экспедиции ИА АН СССР (руководитель – А.И. Пузикова). В ходе археологических раскопок у дер. Левашовка Аннинского района в кургане №1 и было открыто впускное раннесарматское захоронение⁹³.

Таким образом, заключительный этап I периода изучения сарматских памятников междуречья Хопра и Волги явился временем накопления и первоначального осмысления археологических сарматских памятников. Возобновляются раскопки могильников сарматского времени (у с. Сидоры, ст. Берёзовка, хут. Короли, с. Нехаево, г. Новоанниска), проводится их анализ; изучаются отдельные погребения, публикуются яркие случайные находки. В этот период в изучение сарматских памятников в лесостепи между Доном и Волгой активно включается Волгоградский педагогический институт, на базе которого формируется самостоятельный археологический отряд, а также сотрудники музеев Волгограда и Саратова. В Волгограде начинает формироваться школа по изучению сарматской тематики, основоположником которой является А.С. Скрипкин. Ну и конечно же регион изучают крупные академические экспедиции Института Археологии АН СССР, Ленинградского отделения ИА АН СССР: ЛСАЭ ИА АН СССР; Астраханская АЭ ЛОИА АН СССР; Волго-Донская АЭ ЛОИА АН СССР, в меньшей мере – Лесостепная Скифская экспедиция ИА АН СССР.

1.2. Период целенаправленного изучения сарматских памятников междуречья Хопра и Волги (80-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.)

Необходимо отметить, что одним из важных направлений в сарматологии, актуальным для изучаемых нами памятников, стала тема «Сарматы и ле-

⁹³ Либеров П.Д. Отчёт Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1964 г. // Архив Воронежского областного краеведческого музея. 1964. Ф. 1. Д. 13. С. 10-11.

состепь». Толчком к осмысленной разработке проблемы в рассматриваемом регионе послужили работы двух археологов. Во-первых, данная тематика с рубежа 70-80-х гг. становится ведущей в Воронежском государственном университете. А.П. Медведевым начинается целенаправленное изучение древностей раннего железного века лесостепного Подонья, прежде всего, сарматских. В составе экспедиции ВГУ формируется Скифо-Сарматский отряд (с 1994 г. – Скифо-Сарматская экспедиция ВГУ) под руководством доцента, а затем профессора А.П. Медведева, действующая до сих пор⁹⁴. Первыми ее масштабными раскопками стали сарматские курганы – I и II Чертовицкие могильники на р. Воронеж⁹⁵, затем верхнедонские Ново-Никольский и Вязовский могильники⁹⁶. В результате раскопок был накоплен весьма представительный материал, позволивший А.П. Медведеву в 1983 г. в ЛОИА АН СССР защитить кандидатскую диссертацию по «лесостепной» сарматской проблематике⁹⁷, которая в 1990 г. была опубликована в качестве монографии⁹⁸. Кроме презентации открытых комплексов, в книге определялись

⁹⁴ Медведев А.П. Три десятилетия скифо-сарматской археологической экспедиции ВГУ // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2008. № 2. С. 104–108.

⁹⁵ Медведев А.П., Пряхин А.Д. Отчет кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета об изучении Чертовицкого комплекса памятников в 1978 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 7172. 84 с.; Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века за 1979 г. // Архив ИА РАН. 1980. Р-1. № 7447. 178 с.; его же. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века в 1980 г. // Архив ИА РАН. 1981. Р-1. № 7806. 213 с.

⁹⁶ Медведев А.П. Отчет о раскопках Вязовского могильника в 1983 г. / А.П. Медведев // Архив ИА РАН. 1984. Р-1. № 9839. 81 с.; его же. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета по исследованию памятников раннего железного века за 1984 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 10355. 57 с.

⁹⁷ Медведев А.П. Лесостепное Подонье в сарматское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 22 с.

⁹⁸ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.

основные этапы истории проникновения кочевников-сарматов в Донскую лесостепь и её освоение. Была убедительно доказана их принадлежность к сарматам-конеодам или гиппофагам, сообщение о которых оставил александрийский географ Клавдий Птолемей. Таким образом, еще один древний народ появился в истории нашего региона.

В результате изучения верхнедонских Ново-Никольского и Вязовского могильников А.П. Медведевым было открыто ранее неизвестное этнокультурное образование II–III вв. н.э. По мысли исследователя, оно формировалось в процессе постоянного взаимодействия местного оседлого лесостепного населения и кочевников-сарматов. В монографии были собраны тогда еще очень немногочисленные сведения по поселениям сарматского времени на Верхнем Дону.

Во-вторых, ещё в 1974 г. А.С. Скрипкин защитил диссертацию на тему «Позднесарматская культура Нижнего Поволжья»⁹⁹, в которую вошли некоторые из памятников правобережного Поволжья. Диссертация в начале 80-х гг. XX в. была опубликована¹⁰⁰.

Исследования А.П. Медведева и А.С. Скрипкина дали определенный импульс изучению сарматской тематики в лесостепной части Волго-Донского междуречья. Но продолжалось и накопление археологического материала по рассматриваемой теме.

Как мы выяснили в предыдущем параграфе, до 80-х гг. XX в. исследования на р. Иловле носили спорадический и непостоянный характер. Итогом всех полевых работ предшествующего времени стало открытие в 18 курганных группах более 150 погребений, их хронологический анализ и культурная атрибуция. Систематически данная территория стала исследоваться с 1982 г. Здесь действовала Иловлинская экспедиция ВолГУ под руководством И.В.

⁹⁹ Скрипкин А.С. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 21 с.

¹⁰⁰ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. 150 с.

Сергацкова, перед которой стояла задача полного изучения памятников в бассейне реки с целью освещения археологической ситуации в этом локальном районе ¹⁰¹. Итогом работ этой экспедиции явилась диссертация волгоградского археолога-сарматоведа И.В. Сергацкова, вскоре выпущенная в качестве монографии ¹⁰². Она включала не только полное и подробное описание 127 могил, раскопанных Иловлинской экспедицией с 1982 по 1993 гг., но и анализ комплексов сарматских памятников, выявленных в регионе ранее.

В отношении крайних восточных рубежей Среднего Подонья, то есть Воронежского Прихопёрья, необходимо отметить, что первым был раскопан в 1984-1986 гг. К.Ю. Ефимовым сарматский могильник у с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области, где оказалось 15 сарматских курганов ¹⁰³. Этот памятник датируется переходным временем между средне- и позднесарматским периодом, демонстрирует вхождение лесостепного Прихопёрья в ареал проживания сарматов. Раскопки К.Ю. Ефимова интересны не только с точки зрения того, что был открыт целый сарматский могильник. Некрополь содержал едва ли не самое интересное с точки зрения инвентаря и обряда на территории хоперо-волжского региона захоронение из кургана № 16. Вещевой комплекс включал элементы самых разных культур Евразии: сарматская деревянная чаша с окованным золотой пластиной венчиком, сар-

¹⁰¹ Сергацков И.В. Отчет об археологических исследованиях Иловлинского отряда археологической экспедиции ВолГУ в Камышинском районе Волгоградской области в 1988 г. // Архив ВОКМ. 1989. Ф. № 59. 52 с.; его же. Отчет об археологических исследованиях Иловлинского отряда в Волгоградской области в 1990 г. // Архив ВОКМ. 1991. Ф. № 76,76а. 49 с.; его же. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в 1991 г. // Архив ВОКМ. 1992. Ф. № 81. 88 с.; его же. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в 1992 г. // Архив ВОКМ. 1993. Ф. № 83. 62 с.; его же. Отчет о работе Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в 1993 г. // Архив ВОКМ. 1994. Ф. № 100. 27 с.

¹⁰² Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 372 с.

¹⁰³ Ефимов К.Ю. Отчёт о раскопках курганов близ с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 10825. 186 с.

матский бронзовый сарматский котёл, украшенный фигурками куланов, пару среднесарматских курильниц, золотые нашивные бляшки, бронзовый римский ковш, краснолаковый кувшин раннеримского времени, изготовленный в Малой Азии, китайское зеркало с надписью. Погребение было опубликовано А.П. Медведевым и К.Ю. Ефимовым в приложении к книге Б.А. Раева по римскому импорту на Нижнем Дону на английском языке для знаменитой британской археологической серии VAR¹⁰⁴. Позднее остальные сарматские комплексы из Третьяковского могильника так же были опубликованы¹⁰⁵.

С 1984 г. и на протяжении 80-х гг. XX века экспедиция Воронежского Педагогического Института работала в Грибановском районе Воронежской области под руководством А.Т. Синюка и В.Д. Березуцкого. В 1984 г. проводилось исследование двух могильников (Первого и Второго) у с. Власовка, под руководством В.Д. Березуцкого¹⁰⁶. Курганные группы содержали несколько интересных сарматских погребений¹⁰⁷.

Позднее древности Прихопёрья, открытые в 80-е гг. XX в., и погребения из могильника у с. Третьяки, и погребения из Первого и Второго Власовских могильников, получили должную оценку в книге А.П. Медведева «Сарматы в верховьях Танаиса»¹⁰⁸. В этой монографии автор впервые предложил выделить лесостепное Прихопёрье в отдельный район памятников – средне-

¹⁰⁴ Medvedev A.P., Yefimov K.Yu. A sarmatian barrow with Roman and Chinese imports in the middle Don region // Roman imports in the Lower Don Basin. B.A.R. Intern. Ser. 238 / Raev B.A. Oxford, 1986. P. 83-84.

¹⁰⁵ Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 19–35.

¹⁰⁶ Березуцкий В.Д. Отчёт о работе в бассейне р. Ворона в Воронежской и Тамбовской областях в 1984 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 10647. 189 с.

¹⁰⁷ Березуцкий В.Д. Сарматские погребения Власовского могильника // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 36-41.

¹⁰⁸ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. С. 28-32.

хоперский. Но сейчас мы можем уверенно расширить этот район, включив в него практически весь бассейн Хопра, более восточные территории вплоть до правобережья Волги, бассейн Медведицы, памятники левобережного Побитюжья. Именно А.П. Медведев, обобщив сарматские памятники на р. Хопер, высказал мысль об их особой этнической принадлежности, хотя и не конкретизировал ее.

Кроме того, в 1984 г. экспедиция Балашовского краеведческого музея под руководством А.А. Хрекова при участии Балашовского педагогического института и Детской экскурсионно-туристской станции исследовала памятники в среднем течении р. Хопёр и р. Ворона. В курганной группе у с. Ключи было вскрыто два кургана, один из которых содержал диагональное погребение сарматского воина¹⁰⁹. Эта экспедиция продолжила работать и в 90-е гг. в Прихопёрье и Саратовском Правобережье. Кроме того, А.А. Хреков опубликовал грунтовое сарматское погребение ребенка, случайно обнаруженное при проведении хозяйственных работ у рабочего поселка Турки Балашовского района, на старице р. Хопёр¹¹⁰. Но, главное, А.А. Хрековым тогда были открыты ранее неизвестные памятники иной культурной принадлежности, получившие название «памятники инясевского типа»¹¹¹. Они оказались синхронны сарматским, что породило весьма серьезную проблему в понимании этнокультурной ситуации в лесостепном Прихопёрье в первые века нашей эры.

¹⁰⁹ Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1984 г. по раскопкам у с. Ключи, с. Никольевка Балашовского района Саратовской области и с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 10412. С. 31-32; его же. Исследования в бассейне р. Хопер // АО 1984 года. М., 1986. С. 82-83.

¹¹⁰ Хреков А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихопёрья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 105. Рис. 6.

¹¹¹ Хреков, А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихопёрья // Проблемы славянской археологии : тр. VI Междунар. конгресса славян. археологии. М., 1997. Т. 3. С. 325-336.

Территория северной части Цнинско-Хопёрского междуречья (низовья р. Цна, р. Ворона, верхнее Прихопёрье) долго оставались практически не исследованными. Впервые, сарматские племена на территории Тамбовской области упоминаются в монографии Л.И. Чуистовой «Древнейшее население Тамбовщины»¹¹². Исследовательница причислила к сарматским фрагменты серолощенных сосудов, найденных в слоях раннего железного века на Горельском поселении и поселении Галдым. В ее книге упоминается и лощеный сосуд – кувшин с ребристым туловом и высокой прямой круглой в сечении ручкой, происходящем из разрушенного строительством дороги кургана в Сосновском районе. Кроме того, тогда стали известны три случайных находки клинкового оружия сарматского времени: два меча с серповидным навершием с территории Тамбовской области и меч с кольцевым навершием из с. Туголуково¹¹³.

Лишь с 90-х гг. XX в. ситуация с изучением сарматских памятников в Тамбовском крае начала меняться. Это связано с археологической деятельностью Н.Б. Моисеева. Он открыл в 1989 г. в кургане 6 Пичаевской курганной группы захоронение «сарматской женщины с мелкими пастовыми бусами»¹¹⁴. В погребении обнаружено только 26 пастовых бусин цилиндрической и округлой форм, две из которых были орнаментированы. На наш взгляд, эти украшения вряд ли смогут подойти для однозначной хронологической, а тем более этнической, атрибуции комплекса. Кроме того, погребенная лежала на правом боку, скорченно, с руками и ногами, приближенными к лицу. Данная поза противоречит сарматскому погребальному обряду: трупоположение вы-

¹¹² Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов, 1982. С. 69-71.

¹¹³ Белоусов В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития // Вестник ТГУ, Серия. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Вып. 4 (120). С. 87.

¹¹⁴ Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.): Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1995. С. 76.

тянуто, на спине. Эти факты говорят в пользу того, что погребение из Пичаевского кургана не может быть атрибутировано, как сарматское.

В 1992 г. Тамбовская археологическая экспедиция работала в Жердевском районе, где в Графской курганной группе было выявлено сарматское захоронение ¹¹⁵. Это единственное погребение I–II вв. н.э. на территории Тамбовской области. Таким образом, на территории северной части Цнинско-Хопёрского междуречья известно крайне мало памятников сарматского времени. Здесь мы согласимся с В.В. Белоусовым, который говорит о «перспективности данного направления в археологии региона» ¹¹⁶.

С 90-х гг. XX в., после полувекового перерыва, возобновляются работы в бассейне р. Медведицы. Здесь, под руководством саратовского археолога, сотрудника СГУ А.Д. Матюхина, проводились раскопки, которые открыли несколько позднесарматских погребений ¹¹⁷. Наиболее интересные результаты дал вышеупомянутый Больше-Дмитриевский могильник, доисследованный саратовским археологом ¹¹⁸. В нём были встречены погребения в ката-

¹¹⁵ Моисеев Н.Б. Отчёт о работе Тамбовской археологической экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 17531. С. 4-6.

¹¹⁶ Белоусов В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития // Вестник ТГУ, Серия. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Вып. 4 (120). С. 91.

¹¹⁷ Матюхин А.Д. Отчет об археологических разведках в Краснокутском районе и раскопках курганов у сс. Б.Дмитриевка и Двоенка Лысогорского района в 1988 г. // Архив НИИАЛ СГУ. 1989. Д. 049; его же. Отчет об археологических исследованиях в Саратовском и Лысогорском районах Саратовской области в 1989 году // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 14185; его же. Отчет об археологических разведках в Калининском районе и раскопках курганов у с. Большая Дмитриевка в Лысогорском районе Саратовской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17586.

¹¹⁸ Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 182-198.

комбах, нетипичные для региона; открыто погребение, инвентарь которого аналогичен престижному захоронению у сл. Котовой.

Кроме того, около 20-ти сарматских погребений Правобережья в последние годы раскопаны Н.М. Маловым, В.А. Лопатиным, Г.Л. Якубовским, С.И. Четвериковым¹¹⁹. Все они были проанализированы А.Д. Матюхиным¹²⁰. Это курганные группы в Калининском, Лысогорском и Саратовском районах Саратовской области. Полученные в ходе указанных работ данные важны для изучения сарматской проблематики в регионе Хоперско-Волжского междуречья в эпоху Великого переселения народов. К сожалению, эти перспективные исследования были прерваны безвременной кончиной А.Д. Матюхина, который планировал положить их в основу своей кандидатской диссертации.

В итоге, начиная с 80-х гг. XX в. и до настоящего времени, в междуречье Волги и Хопра продолжают работать многие археологические экспедиции и отряды местных университетов, институтов, краеведческих музеев, а также охранные коммерческие организации. В результате их работ исследуются различные, но в основном погребальные памятники. При этом постоянно накапливается новый материал по сарматской культуре.

Продолжительные полевые исследования в Прихопёрье, Саратовском правобережье Волги, бассейне Медведицы и Бузулука, Цнинско-Хопёрском междуречье, Побитюжье дали в распоряжение ученых объёмный и весьма интересный материал, характеризующий сарматские культуры этой обширной территории на протяжении длительного отрезка времени. Произшедшее к 80–90 гг. XX в. накопление археологических материалов предоставило возможность исследователям на этом этапе обратиться к рассмотрению различ-

¹¹⁹ Четвериков С.И. Отчет об археологических разведках в Лысогорском и Саратовском районах Саратовской области (Бассейн р.Карамыш) и охранных раскопках в г.Энгельсе в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. Д. 12958.

¹²⁰ Матюхин А.Д. Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья // АВЕС. 1992. Вып. 3. С. 144-158.

ных вопросов, связанных с историей сарматских племен восточноевропейской степи-лесостепи.

С конца 90-х гг. XX в. защищаются кандидатские диссертации А.А. Глухова¹²¹, М.В. Кривошеева¹²², В.П. Глебова¹²³. Все они посвящены различным сарматским памятникам на территории степного междуречья Волги и Дона, Нижнего Подонья. В 2010 г. под руководством А.П. Медведева защищает диссертацию В.В. Белоусов¹²⁴. Его работа по классификации вооружения сарматов Подонья охватывает обширные территории, включая памятники междуречья Дона и Волги. Выходят небольшие статьи по отдельным микрорайонам памятников¹²⁵.

Наряду с первыми обобщениями в начале 2000-х гг. продолжилось открытие новых погребальных комплексов. В 2001 г. в междуречье Битюга и Хопра, на второй надпойменной террасе р. Дон, В.Д. Березуцким был раскопан Александровско-Донской могильник, содержащий захоронения первых веков нашей эры¹²⁶. В 2003 г. Ю.П. Матвеев исследовал небольшой курган-

¹²¹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2001. 351 с.

¹²² Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2005. 336 с.

¹²³ Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2010. 344 с.

¹²⁴ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. 236 с.

¹²⁵ Хреков А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихопёрья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 94-105.

¹²⁶ Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И. Исследование курганов на юге Воронежской области // Проблемы археологии Восточной Европы. Воронеж, 2005. С.116-122.

ный могильник Красный-2 в Бобровском районе Воронежской области, где были обнаружены погребения начала эры¹²⁷.

Накопление материалов по сарматской культуре продолжается по настоящее время. В 2012 г. зародилось школьное движение «Возвращение к истокам». Экспедиция этого движения, состоящая из школьников и студентов под руководством доцента ВГПУ В.Д. Березуцкого, уже несколько лет подряд исследует Новочигольский курганный могильник в Побитюжье. Некрополь был открыт и впервые исследован в 1988-1989 гг.¹²⁸ К настоящему моменту раскопано 11 курганов, содержащих, кроме погребений эпохи бронзы (главным образом, катакомбной культуры), 12 захоронений средне-сарматской культуры. Три из них являются диагональными: два были совершены под индивидуальными насыпями, одно являлось впускным в курган эпохи бронзы¹²⁹. В 2016 г. открыто сарматское погребение с престижным инвентарем (бронзовые котлы и другая бронзовая посуда, бусы, украшения), характерным для погребенного более высокого социального ранга.

С 2012 г. на территории бассейна р. Елань действует Еланская экспедиция ВГУ под руководством А.П. Медведева. В правобережье р. Елань в Новохопёрском районе при раскопках курганной группы 5 у пос. Ёлка в насыпи кургана № 1 встречены стенки светлоглиняных античных амфор первых веков нашей эры, указывающие на следы поминальных традиций сар-

¹²⁷ Матвеев Ю.П. Отчёт к Открытому листу №115 о раскопках курганов в Верхнемамонском и Бобровском районах Воронежской области в 2003 г. // НА АМ ВГУ. 2004. № 198. Рис. 40.

¹²⁸ Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р1. № 14692. 153 с.

¹²⁹ Березуцкий В.Д. Диагональные сарматские погребения Новочигольского курганного могильника // Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. Воронеж, 2016. С. 181-188.

матского времени ¹³⁰. В 2016 г. при работах той же экспедиции над раскопками курганной группы у хут. Сорокинский в насыпи одного из курганов был обнаружено погребение, содержащее типичный сарматский горшок.

Как мы видим, к настоящему моменту достигнуты достаточно весомые успехи в изучении сарматских древностей Хоперско-Волжского междуречья. В регионе известно значительное количество памятников, которые раскопаны и даже опубликованы. Однако до сих пор по древностям сарматской эпохи этого обширного региона, который можно выделить в отдельный район памятников сарматского времени, не существует специального исследования. Мы надеемся, что данная работа сможет заполнить это «белое пятно».

¹³⁰ Медведев А.П. Древнеямные погребения в кургане № 1 могильника Елка 5 // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 82.

Глава 2. Типология и хронология вещевого комплекса из сарматских памятников междуречья Хопра и Волги

В междуречье Хопра и Волги сосредоточено большое количество исследованных памятников сарматского времени, что дает возможность более детально разработать их типологию и детальную периодизацию рассматриваемой культуры. В сарматской археологии в последнее время наблюдается тенденция к изучению разных культур в пределах ограниченных территорий. Такой подход позволяет наиболее глубоко исследовать вопросы их становления и развития с учетом локальных особенностей, которые нивелируются в ходе рассмотрения тех же проблем в пределах всей Сарматии. Подтверждением этого является целый ряд исследований аналогичного характера¹³¹. Целью данной главы станет разработка классификации, типологии и хронологии вещевого комплекса, найденного на территории Хопёрско-Волжского междуречья. Как уже указывалось, в основном это артефакты, происходящие из погребальных комплексов, хотя мы учитывали и случайные находки.

2.1. Керамика

Одним из основных результатов раскопок археологических памятников стало получение массового материала для изучения культуры племён, населявших хопёрско-волжский район в сарматское время. Самую многочисленную и разнообразную категорию находок составляет керамика, представленная более чем 170 сосудами. Настоящий параграф посвящен классификации керамического материала сарматского времени интересующего нас района и выявлению его генетических истоков.

¹³¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. 235 с.; Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 372 с.; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. 240 с.

При типологии глиняной посуды используется следующее древо классификации: группа – по функциональному назначению (миски, кувшины, горшки, кружки, ритуальные миниатюрные сосуды); раздел – по технике производства (гончарная, лепная); подраздел – по особенностям фактуры (сероглиняные, красноглиняные); отделы – по наиболее общим показателям в группе; типы – по сочетанию диагностических признаков форм керамики. Данная схема характерна и неоднократно апробирована в сарматологии¹³².*

Группа А. Миски (25 экз.).

В качестве диагностического признака этой группы выделен характер оформления бортика.

Раздел I. Гончарные.

Подраздел 1. Сероглиняные (19 экз.).

Тип 1 (6 экз.). Бортик прямой, край загнут внутрь, дно плоское (Сидоры, кург. № 22, 24, 26, 33; Ершовка, кург. № 2; Большая Дмитриевка кург. № 1) (рис. 2, 1-2).

Тип 2 (3 экз.). Бортик прямой, край утолщен, загнут внутрь, дно плоское (Сидоры, кург. № 5; Таптулино, кург. № 1 – обе миски) (рис. 2, 3-5).

¹³² Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 30; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 33-42; Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2005. С. 29-49.

* Хотелось бы уточнить, что применение вероятностно-статистических методов к анализу инвентаря и обряда пока представляется преждевременным, так как выборка не достаточно большая и доверительный интервал будет невысоким. Однако, как показывает анализ, проведенный ниже, результаты близки работам по статистической обработке данных близлежащих территорий, где выборки очень представительные (например см.: Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I – II вв. // Статистическая обработка погребальных памятников Сарматии: Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002. 143 с.).

Тип 3 (1 экз.). Бортик загнут внутрь, край утолщен, по наибольшему диаметру срезана полоска, дно плоское (Новоаннинск, кург. № 1) (рис. 2, 6).

Тип 4 (4 экз.). Бортик желобчатый, наклонен внутрь, дно плоское (Третьяки, кург. № 33, 10; Власовка I, кург. 8; Верхний Колышлей, кург. № 1) (рис. 2, 7-9).

Тип 5 (1 экз.). Бортик прямой, край отогнут наружу, дно плоское (Сидоры, кург. № 11) (рис. 2, 10).

Тип 6 (3 экз.). Бортик прямой, слегка наклонен внутрь, край утолщен и косо срезан наружу (Третьяки, кург. № 22; Власовка I, кург. № 10; Власовка II, кург. № 1) (рис. 2, 11-12).

Тип 7 (1 экз.). Бортик желобчатый, высокий, край сильно отогнут наружу, дно плоское (Верхний Колышлей, кург. № 2) (рис. 2, 13).

Миски 1 типа (рис. 2, 1-2) являются наиболее частыми находками этой группы на рассматриваемой территории (31 %). По встречаемости с другими предметами погребального инвентаря, они имеют достаточно широкий диапазон бытования – от среднесарматского до позднесарматского времени. Их аналогии с территории Нижнего Поволжья датируются рубежом I–II вв. – серединой III в. н. э.¹³³ Примечательно, что 1 тип мисок малочислен в степном Поволжье, в лесостепном Подонье встречается, но редко¹³⁴, однако, широко распространён в Предкавказье начиная с раннесарматского времени, где складывается вариант приземистой пропорции в I – нач. II вв. н.э. (тип I по М.П. Абрамовой)¹³⁵. Кроме того, об их кавказском происхождении говорит отсутствие аналогий в материалах нижнедонских поселений и их некрополей, в керамическом комплексе Прикубанья¹³⁶.

¹³³ Там же. Рис. 11/6.

¹³⁴ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 36, 1; 37, 10.

¹³⁵ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.). М., 1993. С. 49. Рис. 14/1-22.

¹³⁶ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 81.

Сероглиняные миски 2 типа составляют 15,5 % этого подраздела. Здесь они происходят из комплексов рубежа I–II – III вв. н.э., что совпадает со временем их распространения в степном междуречье, где подобные миски встречаются преимущественно в позднесарматских захоронениях¹³⁷. Данный тип по фактуре – сероглиняный, видимо, является подражанием более ранним красноглиняным мискам первой половины – середины I в. н.э., известным в погребениях междуречья Дона и Волги¹³⁸.

Миска 3 типа, встреченная единожды, происходит из погребения позднесарматского времени. Аналоги известны в погребениях II – первой половины III в. н.э. в степной части Волго-Донского междуречья¹³⁹.

Миски 4 типа составляют 21 % находок. Все они происходят из погребений среднесарматского времени. Подобная посуда поступала в междуречье Дона и Волги из ремесленных и торговых центров Северного Причерноморья; известна в меотских керамических комплексах Нижнего Дона и Прикубанья¹⁴⁰; из погребений рубежа I–II – второй пол. II в. н. э. Нижнего Поволжья¹⁴¹ и лесостепного Подонья¹⁴².

¹³⁷ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 11/8.

¹³⁸ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 224. Рис. 78/1,2.

¹³⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 11/7.

¹⁴⁰ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 194. Рис. 15; Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I–III в.н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 52.

¹⁴¹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 11/3.

¹⁴² Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 94. Рис. 1/9.

Единственная миска 5 типа происходит из позднесарматского погребения. Аналоги известны в некрополе Кобякова городища, где они датируются II – III вв. н. э.¹⁴³; а также в слоях других нижнедонских городищ того же времени¹⁴⁴.

Миски 6 типа (15,5 %) датируются среднесарматским временем по находкам вместе с ними различных вещей в погребениях. Подобная посуда известна в степной части Волго-Донского междуречья, где её хронологические рамки определяются в пределах I в. н.э.¹⁴⁵.

Миниатюрная плосковидная миска 7 типа имеет аналогии в более ранних памятниках среднемеотского II периода III – первой половины I в. до н.э.¹⁴⁶. Однако, погребение по инвентарю и обряду, датируется среднесарматским временем и, видимо, демонстрирует переход от ранне- к среднесарматскому времени.

Подраздел 2. Красноглиняные (1 экз.).

Бортик чуть вогнут внутрь, его низ оттянут наружу в виде ребра; дно на кольцевом поддоне; на днище отгиснуто клеймо в виде сандалии, окруженное двумя кольцевыми линиями. Миска покрыта красным лаком. (Власовка II, кург. № 1) (рис. 2, 14, 15).

¹⁴³ Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I–III в.н.э.: Дисс... канд. ист. наук. М., 1965. С. 52. Табл. XII.

¹⁴⁴ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. С.109.

¹⁴⁵ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 110. Рис. 38; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 80.

¹⁴⁶ Журавлев Д.В. Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005. С.142-143. Рис.1.

По аналогиям из городов-государств Северного Причерноморья, она датируется не ранее второй половины I в. н.э.¹⁴⁷. Подобные миски поступали из восточно-греческих производственных центров¹⁴⁸.

Раздел II. Лепные (1 экз).

Бортик прямой, загнут внутрь, дно плоское (Третьяки, кург. № 76) (рис. 2, 16).

Встречена всего лишь единожды. Местные дериваты, копирующие в той или иной степени аналогичные круговые сосуды, известны в сарматских погребениях как нижнего Поволжья¹⁴⁹, так и лесостепного Подонья¹⁵⁰. Распространение они получают в начале II в. – сер. III в. н.э. Лепные миски численно преобладают над гончарными лишь в лесостепном Подонье¹⁵¹; на Нижней Волге их встречено мало¹⁵².

Группа Б. Кувшины (65 экз.).

Кувшины являются наиболее часто встречаемой находкой в погребениях сарматского времени хопёрско-волжского района. Лишь два экземпляра изготовлены вручную; остальные – на гончарном круге. Среди них по характеру теста выделяются сероглиняные и красноглиняные, иногда покрытые лаком.

Раздел I. Гончарные.

Подраздел 1. Сероглиняные.

¹⁴⁷ Античные государства Северного Причерноморья // Серия: Археология СССР. [Т. 9] М., 1984. С. 338. Табл. CXLVII, 8.

¹⁴⁸ Там же. С. 332.

¹⁴⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 10/10-11.

¹⁵⁰ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 96. Рис. 2/10.

¹⁵¹ Там же. С. 95.

¹⁵² Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 52.

Отдел 1. Без ручек (10 экз.).

Тип 1 (3 экз.). Тулово биконическое, приземистое; горло расширяется кверху, воронкообразное (Третьяки, кург. № 22; Верхний Колышлей, кург. № 1 – 2 экз.) (рис. 4, I, 1-3).

Тип 2 (2 экз.). Тулово шаровидное, приземистое; горло цилиндрическое (Третьяки, кург. № 39; Власовка I, кург. № 8) (рис. 4, I, 4).

Тип 3 (5 экз.). Тулово грушевидное, приземистое; горло плавно расширяется кверху (Таптулино, кург. № 1; Короли, кург. № 3; Машевка, кург. № 6; Берёзовка, кург. № 22; Новая Чигла, погр. 2 из кург. 27) (рис. 4, I, 5-6).

Тип 4 (1 экз.). Тулово биконическое, вытянутое; горло низкое, воронкообразное (Третьяки, кург. № 18) (рис. 4, I, 7).

Кувшинчики без ручек типа 1 встречаются в меотских и сарматских погребениях I в. н.э.¹⁵³. Аналоги известны из раскопок памятников I – начала II вв. н.э. на сопредельных территориях Подонья¹⁵⁴, в низовьях р. Воронеж¹⁵⁵, и Поволжья¹⁵⁶.

Точную аналогию кувшинам типа 2 составляет сосуд из разрушенного погребения I – начала II вв. н.э. у с. Манино Воронежской области¹⁵⁷. Подобный тип является редким среди комплекса сарматской сероглиняной посуды¹⁵⁸.

¹⁵³ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 196. Рис. 17/1.

¹⁵⁴ Там же. С. 99. Рис. 4/4-6.

¹⁵⁵ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 39, 4-6.

¹⁵⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 11/5.

¹⁵⁷ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 99. Рис. 4/3.

¹⁵⁸ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 24. Рис. 2/2.

Кувшиновидные сосуды типа 3 находят аналогии в среднесарматских памятниках Доно-Волжского междуречья (гончарные горшки типа IX по А.А. Глухову)¹⁵⁹, однако, в лесостепном Подонье аналогий им не известно.

Единственный кувшин из могильника у с. Третьяки, кург. № 18 выделен в отдельный тип 4. Наиболее близкие экземпляры известны в памятниках ниже наибольшего сближения Волги и Дона, где датируются среднесарматским временем (всего 2 экз.)¹⁶⁰.

Отдел 2. С одной ручкой (21 экз. из 42 экз.)*.

Тип 1 (3 экз.). Тулово грушевидное, приземистое; горло низкое, цилиндрическое; ручка петлевидная, овальная в сечении (Нехаево, кург. № 11; Ершовка, кург. № 1, 2) (рис. 3, 1-2).

Тип 2 (3 экз.). Тулово биконическое, приземистое; горло низкое, воронкообразное; ручка петлевидная, круглая в сечении (Третьяки, кург. № 14; Нехаево, кург. № 4; Верхний Колышлей, кург. № 1) (рис. 3, 3-5).

Тип 3 (3 экз.). Тулово биконическое; горло высокое, раструбовидное; ручка лентовидная, подпрямоугольная в сечении (Третьяки, кург. № 14; Власовка I, кург. № 10; Власовка I, кург. № 8) (рис. 3, 6-8).

Тип 4 (2 экз.). Тулово широкое, яйцевидное; горло высокое, цилиндрическое или слабо расширяющееся кверху, отделено от тулова желобком, валиком или полоской; ручка лентовидная, овальная в сечении (Нехаево, кург. № 9; Сидоры, кург. № 11) (рис. 3, 9-10).

Тип 5 (2 экз.). Тулово грушевидное, с валиком по плечу или чуть выше; горло высокое, воронкообразное; ручка лентовидная, овальная в сечении (Таптулино, кург. № 1; Новоаннинск, кург. № 1) (рис. 3, 12-13).

¹⁵⁹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 215. Рис. 69/14-16.

* здесь и далее: первая цифра в скобках – количество сосудов подобного типа, пригодных для типологии; вторая цифра – всего подобных сосудов, включая фрагменты, не пригодные для типологии.

¹⁶⁰ Там же. Рис. 70/15-16.

Тип 6 (1 экз.). Тулово биконическое; горло цилиндрическое, чуть расширяющееся кверху, с носиком сливом; ручка петлевидная (Верхний Колышлей, кург. № 1) (рис. 3, 14).

Тип 7 (1 экз.). Тулово яйцевидное, горло низкое, цилиндрическое, с носиком-сливом; ручка лентовидная, со срезанной сверху площадкой (Короли, кург. № 4) (рис. 3, 15).

Тип 8 (1 экз.). Тулово шаровидное; горло низкое, желобчатое, цилиндрическое; ручка петлевидная, круглая в сечении (Берёзовка, кург. № 22) (рис. 3, 16).

Тип 9 (2 экз.). Тулово яйцевидное; горло высокое, раструбовидное, орнаментированное пролощенными желобками; ручка петлевидной формы, со срезанной сверху площадкой (Короли, кург. № 13; Нехаево, кург. № 12) (рис. 3, 17-18).

Тип 10 (1 экз.). Тулово биконическое; горло высокое, цилиндрическое; ручка лентовидная, круглая в сечении (Графская кург. гр., кург. № 20) (рис. 3, 19).

Тип 11 (2 экз.). Тулово округлое; горло высокое, прямое, чуть расширяющееся кверху; в одном случае – представлен слив; ручка подтреугольная в сечении (Новая Чигла, кург. 10; Верхний Колышлей, кург. № 2) (рис. 3, 11, 20).

Тип 12 (1 экз.). Ойнохойя (Сидоры, кург. № 18).

Кувшины 1 типа встречены в позднесарматских погребениях. Они имеют северокавказское происхождение. На рубеже эр данный тип появляется в центральных районах Северного Кавказа, в Терско-Сунженском междуречье, откуда распространяется не только на всем Северном Кавказе, но и в

Крым, и в Прикубанье ¹⁶¹. Аналоги известны из степного междуречья Дона и Волги ¹⁶², однако, здесь они происходят из среднесарматских погребений.

Сероглиняные круговые кушины с одной ручкой типа 2 имеют многочисленные аналогии в сарматских и меотских погребениях Поволжья, Подонья и Прикубанья I – II вв. н.э. ¹⁶³.

Кувшины типа 3 датируются в погребениях изучаемого региона, судя по сопровождающему инвентарю и по обряду погребения, концом I – II вв. н.э., переходным периодом между средне- и поздесарматским временем. Подобные сосуды поступали на северо-восток Волго-Донского междуречья из различных производственных центров Нижнего Дона и Прикубанья. Аналоги известны в памятниках Нижнего Поволжья, лесостепного Подонья ¹⁶⁴ и, также, входят в комплексы I – II вв. н.э.

Бытование кувшинов типа 4 достаточно широко – по заупокойному инвентарю и обряду погребений, из которых они происходят – от I в. до III в. н.э. Точных аналогов выявить не удалось, но наиболее близкие сосуды про-

¹⁶¹ Мошкова М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. 1980. Вып.162: Ранний железный век. С. 49-50.

¹⁶² Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 5/1-4; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. Рис. 58/2-4.

¹⁶³ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 25, 49; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 13, II/5; Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 192. Рис. 15/6.

¹⁶⁴ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. // МИА. 1959. № 60. С. 299. Рис. 35/5; Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 98. Рис. 3/1-2.

исходят из городов Северного Причерноморья и погребений Южного Приуралья¹⁶⁵, где датируются среднесарматским временем.

Кувшины с одной ручкой типа 5 насчитывают два сосуда, происходящих из разновременных погребений, средне- и позднесарматского. Близкие кувшины известны в погребениях I – II вв. н.э. с территорий Северного Причерноморья¹⁶⁶ и степного междуречья Дона и Волги¹⁶⁷.

На протяжении I в. н.э. бытовали кувшины типа 6. Аналоги представлены широко в памятниках междуречья Дона и Волги, ниже места наибольшего сближения этих рек¹⁶⁸. Серия подобных кувшинов, вероятно, происходит из одного ремесленного центра в Прикубанье. В Поволжских памятниках аналогичные кувшины датируются также I в. н.э.¹⁶⁹.

Сероглиняный кувшин типа 7 входит в комплекс III-II вв. до н.э. из погребения кург. № 4 у хут. Короли, который датируется черешковыми трёхлопастными наконечниками стрел и золотой обивкой колчана. Сосуд находит аналогии в керамике среднемеотского II периода (III – первая половина I вв. до н.э.)¹⁷⁰. Это очень показательно, так как именно с III-II вв. до н.э. сарматы устанавливают постоянные связи с меотскими производственными центрами Нижнего Подонья, Кубани. Видимо, и выделяемый нами район памятников не остался в стороне.

¹⁶⁵ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М.: Наука, 1989. Рис. 75/31; 76/21.

¹⁶⁶ Там же. С. 75/32.

¹⁶⁷ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 215. Рис. 61/8.

¹⁶⁸ Там же. Рис. 62/5-9, 64/1-3, 5-7, 12, 13.

¹⁶⁹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 159.

¹⁷⁰ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М.: Наука, 1989. Рис. 96/2; Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 172. рис. 6/2-3, 5.

Богато орнаментированный сосуд типа 8 датируется I в. н.э. по встреченному в погребении инвентарю и обряду захоронения. Близкие аналогии он находит в погребениях среднесарматского времени в степном междуречье Дона и Волги ¹⁷¹, где также хронологические рамки их бытования не выходят за пределы I в. н.э. ¹⁷². Кроме того, похожий кувшин был найден в погребении 3 кургана 5 могильника Валовой-1 ¹⁷³.

К кругу поздесарматских древностей относятся сосуды типа 9. Они находят аналогии среди посуды рубежа I-II – второй пол. II в. н. э. с территорий нижнего Поволжья ¹⁷⁴.

Чернолощенный гончарный кувшин типа 10 морфологически близок кувшину типа М30 по классификации А.С. Скрипкина, который учёный датирует временем I – начала II. н.э. ¹⁷⁵.

Сосуды типа 11 имеют аналогии в ранних среднесарматских погребениях, главным образом, Нижнего Дона. Наиболее близки им сосуды типа М10 по классификации А.С. Скрипкина ¹⁷⁶. Подобные кувшины имеют кавказское происхождение и встречаются в сарматских погребениях междуречья Дона и Волги с рубежа эр и на протяжении среднесарматского периода ¹⁷⁷. В

¹⁷¹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 215. Рис. 64/12-13.

¹⁷² Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 159.

¹⁷³ Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганый могильник «Валовой 1» // МИА юга России. 2007. №2. С. 19. Рис. 19/6.

¹⁷⁴ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 3/6-9.

¹⁷⁵ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 159.

¹⁷⁶ Там же. Рис. 49.

¹⁷⁷ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 70.

Центральном Предкавказье их аналоги датируются раннесарматским временем¹⁷⁸.

Отдел 3. С двумя ручками (2 экз. из 3 экз.).

Тип 1 (1 экз.). Тулово яйцевидное, с приподнятыми плечиками, орнаментированное продольными желобками и прочерченными линиями; горло узкое, низкое, цилиндрическое; ручки уплощенные, расположены ниже плечиков (Новоаннинск, кург. № 1) (рис. 4, II, 1).

Тип 2 (1 экз.). Тулово шаровидное; голо низкое, широкое, воронкообразное; ручки петлевидные, смещены к горлу (Верхний Колышлей, кург. № 2) (рис. 4, II, 2).

Кувшин, представляющий тип 1, датируется по бронзовой лучковой фибуле с подвязным приемником и верхней тетивой (пятый вариант), хронология бытования которых в Поволжье – конец II – первая половина III вв. н.э.¹⁷⁹. Данный тип кувшинов является наиболее часто встречаемым в могильниках Нижнего Поволжья, где имеет широкие рамки распространения – II – первая половина III вв. н.э.¹⁸⁰. Они имеют центрально-кавказское происхождение. Двуручная корчага находит аналогии как в позднесарматских памятниках Южного Приуралья, так и на Нижнедонских городищах, в частности на Кобяковском¹⁸¹. Подобная корчага найдена в одном из жилищ сарматско-

¹⁷⁸ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. С. 40. Рис. 8, б.

¹⁷⁹ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. С.107.

¹⁸⁰ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 6/1-2.

¹⁸¹ Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008. С. 48-49. Рис. 195/7; Гугуев В.К., Гугуев Ю.К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.). // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-н/Д, 1989. Вып. 6. С. 67-75. Рис. 1/1,2.

го времени III Чертовицкого городища на р. Воронеж¹⁸². Центрально-кавказская керамика поступала в Хоперско-Волжское междуречье, скорее всего, через нижнедонские городища.

Прямых аналогий не находит двуручный кувшин типа 2, однако, близкие по форме сосуды с двумя ручкам, но на кольцевом поддоне, мы знаем из погребений среднемеотского II периода (III – первая половина I в. до н.э.)¹⁸³.

Подраздел 2. Красноглиняные.

Отдел 1. С одной ручкой (4 экз. из 8 экз.).

Тип 1 (1 экз.). Тулово шаровидное, горло низкое, узкое, расширяющееся кверху; ручка лентовидная, соединяется с горлом перемычкой (Третьяки, кург. № 22) (рис. 4, III, 2).

Тип 2 (2 экз.). Тулово биконическое, на кольцевом поддоне; горло узкое; ручка лентовидная (Третьяки, кург. № 16; Власовка I, кург. № 8) (рис. 4, III, 1).

Хронологические рамки погребения, из которого происходит красноглиняный кувшин типа 1, определяются по соотношению двух предметов: зеркала III в. до н.э. – начала II в. н.э.¹⁸⁴, фибулой II в. н.э. (сильно профилированная, I тип по А.С. Скрипкину)¹⁸⁵. Таким образом, вероятная дата погребения – II в. н.э. Точных аналогов кувшину типа 1 на сопредельных территориях Волго-Донского междуречья не известно, но подобные сосуды из погребений Нижнего Поволжья датируются в рамках II – середины III вв. н.э.¹⁸⁶

¹⁸² Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 60, 1.

¹⁸³ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. Рис. 96/20.

¹⁸⁴ Там же. С. 64.

¹⁸⁵ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. С. 113.

¹⁸⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 5/7-8.

Кувшины типа 2 датируются на рассматриваемой территории I – началом II вв. н.э. Аналоги известны в степной части междуречья Дона и Волги, где не выходят за рамки I в. н.э.¹⁸⁷.

Раздел II. Лепные (1 экз.).

Тулово округлое, орнаментированное насечками; горло низкое, широкое, цилиндрическое с прямым венчиком; ручка плоская. По пропорциям – близок горшкам (Большая Дмитриевка, кург. № 15) (рис. 4, IV).

Подобные сосуды с уплощенным дном являются одной из характерных черт второго позднесарматского периода (погр. 1 из кург. № 15 у с. Большая Дмитриевка, где датируется второй половиной III – началом IV вв. н.э.). Тогда появляется новый, специфический приём украшения сосудов – наличие округлых и вытянутых налепов-выступов¹⁸⁸.

Группа В. Горшки (43 экз.).

Раздел I. Гончарные (2 экз.).

Тулово с раздутыми боками; горло низкое; край венчика отогнут наружу; изготовлены из красной глины (Большая Дмитриевка, кург. № 96¹⁸⁹; Верхний Кольшлей, кург. № 1).

Импортные красноглиняные горшки представлены всего двумя находками среднесарматского времени и принадлежат к одному типу. Ближайшие аналогии происходят с территории Нижнего Поволжья¹⁹⁰, где также не выходят за рамки I – первой половины II вв. н.э.; в степном междуречье Дона и

¹⁸⁷ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. Рис. 65/7.

¹⁸⁸ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. С. 96.

¹⁸⁹ Максимов Е.К. Сарматское погребение из кургана Большая Дмитровка Саратовской области // СА.1957. № 4. Рис. 3/3.

¹⁹⁰ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 7/13.

Волги ¹⁹¹, где аналогии им известны на протяжении всего I в. н.э. Возможно, они поступали на рассматриваемую территорию из боспорских керамических центров ¹⁹².

Раздел II. Лепные.

Лепная керамика – посуда местного производства, представлена в большинстве своём именно горшками (25 % всей керамики). Эта керамическая группа – атрибут кухни, женские изделия, по которым мы можем проследить традиции их изготовления, так как они передавались из поколения в поколение. Но это имеет и свои минусы, так как женщина могла попасть в другую этническую группу, выйдя замуж и т.п., но горшки продолжала лепить точно также. Поэтому, подобная керамика анализируются учёными в контексте всего погребального комплекса. Типы выявляются по диагностическим признакам формы тулова и профилировке венчика.

Отдел 1. Плоскодонные (17 экз.).

Тип 1 (4 экз.). Тулово с высоко приподнятыми плечиками; горло широкое; венчик короткий, плавно отогнут наружу (Короли, кург. № 2; Сидоры, кург. № 11; Каменка, кург. № 8; Ключи, кург. № 2) (рис. 6, 1-3).

Тип 2 (2 экз.). Тулово корчагообразное, часто – с наклепными шишечками на плечиках; горло широкое, воронкообразное; край скошен (Третьяки, кург. № 18, 78) (рис. 6, 4-5).

Тип 3 (2 экз.). Тулово вытянутое, с наибольшим диаметром посередине; горло широкое, слабо профилированное, венчик отогнут наружу (Красновка; Нехаево, разрушенное погр.) (рис. 6, 7-8).

Тип 4 (2 экз.). Тулово шаровидное; горло низкое, широкое; венчик отогнут наружу (Большая Дмитриевка, кург. № 1, 21) (рис. 6, 10).

¹⁹¹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. Рис. 71/18, 19.

¹⁹² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. Табл. 76/18.

Тип 5 (2 экз.). Тулово шаровидное, с наибольшим диаметром посередине; горло узкое, чуть расширяющееся кверху; край скошен (Машевка, кург. № 3 – 2 экз.) (рис. 6, 6).

Тип 6 (2 экз.). Тулово овальное, вытянутое; горло воронкообразное; край скошен, по его краю насечки (Турки, грунтовое погр., Сорокинский, разрушенное погр.) (рис. 6, 9).

Тип 7 (1 экз.). Тулово с высоко приподнятыми плечиками; венчик плавно отогнут наружу; горло часто отделено от тулова небольшим валиком – имитацией подобных на импортных кувшинах (Третьяки, кург. № 14) (рис. 6, 11).

Перечисленные типы сосудов являются частой находкой в погребениях Хопёрско-Волжского региона (25 %). Горшки типа 1 происходят из погребений позднесарматского времени (вторая половина II – III вв. н.э.). Аналогичные сосуды известны в среднесарматских погребениях междуречья Дона и Волги¹⁹³, в позднесарматских комплексах Поволжья¹⁹⁴. В поздний период на рассматриваемой территории их отличают детали – венчик, украшенный выемками, налпы на плечиках (имитация ручек).

Сосуды типа 2 наиболее близки типу I лепных плоскодонных горшков, по классификации А.С. Скрипкина, которые он датирует рубежом I-II – II вв. н.э.¹⁹⁵. Известны аналоги и в переходное между средне- и позднесарматским временем в Подонье¹⁹⁶. Это одна из наиболее распространенных форм среднесарматской и начала позднесарматской эпох.

¹⁹³ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. Рис. 74/3.

¹⁹⁴ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 49. Рис. 8/4.

¹⁹⁵ Там же. С. 49. Рис. 8/1.

¹⁹⁶ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 102. Рис. 6/12.

Горшки типа 3 происходят из погребений позднесарматского времени. Аналоги известны с территории степного Поволжья¹⁹⁷ и лесостепного Подонья¹⁹⁸. Для последнего – наиболее типичны. Но подобная посуда не принадлежит к числу исконных сарматских форм, а восходит к керамическому комплексу скифского времени¹⁹⁹. От последних сарматские горшки отличаются относительно небольшими размерами и орнаментацией валика косыми насечками, в отличие от украшений «пальцевыми защипами» в скифское время. Видимо, именно с территории лесостепного Подонья, где данные типы горшков появились после прекращения функционирования среднедонской культуры скифского времени²⁰⁰, они проникают в наш район памятников и в Поволжье.

Горшки типа 4 и горшки типа 5 находят аналогии в позднесарматских памятниках Поволжья и Подонья²⁰¹. Однако, сосуды типа 4 имеют прототипы в Южном Приуралье²⁰², а посуда 5 типа – в городах Северного Причерноморья²⁰³.

Сосуды типа 6 происходят: 1 – из грунтового погребения второй половины II – середины III вв. н.э., 2 – из разрушенного подкурганного впускного захоронения. Несомненно, оба горшка принадлежат к кругу позднесарматских древностей, так как венчик орнаментирован насечками. Насечки, нанесенные по краю венчика, как один из характерных орнаментов, часто встре-

¹⁹⁷ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 49. Рис. 8/2.

¹⁹⁸ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 101. Рис. 5/16.

¹⁹⁹ Там же. С. 103.

²⁰⁰ Там же. С. 104.

²⁰¹ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. Табл. 83/10, 15.

²⁰² Там же. Табл. 83/33.

²⁰³ Там же. Табл. 75/22, 24-25.

чаются на лепных горшках I-IV вв. н.э. из Танаиса ²⁰⁴. Такие горшки распространены в Волго-Донском междуречье, ниже места наибольшего сближения указанных рек ещё со среднесарматского времени ²⁰⁵. Но чаще всего насечки встречаются в могильниках и на городищах по р. Воронеж и на Верхнем Дону ²⁰⁶.

По инвентарю и обряду до середины II в. н.э. датируется погребение, из которого происходит единственный горшок типа 7. Аналогии известны в междуречье Сала и Маныча, где они также бытуют в среднесарматское время ²⁰⁷.

Отдел 2. С уплощенно-выпуклым дном (9 экз.).

Тип 1 (2 экз.). Тулово шаровидное, по плечикам – резная линия, ниже – зигзагообразная с точками; горло невысокое, воронкообразное; венчик слегка отогнут наружу (Таптулино, кург. № 2, Аткарск, кург. № 11) (рис. 5, I, 1-2).

Тип 2 (2 экз.). Тулово с приподнятыми и резко обозначенными плечиками; горло прямое; край срезан (Норка, кург. № 1; Аткарск, кург. № 11) (рис. 5, I, 3).

Тип 3 (2 экз.). Тулово округлобкое, по плечикам – наклепной валик, «усами» спускающийся по тулову и орнаментированный насечками; горло низкое; венчик сильно отогнут наружу (Большая Дмитриевка, кург. № 15; Третьяки, кург. № 76) (рис. 5, I, 4-5).

²⁰⁴ Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки // МИА. 1969. № 154. С. 203.

²⁰⁵ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. Рис. 73/6.

²⁰⁶ Медведев А.П. Этнокультурные процессы на Верхнем Дону в сарматское время (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Вестник ВГУ. Серия. История. Социология. Политология. 2006. № 1. С. 36. Рис. 2, 43.

²⁰⁷ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. Рис. 73/22.

Тип 4 (2 экз.). Тулово яйцевидное, с большим диаметром в верхней части, по плечикам – шесть вертикальных налёпов; горло низкое, воронкообразное (Нехаево, кург. № 12; Ключи, кург. № 2) (рис. 5, I, 6-7).

Тип 5 (1 экз.). Тулово с приподнятыми плечиками, по которым – прорисованные линии; горло воронкообразное; край срезан (Третьяки, кург. № 11) (рис. 5, I, 8).

Горшки с уплощенным дном типа 1 по форме схожи с горшками из Южного Приуралья, обнаруженными в среднесарматских²⁰⁸ и позднесарматских захоронениях Нижнего Поволжья и Подонья²⁰⁹. В хопёрско-волжском районе памятников экземпляры также, по взаимовстречаемости инвентаря, датируются средне- и позднесарматским временем.

Горшки с уплощенным дном типа 2 и 3 находят аналоги среди посуды, встреченной в нижеволжских погребениях второй половины II — середины III вв.²¹⁰. Именно с этого времени уплощенное дно у горшков становится их диагностическим признаком. В рассматриваемом районе посуда типа 3 распространяется в вышеуказанный хронологический отрезок, а горшки типа 2 проникают позже, судя по инвентарю – не раньше второй половины III в. н.э. Их отличает орнамент в виде налёпных подковок, шишечек, характерный для танаисской посуды I-IV вв. н.э.²¹¹.

Позднесарматским временем датируются погребения, из которых происходят горшки типа 4. Подобная посуда была особенно распространена в

²⁰⁸ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. Табл. 74/29-30.

²⁰⁹ Там же. Табл. 83/16.

²¹⁰ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 9/2-3.

²¹¹ Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки // МИА. 1969. № 154. Табл. VI/18; VII/11; VIII/3, 8; IX/5; X/8.

погребениях степного междуречья Дона и Волги ²¹², куда проникла из Приуралья, где известны аналоги с округлым дном, являющиеся продолжением более древней традиции региона ²¹³. Единичные экземпляры таких сосудов известны в Северном Причерноморье ²¹⁴.

Единственный горшок типа 5 происходит из погребения, которое датируется среднесарматским временем по зеркалу-подвеске с валиком по краю и коническим выступом в центре I – нач. II в. н.э. Горшок же, по форме и орнаменту из прочерченных линий, знает аналогии в погребениях позднемеотского этапа в Прикубанье ²¹⁵, в Нижнем Поволжье ²¹⁶.

Отдел 3. Округлодонные (1 экз.).

Тулово грушевидное; горло узкое, прямое, цилиндрическое (Каменка, кург. № 5) (рис. 5, II).

Узкие хронологические рамки для этого сосуда, как и погребения в целом (из-за отсутствия кроме ножичка, сопровождающего инвентаря), мы дать не можем. Посуда, аналогичная данной, встречается в Нижнем Поволжье ²¹⁷, где датируется широко – от рубежа I—II вв. до середины III в. н. э. Истоки свои подобные типы обнаруживают в южном Приуралье ²¹⁸, где распространяются также в позднесарматское время ²¹⁹.

Отдел 4. С вогнутым дном (1 экз.).

²¹² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. Табл. 83/14.

²¹³ Там же. С. 193.

²¹⁴ Там же. Табл. 75/26.

²¹⁵ Там же. Табл. 97/11.

²¹⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 9/1.

²¹⁷ Там же. Рис. 9/11.

²¹⁸ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. С. 193.

²¹⁹ Там же. Табл. 83/40.

Тулово шаровидное; горло высокое; венчик слегка отогнут наружу (Третьяки, кург. № 14) (рис. 5, III).

Горшок происходит из погребения первой половины II в. н.э. (по кувшинам типа 2-3). Подобный горшок аналогов не имеет. Близок по форме и дну ему лепной горшок из погребения № 249 «северного» некрополя Танаиса, датирующегося I-II вв. н. э.²²⁰.

Группа Г. Кружки (4 экз.).

Раздел I. Гончарные (2 экз.).

Тип 1 (1 экз.). Тулово яйцевидное, желобчатое; горло цилиндрическое; ручка в виде стилизованной фигурки; дно плоское (Новоаннинск, кург. № 1) (рис. 7, I, 1).

Тип 2 (1 экз.). Тулово баночной формы, украшенное пролощенными параллельными линиями; горло воронкообразное; ручка уплощенная в сечении; дно вогнутое (Нехаево, кург. № 12) (рис. 7, I, 2).

Кружки типа 1 находят аналогии среди посуды Северного Кавказа и Прикубанья²²¹. Это характерная для меотов форма с зооморфной ручкой, сделанной очень реалистично. В очертаниях ручек I-II вв. здесь преобладают изображения барана с вытянутыми пропорциями²²². Тип 2 – часто встречается аналоги среди посуды Нижнего Поволжья, где имеет широкие рамки бытования – I – вторая половина II вв. н.э.²²³. Известны они и на Среднем Дону²²⁴. В комплексах меотских памятников (например – Тенгинский грунтовый могильник) подобные керамические формы известны в захоронениях второй

²²⁰ Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977. Табл. XXI/3.

²²¹ Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2. С. 69-85.

²²² Там же. Рис. 2/23-26, 28.

²²³ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. Табл. 84/11; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. Рис. 16/19.

²²⁴ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 11, 25.

половины I – II вв. н.э.²²⁵ В нашем регионе, по закрытым комплексам погребений, их содержащих, кружки датируются позднесарматским временем.

Раздел II. Лепные (2 экз.).

Тип 1 (1 экз.). Тулово цилиндрическое; край слегка отогнут наружу; ручка продолговатая, круглая в сечении; дно плоское (Сидоры, кург. № 11) (рис. 7, I, 3).

Тип 2 (1 экз.). Тулово постепенно расширяется кверху; ручка петлевидная, круглая в сечении; дно вогнутое (Сидоры, кург. № 25) (рис. 7, I, 4).

Лепные кружки – грубые подражания гончарным кубкам. Тип 1 аналогов среди сарматской лепной посуды не имеет. Тип 2 имеет аналогии в Нижнем Поволжье²²⁶.

Группа Д. Курильницы (18 экз.).

Раздел I. Гончарные (1 экз.).

Тулово конической формы, опоясано ребром; венчик сильно отогнут наружу; закраины днища сильно подчеркнуты (Третьяки, кург. № 16) (рис. 7, II, 13).

Данный тип курильниц достаточно редок. Богатый комплекс, из которого происходит сосуд, датируется концом I – началом II в. н.э.²²⁷ Аналогии известны в Волго-Донском междуречье, южнее Волгограда, где не выходят за рамки середины – конца I в. н.э.²²⁸

Раздел II. Лепные (18 экз.).

²²⁵ Беглова Е.А. Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. Сборник статей. М., 2010. Вып. 5. С. 165. Рис. 6/11.

²²⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 10/5.

²²⁷ Raev, Boris A. Roman imports in the Lower Don basin. Oxford, England, 1986. P/83-84.

²²⁸ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. Рис. 50/7.

Тип 1 (1 экз.). Тулово яйцевидное, на высоком поддоне; горло растробовидное, ориентировано пальцевыми защипами (Власовка II, кург. № 1) (рис. 7, II, 1).

Тип 2 (12 экз.). Тулово кубышкообразное, в стенке – отверстие (Котово; Каменка, кург. № 8; Аткарск, кург. № 11; Берёзовка, кург. № 25; Короли, кург. № 3; Нехаево, кург. № 5; Ключи, кург. № 2; Норка, кург. № 6; Большая Дмитриевка, кург. № 1, 15; Новая Чигла, погр. 2 из кург. 27) (рис. 7, II, 2-8).

Тип 3 (1 экз.). Тулово яйцевидное, с одним отверстием у края; дно уплощенное (Короли, кург. № 12) (рис. 7, II, 9).

Тип 4 (1 экз.). Тулово цилиндрическое, венчик сильно отогнут наружу, закраины днища подчеркнуты (Короли, кург. № 3) (рис. 7, II, 10).

Тип 5 (2 экз.). Тулово вазообразное, орнаментировано наколами и насечками, венчик сильно отогнут наружу, орнаментирован наколами и насечками (Берёзовка, кург. 25; Третьяки, кург. 16) (рис. 7, II, 11-12).

К несарматскому кругу посуды относится курильница типа 1. Она встречена в погребении начала II в. н.э., его дата по зеркалу с коническим утолщением в центре ²²⁹ и краснолаковой миске с клеймом в виде сандалии (рис. 2, 14)). Определенные аналогии курильница находит в керамическом комплексе поздних скифов Крыма ²³⁰; а также на территории лесостепного Подонья ²³¹.

Абсолютное большинство курильниц в разных его вариантах – 62,5 % относятся к типу 2. Аналогии им хорошо известны в инвентаре среднесар-

²²⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 48; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М.: Наука, 1989. С. 200.

²³⁰ Там же. С. 136. Табл. 51/13.

²³¹ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 105. Рис. 7/7.

матских погребений как Нижнего, так и Верхнего Подонья²³², они широко представлены в могильниках Нижнего Поволжья и Заволжья²³³. В средне-сарматскую эпоху данные курильницы обычно вставлялись в более крупные, которые, видимо, использовались как жаровни, судя по встреченной в них золе. Это – один из отличительных признаков среднесарматской культуры²³⁴. Не парные кубышковидные курильницы, помещенные в погребение по одному экземпляру, встречены и в более поздних захоронениях, но довольно редко.

Курильница типа 3 происходит из погребения, которое датируется по бронзовой лучковой фибуле с подвязным приемником и верхней тетивой второй половиной I – началом II вв. н.э.²³⁵ Данный тип находит аналогии среди курильниц из раннесарматских погребений междуречья Дона и Волги²³⁶, но характерен и для среднесарматской культуры²³⁷.

Курильница типа 4 – одна из тех, в которую была вставлена маленькая курильница. Как говорилось ранее, данная традиция характерна для среднесарматской культуры. Аналогии курильнице с почти идентичным зигзагооб-

²³² Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис.11/18-25; Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 105. Рис. 7/4-6.

²³³ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис.11/18-25.

²³⁴ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М.: Наука, 1989. С. 190.

²³⁵ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. С. 107.

²³⁶ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. Табл. 69/45.

²³⁷ Там же. С. 174.

разным орнаментом известны на Нижнем Днепре ²³⁸; встречаются в Волго-Донском междуречье, южнее Волгограда ²³⁹; в лесостепном Подонье²⁴⁰.

Лепные курильницы типа 5, как и предыдущий тип, так же относятся по функции к группе жаровен, так как были обнаружены со вставленными внутрь сосудиками. Дата погребений, по сопровождающему инвентарю и обряду захоронения, подтверждает среднесарматскую принадлежность традиции, не выходя за рамки конца I – начала II в. Аналогии они обнаруживают в среднесарматских погребениях степного Доно-Волжского междуречья²⁴¹.

Таким образом, всю посуду, найденную в могильниках сарматского времени Хопёрско-Волжского района можно разделить на импортную и местного производства. Первый компонент объединяет несарматскую гончарную керамику – 98 сосудов (61 %); второй – лепную керамику – 62 сосуда (39 %).

В свою очередь, преобладающая импортная посуда, по фактуре, делится на сероглиняную и красноглиняную. Сосуды из серой глины в большинстве своём – столовые (миски, кувшины, кружки), за исключением одного ритуального сосудика – курильницы. Подобные типы поступали к сарматским племенам междуречья Хопра и Волги из нижнедонских и кубанских производственных центров. Кроме того, на рассматриваемой территории встречена импортная посуда кавказского производства. Данный аспект роднит изучаемый регион с Нижним Поволжьем, где также известна посуда кавказского производства, тогда как в верховьях Дона ситуация иная и кавказ-

²³⁸ Там же. Табл. 80/5.

²³⁹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 195. Рис. 50/4.

²⁴⁰ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 105. Рис. 7/2.

²⁴¹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 195. Рис. 50/2.

ской посуды практически не выявлено. Однако, большинство сероглиняных сосудов нижнедонского и кубанского производства типичны для керамического инвентаря захоронений Волго-Донской степи-лесостепи в целом, что свидетельствует об устойчивом характере торговых и культурных связей региона с меотскими центрами, начиная со среднемеотского II периода (III – первая половина I вв. до н.э.) и заканчивая серединой III века н. э. Эта дата является определенным рубежом в истории Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. После некоторой стабилизации положения в Северном Причерноморье с середины III в. происходит ряд передвижений новых племенных союзов. Это привело к гибели большинства ремесленных и торговых центров Северного Причерноморья. После разгрома Танаиса, главного торгового центра варварских племён на Боспоре в сороковых годах III в. н. э. и нижнедонских поселений ²⁴², упадка большинства правобережных городищ Кубани ²⁴³, полностью прекратилось поступление в междуречье Волги и Хопра ремесленных изделий из этих районов. В погребениях поздних сарматов с середины III в. н. э. постепенно перестает встречаться круговая сероглиняная посуда, производившаяся в основном на Кубани и на Нижнем Дону ²⁴⁴.

Импортная красноглиняная посуда весьма немногочисленна – 12 экземпляров (7,5 %). Группа представлена столовой (миски, кувшины) и кухонной (горшки) керамикой. Все они происходят из античных производственных центров. Но торговые связи с ними были, видимо, эпизодическими, о чём говорит малочисленность находок.

Лепные сосуды представлены кухонной (горшки); столовой (миски, кувшины, кружки); ритуальной (курильницы) керамикой. Большинство леп-

²⁴² Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 299-300.

²⁴³ Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958. 90 с.

²⁴⁴ Мошкова М. Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1956. С. 6-7.

ных сосудов находит близкие аналогии в керамике из сарматских захоронений волго-донских степей, имея прототипы более раннего времени в посуде Приуралья. Здесь своеобразие региона заключается в распространении плоскдонных и уплощенных сосудов в примерно равной пропорции, тогда как в лесостепном Подонье преобладают горшки с плоским дном ²⁴⁵; в нижнем Поволжье – с уплощенным дном ²⁴⁶.

Это может свидетельствовать о различии в заселении территории между Доном и Волгой. В верховьях Дона преобладают формы сосудов предшествующего скифоидного населения. Возможно, сарматы, подчинив данную территорию, брали в жёны местных женщин. Хопёрско-волжский район, видимо, заселялся постепенно. К этому времени здесь не было стабильного оседлого населения (оно появляется позже – не ранее рубежа I-II вв.). Поэтому процесс заселения междуречья Хопра и Волги носил мирный характер, так как сарматы продвигались с семьями, не встречая местного населения, что подтверждают формы горшков, свойственные сарматским племенам предшествующего времени с территории Нижнего Поволжья и Приуралья.

Кроме торговых связей, характера освоения территорий, керамический комплекс поможет восстановить и хронологическую шкалу древностей региона. Здесь выделяется пять групп керамики, свойственных для разных хронологических отрезков:

1. III – II вв. до н.э. – гончарные сероглиняные кувшины с одной ручкой типа 7.
2. I – середина II вв. н.э. – гончарные сероглиняные миски типов 4, 6, 7; гончарные красноглиняные миски; гончарные сероглиняные кувшины без ручек типов 1-4; гончарные сероглиняные кувшины с од-

²⁴⁵ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 105.

²⁴⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 50.

ной ручкой типов 6 и 8, 10 и 11; гончарные сероглиняные кувшины с двумя ручками типа 2; гончарные красноглиняные кувшины типа 2; гончарные красноглиняные горшки; лепные горшки с плоским дном типа 7, с уплощенным дном типа 5, с вогнутым дном; гончарные курильницы; лепные курильницы типов 1, 3-5.

3. весь II в. н.э. – гончарные сероглиняные кувшины с одной ручкой типов 2, 3, 12; гончарные красноглиняные кувшины типа 1; лепные горшки с плоским дном типа 2.

4. рубеж I-II - середина III – гончарные сероглиняные миски типов 1, 2; лепные миски; гончарные сероглиняные кувшины с одной ручкой типов 4 и 5; лепные горшки с уплощенным дном типа 1, с округлым дном; лепные курильницы типа 2.

5. вторая половина II – начало IV вв. н.э. – гончарные сероглиняные миски типов 3, 5; гончарные сероглиняные кувшины с одной ручкой типов 1 и 9; гончарные сероглиняные кувшины с двумя ручками типа 1; лепные кувшины; лепные горшки с плоским дном типов 1, 3-6, с уплощенным дном типов 2-4, все кружки.

Таким образом, анализ керамического материала вносит существенный вклад в разработку абсолютной хронологии региона, помогает проследить торговые отношения, даёт представление о характере и специфике его заселения в сарматское время.

2.2. Вооружение

В культуре сарматов-кочевников исключительно важную роль играло вооружение. Данные античной литературной традиции говорят о весьма разнообразном наборе вооружения сарматов (Страбон, География: VII, 3, 17; Овидий, Тристии.: III, 10, 55; IV, 10, 110; V, 7, 15 – 20; Тацит, История.: I, 79; Павсаний: I, 21, 5; Аммиан Марцеллин: XVI, 2, 2 и др.).

Возможности использования этой категории находок для установления узкой даты погребального комплекса довольно ограничены, но предметы вооружения, в частности мечи и кинжалы, имеют важное значение при культурной атрибуции погребений. Надо отметить, что находки предметов вооружения в изучаемом регионе относительно малочисленны. Связано это, вероятно, с тем, что большинство исследованных здесь сарматских погребений по наличию украшений, предметов утвари и т.п. принадлежало женщинам и детям. В курганных могильниках хопёрско-волжского района нам известно всего 18 комплексов II в. до н.э. – IV в. н.э., которые содержали те или иные виды сарматского вооружения или их наборы. Помимо этого, для рассматриваемой территории нами учтены 11 случайных находок клинкового оружия.

По функциональному назначению снаряжение сарматского воина на исследуемой территории междуречья Хопра и Волги можно разделить на следующие категории: оружие ближнего боя (клинковое оружие), оружие дальнего боя (лук и стрелы). Это боевое оружие. Из защитного вооружения лишь одно погребение содержало фрагменты кольчуги (рис. 40, 8).

Клинковое оружие

Прежде, чем перейти к рассмотрению данного вида наступательного вооружения, необходимо разобраться с терминологией. К настоящему моменту сложилась некоторая путанность в скифо-сарматской археологии в использовании названий «меч», «акинак», «короткий меч», «длинный меч», «кинжал». Все эти термины часто применяются при атрибуции одного и того же типа оружия.

По поводу термина «акинак» мы согласимся с выводами А.Н. Ворошилова, считающего данное понятие этнически нагруженным. В античной письменной традиции оно употреблялось исключительно по отношению к оружию различных ираноязычных народов скифской эпохи – собственно ски-

фов, саков, бактрийцев, согдийцев, каспиев, даже персов²⁴⁷. Таким образом, «акинак», как понятие «скифское», по справедливому замечанию В.В. Белоусова²⁴⁸, должно быть исключено из дальнейшей работы по сарматскому клинковому оружию.

К сожалению, из-за малочисленности данного вида вооружения, не представляется возможным выявить размерные рамки для каждого из типов мечей. Поэтому в данном вопросе, мы будем опираться на типологию сарматского клинкового оружия, проделанную В.В. Белоусовым²⁴⁹, а также на монографическое исследование А.С. Скрипкина²⁵⁰. Причём, нам представляется правомерным выводить соотношение «размер – термин» именно в зависимости от размера клинка²⁵¹, а не всей длины меча.

Кинжалы с серповидным навершием. Кинжалы данного типа представлены в хопёрско-волжском районе 5 экземплярами: 2 экземпляра входили в состав погребального инвентаря, 3 – случайные находки. По классификации А.С. Скрипкина, все предметы входят в группу кинжалы²⁵² (от 18 до 58 см).

Кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием представлен одним экземпляром из раннесарматского погребения 1 кургана 4 у хут. Короли (рис. 8, 1). Его длина – 39, 5 см. На перекрестии и навершии кинжала

²⁴⁷ Ворошилов А.Н. Вооружение населения лесостепного Подонья скифского времени (акинаки, копья, дротики) : автореф. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. С. 13–14.

²⁴⁸ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 53.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. 299 с.

²⁵¹ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 53; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 32.

²⁵² Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 60.

сохранились остатки золотой фольги, украшавшей ножны меча. Такие же пластинки украшали ножны мечей из кургана 10 (погребение 9, курганная группа Барановка-1)²⁵³, из Красной Деревни и Белокаменки, а также из Камышинского историко-краеведческого музея (раскопки А.В. Лукашева 1985 и 1988 гг.). Подобный кинжал, но во фрагментированном состоянии встречен в погребении у Жарина Бугра в окрестностях Саратова. Оба погребения по сопутствующим находкам датируются II в. до н.э.

Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием являются наиболее распространенным типом оружия ближнего боя раннесарматской культуры²⁵⁴. А.С. Скрипкин считает, что такие мечи продолжают существовать и в I в. до н.э.²⁵⁵ В последнее время стал известен ряд комплексов определено I в., где встречены подобные кинжалы.

Кинжал из Тамбовской области (общая длина 40 см) имеет слегка изогнутое простое брусковидное перекрестие (рис. 8, 2). Клинок обоюдоострый (длина 29,1 см; ширина у пяты клинка 5,7 см) с сужением лезвий от пяты к острию, как треугольник. Клинок в сечении ромбовидный, имеющий идущее вдоль всей его поверхности ребро жесткости. Рукоять (длина 7,2 см) округлая в сечении; навершие умеренно изогнуто.

Похожий кинжал (общая длина 40,6 см) встречен также на территории Цнинско-Хопёрского междуречья, в районе г. Тамбов (рис. 8, 3). Клинок обоюдоострый (длина 28 см; ширина 3,6 см) с сужением выше середины к острию. В сечении функциональная часть кинжала ромбовидная, с глубокой каннелюрой с обеих сторон. Перекрестие простое брусковидное. Рукоять тонкая, ромбовидная в сечении с изогнутым подпрямоугольным навершием. Навершие изогнуто под тупым углом.

²⁵³ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. Рис. 33/8.

²⁵⁴ Мошкова М.Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1 – 10. 1963. С. 34.

²⁵⁵ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 119.

К этой же группе вооружения относится кинжал, найденный у с. Старый Хопёр Балашовского района Саратовской (общая длина 35, 2 см) (рис. 8, 4). Клинок (длина 25,5 см; ширина 2,9 см) обоюдоострый, равномерно сужающийся от основания к низу, образуя треугольник. Сечение лезвия ромбовидное. Данный кинжал интересен тем, что на ветвях серповидного навершия имеется по шесть насечек.

Хронологическое и культурное определение подобных мечей и кинжалов по характерным для клинкового вооружения раннесарматской культуры диагностическим признакам не вызывает сомнений. Появляются кинжалы с серповидным навершием на территории Приуралья ещё в IV – III вв. до н.э., но «классическими» они становятся на территории Волго-Донского междуречья во II в. до н.э.²⁵⁶.

Таким образом, все кинжалы с серповидным навершием с территории хопёрско-волжского региона датируются в пределах раннесарматской культуры. Более того, мечи из погребений хронологически не выходят за рамки II в. до н.э. Из исследования В.В. Белоусова видно, что клинковое оружие с серповидным навершием не характерно для донских сарматов в среднесарматское время²⁵⁷. По-видимому, не позже рубежа н.э. в их вооружении произошел весьма резкий разрыв с традициями раннесарматской культуры, где абсолютно доминировали мечи и кинжалы с характерными серповидными навершиями.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием. Этот тип вооружения наиболее характерен для сарматских воинов первых двух веков нашей эры. В Нижнем Поволжье количество клинкового оружия с кольцевым навершием

²⁵⁶ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 117-119; Мошкова М. Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1 – 10. 1963. С. 34; Смирнов К.Ф. Вооружение сарматов // МИА. М., 1961. № 101. С. 27.

²⁵⁷ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дисс ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 67-68.

уже измеряется сотнями ²⁵⁸; на Украине известно свыше 70 экземпляров ²⁵⁹; на территории Верхнего, Среднего и Нижнего Подонья исследователями учтено в общей сложности около 100 находок ²⁶⁰.

На территории хопёрско-волжского района памятников к настоящему моменту известно 12 находок подобного оружия: 6 экземпляров открыты в погребениях (три меча – фрагментированы); 6 экземпляров – случайные находки.

По классификации В.В. Белоусова ²⁶¹, на рассматриваемой территории представлены 8 экземпляров коротких мечей (длина клинка от 27 до 45 см) и лишь 2 длинных меча (длина клинка от 50 см и выше).

Длинный железный меч этого типа находился в могиле с подбоем и южной ориентировкой покойного из погребения 2 кургана 2 у дер. Верхний Колышлей (рис. 8, 5). Общая длина сохранившихся частей – 58 см, ширина лезвия – 4 см, сечение – линзовидной формы. Перекрестие не сохранилось. Меч имеет вытянутый треугольником клинок, лезвия которого равномерно сужаются от перекрестия к острию. Однако, треугольные клинки были распространены на протяжении всей сарматской культуры. Следовательно – это не хронологический признак. В этом отношении следует согласиться с мнением А.В. Симоненко ²⁶². Необходимо отметить, что длинные мечи – редкая

²⁵⁸ Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием // II Городцовские чтения: материалы научной конференции посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005. С. 171–185.

²⁵⁹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 32.

²⁶⁰ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 54.

²⁶¹ Там же. С. 55-56.

²⁶² Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 34-35.

находка на сопредельных территориях²⁶³. Данный меч демонстрирует сходство с мечами с ручкой-штырем позднесарматской эпохи, однако имеет железное навершие в форме кольца и по комплексу сопровождающих вещей датируется в рамках среднесарматской культуры. Схож с последним меч из диагонального погребения кургана 12 Новочигольского могильника. Общая его длина – 53 см.

Короткий меч подобного типа был открыт в погребении кургана 4 у Нехаевского (рис. 8, 9). Его длина – 35 см. На клинке меча заметны остатки дерева от ножен. Ножны, вероятно, заканчивались железным шариком-бутеролью, который приваривался к их окончанию. Клинок относится к наиболее распространенному типу обоюдоострых клинков на сопредельных территориях – лезвия почти параллельны друг другу, сужаются в последней трети клинка. К тому же типу коротких мечей с кольцевым навершием, лезвием, сужающимся в последней трети клинка, прямым перекрестием относятся короткие мечи – случайные находки с территории Воронежской области (рис. 8, 6). Подобные мечи наиболее распространены на территории Верхнего, Среднего и Нижнего Подонья²⁶⁴.

Короткие мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, но с треугольным клинком обнаружены у с. Елань Ртищевского района Саратовской области, в Воронежской области, у с. Туголуково Тамбовской области (рис. 8, 7-8, 10).

Как отмечалось выше, вооружение не может узко датировать комплексы. Однако, оно существенно с точки зрения этнической и культурной их атрибуции. Известно, что клинковое оружие с кольцевым навершием появляется в памятниках раннескифского времени в степях восточной Евразии. Мысль о схожести сарматского оружия с кольцевым навершием и минусин-

²⁶³ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 56.

²⁶⁴ Там же.

ских кинжалов в своё время высказывал А.М. Хазанов²⁶⁵. К сожалению, эта идея не была им развита, так как намечающиеся связи раннескифского и среднесарматского оружия он считал до конца не ясными.

В монографии А.С. Скрипкина звучит та же гипотеза о происхождении мечей с кольцевыми навершиями, высказанная А.М. Хазановым²⁶⁶. Затем исследователь меняет своё мнение, говоря о влиянии восточных культурных традиций на генезис рассматриваемого типа вооружения²⁶⁷. Учёный убедительно проиллюстрировал, что кольцевидное оформление наверший было широко распространено в районах Центральной Азии и Южной Сибири ещё в конце II тыс. до н.э., в эпоху поздней бронзы. Начало же распространения клинков с кольцевым навершием у сарматов приходится на заключительную фазу раннесарматской культуры (II - I вв. до н.э.). А.С. Скрипкин связывает это с перемещением в западном направлении некоторых групп восточноскифского населения, вызванным давлением на них хунну, создавшими в конце III в. до н.э. к северу от Китая сильную державу. Для нашего исследования эта мысль представляется особо важной, но об этом речь пойдёт в IV главе диссертации. Гипотезу А.С. Скрипкина в одной из последних работ поддержал А.В. Симоненко²⁶⁸. На этих учёных ссылается в своём диссертационном исследовании и В.В. Белоусов²⁶⁹.

²⁶⁵ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 8-9.

²⁶⁶ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 119-125.

²⁶⁷ Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием // II Городцовские чтения: материалы научной конференции посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005. С. 171.

²⁶⁸ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 43.

²⁶⁹ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дисс ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 64-66.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием появляются еще в раннесарматскую эпоху ²⁷⁰, господствующим типом становятся в среднесарматское время и изредка встречаются в могилах конца II – начала III в. н. э. ²⁷¹. Длинные мечи (свыше 80 см) господствуют в раннесарматское время, а в начале нашего тысячелетия наиболее частыми являются находки кинжалов ²⁷². Эти процессы чётко демонстрирует изучаемый хопёрско-волжский район сарматских памятников. В позднесарматское время подобные мечи постепенно вытесняются мечами без металлических наверший и перекрестия ²⁷³.

Мечи и кинжалы без наверший. С территории междуречья Хопра и Волги происходит 11 экземпляров подобных мечей: 9 из погребений, 2 – случайные находки. По атрибуции А.С. Скрипкина ²⁷⁴ и следующего за ним В.В. Белоусова ²⁷⁵ 9 экземпляров подобного вооружения – кинжалы (от 20 до 30 см); 2 экземпляра – длинные мечи (от 70 до 90 см).

Как мы убедились в предыдущем разделе, мечи с кольцевым навершием относились в основном к категории коротких. Но в сарматское время известны и длинные рубящие кавалерийские мечи. Скорее всего, это «длиннейшие» мечи (*gladii praelongi*), упомянутые Тацитом при описании разграбления римской провинции Мезии роксоланами в 69 г. н.э. (История.: I. 79. 3).

²⁷⁰ Глебов В.П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени (II – I вв. до н.э.) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 88–98.

²⁷¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 10.

²⁷² Там же. С. 6-9.

²⁷³ Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 142.

²⁷⁴ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 60.

²⁷⁵ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дисс ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 78.

Длинный железный меч без навершия и перекрестия (первоначальная длина клинка 75 см) входил в комплекс погребения 1 кургана 20 Графской курганной группы в Жердевском районе Тамбовской области (рис. 9, 8). Подобные длинные мечи широко распространяются в позднесарматскую эпоху II-III вв. н.э. Однако, они известны в комплексах и более раннего времени. Рассматриваемый экземпляр интересен из-за наличия уступа у основания черенка рукояти (высота 1,4 см; ширина 1,7-2,2 см). Скорее всего, уступ указывает на наличие у меча перекрестия (металлического или деревянного). Подобное клинковое оружие датируется по аналогиям ранне- и среднесарматской культурами ²⁷⁶. По комплексу находок в этом погребении погребения, меч укладывается в рамки I – начала II в. н.э.

Длинный меч (102 см) найден в одиночном кургане у с. Двоенка (рис. 9, 7). Длина клинка 90 см, рукояти 12 см. Клинок переходит в рукоять под прямым углом. На ручке имеется железный штифт для крепления деревянных накладок. Ширина лезвия 4 см, сечение линзовидное. Большинство исследователей трактуют данный тип характерным, для наиболее поздних сарматских комплексов ²⁷⁷.

Железный кинжал без навершия и перекрестия (Усть-Курдюм, погребение 11 из кургана 2 – рис. 36, II, 2) в сохранившейся части достигает 26, 5 см. Ручка оружия плавно переходит в клинок, сечение линзовидной формы. Появляются аналогичные мечи и кинжалы ещё в среднесарматское время, но особенно распространены со II в. н.э. ²⁷⁸.

Железный кинжал с ручкой-штырем без перекрестия (рис. 9, 2) найден в тайнике на краю могилы (Большая Дмитриевка, погребение 1 из кургана 24). Длина клинка 43 см, ручки 6 см, ширина лезвия 5 см, сечение лезвия плоское. Около рукояти найдено халцедоновое навершие подтрапециевидной в сечении формы. Последнее орнаментировано красными и желтыми линия-

²⁷⁶ Там же. С. 129.

²⁷⁷ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 20.

²⁷⁸ Там же. С. 18-21.

ми. Мы имеем прямую аналогию этому мечу в кургане 14 группы Центральный-IV на Нижнем Дону²⁷⁹. В целом, данные типы мечей являются неустойчивыми²⁸⁰, неметаллические навершия мечей из халцедона на протяжении всей позднесарматской эпохи встречаются очень редко²⁸¹, но их хронологические рамки чётко определяются позднесарматским временем.

Железный кинжал с обоюдоострым лезвием и черешковой рукоятью (рис. 9, 4) обнаружен в погребении кургана 14 у с. Третьяки. Черешок кинжала острый, места соединения его с клинком образуют прямые углы. Это характерный признак развитого типа позднесарматских мечей и кинжалов. А.М. Хазанов относил такие мечи и кинжалы к III – IV вв. н.э., отмечая, в то же время, что один из них происходит из хорошо датированного комплекса второй половины II в. н.э.²⁸².

К группе кинжалов без навершия и перекрестия относятся находки из курганного могильника у с. Сидоры Волгоградской области, из курганного могильника у с. Ключи, случайная находка из г. Борисоглебск Воронежской области (рис. 9, 5-6). Все они разделяются на два типа – с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь; с основанием клинка, образующим прямой угол с рукоятью-штырем (тип 2 и 3 по А.М. Хазанову)²⁸³.

На территории Прихопёрья известна случайная находка ещё одного короткого меча без навершия, но с перекрестием. Он был обнаружен на пахотном поле у с. Большой Мелик Балашовского района Саратовской области

²⁷⁹ Безуглов С.И. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону // СА. № 3. М., 1989. С. 171. Рис. 1.1.

²⁸⁰ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 19.

²⁸¹ Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 74.

²⁸² Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 20-21.

²⁸³ Там же. С. 15-21.

(рис. 9, 3). Длина клинка 23,3 см, ширина у основания 2,9 см, высота рукояти с перекрестием 3,8 см. Рукоять плоская, короткая, рассчитанная для крепления деревянных накладок. Подобные мечи существовали с IV в. до н.э. по I в. н.э.²⁸⁴.

Мечи и кинжалы с волютообразным навершием. Этот достаточно редкий тип сарматского клинкового оружия был выделен в конце 70-х годов XX в. по результатам раскопок курганного могильника у с. Сидоры Михайловского района Волгоградской области²⁸⁵. У А.В. Симоненко мы встречаем для них название – кинжалы с антенновидным навершием²⁸⁶.

Единственный, известный на территории хопёрско-волжского района кинжал с волютообразным навершием (рис. 9, 1) происходит из вышеупомянутого погребения 1 из кург. 25 Сидоровского могильника. Его общая длина – 34 см, длина клинка 23 см. Он имел обоюдоострое лезвие, прямое четырехгранное бронзовое перекрестие и литое бронзовое волютообразное навершие, которое при помощи клиновидного штыря с отверстием на конце крепилось к ручке. На лезвии сохранились остатки дерева от ножен. Погребение, из которого он происходил, было совершено в квадратной яме по диагональному обряду. По всем признакам его можно отнести к развитой позднесарматской культуре и датировать по бронзовому зеркальцу-подвеске с боковой петлей, бронзовой лучковой одночленной фибуле, а также другим предметам в пределах конца II – первой половины III в. н.э.

Данный тип вооружения является мало распространенным и на сопредельных территориях левобережья Нижнего Дона, где известно лишь восемь

²⁸⁴ Мошкова М. Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1 – 10. 1963. С. 16-21; Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. №1. С. 79.

²⁸⁵ Скрипкин А.С., Мамонтов В.И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977. № 4. С. 285–287.

²⁸⁶ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 26-32.

находок подобного клинкового оружия²⁸⁷. В Подонье, на территории верхнего и среднего течения реки, мечи и кинжалы с волютообразным навершием в сарматских погребениях пока не встречались. В Северном Причерноморье, по данным А.В. Симоненко, известно четыре экземпляра находок клинкового оружия этого типа²⁸⁸. Однако, мечи и кинжалы с волютообразным навершием довольно часто встречались в раннесарматских (могильник Барбастау), среднесарматских (Красноселец, оз. Ханта, Жутово) и позднесарматских (Барановка) комплексах Поволжья²⁸⁹. В Заволжье были случайно найдены всего два кинжала с подобными волютообразными навершиями²⁹⁰. Наибольшее количество подобного клинкового оружия было обнаружено в погребальных комплексах Средней Азии: в Тулхарском²⁹¹ и Кызылтепинском²⁹² могильниках.

Дискуссионным к настоящему моменту является вопрос о происхождении мечей и кинжалов с волютообразными навершиями. Как известно, у скифов и сарматов антенновидные (близкие волютообразным по форме) навершия были особенно популярны на акинаках конца VI – V в. до н.э.²⁹³, хотя их находки в лесостепи, в Башкирии и на р. Воронеж известны и в IV в. до н.э.²⁹⁴ Однако и в этом случае временной разрыв между клинковым оружием с во-

²⁸⁷ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дисс ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 68.

²⁸⁸ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 26.

²⁸⁹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 125-126.

²⁹⁰ Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: дис... канд. ист. наук. М., 1980. С. 37.

²⁹¹ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136. С. 159.

²⁹² Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. №4. С. 122.

²⁹³ Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1-4. С. 54.

²⁹⁴ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья: археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999. Рис. 50, 8

лютообразными навершиями скифской и раннесарматской эпох составит не менее двух веков. А.С. Скрипкин усматривает в волютообразных навершиях кинжалов среднеазиатских кочевников влияние сарматской традиции ²⁹⁵. Точно также объясняют появление кинжалов с волютообразными навершиями у воинов Южной Сибири и Алтая А.А. Тишкин и В.В. Горбунов. Они связывают их распространение далеко на востоке с влиянием материальных традиций культур сарматского и среднеазиатского (кушанского) круга ²⁹⁶.

Лук и стрелы.

На территории хопёрско-волжского региона учтено 15 комплексов, содержащих предметы, связанные с вооружением дальнего боя: горит, колчан, костяная накладка от лука, стрелы различных вариаций.

Лук «скифского типа». Известно, что лук «скифского» типа, в силу того что практически целиком состоял из дерева (лишь изредка он мог иметь роговые окончания и срединную накладку из того же материала или кости ²⁹⁷), гораздо хуже сохраняется в погребениях. Видимо, именно этой причиной объясняется крайне небольшое число находок остатков лука этого типа. В хопёрско-волжском районе нам известен лишь один такой случай – в погребении 1 кургана 39 могильника Третьяки на Среднем Хопре зафиксирован отпечаток горита с лежащим в нем луком определенно «скифского» типа (рис. 10, 7) ²⁹⁸. Следует обратить внимание на то, что это захоронение было совершено в квадратной яме с диагональным положением костяка и, судя по

²⁹⁵ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 125-126.

²⁹⁶ Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 37.

²⁹⁷ Лукьяшко С.И. Scythicus Acrus. Стрелковое оружие скифов. Часть 2 // Наука юга России (Вестник ЮНЦ). 2016. Т. 12. №1. С. 86. Рис. 1.

²⁹⁸ Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 23. Рис. 9.

характерному набору инвентаря, явно принадлежало женщине. Скорее всего, оно датируется среднесарматским временем. Сам лук не сохранился, но по его отпечатку и тлену можно было установить его длину около 85 см и заключить, что у него отсутствовали костяные или роговые накладки. При этом, если судить по отпечатку, этот лук был положен в горит в натянутом виде. Кроме него здесь же находился единственный трехлопастной черешковый наконечник стрелы небольших размеров из железа (длина боевой головки с черешком не превышала 3 см) (рис. 10, 2). Такие наконечники, скорее всего, и были характерны именно для лука рассматриваемого типа. По заключению автора раскопок длина самой стрелы в горите не могла превышать 80 см²⁹⁹.

Лук «гуннского» типа. В одном из сарматских погребений хоперско-волжского района памятников была обнаружена костяная накладка на деревянную основу лука – в погребении 1 кургана 25 могильника у с. Сидоры (рис. 10, 8). Судя по её размерам, можно предположить, что это была малая накладка, на которую тетива надевалась только в случае надобности³⁰⁰. Следует заметить, что здесь лук также сопровождали калиберные ему крупные наконечники стрел.

Уточним, что рассматриваемое погребение датируется позднесарматским временем. Это подтверждает мысль В.В. Белоусова о том, что в позднесарматских погребениях Подонья чаще представлены луки «гуннского» типа, нежели старые луки «скифского» типа, более характерные для средних сарматов³⁰¹.

Колчан и горит. Остатки берестяного колчана были обнаружены около левого плеча покойного в погребении 5 кургана 25 могильника у с. Бере-

²⁹⁹ Там же. С. 23.

³⁰⁰ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 30.

³⁰¹ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 93-100.

зовка (рис. 10, 5)³⁰². Колчан был обтянут кожей черного цвета, по которой белыми и розовыми линиями передан растительный орнамент. На более крупном фрагменте кожи изображена лошадь, окрашенная в белый цвет, детали упряжи – в розовый (рис. 10, 6). В колчане находилось около 80 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел. Остриями они лежали по направлению к плечу. В 40 см от них обнаружены основания древков стрел. Они были покрашены в красный цвет с двумя и тремя узкими зелеными полосками. Основания сохранили остатки перьев, которые крепились с помощью ниток. В этом случае удалось установить примерные размеры колчана – он имел ширину около 20 см и длину около 50 см. Учитывая факт нахождения здесь железных наконечников небольших размеров можно предположить, что в нем хранился лук «скифского» типа, который в среднем имел длину около 60 - 80 см³⁰³. Данный факт подтверждает и то, что подобный тип луков бытовал в среднесарматское время, которым датируется погребение 5 из кургана 25 Березовского могильника.

В связи с этим большой интерес для нас представляет уже упоминавшаяся находка в погребении 1 кургана 39 могильника Третьяки на Среднем Хопре. Здесь обнаружен хорошо сохранившийся отпечаток горита в материковой глине вместе с остатками истлевшего лука внутри него. Горит был изготовлен из кожи на деревянной основе. Его размеры: длина 87 см, наибольшая ширина 27 см, ширина у основания 15 см. При этом на внешней поверхности горита, судя по отпечатку в материковой глине на дне могилы, имела довольно широкая полукруглая полоса, нанесенная красной краской.

Эта находка позволяет уточнить устройство сарматского горита. Его основу составляла деревянная рама и крепящиеся к ней продольные распорки. Все они выполнены из узких деревянных реек. Эта конструкция сверху

³⁰² Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 138.

³⁰³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 29.

была обтянута кожей. Таким образом, как и в случае с более простыми сарматскими колчанами с берестяной основой, получался футляр с сужающейся придонной частью. Но в отличие от колчана над его верхним срезом выступала сильно сужающаяся часть, точно повторяющая форму натянутого лука «скифского» типа.

Наконечники стрел. Самая большая группа находок – более 200 экземпляров происходит из 15 комплексов хопёрско-волжского района. В основном здесь представлены железные трёхлопастные наконечники стрел с коротким черешком (12 комплексов). В большинстве случаев наконечников лопастей были срезаны под прямым углом (рис. 10, 1-3). Они полностью соответствуют 4 типу среднесарматских наконечников стрел классификации А.М. Хазанова³⁰⁴. Данный тип бытовал на протяжении всей среднесарматской культуры, но в позднесарматское время сменился стрелами с более крупной головкой. В основном, все комплексы, содержащие этот вид наконечников, датируются среднесарматским временем. Лишь в двух погребениях позднесарматской и в двух раннесарматской эпох, были встречены трёхлопастные черешковые наконечники этого типа.

В третьем кургане у хут. Мазин, в погребении, было обнаружено пять железных двухлопастных наконечников стрел (рис. 10, 4). Ещё один такой же наконечник был обнаружен в погребении 1 кургана 11 у г. Аткарск Саратовской области. Появляются подобные наконечники в колчаных наборах ещё в конце V – начале IV вв. до н.э., а в IV – III вв. до н.э. распространяются широко. Эти наконечники стрел являются особенностью колчаных наборов среднедонских погребений конца V - IV вв. до н.э. (Мастюгино, Русская Тростянка, Частые курганы, Терновое-Колбино). А.И. Мелюкова считает, что Средний Дон является территорией происхождения подобных наконечников

³⁰⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 37.

³⁰⁵. Они важны для нас не с точки зрения хронологии, а с точки зрения пре-
 емственности скифских черт среди сопровождающего инвентаря.

Как мы видим, во II в. н.э. характер сарматского вооружения снова из-
 меняется. Это время принято называть позднесарматским. Значение лука в
 сарматской среде, похоже, существенно уменьшается. Если раньше количе-
 ство стрел в захоронениях исчислялось сотнями, то теперь речь может идти о
 десятках, а то и единицах. Иногда в захоронения кладутся пустые колчаны,
 что могло иметь только символическое значение. Видимо, использование в
 бою лука у сарматов этого времени отходит на задний план.

2.3. Фибулы

Если керамика и предметы вооружения – относительные маркеры в во-
 просах хронологии, то фибулы в сарматских погребениях часто служат едва
 ли не единственным наиболее точным хроноиндикатором. Нередко, исследо-
 ватели именно на фибульном материале выстраивают датировку погребений
³⁰⁶, и, даже, целых некрополей ³⁰⁷. Попытаемся и мы, проанализировав дан-
 ный вид археологических находок, уточнить время некоторых комплексов
 Хопёрско-Волжского региона. При разработке классификации данного вида
 застёжек мы будем опираться на хорошо себя зарекомендовавшие классифи-
 кационные схемы фибул юга Восточной Европы А.К. Амброза ³⁰⁸, локальные

³⁰⁵ Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1-4. С. 25.

³⁰⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С.
 50.

³⁰⁷ Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова
 городища из раскопок 1999-2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону, 2013. С. 261-265.

³⁰⁸ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ.
 1966. Вып. Д1-30. 112 с.

характеристики фибул Нижнего Поволжья А.С. Скрипкина³⁰⁹, застёжек из некрополя Кобякова городища³¹⁰, а также на фундаментальную монографию В.В. Кропотова³¹¹.

На рассматриваемой территории к настоящему моменту открыто 20 погребальных комплексов, которые содержали 26 металлических застёжек одежды. Все они делятся на следующие группы: лучковые фибулы с подвязным приемником; сильно профилированные; с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника; пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника; массивные литые шарнирные фибулы; фибулы «гибридных» форм.

Группа 1. Лучковые фибулы с подвязным приемником.

Данный вид металлических застёжек одежды получил своё название по характерной форме, напоминающий простой лук, так как весь корпус изогнут в виде дуги. Свободный тонкий конец ножки подогнут вниз и снизу подвязан к дужке.

Серия I. Проволочные одночленные фибулы (7 экз.).

Вариант 1. Фибула выполнена из бронзы. Тетива верхняя, ножка расширенная, дужка низкая. На рассматриваемой территории известен 1 экземпляр, открытый в курганном могильнике у хут. Короли, погребение 1 из кургана 12 (рис. 11, 1). По А.К. Амброзу – ранний вариант лучковых подвязных фибул, датирующихся второй половиной I – началом II в. н.э. (2 вариант 1 серии 15 группы)³¹². А.С. Скрипкин датирует подобные застёжки на терри-

³⁰⁹ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100-120.

³¹⁰ Косяненко В. М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища //СА. 1987. № 2. С. 45-62.

³¹¹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

³¹² Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 49.

тории Нижнего Поволжья также среднесарматским временем³¹³. В.В. Кропотков относит аналоги к группе 4 серии I «основной» варианту 2, датировав вариант, вслед за А.К. Амброзом, второй половиной I столетия н.э.³¹⁴, то есть периодом расцвета среднесарматской культуры вплоть до появления в ней первых черт позднесарматской культуры.

Вариант 2. Фибула выполнена из бронзы. Высокая мягко изогнутая дужка, полого спускающаяся к пружине. Ножка расширена, тетива верхняя. Приемник – «лодочка» с тонкими стенками. На исследуемой территории встречен 1 экземпляр в погребении кургана 8 у Каменки (рис. 11, 2). По А.К. Амброзу это 3 вариант 1 серии 15 группы, датируемый серединой II в. н.э.³¹⁵. А.С. Скрипкин укладывает бытование аналогий в первый хронологический этап формирования позднесарматской культуры³¹⁶. По схеме В.М. Косяненко подобные застёжки датируются второй половиной I в. н.э.³¹⁷ Но подобная хронологическая атрибуция, в отличие от типологий А.К. Амброза и А.С. Скрипкина, не получила признания у исследователей. Данный вариант фибул наиболее характерен для оседлого населения восточной части Северного Причерноморья, а в могильниках степных номадов встречается крайне редко.

Вариант 3. Фибула выполнена из бронзы с четырехвитковой пружинной и верхней тетивой. Спинка с более сильным прогибом, нависает над пружинной. Ножка расплющена. Значительная часть спинки покрыта обмоткой, иногда фигурной. На территории хопёрско-волжского региона представлена се-

³¹³ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 107.

³¹⁴ Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 70-71.

³¹⁵ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 49.

³¹⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 80-101.

³¹⁷ Косяненко В. М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища //СА. 1987. № 2. С. 53-56.

рией из 5 экземпляров, происходящих из кургана 1 у Новоаннинска; курганов 11 и 25 у хут. Сидоры (по 2 экземпляра) (рис. 11, 3-5). А.К. Амброз относит данный вид застёжек к 5 варианту 1 серии 15 группы (конец II – III вв. н.э.)³¹⁸. По классификации А.С. Скрипкина лучковые фибулы рассматриваемого вида относятся к 5 варианту 1 типа I группы³¹⁹. Они появляются во второй половине II в., однако, в основном датируются преимущественно первой половиной III в. С этой датировкой солидарен В.В. Кропотов, объединив застёжки в 4 вариант основной серии³²⁰. Этот тип фибул существовал в Поволжье до середины III в. н. э. С середины III в. здесь появляются лучковые фибулы II типа, двучленные с нижней тетивой. Они бытуют в Поволжье в пределах второй половины III в. н. э.³²¹.

Серия II. Проволочные двучленные фибулы (3 экз.).

К ним отнесены крупные, двучленные застёжки со свободно вращающейся вокруг своей оси пружиной и иглой. Корпус этих фибул выполнен из массивного бронзового стержня, круглого в сечении. Ножка треугольно расширена, украшена перекрещивающимся штриховым орнаментом и отделена от спинки специальными плечиками. На территории исследуемого района сарматских памятников встречены в количестве 3 экземпляров в могильнике у Машевки в курганах 4 и 6 (рис. 11, 6-7), в погребении у сл. Котовой. По А.К. Амброзу это вариант 1 серии III (II-IV вв. н.э.)³²². Учёный связывал их происхождение с Северным Причерноморьем, подчёркивая их дальнейшее

³¹⁸ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 51.

³¹⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 12/13.

³²⁰ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 80.

³²¹ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 107.

³²² Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 52-53.

распространение на Кавказ, в Поволжье и на Нижний Дунай в IV в. н.э. С ним не согласился румынский археолог Г. Дьякону, связывавший генезис двучленных лучковых застёжек с территорией Нижнего Подунавья в первой половине III в. н.э.³²³ Для территории Нижнего Поволжья время их распространения уточнил А.С. Скрипкин. По его аргументированному мнению, II тип лучковых фибул распространяется здесь после середины III в. н.э.³²⁴ По В.В. Кропотову, картографировавшему все находки аналогичных застёжек, их распространение укладывается в рамки не ранее середины III – V вв. н.э.³²⁵

Группа 2. Сильно профилированные фибулы

Отличительные черты этой группы металлических застёжек: многовитковая пружина, которая наматывалась на стержень с верхней или нижней тетивой, приемник плоский с бусиной на конце, спинка отделена от головки и ножки биконическими утолщениями.

Серия I. Сильно профилированные фибулы с крючком для тетивы (7 экз.).

На изучаемой территории не встречены фибулы, выделяемые А.К. Амброзом в I вариант I серии³²⁶, а А.С. Скрипкиным в I вариант 1 типа³²⁷, имеющие ранние признаки. Здесь известны железные и бронзовые фибулы с приемником, начинающимся сразу от задней бусины. Спинка длинная, пластинчатая в большинстве случаев, превосходящая расстояние от задней бусины до кнопки приемника. Тетива всегда верхняя.

³²³ Diaconu Gh. Über die Fibel mit umgeschlagenem Fuss in Dazien // Dacia. 1971. T.XV. P. 239–267.

³²⁴ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 108-109.

³²⁵ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 151.

³²⁶ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 52-53.

³²⁷ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 109-110.

Вариант 1. Сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке. Всего подобных застёжек найдено в регионе 6 экземпляров: в погребальных комплексах из могильников у Нехаева, Ключей, Каменки (2 экз.), Аткарска, Сидор, Третьяков (рис. 11, 8-11). Ареал наибольшего их распространения – Боспор, Нижнее Поволжье и Северный Кавказ. По А.К. Амброзу, рассматриваемые нами застёжки входят в 1-2 варианты I серии 11 группы³²⁸ и датируются временем от II до первой половины III вв. н.э. По датировке с ним солидарен А.С. Скрипкин, выделяющий фибулы во 2 вариант 1 типа³²⁹. Не вникая в споры по поводу выделения вариантов внутри группы, отметим, что весьма правильный подход предложил В.В. Кропотов, выделяя не варианты, а формы в зависимости от посадки бусин³³⁰. По его схеме на исследуемой территории бытуют застёжки второй (рис. 11, 8) и третьей форм (рис. 11, 9-11). Кроме того, по форме спинки, рассматриваемые застёжки разделяются на проволочные (рис. 11, 9) и пластинчатые (рис. 11, 8, 10, 11). Необходимо подчеркнуть, что данный тип застёжек на сопредельных территориях распространён сильнее всего в комплексах Ново-Никольского могильника в лесостепном Подонье³³¹.

Вариант 2. Сильно профилированная фибула с расширенной головкой. Крупная застёжка с массивным поперечным гребнем на корпусе без опорной пластины над пружиной из погребения кургана 22 курганного могильника у с. Третьяки (рис. 11, 12). Она сильно профилированная, со всеми функциональными признаками, рассмотренными выше, но имеет ещё двойную буси-

³²⁸ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 40-41.

³²⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 44, 52.

³³⁰ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 231. Рис. 65, 5-7; 66, 3; 65, 2, 3, 8, 10.

³³¹ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. Рис. 31/4, 7, 18; 32/ 4, 22, 33; 35/ 16.

ну из меловой породы на игле. Прямых аналогий ей не известно. По А.К. Амброзу – наиболее близка двучленным сильно-профилированным фибулам западных типов ³³². По В.В. Кропотову – форма 2 группы 12 с хронологией периода расцвета среднесарматской культуры ³³³. Подобные формы не характерны для римских провинций, но представлены в основном в предримской Дакии второй половины I в. н.э. ³³⁴

Серия II. Сильно профилированные фибулы без крючка для тетивы (5 экз.).

Вариант 1. Сильно профилированная фибула с нижней тетивой, и с короткой круглой в сечении спинкой представлена 2 экземплярами из Новой Норки и погребения 1 кургана 5 могильника у с. Большая Дмитриевка (рис. 11, 13, 17). Ряд исследователей считают данный вариант северо-кавказским, т.к. аналогии обнаружены именно там в комплексах III в. н.э. ³³⁵.

Вариант 2. Двучленная фибула с коленчато изогнутой спинкой и высоким приемником с резко отогнутой вверх кнопкой, пружина многовитковая с нижней тетивой. Встречена единожды в разрушенном погребении у с. Котово (рис. 11, 14). По схеме В.В. Кроптова относится к группе 10 серии IV (северокавказская) ³³⁶. Данная фибула – исключение, так как в комплексах сарматского времени до сих пор неизвестны украшения данного типа. По комплексу датируется второй половиной III – началом IV вв. н.э.

Вариант 3. Сильно профилированные фибулы без крючка для тетивы были изготовлены из серебра или золота. Тетива нижняя, удерживается под

³³² Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. Табл. 7, 11-12.

³³³ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 258-259. Рис. 73, 1.

³³⁴ Teodor S., Tau S. Obiecte de port si podoaba din asezarea geto-dacica de la Poiana jud. Galati (I). Fibule // Arheologia Moldovei. 1996. Т. XIX. S. 65. Fig. 16 – 18.

³³⁵ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. Табл. 20, 4.

³³⁶ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 225.

шейкой фибулы. Спинка удлиненная, круглая, прогнута в передней части. На спинках – гнезда для различных полудрагоценных камней.

Все подобные фибулы происходят из богатых погребений северной части Хопёрско-Волжского междуречья. Здесь известно 2 экземпляра рассматриваемой серии сильно профилированных застёжек. Оба из могильника у Большая Дмитриевка (рис. 11, 15-16).

Как уже отмечалось выше, все застёжки выполнены из драгоценных металлов и имеют на спинке золотые гнезда со вставками полудрагоценных камней (сердолика, граната). Ряд авторов считают данный вариант переходным между сильно профилированными фибулами с крючком для тетивы и аналогичными с нижней тетивой и короткой круглой спинкой. А.С. Скрипкин такие застёжки относит к 1 варианту II типа II группы и датирует второй половиной III в. н. э.³³⁷.

Все варианты данной серии сильно профилированных фибул имели наибольшее распространение в центральных районах Северного Кавказа в III в. н.э., где зафиксировано их производство³³⁸. На рассматриваемой территории, очевидно, как и в Нижнем Поволжье³³⁹, до середины III в. н.э. бытовали застёжки из боспорских производственных центров, главным образом из Танаиса³⁴⁰. Однако, в связи с разгромом Танаиса готами или иными варварами в 40-х гг. III в. н.э., поступление фибул из этого «торжища» в северные районы междуречья Дона и Волги прекращается. Сюда начинают проникать застёжки северокавказских образцов. Это доказывается сопутствующими вещами из погребений, в которых были найдены фибулы.

³³⁷ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 112-113.

³³⁸ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 42, 43, 95.

³³⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 44, 52.

³⁴⁰ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 53.

Погребение 2 из кургана 1 могильника у Большой Дмитриевки датируется по серебрянной пряжке с обоймой концом III – началом IV в. н.э. Погребения у слободы Котовой на горе Можары, у Новой Норки укладываются в рамки второй половины III– начала IV вв. н.э., т.е. после разгрома Танаиса.

Группа 3. Шарнирные дуговидные фибулы.

Данную группу в изучаемом районе памятников составляет всего одна застежка – выполненная из бронзы литая фибула с прямой ленточной спинкой, украшенной рядом из врезных «глазков», с сужающейся к низу ножкой и с маленькой кнопкой на конце, которая не сохранилась. Встречен один экземпляр в погребении 1 кургана 1 могильника Власовка-2 (рис. 11, 18). Это шарнирная дуговидная фибула – группа 13 форма 13 по В.В. Кропотову³⁴¹. Такие фибулы в римских провинциях, известные как тип 5. 16 по классификации Э. Рихи, датируются второй половиной или последней четвертью I – началом II в. н. э.³⁴².

Группа 4. Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника.

Вариант 1. Бронзовая крупная фибула с коленчато-изогнутой спинкой и высоким узким приемником. Встречена в исследуемом регионе единожды в погребении 1 кургана 2 могильника у с. Норка (рис. 11, 19). По А.К. Амброзу – вариант 8 группы 13 поволжско-сарматских коленчатых фибул с завитком (конец III – начало IV в. н.э.)³⁴³. По А.С. Скрипкину – 2 вариант I типа (ко-

³⁴¹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 269. Рис. 75, 13.

³⁴² Richa E. Die römische Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde. seit 1975 // Römermuseum Augst. 1994. Bd.18. S. 151-152. Taf. 45. №1344.

³⁴³ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 46.

нец III – IV вв. н.э.)³⁴⁴. По М.Г. Мошковой, анализировавшей материалы Южного Приуралья, дата фибулы – вторая пол. II – III вв. н.э.³⁴⁵.

Группа 5. Пружинные фибулы с гладким корпусом и с кнопкой на конце пластинчатого приемника.

В исследуемом районе встречена в 1 экземпляре у с. Сидоры в погребении 1 кургана 33 (рис. 11, 20). Небольшая, с хорошо выраженной кнопкой. Ножка соединена со спинкой более плавно. Спинка покрыта «глазчатым» орнаментом. В данном случае по комплексу признаков фибула датируется I в. н.э., что коррелирует с хронологическо-классификационной схемой А.К. Амброза (2 вариант 12 группы, I в. н.э.)³⁴⁶. В.В. Кропотов, как вариант 2 группы 9 фибул с кнопкой на конце приемника³⁴⁷, датирует подобные застежки временем формирования позднесарматской культуры.

Группа 6. «Гибридные» фибулы.

Всего одна железная фибула со следами тетивы на головке из курганного могильника Власовка-2 погребения 1 кургана 1 (рис. 11, 21) не поддается надежной классификации из-за плохой сохранности. Хотя В.В. Кропотов включил эту застежку в группу 9³⁴⁸, по устройству она близка фибуле из некрополя Нижне-Гниловского городища (могила 12, раскопки 1990 г.). Такие фибулы В.В. Кропотов объединил в 11 группу «гибридных» и датирует временем формирования позднесарматской культуры³⁴⁹. По комплексу ве-

³⁴⁴ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 115.

³⁴⁵ Мошкова М.Г. Фибулы кочовиків Південного Приуралья // Археологія. 1997. № 3. С. 72-81.

³⁴⁶ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 43.

³⁴⁷ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 211. Рис. 61.

³⁴⁸ Там же. С. 224.

³⁴⁹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С.250-252. Рис. 70, 4.

щевого материала фибула из власовского погребения также укладывается в рамки II в. н.э.

2.4. Зеркала

Зеркала – довольно частая находка в сарматских погребениях всех трёх культур. Кроме того, как и фибулы, зеркала довольно чётко дают представление о дате комплекса. Их клали в основном в женские погребения, так как они служили им и в царстве мертвых³⁵⁰. Часто зеркала намеренно фрагментировались, то есть как бы умирали вместе с хозяйкой. Их изучение позволяет проследить динамику изменений культурных традиций в сарматской среде.

Исследованием зеркал археологи начали заниматься с начала XX в. Сначала М.И. Ростовцев, затем П. Рау в своих работах обращались к данному археологическому источнику³⁵¹. Впервые общую типологию сарматских зеркал разработал А. М. Хазанов³⁵². В 60-70-е гг. XX в. появился целый ряд локальных типологий зеркал по территориям Северного Кавказа, Поволжья, Приуралья, Кубани, Средней Азии³⁵³. К настоящему времени, наиболее пол-

³⁵⁰ Хазанов, А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СА. 1964. № 3. С. 89–96

³⁵¹ Ростовцев, М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 70-73; Rau, P. Die Hugelgraber romischer Zeit an der Unteren Wolga. Pskrowsk, 1927. S. 90-96.

* По А.С. Скрипкину: первая цифра – вариант диска; вторая – вариант ручки (от 1 до 11) или её отсутствие (0).

³⁵² Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58-71.

³⁵³ Мошкова М. Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1 – 10. 1963. С. 62-64; Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 121-132; Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971. С. 39–46.

ной представляется классификация зеркал А.С. Скрипкина³⁵⁴. Проведя статистический анализ, учёный выделил 6 отделов и 22 типа зеркал, в тех вариантах, когда форма диска коррелирует с вариантом ручки. Его типология и хронологические позиции некоторых типов были уточнены в работах М.В. Кривошеева и А.А. Глухова³⁵⁵. В своей работе, мы будем опираться на типологию А.С. Скрипкина с последующими уточнениями.

Бронзовые зеркала на территории хопёрско-волжского региона обнаружены в 22 погребальных комплексах. Все они относятся к следующим типам: **1.0***; **1.1**; **6.10**; **6.11**.

Зеркала типа 1.0. Зеркала с плоским диском, без ручек, диаметр 50-90 мм. К данному типу относятся 3 половинки зеркал, найденные в погребении из кургана 1 у с. Радушинка, в погребении 2 из кургана 3 у с. Ершовка, в погребении из кургана 22 у с. Третьяки (рис. 12, 1, 2). Данный тип зеркал бытует практически во всех сарматских культурах с III в. до н.э. по I в. н.э., а некоторые аналогии происходят и из погребений II в. н.э.³⁵⁶, особенно на Кубани, в Средней Азии и Нижнем Поволжье. Лишь в позднесарматское время этот тип перестаёт существование и сменяется другими типами зеркал. Причём, в указанных могильниках действует закономерность, подмеченная А.С. Скрипкиным³⁵⁷: все они найдены в погребениях под индивидуальной насыпью, при этом плоское зеркало сопровождается круговой посудой. По ком-

³⁵⁴ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 88-97.

³⁵⁵ Глухов А.А. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 89-103; Кривошеев М.В. О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. I Междунар. Нижневолж. археол. конф. Волгоград, 2004. С. 238-242.

³⁵⁶ Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 64.

³⁵⁷ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 153.

плексам находок, рассматриваемые экземпляры из северной части междуречья Дона и Волги так же не выходят за рамки середины II в. н.э.

Зеркало типа 1.1. Зеркало с плоским диском и отдельной ручкой. Этот тип на исследуемой территории представлен 1 экземпляром, происходящим из погребения 4 кургана 37 могильника у с. Сидоры (рис. 12, 3). Обратная сторона орнаментирована гравированными концентрическими линиями, образующими окружности. Ручка его не сохранилась, но хорошо видно место её крепления к диску при помощи пары заклепок. На Среднем Дону ему известны аналогии из погребения у хут. Лугового³⁵⁸, погребения кургана 13 могильника Дуровка³⁵⁹. Оба погребения датированы авторами публикаций в пределах II в. до н.э. В Нижнем Поволжье подобные зеркала бытуют от ранне- до среднесарматского этапов³⁶⁰, что соответствует в целом хронологической атрибуции комплекса кургана 37 Сидорского могильника.

Зеркала типа 6.10. Зеркала с валиком по краю и конусовидной выпуклостью в центре диска, с боковой петелькой. Из междуречья Хопра и Волги происходит наиболее представительная серия – 11 экземпляров. Они найдены в погребении 1 из кургана 1 у кол. Норка; в погребении 1 из кургана 1 у г. Новоаннинск; в погребении кургана 9 у с. Каменка; в погребении кургана 11 у с. Третьяки; в погребении 1 кургана 12 у с. Нехаево; в погребениях курганов 6 и 10 у с. Рыбушка; в погребениях курганов 9 и 11 у с. Сидоры; в разрушенных погребениях из Новой Норки и Котово (рис. 12, 4-8).

По поводу генезиса данного типа зеркал в науке споры не утихают с 20-х гг. XX в. М.И. Ростовцев находил их истоки в Центральной Азии³⁶¹,

³⁵⁸ Медведев А.П., Ковалевский В.Н. Раннесарматское погребение у хут. Луговой на Среднем Дону // Восточноевропейские древности скифской эпохи : сборник научных трудов. М., 2011. С. 228-236. Рис. 2, 1.

³⁵⁹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 19. Рис. 7, 2.

³⁶⁰ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 93. Рис. 34, 12; с. 142.

³⁶¹ Ростовцев, М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 73.

П. Рау относил их к кавказским³⁶². А.М. Хазанов, проанализировав зеркала из Средней Азии, выдвинул гипотезу о восточном происхождении зеркал с валиком и выпуклостью³⁶³. Б.А. Литвинский отнёс зарождение типа к III в. до н.э. и назвал его «бактрийским», по наибольшей встречаемости³⁶⁴.

М.П. Абрамова высказала точку зрения о кавказском происхождении зеркал. Она датирует их распространение I – началом II вв. н.э., но на материалах Северного Кавказа в пределах I в. н.э.³⁶⁵. По классификации А.С. Скрипкина, подобные зеркала с коническим утолщением и валиком типа 6.10 на территории Азиатской Сарматии получают наибольшее распространение в I – начале II в. н.э.³⁶⁶.

Однако, в погребениях с такими зеркалами из хопёрско-волжского междуречья наблюдается несколько иная картина. Всего три экземпляра зеркал входят в среднесарматские комплексы. Они датируются как обрядом (диагональное положение костяков), так и сопутствующим инвентарем. 5 экземпляров происходят из погребений второй половины II – первой половины III в. н.э. Обычно, они встречаются вместе с лучковыми фибулами 5 варианта 1 типа I группы по А.С. Скрипкину³⁶⁷, которые распространяются со второй половины II в. н.э. 3 экземпляра бронзовых зеркал с валиком и утолщением по центру относятся к позднему этапу позднесарматской культуры (середина

³⁶² Rau, P. Die Hugelgraber romisher Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927. S. 91.

³⁶³ Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 63-64.

³⁶⁴ Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971. С. 46.

³⁶⁵ Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 125.

³⁶⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 34, 49-50. Рис. 13, 6-16; он же. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 95, 153. Рис. 36, 13-18.

³⁶⁷ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. Рис. 12/13.

III – IV в. н.э.). Для них также имеются чёткие хронологические маркеры: обряд, пластинчатая сьюльгама, серьги и др.

Ещё одно близкое бронзовое зеркало-подвеска с боковым ушком и с коническим утолщением в центре в деревянном чехле, обтянутом кожей происходит из погребения кургана 1, могильника Власовка-2 (рис. 12, 8). Оно орнаментировано. По А.М. Хазанову, дата конических зеркал с орнаментом или тамгообразными знаками на обратной стороне – II-III вв. н.э.³⁶⁸. С ним по вопросу датировки солидарна М.П. Абрамова³⁶⁹. По М.Г. Мошковой, зеркала, подобные власовскому, датируются II-III вв. н.э., хотя появляются они в I в. н.э.³⁷⁰. По мнению А.С. Скрипкина, зеркала с боковым ушком и орнаментированной обратной стороной являются результатом развития предшествующего типа зеркал с боковым ушком и коническим утолщением (6.10). Время их появления в степях Поволжья он отнес ко II в. н.э., а широкое распространение зеркала такого типа получают во второй половине II-III вв. н.э.

Зеркала типа 6.11. Зеркала с валиком по краю и конусовидной выпуклостью в центре диска, с центральной петелькой на оборотной стороне диска. На территории северо-восточной части Доно-Волжского междуречья, от Хопра и восточнее, встречено 2 экземпляра (рис. 12, 10, 11).

Половинка серебряного зеркала с центральной петелькой со следами полировки на лицевой стороне обнаружена в погребении 2 кургана 13 Большедмитриевского могильника. На оборотной стороне имеется рельефный орнамент: центральная петелька-шишечка заключена в различные по величине квадраты, вписанные в окружность, идущую вдоль края зеркала. От углов и

³⁶⁸ Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 65-66.

³⁶⁹ Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 121-132.

³⁷⁰ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. С. 200.

от сторон малого квадрата отходят прямые линии – лучи, частично прерывающие второй квадрат.

Бронзовое зеркало с центральной петелькой диаметром 5 см с рельефным валиком по краю встречено в погребении кургана 11 у г. Аткарска. Петелька окружена рельефным ромбом (Рис.12, 11).

А.С. Скрипкин отмечает, что со II в. до н.э. часть поволжских сарматов отошла в восточные регионы, внося новации в материальную среднеазиатскую культуру³⁷¹. Поэтому не исключена возможность, что именно здесь под влиянием поволжских зеркал IV типа могли поменяться форма и орнамент, характерные для экземпляров Поволжья. На поволжских зеркалах геометрические сюжеты, выполненные в виде рельефного орнамента, видимо, представляют собой переработку китайских орнаментальных мотивов. Следует заметить, что китайское влияние в орнаменте местных зеркал с центральной петелькой проявилось в синкретичных формах, в Поволжье они совершенно отсутствуют³⁷². Б.А. Литвинский высказывал мнение, что появление орнаментированных экземпляров в среднеазиатском регионе должно было произойти в I в. н.э. и отсюда они распространились в Поволжье и на Северный Кавказ³⁷³.

На основании анализа позднесарматского материала В.М. Кривошеев приходит к выводу, что зеркала с центральной петелькой появляются в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону со II в. нашей эры. Кроме того, исследователь отмечает, что с середины II в. н. э. изменяется традиция орнаментации зеркал – на смену завиткам, кругам и расходящимся лучам приходит, в по-

³⁷¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 192-195.

³⁷² Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1979. С. 93.

³⁷³ Там же.

давляющем большинстве случаев, вписанный в круг квадрат³⁷⁴. К этому типу относятся и два экземпляра из исследуемого региона.

Особняком среди всех зеркал выступает зеркало из погребения в кургане 16 курганного могильника Третьяки (рис. 12, 9)³⁷⁵. Это типичное китайское зеркало, характерное для эпохи Ранней Хань (I в. до н.э. – II в. н.э.)³⁷⁶ В центре его тыльной стороны находится петля, окруженная четырехлепестковой розеткой. Во внутреннем орнаментальном поле нанесен узор в виде восьми арочных дуг. Во внешнем орнаментальном поле идет пояс китайских иероглифов. Так как они вписаны в квадратные рамки, каждый иероглиф имеет квадратную форму. Надпись – обычное благопожелание для ханьских зеркал рубежа эр. Перевод: *«Расплавлена хорошая (далее идёт, скорее всего, иероглиф «тун» - бронза. – Прим. Ли Джи Ын), так [зеркало показывает. – Прим. Ли Джи Ын] ясно и четко, и по этой причине на зеркале оставляем надпись: будет [хозяин этого зеркала. – Прим. Ли Джи Ын] жить долго, не будет беды»*³⁷⁷.

Два оставшихся экземпляра зеркал – фрагментированы. Из погребения кургана 3 у хутора Короли происходят обломки футляра для зеркала, украшенного концентрическими кругами. Зеркало во фрагментах, форма не восстанавливается. В погребении кургана 39 Третьяковского могильника была обнаружена ¼ разбитого в древности бронзового зеркала с валиком по краю

³⁷⁴ Кривошеев М.В. О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. I Междунар. Нижневолж. археол. конф. Волгоград, 2004. С. 238-240.

³⁷⁵ Medvedev A.P., Yefimov K.Yu. A sarmatian barrow with Roman and Chinese imports in the middle Don region // Raev B.A. Roman imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. P. 83-84.

³⁷⁶ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. С. 110; Гугуев В.К, Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 148.

³⁷⁷ Ли Д.Ы. Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н.э. – III в. н.э.): диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.06. Ставрополь, 2010. С. 112-113.

диска. Зеркало – V тип по А.М. Хазанову. Такие зеркала были распространены в Северном Причерноморье с III в. до н.э. по II в. н.э., причем зеркала малых размеров – в памятниках начала н. э.³⁷⁸. По А.С. Скрипкину, подобные зеркала с валиком по краю без конусовидной выпуклости входят во вторую группу фрагментов (Ф.2) и в древности могли быть зеркалами типов 4.0-9³⁷⁹.

2.5. Бусы

Бусы из сарматских погребений на территории Хопёрско-Волжского междуречья являются наиболее многочисленной группой находок. Нами учтено не менее 1300 экземпляров. Бусы как массовый материал для хронологических разработок в сарматской археологии использовался А.С. Скрипкиным³⁸⁰ и его учениками. Между тем, будучи в основном продукцией античных мастерских, бусы позволяют «привязать» сарматские древности к хронологической шкале античного мира. Для их анализа мы пользуемся классификацией, разработанной Е.М. Алексеевой³⁸¹.

По материалу и особенностям технологии изготовления выделяется 14 групп бус: из одноцветного стекла, из многоцветного стекла, из египетского фаянса, из гагата, из янтаря, из горного хрусталя, из халцедона, из сердолика, из агата, из мела, из коралла, из кости, из раковины, из стекла с металлом.

Одноцветное стекло. Самая многочисленная группа, насчитывающая 928 экземпляров. Все они делятся на 26 типов. Наиболее массовая группа

³⁷⁸ Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 62,64.

³⁷⁹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 96.

³⁸⁰ Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 112-117.

³⁸¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12. 94 с.; она же. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. 104 с.; она же. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. 105с.

(124 экземпляра) – мелкий разноцветный рубленный бисер (рис.13, 1,2) типа 166 по классификации Е.М. Алексеевой³⁸². Все находки происходят из погребения 1 кургана 8 могильника Власовка-I, погребения 1 кургана 1 у Новоннинска, погребения 2 кургана 1 у Большой Дмитриевки, погребения 1 из кургана 11 у Аткарска, погребения кургана 12 у Машевки и погребения f из кургана 6 у Норки. Рубленный бисер на территории Северного Причерноморья бытует на протяжении длительного времени с III в. до н.э. по IV в. н.э., но наибольшую популярность приобретает во II – I вв. до н.э. и во II – III вв. н.э.

Следующий по популярности тип 29 – укороченные бочковидные бусы из глухого грязно-синего стекла с продольной структурой ядра (91 экземпляр) (рис.13, 3). Они найдены в погребении 1 кургана 5, в погребении 2 из кургана 13 у Большой Дмитриевки, в погребении 5 кургана 2 могильника Усть-Курдюм, в кургане 8 у Каменки. В комплексах Северного Причерноморья тип датируется I – III вв. н.э.³⁸³.

Часто в погребениях северной части Волго-Донского междуречья встречаются бусы в форме параллелепипеда из полупрозрачного сизо-зеленого стекла типа 108 - 82 экземпляра (рис.13, 4). Все находки происходят из двух могильников: кургана 13 у Большой Дмитриевки и кургана 8 у Каменки. Бусы характерны для II – III вв. н.э.³⁸⁴.

Округлые бусы типов 15, 16, 17 (рис.13, 5) похожи между собой, различаясь только цветом. Они найдены в количестве 28 экземпляров в погребальных комплексах из могильников Власовка-II, Большая Дмитриевка, Каменка, Машевка, Норка. Все предметы были выполнены из свитого жгута, что датирует их, по материалам Северного Причерноморья, II – IV вв. н.э.³⁸⁵.

³⁸² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. С. 72.

³⁸³ Там же. С. 65-66.

³⁸⁴ Там же. С. 69.

³⁸⁵ Там же. С. 64-65.

К бочковидным бусам типов 18, 22-25, 31 (рис.13, 6) относятся 13 экземпляров из погребения 1 кургана 10 могильника Власовка-I, из кургана 39 у Третьяков, из кургана 5 у Большой Дмитриевки, из кургана 3 у хутора Короли. Типы 22 и 31 на территории Северного Причерноморья были распространены в I – II вв. н.э., тип 18 – только в I в. н.э., типы 23 и 25 характерны как для среднесарматской, так и для позднесарматской культуры, причем последние существуют вплоть до IV в. н. э.³⁸⁶.

Цилиндрические бусы (рис.13, 7) типа 63 - 1 экземпляр из погребения 1 кургана 5 у Большой Дмитриевки, типа 68 и 69 - 52 экземпляра из погребения кургана 3 у хутора Короли на территории Северного Причерноморья встречены в комплексах I – IV вв. н.э.³⁸⁷.

Яйцевидная бусина из глухого оранжевого стекла типа 37 (рис.13, 8), встреченная единожды в кургане 33 могильника Третьяки, по Е.М. Алексеевой она датируется I – II вв.³⁸⁸.

Из двух погребальных комплексов кургана 5 у Большой Дмитриевки – 2 экземпляра и кургана 8 у Каменки – 107 экземпляров происходят округлые пропорциональные и поперечно-сжатые бусины из глухого белого стекла типа 2 (рис.13, 9). Они имеют продольную структуру, из-за чего датируются первыми веками нашей эры³⁸⁹.

Мелкие бусы биконической формы тёмно-красного цвета типа 88 (рис.13, 10), встреченные в количестве 4 экземпляров в кургане 3 у хутора Короли, из-за малых размеров можно поместить в хронологические рамки I – III вв. н.э.³⁹⁰. Подобные из прозрачного и белого глухого стекла типа 100 из погребения f кургана 6 у Норки характерны для II-III вв. н.э.³⁹¹.

³⁸⁶ Там же. С. 65-66.

³⁸⁷ Там же. С. 67.

³⁸⁸ Там же. С. 66.

³⁸⁹ Там же. С. 63.

³⁹⁰ Там же. С. 68.

³⁹¹ Там же. С. 69.

Бусы в форме параллелепипеда (рис.13, 11) из глухого красного стекла типа 104, из глухого голубого стекла типа 110, из прозрачного тёмно-синего стекла типа 113 были встречены по одному экземпляру. Время их бытования на территории Северного Причерноморья IV в. до н.э. – IV в. н.э.³⁹², однако наиболее популярны они в первые века нашей эры.

Интересны для уточнения хронологии погребальных комплексов следующие типы бус: ромбическая в сечении бусина из глухого темного стекла типа 137 (рис.13, 12); округлая бусина с ребристой поверхностью прозрачного стекла типа 144 (рис.13, 13); бусина с косыми ребрами из глухого красного стекла типа 156 (рис.13, 14) из погребения 1 кургана 5 у Большой Дмитриевки. Все бусы по классификации Е.М. Алексеевой датируются первыми веками н.э.³⁹³, однако известна находка бусины этого типа в комплексе IV в. н.э.³⁹⁴.

Многоцветное стекло. Группа насчитывает 49 бусин, которые разделяются на 13 типов. Округлая бусина из глухого белого стекла с тремя накладными глазками из синих колец типа 26а (рис.13, 15) известна в кургане 8 могильника Власовка-I. Аналогии датируются временем до нашей эры³⁹⁵.

Вероятно, к типу 49 относится вторая бусина из указанного кургана, выполненная из глухого грязно желтого стекла и украшенная шестью глазками (рис.13, 16). Она так же имеет аналоги в памятниках до нашей эры из Северного Причерноморья³⁹⁶.

Округлая поперечно-сжатая бусина из глухого белого стекла, украшенная слоисто-щитковыми глазками из двух синих и одного белого дисков типа

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же. С. 70-72.

³⁹⁴ Там же. С. 71.

³⁹⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12. С. 59.

³⁹⁶ Там же. С. 64.

58а происходит из погребения 2 кургана 13 у Большой Дмитриевки³⁹⁷. Е.М. Алексеева, выделив этот тип и вариант, не указала для него хронологических рамок, но мы, по погребальному комплексу³⁹⁸, можем датировать её временем второй половины III – началом IV вв. н.э.

Ещё одна большая бусина из непрозрачного стекла грязно-желтого цвета, украшенная девятью трёхцветными глазками типа 74 (рис.13, 17) была обнаружена в кургане 22 у Третьяков. Данный тип бус хорошо известен в памятниках Северного Причерноморья в последние века до н. э.³⁹⁹.

Четыре экземпляра округлых бус из темно-синего стекла, с насыщенными диагональными рядами глазков, которые являлись отрезком слоистого сине-белого прутика (рис.13, 18), были найдены в разрушенном в 1964 г. погребении в Нехаево. Подобные бусы по классификации Е.М. Алексеевой относятся к типу 84в и датируются последними веками до нашей эры⁴⁰⁰.

Бусина цилиндрической формы из глухого полупрозрачного грязно-синего стекла с множеством сине-белых глазков типа 104 (рис.13, 19) входила в погребальный комплекс кургана 33 могильника Третьяки. Зарождаясь в I в. до н.э., бусы становятся распространенными в I в. н.э.⁴⁰¹.

Бусы цилиндрической формы, целиком покрытые узкими полосками лиловыми и белыми со спаянным орнаментом (рис.13, 20), были обнаружены в исследуемом регионе в количестве 4 экземпляров. Они относятся к типу 180а и датируются Е.М. Алексеевой II в. до н.э. – I в. н.э.⁴⁰². Однако, ком-

³⁹⁷ Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. Рис. 2, 24.

³⁹⁸ Там же. С. 135-152.

³⁹⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12. С. 67.

⁴⁰⁰ Там же. С. 68.

⁴⁰¹ Там же. С. 70.

⁴⁰² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. С. 42.

плекс погребения 1 из кургана 5 у Большой Дмитриевки определенно датируется позднесарматским временем.

Бочковидные бусы с темно-лиловым (черным) ядром и шестью белыми продольными полосками (рис.13, 21) были открыты в погребениях из кургана 10 могильника Власовка-I и Нехаево в количестве 6 экземпляров. Их тип по классификации Е.М. Алексеевой – 190б, а время распространения – II в. до н.э. – II в. н.э.⁴⁰³.

Округлые бусы из глухого черного стекла с несколькими линиями фестонов белого цвета типа 259а (рис.13, 22). открыты в погребениях кургана 22 у хут. Третьяки и кургана 12 у Машевки (2 экз.). Аналоги на территории Северного Причерноморья известны как до нашей эры, так и в III в. н.э.⁴⁰⁴.

Удлиненная веретеновидная бусина, спаянная из разноцветного стекла типа 290 (рис.13, 23) встречена в погребении 2 кургана 2 у Верхнего Колышлея. Наиболее вероятная датировка подобных бус – рубеж эр⁴⁰⁵.

Особый интерес среди полихромных бусин занимает прямоугольная стеклянная мозаичная бусина (рис.13, 24). В светло-розовую поверхность бусины впаяно белое изображение растения (винограда?). Точных аналогий бусине с территории Северного Причерноморья нет, но ей близки типы 477-478 по Е.М. Алексеевой⁴⁰⁶. Датируется комплекс, из которого происходит находка, позднесарматским временем.

Полихромная бусина из стекла с двусторонним ресничковым орнаментом (рис. 13, 25) из кургана 10 Первого могильника у Власовки относится к типу 486 и датируются I в. н.э.⁴⁰⁷.

⁴⁰³ Там же. С. 43.

⁴⁰⁴ Там же. С. 48.

⁴⁰⁵ Там же. С. 50.

⁴⁰⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. С. 42.

⁴⁰⁷ Там же. С. 43. Табл. 49.1.

Египетский фаянс. Фигурные бусы из этого материала представлены 8 экземплярами (рис.13, 26-29). Из них 4 экземпляра из курганов 22 и 33 у Третьяков относятся к типу 9 (короткоцилиндрический бисер бирюзового цвета)⁴⁰⁸ (рис. 13, 27); 2 экземпляра близки к типу 17⁴⁰⁹, но представляют отдельный тип, не имеющий аналогов (рис. 13, 29); 1 экземпляр – бирюзовая бусина в виде амфорки (рис. 13, 28) – тип 82⁴¹⁰; 1 экземпляр – ребристая бирюзовая бусина (рис. 13, 26) – тип 166⁴¹¹. Бисер из египетского фаянса бытует с I по IV вв. н.э.; остальные типы характерны для первых веков нашей эры.

Гагат. Гагатовые бусы представлены двумя бочковидными поперечно-сжатыми подвесками типа 19⁴¹² из кургана 10 Первого Власовского могильника, а также двумя поперечно-сжатыми бусинами типа 9а⁴¹³ (рис.13, 30) из кургана 22 у Третьяков. Оба типа характерны для I в. н.э.

Янтарь. Находки бус из данного минерала на территории Хопёрско-Волжского междуречья весьма многочисленны – 126 экземпляров, составляющих четыре типа.

79 округлых пропорциональных и поперечно-сжатых бусин неправильных очертаний типа 2 (рис.13, 31), распротарненных в IV в. до н.э. – IV в. н.э.⁴¹⁴. 5 экземпляров – бочковидные продольно-вытянутые бусы типа 4 (рис.13, 32), характерные для I – II вв. н.э., 1 экземпляр – бочковидная поперечно-сжатая бусина типа 5 (рис.13, 33), встречающаяся в памятниках Северного Причерноморья в I – III в. н.э.⁴¹⁵. Все эти экземпляры входили в со-

⁴⁰⁸ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12. С. 32.

⁴⁰⁹ Там же. С. 35.

⁴¹⁰ Там же. С. 46.

⁴¹¹ Там же. С. 34.

⁴¹² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. С. 13.

⁴¹³ Там же. С. 12.

⁴¹⁴ Там же. С. 23.

⁴¹⁵ Там же. С. 24.

проводящий инвентарь погребения кургана 22 Третьяковского могильника, погребения 2 кургана 13, погребения 1 кургана 5 Больше-Дмитриевского могильника. В кургане 1 могильника Второго Власовского могильника была встречена янтарная пронизь темно-вишневого цвета уплощенной формы типа 28⁴¹⁶, наиболее распространенная в памятниках II – IV вв. н.э.

В погребении 1 кургана 5 Больше-Дмитриевского могильника представлены янтарные бусы грибовидной формы типа 21 (рис.13, 34), датирующиеся в основном IV в. н.э. – 34 экземпляра, и каплевидные (гребневидные) типа 41 (рис.13, 35) – 6 экземпляров II в. н.э.⁴¹⁷.

Горный хрусталь. Бусы из горного хрусталя в рассматриваемом районе встречены в количестве 9 экземпляров в двух комплексах: погребении 2 кургана 13 у Большой Дмитриевки и погребении кургана 18 у Третьяков. Они делятся на два типа – округлые в виде уплощенного шара тип 2а⁴¹⁸ (рис.13, 41) и пятигранная типа 14⁴¹⁹. Оба типа характерны для памятников I – II вв. н.э.

Сердолик. Бусы из указанного полудрагоценного камня на территории междуречья Хопра и Волги встречены в количестве 39 экземпляров. Особенно большое скопление их встречено в погребении 1 кургана 5 Больше-Дмитриевского могильника.

Самый распространенный тип бус в указанном районе – округлой пропорциональной формы (рис.13, 36), тип 2а по Е.М. Алексеевой⁴²⁰. Они встречены в курганах 8 и 10 Первого Власовского могильника, курганах 18 и 39 Третьяковского могильника, кургане 20 могильника у с. Большая Дмитри-

⁴¹⁶ Там же. С. 32.

⁴¹⁷ Там же. С. 24-25.

⁴¹⁸ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. С. 7.

⁴¹⁹ Там же. С. 9.

⁴²⁰ Там же. С. 15.

евка. В Северном Причерноморье подобный тип бус наиболее распространен в I – II вв. н.э.

В курганном могильнике у с. Большая Дмитриевка в погребениях из курганов 5 и 20 встречены сердоликовые четырнадцатигранные прямоугольные бусы от тёмно-вишневого до светло-жёлтого цветов типа 15 (рис.13, 37), характерные для II – III вв. н.э.⁴²¹.

Из погребения кургана 39 Третьяковского могильника происходят бочковидные продольно-вытянутые с односторонним сверлением сердоликовые бусы тип 3а (рис.13, 38); поперечно-сжатая бочковидная бусина тип 4 (рис.13, 39); усеченно-биконическая поперечно-сжатая бусина с односторонним сверлением типа 8 (рис.13, 40). Все типы были распространены в I – III вв. н.э.⁴²².

Особенно интересна в этой группе находка сердоликовой уплощенной пронизи скарабеоидной формы типа 23 из однородного светлого минерала в кургане 22 могильника у с. Третьяки⁴²³. Подобные пронизи датируются I в. н.э.⁴²⁴.

Халцедон. Из данного материала выполнены 4 экземпляра бус, разделяющиеся на два типа: тип 1 – округлые продольно-вытянутые с односторонним сверлением⁴²⁵; тип 2а – пропорциональные и поперечно-сжатые с односторонним сверлением и бороздкой в начале отверстия (рис.13, 42). Оба

⁴²¹ Там же. С. 17-18.

⁴²² Там же. С. 16-17.

⁴²³ Ефимов К.Ю. Отчёт о раскопках курганов близ с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. Р. 1. 1986. № 10825. Рис. 13/31.

⁴²⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. С. 18.

⁴²⁵ Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. Рис. 8/III, 18.

типа датируются первыми веками нашей эры⁴²⁶. Все четыре экземпляра входили в сопровождающий инвентарь погребения из кургана 39 могильника Третьяки.

Агат. Агатовые бусы в количестве 48 экземпляров были встречены в двух могильниках (Нехаевском и Каменском). Все они представляют один тип – мелкие бочковидные плоские агатовые бусы типа 2а по Е.М. Алексеевой и датируются ей I – II вв. н.э.⁴²⁷.

Мел. Меловые бусы представлены 18 экземплярами и 4 типами. Тип 2 объединяет плоские округлые бусины⁴²⁸, распространенные в Северном Причерноморье с V в. до н.э. по II в. н.э.⁴²⁹. Тип 4 – бочковидные меловые бусины со следами красной краски I – II в. н.э.⁴³⁰ Тип 8 – короткоцилиндрические пронизи⁴³¹. Тип 11 – трапециевидные подвески с двусторонним сверлением⁴³². Оба типа бытуют в Северном Причерноморье в I – III вв. н.э.⁴³³.

⁴²⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. С. 11.

⁴²⁷ Там же. С. 20.

⁴²⁸ Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. Рис. 6/III, 11.

⁴²⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. С. 29.

⁴³⁰ Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. Рис. 6/III, 17.

⁴³¹ Там же. Рис. 6/III, 14.

⁴³² Там же. Рис. 6/III, 9, 10.

⁴³³ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. С. 29-30.

Кость. Костяных бус на изучаемой территории известно всего 2 экземпляра. Они относятся к типу 1 – округлые шаровидные, типичные для II – III вв. н.э.⁴³⁴.

Коралл. В погребении 1 кургана 1 Второго Власовского могильника было найдено ожерелье из коралловых бус (рис.13, 43-45). Бусины относятся к типу 9 и в Северном Причерноморье датируются I в. до н.э. – III в. н.э.⁴³⁵.

Стекло с металлической прокладкой. Округлые пропорциональные и поперечно-сжатые из прозрачного стекла с металлической прокладкой бусины типов 1 а, б происходят из кургана 6 у Норки (7 экземпляров)⁴³⁶. Аналоги известны на территории Северного Причерноморья в первые века нашей эры, но совсем в небольшом количестве⁴³⁷. Из того же кургана происходят 7 экземпляров усеченно-биконических уплощенных бус⁴³⁸ типа 8. Данный тип начинает распространяться до н.э., но существует вплоть до II в. н.э.⁴³⁹.

Набор бус из сарматских погребений Хопёрско-Волжского междуречья в целом одинаков с подобными украшениями в других локальных вариантах распространения сарматов и в античных некрополях Северного Причерноморья. Он близок составу ожерелий из сарматских погребений сопредельных

⁴³⁴ Там же. С. 31.

⁴³⁵ Там же. С. 30.

⁴³⁶ Гущина И.И., Фирсов К.Б. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. 2000. Вып. 3. Рис. 6, 14-16, 19-20, 25-26.

⁴³⁷ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. С. 29-30.

⁴³⁸ Гущина И.И., Фирсов К.Б. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. 2000. Вып. 3. Рис. 6, 18.

⁴³⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. С. 31.

территорий лесостепного Подонья⁴⁴⁰, бассейна Иловли⁴⁴¹, Нижнего Поволжья⁴⁴² и Подонья⁴⁴³. Локальной специфики данная группа вещей не обнаруживает, а соответствует моде, установившейся в сарматской среде в начале нашей эры.

2.6. Пряжки и поясные наборы

Среди исследований по сарматской археологии не очень много работ, посвященных таким важным в кочевнической среде элементам костюма, как наборные пояса и ременные гарнитур. Первую реконструкцию сарматских поясов предпринял А.В. Симоненко⁴⁴⁴. Пряжки раннесарматского периода анализировала М.Г. Мошкова⁴⁴⁵. Несколько реконструкций сарматских поясов присутствуют в недавнем исследовании С.А. Яценко⁴⁴⁶. Особо стоит выделить работу В.Ю. Малашева, которая содержит детальный анализ поясной гарнитуры, но, к сожалению, освещает исключительно позднесарматский период⁴⁴⁷. Все исследования показывают важность данного типа источников

⁴⁴⁰ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 45-47, 90-91. Рис. 49.

⁴⁴¹ Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 146-161.

⁴⁴² Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 112-117.

⁴⁴³ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. Рис. 55.

⁴⁴⁴ Симоненко А.В. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 62; он же, Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991. 111 с.

⁴⁴⁵ Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. № 78. М., 1960. С. 293-307.

⁴⁴⁶ Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. 661 с.

⁴⁴⁷ Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.

при изучении истории и культуры сарматов. Пряжки, наряду с фибулами и некоторыми типами бус, являются наиболее точными хроноиндикаторами.

Из хопёрско-волжского района сарматских памятников происходит 21 экземпляр различных пряжек. По форме рамки пряжки подразделяются на несколько типов.

– Тип 1 – с округлой рамкой – 17 экземпляров. Они наиболее распространены в рассматриваемом регионе. Все они выполнены из самых различных материалов: железа, бронзы, серебра, золота и даже стекла. По наличию-отсутствию обоймы для крепления с ремнем их можно разделить на два подтипа.

Подтип 1. Пряжки без обоймы (рис. 14, 1, 2). Железные и бронзовые округлорамчатые пряжки с подвижным язычком. Рамка в сечении круглая. Язычок в сечении овальный. Они были обнаружены в погребениях курганов у сс. Таптулино, Красновки, Машевки, Третьяков, Большой Дмитриевки, Нехаева, Жердевки. Большинство экземпляров типично для I – II вв., хотя некоторые встречаются и позже в III – IV вв.⁴⁴⁸

Наиболее интересными представляются пряжки из погребения кургана 1 у Норки, погребения 2 кургана 13 Больше-Дмитриевского могильника, разрушенного погребения у сл. Котово.

Пряжка-застежка (сюльгама) из погребального комплекса кургана 1 у Норки (рис. 14, 3) – круглая, пластинчатая с подвижным язычком. На рамке – елочный орнамент. Сюльгама имеет усики, закрученные в кольцо. Пряжки-сюльгамы известны в верхнедонских могильниках II – III вв. н.э., но там они без орнаментации⁴⁴⁹. Пряжка из Норки, на наш взгляд, относится к наиболее раннему типу пластинчатых сюльгам, широко распространенных на памят-

⁴⁴⁸ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 41,57. Рис. 15, 1-4; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6. С. 128-129; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 42.

⁴⁴⁹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 77, 30.

никах поволжско-финского населения на территории Средней Оки и Среднего Прикамья и являющихся их своеобразным этническим индикатором. По материалам рязано-окских могильников (Кораблино, могильник 2, погр. 74,84,85) сюльгамы этого типа относятся ко второй половине III – первой половине IV вв. н.э.⁴⁵⁰. Застежки типа сюльгам с несходящимися концами, свернутыми в виде втулок, орнаментированные насечками на дужке, редко встречаются в сарматских памятниках Нижнего Поволжья второй половины III – IV вв. н.э., да и представляют они собой другой тип⁴⁵¹.

Интересны по технике исполнения стеклянные округлой формы пряжки зеленого цвета с подвижным бронзовым язычком. Язычок круглый в разрезе. Два экземпляра происходят из богатых погребений второй половины III в. н.э. – погребения 2 из кургана 13 Больше-Дмитриевского могильника (рис. 14, 4) и разграбленного погребения у сл. Котовой. Ближайшая аналогия происходит из Барановского могильника, где датируется тем же временем⁴⁵².

Подтип 2. Пряжки с обоймой. Из погребения 3 кургана 16 Больше-Дмитриевского могильника происходит серебряная пряжка с обоймой (рис. 14, 5). Дужка эллипсовидной формы фигурно изогнута, обойма овальная. Сечение дужки круглое, язычка – овальное. Обойма обтянута золотым листом

⁴⁵⁰ Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 96. М., 1998. С. 32-42.

⁴⁵¹ Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 508; Сеницын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955гг.) // МИА. № 78. М., 1960. С. 107-110; Мошкова М. Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности // Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 1989. С. 200. Табл. 82, 92; Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области / Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995. С. 118. Рис. 12.8.

⁴⁵² Скрипкин А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИА. 1974. № 140. С. 57-63.

со вставкой в центре округлого полудрагоценного камня (сердолик). Вокруг вставки проходит ряд напаянной зерни. По краю обоймы идет орнамент из тонкой скрученной проволоки в виде косички. Пространство между вставкой и краем заполнено пирамидками зерни вершинами вверх и вниз. Близка ей по форме серебряная пряжка из погребения 1 кургана 2 того же могильника (рис. 14, б). По форме и украшению пряжка находит аналоги в погребении у ст. Воздвиженской в Прикубанье ⁴⁵³, в Тарасовском курганном могильнике в Прикамье ⁴⁵⁴. Генезис же их связан с Пантикапеем и Херсонесом. По мнению некоторых учёных, подобные вещи появляются на Волге и восточнее после вторжения гуннов, где продолжают использоваться и, возможно, дорабатываться или переделываться ⁴⁵⁵. Пряжка из Больше-Дмитриевского могильника, на наш взгляд, определенно относится к предгуннскому времени.

– Тип 2 – с прямоугольной рамкой – 2 экземпляра, разделяющиеся на два подтипа по наличию обоймы:

Подтип 1. Без обоймы. Прямоугольной формы пряжка с подвижным язычком из погребения 1 кургана 1 Второго Власовского могильника (рис. 14, 7). Данный тип пряжек известен в Поволжье с раннесарматского времени ⁴⁵⁶.

Подтип 2. С обоймой. Бронзовая пряжка прямоугольной формы с обоймой, крепящаяся к ремню с помощью клепок из кургана 13 у хут. Короли (рис. 14, 8). Подобные пряжки распространяются в сарматской среде с первых веков нашей эры.

⁴⁵³ ОАК за 1899 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов. 1902. С. 43-44.

⁴⁵⁴ Р.Д. Голдина. Тарасовский могильник I—V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. 1. 318 с.

⁴⁵⁵ Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднееримского времени на территории Сарматии // *Stratum Plus*. 2000. № 4. С. 226-250.

⁴⁵⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 41,57.

– Тип 3 – пряжка «восьмеркообразной» формы из золотой кованой проволоки с выступом – крючком на одном конце и четырьмя пластинчатыми петлями на оборотной стороне (рис. 14, 10). В центре косая крестообразная фигура, заключенная между поперечными перекладинами. Середина украшена напаянным гнездом для вставки стекла или камня. Пряжка орнаментирована плетенкой. Близка пряжкам типа 1 подтипа 2⁴⁵⁷, отличаясь от последних формой. Видимо, датируется также временем не раньше середины III в. н.э.

– Тип 4 – Костяная пряжка с двумя вырезами с обеих сторон из погребения кургана 5 Нехаевского могильника (рис. 14, 9)⁴⁵⁸. На одном из вырезов имелся железный крючок. На пряжке нанесен сетчатый орнамент. Пряжка аналогов не имеет и датируется по комплексу позднесарматским временем.

Примечательно, что в погребении кургана 14 у Третьяков был найден бронзовый поясной набор из семи предметов: четыре тренчика, пластинчатая оковка оконечности ремня и две проволочные скрученные скрепки (рис. 14, 11-17). Данное захоронение – едва ли не единственное на территории всего хопёрско-волжского региона, содержащее подобные вещи. В основе конструкции подобных поясов лежала система скрепления бронзовой проволокой прямоугольных кожаных полосок. Они стыковались длинными сторонами и прошивались крест-накрест плоской бронзовой проволокой. Сверху и снизу места стыка были схвачены прямоугольными бронзовыми обоймами⁴⁵⁹. Пряжками таких поясов могли служить прямоугольные рамки или круг-

⁴⁵⁷ Там же. Рис. 15/17.

⁴⁵⁸ Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. Рис. 6/5.

⁴⁵⁹ Симоненко А.В. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 52-54.

лые кольца, бронзовые или железные, крепившиеся с ремнем обоймой и, очевидно, крючком, симметричным обойме ⁴⁶⁰.

2.7. Орудия труда

Орудия труда среди погребального инвентаря сарматских комплексов междуречья Хопра и Волги занимают значительное место. Здесь представлено 28 экземпляров ножей, 21 экземпляр пряслиц, 3 шила, пара ножниц, проколки, 3 игольницы и 5 каменных пестов – оселков. 45 погребальных комплексов содержали орудия труда, что составляет почти треть всех сарматских памятников. И дело здесь не заключается в половозрастном составе покойных, с чем обычно связывают обилие орудий труда. Все они происходят из могильников длительного накопления – от средне- до позднесарматской культуры. Видимо, довольно богатый и многочисленный инструментарий демонстрирует то, что для данного региона производственная деятельность становится одним из характерных занятий сарматов, что отразилось в частом помещении подобного рода вещей в могилы.

Ножи. Все ножи относятся к категории однолезвийных. Скорее всего, они не имели узко производственного назначения, так как все экземпляры были встречены в комплексах с напутственной пищей и мисками, либо подстилками под мясо из бересты. Все ножи относятся к типу с узким прямым лезвием, закругляющимся к острию (рис. 15, 1-3). Аналогии им известны с VI в. до н.э. ⁴⁶¹. Подобные ножи доживают до позднесарматского времени ⁴⁶². Их различия заключаются в размерах. Для I-II вв. характерны ножи небольших размеров – 9-10 см в длину (рис. 15, 3). Отличительной чертой позднесарматской культуры являются довольно крупные ножи длиной 17-20 см с костью-

⁴⁶⁰ Там же. С. 54-55.

⁴⁶¹ Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Т.10. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 68, 7.

⁴⁶² Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 368, 508. Рис. 60,6.

ными рукоятками и прямой или горбатой спинкой (рис. 15, 1-2). Эти рукояти имели ту же форму и то же крепление, что и деревянные, и делались из двух плоских пластин или трубчатой кости. В двух курганах – у Машевки (рис. 15, 1) и Аткарска (рис. 15, 2) найдены ножи с фигурными орнаментированными костяными рукоятками, которые надевались поверх деревянных обкладок черенка. Это важная отличительная черта восточных регионов, так как в лесостепном Подонье, Северном Причерноморье, Молдавии ножи с костяными ручками не известны.

Пряслица. Этот важный хозяйственный предмет, выполняющий функции грузика на конце веретена при прядении, является довольно частой категорией находок в захоронениях сарматов на указанной территории – 21 экз. Изготавливались пряслица из обожженной глины, реже из камня и других материалов. Выделение каких-либо четких хронологических групп по типам этого вида предметов пока затруднительно, так как одни и те же формы пряслиц встречаются на протяжении всей эпохи раннего железного века на обширной территории скифо-сарматского мира ⁴⁶³.

Если для скифянок интерпретация пряслиц как профессионального маркера погребенных объективно затруднена в силу массовости их находок, не позволяющей отнести большую часть ингумированных в некрополях скифского времени женщин к категории прях или ткачих, то для сарматов пряслица возможно интерпретировать именно, как их профессиональные инструменты. В любом случае пряслице – элемент орудия производства. Оно может рассматриваться как инструмент, необходимый покойнице в загробном мире, например для кручения нитей и, возможно, изготовления новой одежды или использования в качестве оберега ⁴⁶⁴.

⁴⁶³ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 91.

⁴⁶⁴ Головченко Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож» или некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего же-

Тип 1. Биконические пряслица (рис. 15, 4-7). Самая многочисленная категория находок в хопёрско-волжском междуречье – 14 экземпляров. Среди них выделяются варианты – усеченно-биконические уплощенные – 7 экз. (рис. 15, 4, 6); усеченно-биконические высоких форм – 7 экз. (рис. 15, 5, 7). Поверхность половины пряслиц покрыта лощением, остальные аккуратно заглажены. Подавляющее большинство пряслиц не орнаментировано. Пряслице с орнаментом встречено единожды в погребении 1 кургана 1 у дер. Верхний Колышлей (рис. 15, 7). Орнамент состоял из зигзагообразных линий и поясков.

Усеченно-конические пряслица были наиболее распространены в сармато-аланской среде в I – IV вв. н.э. Они имеют многочисленные аналогии в сарматских памятниках на р. Воронеж ⁴⁶⁵, в материалах раннего горизонта Чертовицкого III городища на Верхнем Дону ⁴⁶⁶. Пряслица высоких пропорций распространяются в Заволжье в IV в. н.э., на памятниках типа Лбище ⁴⁶⁷.

Тип 2. Сфероконические пряслица (рис. 15, 9). Встречены на рассматриваемой территории в количестве 5 экземпляров. Аналогии широко известны в памятниках Средней Азии (IV тип, вариант А по Б.А. Литвинскому), их распространение начинается с III – IV вв. н.э. ⁴⁶⁸. Это низкие сфероконические пряслица, почти дисковидные, со следами красного и черного ангоба. В сармато-аланской среде II-IV вв., как указывалось выше, бытовали пряслица биконических и усеченно-конических форм. Сфероконические пряслица ха-

леза // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 100-105.

⁴⁶⁵ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 55-60.

⁴⁶⁶ Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С.233-255.

⁴⁶⁷ Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья I-V вв. н.э. // Автореф... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 18.

⁴⁶⁸ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1979. С. 40.

рактены для позднесарматских погребений Заволжья, лишь начиная с IV в. н.э.⁴⁶⁹. В исследуемом районе они также встречены в хорошо датированных погребениях типа захоронения у с. Котово⁴⁷⁰.

Тип 3. Шаровидное или бочонковидное пряслице (рис. 15, 8). Встречено на исследуемой территории единожды в погребении 1 кургана 1 у дер. Верхний Колышлей. Бочонковидные пряслица аналогичны пряслицам типа 1 по классификации В.М. Косяненко из некрополя Кобякова городища на Нижнем Дону, где они появились во второй пол. I в. н.э. и существовали до середины III в. н.э.⁴⁷¹.

Тип 4. Плоское дисковидное пряслице (рис. 15, 10). Встречено в погребении кургана 22 у с. Третьяки. Погребение диагональное, содержащее инвентарь, характерный для первой половины II в. н.э. Точная аналогия ему встречена в некрополе Кобякова городища⁴⁷².

Шилья, проколки, иглы. 4 экземпляра шильев происходят из погребений сарматского времени Хопёрско-Волжского междуречья. Все они были найдены в захоронениях взрослых женщин. Шилья железные, в сечении – круглые (рис. 15, 13). Два экземпляра имели у основания остатки деревянной ручки. Подобные шилья известны в памятниках среднесарматской культуры⁴⁷³.

⁴⁶⁹ Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именковская культура. Учебное пособие. Самара., 2003. 158 с.

⁴⁷⁰ Берхин И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1962. Вып. 2. С. 141.

⁴⁷¹ Косяненко В.М. Пряслица из некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов., 2000. С.270-279.

⁴⁷² Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону, 2013. С.247, 440. Табл. 157/1.

⁴⁷³ Мошкова М. Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Т.10. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 182.

Один экземпляр костяной проколки происходит из кургана 3 у хут. Короли. Подобные предметы не часто, но попадаются в сарматских погребениях от ранне- до позднесарматского этапа ⁴⁷⁴. Низкую встречаемость костяных проколок в инвентаре конкретного района можно объяснить тем, что данное орудие, по мнению некоторых учёных ⁴⁷⁵, предназначалось для изготовления конской узды, находки которой в регионе практически отсутствуют.

Собственно, находки игл в указанном районе не представлены. Однако, присутствуют 4 экземпляра так называемых игольников (рис. 15, 11-12). Один игольник изготовлен из трубчатой кости и украшен резным циркульным орнаментом в виде правильных кружков (рис. 15, 11). Аналогии известны в погребениях раннесарматского времени (Бишунгаровские курганы, погребение 8 из кургана 11) ⁴⁷⁶ и являются характерной чертой этой культуры. Встречаются игольники и в более поздних комплексах ⁴⁷⁷.

Трубочки-игольницы из белого металла (серебра) происходят из трёх комплексов (рис. 15, 12). В сечении – круглые, полые, со слегка утолщенными краями. Сделаны они были из свернутого металлического листа, края которого заходили друг на друга. Аналогии известны в памятниках позднесарматской культуры ⁴⁷⁸.

Ножницы. Известно 2 экземпляра пружинных ножниц (рис. 15, 15). Найденные ножницы однотипны: с плоской овальной пружинной и клинооб-

⁴⁷⁴ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 99; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 100.

⁴⁷⁵ Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953гг.) // МИА. № 60. М., 1959. С. 99.

⁴⁷⁶ Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Приуралья. М., 1983. С. 30. Табл. XX, 7.

⁴⁷⁷ Мошкова М.Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1 – 10. 1963. С. 39. Табл. 23, 34-40.

⁴⁷⁸ Гущина И.И. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (по фондам ГИМ) // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966. С. 68. Рис. 1,4.

разными лезвиями. На сопредельных территориях Поволжья они весьма распространены и датируются второй половиной II — серединой III вв. н.э.⁴⁷⁹

Каменные песты (оселки). На сегодняшний день точно не установлено, с какой целью данные предметы помещались в погребения — культовой или хозяйственной. Однако, как нам представляется, их можно интерпретировать как культовую вещь хотя-бы потому, что они были помещены в могилу. В повседневной жизни, видимо, их использовали в основном в хозяйстве для обработки железа. На рассматриваемой территории хоперско-волжского района сарматских памятников встречено 5 каменных пестов (оселков). В основном они не имели следов использования, т.е. выполняли функцию предмета, сделанного специально для погребения. В этом смысле, по месту и времени, оселки являются предметами культово-магического назначения⁴⁸⁰.

2.8. Редкие типы предметов

Выделение данного параграфа необходимо из-за того, что некерамическая посуда, редкие типы украшений и предметы туалета, являясь в основном импортными и, вследствие этого, нечастыми находками, наиболее информативны в плане хронологии и товарных связей.

Металлическая посуда. Вся металлическая посуда, как и в степи между Доном и Волгой, в лесостепи делится на две группы: бронзовые литые котлы, которые принято считать продукцией сарматских мастеров, и импортные сосуды.

⁴⁷⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 56-58.

⁴⁸⁰ Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР: Сб. Статей в честь профессора М.И. Артамонова. Л., 1961.С. 139-144.

Посуда местного производства. В погребении кургана 16 у с. Третьяки найден бронзовый литой котел (рис. 16, 1). Он имеет полусферическое тулово на невысоком рюмковидном поддоне (может быть это – результат ремонта). Посередине и по краю венчика котла нанесен рельефный веревочный орнамент. Ручки оформлены в виде литых фигурок куланов. Сосуд относится к I типу сарматских бронзовых котлов по классификации Н.А. Боковенко⁴⁸¹ и к типу Х.З.А по классификации С.В. Демиденко⁴⁸². Такие котлы характерны для погребений сарматской знати I – II вв. н.э.

Литой бронзовый котёл с овальным туловом, сужающимся к узкому поддону был найден у хут. Сидоры (рис. 16, 4). Край его скошен внутрь. Котёл имеет две круглые в сечении ручки, приваренные к венчику. Почти посередине котла проходит рубчик – литой валик в виде веревочки. Под ручками имеется по одному небольшому отверстию, одно из которых заклепано. Дата этого котла не вызывает сомнений – вторая половина II – III вв. н.э., так как аналоги широко распространены в позднесарматское время и на территории Нижнего Поволжья, и на территории Нижнего Подонья в могильнике у с. Высочино⁴⁸³. Ещё три аналогичных котла были найдены, как случайные находки, на рассматриваемой территории (два – у с. Комаровка Сердобского уезда Саратовской губернии; один – у с. Большая Дмитриевка Саратовской

⁴⁸¹ Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени // СА. 1977. № 4. С. 232.

⁴⁸² Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. - III в. н.э.). М., 2008. С. 107.

⁴⁸³ Сеницын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки Саратовского Государственного Университета. Саратов, 1947. Т. XVII. С. 50-55. Рис. 29; Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51-60; Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1 // МИА Юга Росси. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2008. С. 196. Табл. LXXXII. 6.

губернии). Таким образом, все четыре котла относятся к типу VIII.4.A по классификации С.В. Демиденко⁴⁸⁴.

Ещё один бронзовый литой котёл известен на территории междуречья Хопра и Волги. Он был открыт у с. Норка Балашовского уезда Саратовской губернии⁴⁸⁵. Его тулово полусферическое с сужающимися к устью стенками. Венчик отогнут наружу. По внешней поверхности проходит неровный литейный шов. Внешняя поверхность тулова покрыта вертикальными параллельными бороздками. Верхняя треть опоясана рельефной веревочкой, завязанной на узелок. Котёл имеет две петлевидные ручки тремя выступами. Поддона котёл не имел. По классификации С.В. Демиденко котёл относится к типу VII.1.A и датируется им в рамках первой половины II в. н.э.⁴⁸⁶

Импортная посуда. Посуда импортного производства представлена находками двух котелков-ведерок, двух ковшей, флаконов и ситечка.

Импортные котлы в междуречье Волги и Хопра встречены дважды – в кургане 13 и в кургане 96 у с. Большая Дмитриевка (рис. 16, 5, 6).

Бронзовый клепаный котелок горшковидной формы из кургана 96 Больше-Дмитриевского могильника (рис. 16, 5) имеет отогнутый край, на который с двух противоположных сторон прикреплены два ушка из бронзовой проволоки. Атташи расклепаны в виде треугольных пластин, каждая из которых крепилась к котелку одной медной заклепкой. Данный котелок не раз подвергался ремонту: латался по бокам, менялось дно. Починка южноиталийских сосудов – частое явление того времени⁴⁸⁷. Сосуды с биконическим

⁴⁸⁴ Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. - III в. н.э.). М., 2008. С. 103-104. Рис. 109.

⁴⁸⁵ Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51-60.

⁴⁸⁶ Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. - III в. н.э.). М., 2008. С. 98. Рис. 105.

⁴⁸⁷ Boesterd M.H.P. Description of the collections in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen // The bronze vessels, Nijmegen 1956. Plate V, 142.

туловом и отогнутым наружу краем или ведерки багфельдского типа имеют западноевропейские аналогии близ Сиссека ⁴⁸⁸. Европейские учёные высказывают мысль, что данные котелки входили в экипировку римских воинов, а центром их производства была Южная Италия ⁴⁸⁹. А. Радноти датирует ведерки багфельдского типа I в. до н.э. – I в. н.э. ⁴⁹⁰. Если учесть, что сосуд из погребения 1 кургана 96 Больше-Дмитриевского могильника использовался долгое время (вплоть до прогорания дна), то его можно датировать I – II вв. н.э.

Точной аналогии бронзовому котелку-ведру из погребения 2 кургана 13 того же могильника (рис. 16, б) нам не известно. По форме тулова и способу крепления к венчику железной ручки и отсутствию на нем ранта он близок ряду бронзовых котелков Украины (I в. до н.э. – I в. н.э.) ⁴⁹¹ и Поволжья (III – IV вв. н.э.) ⁴⁹². Котелки-ведра римского типа довольно широко распространены в степях Восточной Европы в I – III вв. н.э. ⁴⁹³.

Из погребения кургана 16 Третьяковского могильника происходит бронзовый ковш италийского производства (рис. 16, 8). По форме он близок италийским ковшам типа Эггерс 140 ⁴⁹⁴. По характерной орнаментации ковш

⁴⁸⁸ Radnoti A. Die romische Bronzegefasse von Pannonien. Budapest, 1938. Taf. XXIII, 2, XXXII, 3.

⁴⁸⁹ Там же. S. 121-122.

⁴⁹⁰ Там же. S. 113.

⁴⁹¹ Костенко В. И. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1979. Вып. 3. С. 137. Табл. 7-2; Шаповалов Т.А., Байдебура Ю.П. Раскопки у пос. Новолуганское Донецкой области // АИУ. Киев, 1968. № 11. С. 130.

⁴⁹² Цуцкин Е.В. Бронзовый котёл с древнегреческой надписью // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1974. Вып. 2. С. 138-142.

⁴⁹³ Raev B.A. Les Chaudrons martelés: Les Traditions italiques dans les Ateliers provinciaux // Toreutik und figurliche Bronsen römischer Zeit. Berlin., 1984. P. 1.

⁴⁹⁴ Eggers H. J. Der romische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951. S. 172. Taf. 12/140.

схож с типом Эггерс 137⁴⁹⁵. Почти аналогичен ему по форме высокий ковш из кургана 96 Больше-Дмитриевского могильника (рис. 16, 7), но он скорее относится к типу Эггерс 140. Данный тип ковшей Г. Эггерс датирует ступенью В1 (0 – 50 гг.). Д.Б. Шелов, по поводу Больше-Дмитриевского ковша, заметил его сходство с изделиями южноиталийского фабриканта Луция Циппия Полибия, который выпускал свои изделия во второй половине I в. н.э.⁴⁹⁶. Наиболее близкая аналогия ковшам типа Эггерс-140 происходит из богатого погребения у Великой Моравы с клеймом того же Луция Циппия Полибия, которое датируется концом I – началом II в. н.э.⁴⁹⁷.

Серебряное позолоченное ситечко с выступающим бортиком и длинной, отломанной в настоящее время боковой рукоятью происходит из кургана 96 у Большой Дмитриевки (рис. 16, 9). Г. Эггерс относит такие изделия к типу 160⁴⁹⁸, датируя его стадиями В1, В2, С1 (от 0 до 250 гг.). Однако, на рассматриваемом ситечке иная форма ручки – круглая в сечении, завершающаяся лопаткой. По южноиталийским котлу и ковшу, ситечко можно датировать концом I – началом II в. н.э.

Флаконы для хранения ароматических веществ были найдены в погребении 2 кургана 13 у Большой Дмитриевки и у с. Котово (рис. 16, 2, 3). Подобные сосудики из драгоценных металлов распространяются с I в. н.э. в престижных погребальных комплексах Северного Кавказа, Северного При-

⁴⁹⁵ Medvedev A.P., Yefimov K.Yu. A sarmatian barrow with Roman and Chinese imports in the middle Don region // Raev B.A. Roman imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. P. 84.

⁴⁹⁶ Шелов Д.Б. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. // AAASH. Budapest, 1965. Т. XVII. S. 266-267.

⁴⁹⁷ Ondrouch V. Bohate hroby z doby rimskej na Slovensku. Bratislava, 1957. S. 212-213.

⁴⁹⁸ Eggers H. J. Der romische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951. S. 173. Taf. 13/160.

черноморья и Нижнего Поволжья⁴⁹⁹. Оба сосуда по технике изготовления и приёмам украшения могут быть отнесены к III группе и датироваться в пределах I – III вв. н.э.⁵⁰⁰.

Деревянная посуда. Представлена пятью экземплярами из погребальных комплексов курганов 4 и 12 могильника у Королей; из кургана 16 у с. Третьяки; из кургана 11 Нехаевского могильника и из погребения 2 кургана 1 у Большой Дмитриевки (рис. 16, 11, 12). В первом случае были найдены остатки деревянной чаши, в которой сохранились косточки дикой вишни или терна. Аналогичная находка была отмечена и в среднесарматском погребении из кургана 12 того же могильника. Дикая вишня и терн – характерная растительность рассматриваемого региона. В этой связи интересен рассказ Геродота о приготовлении аргиппеями напитка из плодов с косточками внутри. Их сок смешивали с молоком и пили (Геродот. IV. 23). Видимо, обычай приготовления данного напитка практиковался и у сарматов, он сохранился у их потомков осетин, но уже в погребальном обряде⁵⁰¹.

В погребении кургана 16 у с. Третьяки найдена небольшая деревянная чаша, венчик которой был окован золотой пластинкой, прикрепленной к тулову золотыми гвоздиками. Подобные сосуды иногда встречаются в среднесарматских погребениях и реже в позднесарматских погребениях⁵⁰².

Ещё можно указать на деревянные чаши с бронзовыми обкладками из Нехаевского кургана 11, Больше-Дмитриевского кургана 1. Полностью форма и размеры их не восстанавливаются. Вероятно, они имели полусфериче-

⁴⁹⁹ Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 138-140.

⁵⁰⁰ Там же. 140.

⁵⁰¹ Иерусалимская А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника «Мощевая балка») // СЭ. 1983. №1. С. 102-113. Рис. 10.

⁵⁰² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 195. Табл. 78, 53-54.

скую форму. Скорее всего, деревянные чаши являлись принадлежностью сарматских воинов. Кроме кургана 16 у с. Третьяки, в погребениях с деревянными чашами похоронены вооруженные мужчины. Обычай ставить в погребения воинов деревянные чаши был известен еще савроматам⁵⁰³, к которым, видимо, пришёл от скифов. В связи с этим интересно вспомнить упоминание Геродота в одной из легенд о происхождении скифов о том, что скифы носят на поясе чаши в память о золотой чаше, висевшей на поясе Геракла, который выступает прародителем скифов (Геродот. IV, 10).

Стеклянная посуда. Представлена не подлежащими восстановлению фрагментами двух стеклянных сосудов зеленого и синего цвета из погребения кургана 12 Нехаевского могильника и фиалой из погребения 2 кургана 13 Больше-Дмитриевского могильника (рис. 16, 10). По форме, цвету, шлифованному и прочерченному орнаменту фиала очень близка сосудам из некрополя Керчи, Пантикапея. Исследователи считают их продукцией Кёльнских мастерских⁵⁰⁴. Находки таких фиал известны в Центральной и Северной Европе⁵⁰⁵. На территории РФ и Украины фрагменты таких фиал встречены в культурных слоях Ольвии, Пантикапея, городища Алма-Керме⁵⁰⁶. Для танаисских фиал будет приемлема дата – первая половина III в., для западноевропейских – III – начало IV в.

Надо указать, что изготовление стеклянных изделий выдувным способом по западным образцам было освоено ремесленными центрами Северного Причерноморья в I в. н.э. (Танаис, Алма-Керме). Но продукция этих двух центров редко встречается в Северном Причерноморье. Это объясняется

⁵⁰³ Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3. С. 149. Рис. 7, 2.

⁵⁰⁴ Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса // МИА. М., 1965. № 127. С. 214; Кунина Н.З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // Тр. ГЭ. Л., 1984. Вып. XXIV. С. 159.

⁵⁰⁵ Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса // МИА. М., 1965. № 127. С. 214.

⁵⁰⁶ Там же. С. 213. Рис. 6.

кратковременностью функционирования мастерских или их работой на внутренний рынок.⁵⁰⁷ Характерная особенность данного стекла – разноцветность, тогда как Больше-Дмитриевская фиала изготовлена из высококачественного бесцветного стекла, что позволяет нам отнести её к кругу рейнских мастерских. По мнению Д.Б. Шелова, в III – начале IV в. начался новый поток импортных вещей в Поволжье, минуя Танаис, что было связано с готским присутствием⁵⁰⁸. Так, очевидно, в саратовскую лесостепь проникает данная фиала.

Косметические наборы. Набор из погребения 2 кургана 13 у Большой Дмитриевки, включавший две копоушки (уховертки), (рис. 17, 11) относится к среднеазиатскому кругу древностей. В Средней Азии они распространяются в комплексах первых веков нашей эры⁵⁰⁹. Подобные наборы (копоушки, зубочистки, пинцеты) известны в комплексах III – IV вв. н.э. на Нижнем Дону и в Дагестане, а также в боспорских склепах позднеримского времени⁵¹⁰. Немало их найдено в Западной Европе в гуннских, аварских, готских и меровингских комплексах⁵¹¹.

Костяной гребень происходит из погребения 2 кургана 13 у Большой Дмитриевки (рис. 17, 12). Изготовлен из нескольких пластин, скрепленных между собой железными штифтами. Форма спинки овальная. Это тип IB₂ по

⁵⁰⁷ Там же. С. 210.

⁵⁰⁸ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 110-111.

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III – IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 173. Рис. 2, 11, 12; Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3. С. 261. Рис. 5/ 5, 6; Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки восточноевропейских степей // КСИА. М., 1979. Вып. 158.

⁵¹¹ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1979. С. 137.

классификации Г.Ф. Никитиной⁵¹². Он известен в городах Северного Причерноморья: Ольвии (III – IV вв.), Пантикапее (II – IV вв.), Танаисе (IV вв.)⁵¹³. Однако большинство подобных гребней происходит из могильников черняховской культуры (III – IV вв.)⁵¹⁴.

Серьги. В погребении 2 кургана 13 у с. Большая Дмитриевка была обнаружена кожаная, обложенная серебряными пластинами и заклёпанная бронзовыми штифтами коробочка округлой формы. Снизу изделия в золотых гнездах имеются две вставки бирюзы. Форма серебряного листа прямоугольная. Внутри коробочки обнаружена пара золотых серёг в форме лунницы с серебряной дужкой, с напаянным орнаментом (рис. 17, 3,4). В нижней части украшения имеется трапециевидный уступчик. Серьги состоят из двух опаянных половинок тонкого листа, между которыми залита мастика. Лицевая сторона украшена вставками из полудрагоценных камней красного (сердолик) и синего (лазурит) цветов. Обратная сторона гладкая. Три вставки помещены в лунницу и одна в центре уступчика. Камни трапециевидной, треугольной и овальной форм. Гнёзда для вставок обвиты тонкой золотой проволокой. Из неё же выполнен орнамент в виде восьмёрок, идущих по краю лунницы.

Серьги аналогичных форм некоторые исследователи связывают с формами лунниц скифского времени⁵¹⁵. Серьги со вставками появляются в позднесарматских памятниках II – III вв. н.э. (Усатово, Котово – рис. 17, 1)⁵¹⁶.

⁵¹² Никитина Г.Ф. Гребни Черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147.

⁵¹³ Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 176. Табл. 13, 6; Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // Известия ИАК. 1903. Вып. 8. С. 72. Рис. 73; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 322-323.

⁵¹⁴ Могильники черняховской культуры. М., 1979. 204 с.

⁵¹⁵ Манцевич А.П. Серьги из ст. Крымской // АСГЭ. Вып. 2. М, 1961. С. 154-162.

⁵¹⁶ Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // УЗ СГУ. Саратов, 1947. Вып. 17. С. 54. Рис. 28; Берхин И.П. О трёх находках позднесар-

Больше-Дмитриевские серьги отличаются от лунниц позднесарматского времени наличием внизу уступчика. Напайка различных украшений (гроздь, подвески) снизу лунницы известна в это время на территории Средней Азии и Северного Причерноморья⁵¹⁷. Вероятно, появление уступчика можно рассматривать как упрощение техники изготовления лунниц с гроздьями или же как попытку рассредоточить перегруженность вставок в орнаменте. Однако при этом не отрицается возможность изготовления различных типов серёг. Подобные лунницы продолжают существовать и в гуннскую эпоху⁵¹⁸.

Похожие серьги найдены в кургане 5 Больше-Дмитриевского могильника (рис. 17, 2). Это так же лунницы. В центре – гнездо, заполненное мастикой белого цвета. По бокам – два гнезда со вставками красного цвета. Снизу на лунницу напаяны мелкие золотые шарики в виде виноградных гроздей. Данная серьга также типична для Средней Азии и Северного Причерноморья⁵¹⁹.

Ещё одна бронзовая серёжка, изготовленная из бронзовой проволоки в 1,5 оборота обнаружена в кургане 2 погребения 5 в Усть-Курдюме (рис. 17, 5). С ней сходна бронзовая серьга из круглой проволоки с сомкнутыми концами из погребения кургана 1 у Норки и серьга в виде знака вопрос из погребения кургана 12 у Машевки (рис. 17, 6). Эти типы характерны для первых веков нашей эры и известны на сопредельной территории Нижнего Поволжья⁵²⁰.

матского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. М.; Л., 1962. Вып. 2. С. 142-143. Рис. 1, 3, 4.

⁵¹⁷ Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 33-34; Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Д. 3-9. М., 1962. С. 22-23.

⁵¹⁸ Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 56. Рис. 3-1.

⁵¹⁹ Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 33-34; Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. М., 1962. Д. 3-9. С. 22-23.

⁵²⁰ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 56. Рис. 14, 56-57.

Золотые медальоны. Найдены в трёх погребениях на территории Хопёрско-Волжского междуречья. Представлены двумя типами: округлой формы со вставкой в центре овального темного полудрагоценного камня, вокруг которой напаяны шарики в форме пирамидок - погребение 1 из кургана 5, Большая Дмитриевка (рис. 17, 7); круглой, прямоугольной или эллипсоидной формы с двумя ушками из тонкой золотой пластины и вставкой овальной формы из красного полудрагоценного камня, инкрустированной тонкой золотой проволокой в несколько рядов - погребение 2 из кургана 13, Большая Дмитриевка; Котово (рис. 17, 8-10). Оба типа являются разновидностью полихромного стиля. Аналоги известны в Северном Причерноморье в I – III вв. н.э.⁵²¹.

* * *

Результатом типологических построений сопровождающего покойников инвентаря стало не только выяснение и уточнение хронологии сарматской культуры Хопёрско-Волжского междуречья. Не менее важным нам представляется ещё один из итогов классификации – степень сходства и специфика материальной культуры сарматов этого региона.

Импортная керамическая посуда в целом типологически близка аналогичной посуде сопредельных территорий: южным районам Волго-Донского междуречья, районам сарматских памятников Донской лесостепи. Бесспорно, это показывает на установившиеся торговые связи с меотскими производственными центрами всего междуречья. Однако в рассматриваемом регионе междуречья Хопра и Волги присутствуют керамические формы, близкие кавказским. По этому показателю район самобытен по сравнению с более западным ареалом расселения сарматов в лесостепи, но схож с Нижним Поволжьем.

⁵²¹ Берхин И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. М.; Л., 1962. Вып. 2. С. 141.

Малочисленность импортной керамики из красной глины – также своеобразии рассматриваемой территории, свидетельствующее об эпизодических контактах сарматских этногрупп с античными производственными центрами.

Лепная посуда, как своеобразный показатель производства посуды сарматскими племенами, интересна и свидетельствует о мирном процессе освоения ими Хопёрско-Волжского междуречья: номады заселяли территорию постепенно, видимо, через более южные степные районы, расселяясь в лесостепи со своей традицией производства лепной керамики, принесённой главным образом из Нижнего Поволжья и Приуралья.

В связи с керамическим комплексом сарматов Хопёрско-Волжского междуречья хотелось бы поставить и проблему «зимовок» и «летников» этих кочевников. Не решая её, необходимо отметить, что именно на материалах керамического комплекса отчётливо видна близость района со степными районами Поволжья. Это наталкивает на мысль о том, что район Прихопёрья и Правобережья Волги являлся «пастбищем» определенного периода. Предваряя следующую главу, отметим, что применение матрицы-определителя сезонных ориентировок⁵²² к среднесарматским курганным могильникам Прихопёрья указывает на лето, как наиболее вероятное время совершения большинства их захоронений. Видимо, некрополи были оставлены кочевниками в период весенне-летних перекочёвок, а их «зимовки» располагались уже в зоне южнее современного Волгограда. Эту гипотезу подтверждает практически полное отсутствие городищ между Хопром и Волгой. Кроме того, аналогичную картину перекочёвок мы можем наблюдать в кочевой улусной системе Великой Степи. Один из улусов – Сартаха, имел похожий

⁵²² Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древней традиции ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторической реконструкции. Киев, 1985. Табл. III.

маршрут кочевания (летники – севернее места наибольшего сближения Дона и Волги; зимники – южнее)⁵²³.

Данные анализа вооружения свидетельствуют о том, что район становится интересным для сарматского населения ещё с раннесарматского этапа истории (погребения воинов, случайные находки мечей). Вооружение от ранне- до позднесарматского этапов типично в целом для сарматов всего их огромного ареала обитания. Но здесь, в регионе Хопёрско-Волжского междуречья, появление мечей с кольцевым навершием именно в среднесарматский этап важно, так как во-первых – иллюстрирует появление совершенно новой этногруппы; во-вторых – в связи с центрально-азиатским генезисом подобного оружия, органично вписывается в гипотезу о распространении в районе одного из племен аланского объединения.

Фибулы, зеркала, бусы, украшения и предметы одежды, являясь наиболее точными хроноиндикаторами, в целом, близки вещевому комплексу сопредельных территорий Поволжья и Подонья. В основном, эта категория находок соответствует понятию мода. Однако ряд вещей интересен с точки зрения торговых связей. Например, китайское зеркало эпохи ранней Хань иллюстрирует их восточное направление в I – II вв. н.э. Очень отчётливы связи с боспорскими производственными центрами, при характеристике предметов из погребений, вплоть до первой половины III в. н.э.. Кроме того, со второй половины III в. н.э. появляется новое направление – северокавказское. Как отмечалось выше, данный факт характерен больше для территорий степного междуречья Дона и Волги.

Орудия труда среди погребального инвентаря сарматских комплексов Хопёрско-Волжского междуречья занимают значительное место. И дело здесь, скорее всего, не заключается в половозрастном составе покойных, с чем обычно связывают их обилие. Все орудия происходят из могильников

⁵²³ Ракушин А.И. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII-XV вв.) // АВЕС. 2007. Вып. 4. С. 214–239.

длительного накопления – от средне- до позднесарматской культуры, куда входят как женские, так и мужские погребения. Видимо, инструментарий демонстрирует, что для данного района сарматских памятников производственная деятельность становится одним из характерных занятий, что отразилось в частом помещении подобного рода вещей в могилы.

Глава 3. Погребальный обряд сарматов междуречья Хопра и Волги

Кочевнические культуры, чаще всего, представлены лишь погребальными памятниками, что мы и наблюдаем в междуречье Хопра и Волги. Именно поэтому, особую роль в изучении сарматов указанного региона играет анализ погребального обряда.

Погребальный обряд в археологии имеет две стороны. Во-первых, это – действия, которые совершаются при захоронении умершего (в соответствии с религиозно-мифологическими нормами)⁵²⁴. Прежде всего, это ритуал погребения, необходимый для перехода умершего в потусторонний мир. Во-вторых, это – комплекс артефактов сопровождающего инвентаря, позволяющих усматривать в нём взаимодействие этнического и социального факторов, преломившееся через идеологические представления. Это материальные компоненты, обычные для погребального обряда: погребальное сооружение, сопровождающий инвентарь, поза умершего и другое⁵²⁵.

Таким образом, погребальный обряд является важнейшим источником не только с точки зрения познания мира сарматами, хотя ритуальная, идеологическая сторона является наиболее трудной задачей. Обряд, как часть мировоззрения, несёт в себе и этнографические, и социально-экономические данные через его материальное выражение, которое доходит до исследователя в более или менее сохранном виде.

Так как в рассматриваемом регионе практически все комплексы были обнаружены под курганами, то каждый погребальный памятник мы будем рассматривать как трёхуровневую систему. Первый компонент системы – место погребального комплекса в общей топографии могильника; второй –

⁵²⁴ Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2. С. 88.

⁵²⁵ Алекшин В.А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) // Преимущество и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука, 1981. С. 19-20.

архитектура насыпи кургана; третий – подкурганное сооружение, и всё то, что в нем содержится (форма ямы, внутренние конструкции, останки покойника, сопровождающий инвентарь). По возможности, мы будем обращаться и к межкурганному пространству могильника, которое может содержать дополнительные сведения: жертвенные комплексы, отдельные находки.

Исследование охватывает около 50 курганных групп и одиночных курганов, содержащих порядка 160 памятников от ранне- до конца позднесарматского времени. Характеристика погребального обряда будет производиться по хронологическому признаку, согласно принятой в сарматологии периодизации⁵²⁶.

3.1. Погребальная обрядность носителей раннесарматской культуры

Выделенные ранее хронологические группы довольно точно сопоставляются с обрядовыми и соответствуют современному членению на ранне-, средне- и позднесарматскую культуры. Группу раннесарматских древностей в изучаемом регионе на сегодняшний день представляют всего два погребения, четыре случайных находки (рис. 18). Все они датируются II – I вв. до н.э.

Все захоронения, являясь впускными и подкурганными, входили в некрополи предшествующего времени (курганы эпохи бронзы). В свою очередь, курганы длительного накопления располагались на мысах. Этими явлениями объясняются пропорции курганов – средние (0,5–1,5 м) курганы со средним диаметром в 15–40 м по классификации, принятой в монографии, посвященной статистической обработке данных Азиатской Сарматии⁵²⁷ (табл. 1.3). Каких-либо особенностей по этому параметру не наблюдается.

⁵²⁶ Скрипкин А.С. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматских культур. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 3–23.

⁵²⁷ Мошкова М.Г. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2: Раннесарматская культура. М., 1997. С. 24.

Более того, все погребения были впущены в насыпь кургана и находились на его периферии, а не в центре.

Интересующие нас погребения, по хорошо себя зарекомендовавшей типологии погребальных сооружений⁵²⁸, были совершены в узких прямоугольных ямах, где ширина могилы чаще всего не достигает 1/3 длины (рис. 21, 1). Этот тип погребальных сооружений характерен для погребального обряда раннесарматского времени Азиатской Сарматии⁵²⁹ и Северного Причерноморья⁵³⁰. Встречается он и в лесостепном среднедонском районе (рис. 21, 7).

Среди погребений II – I вв. до н.э. в рассматриваемом регионе и на прилегающих территориях отсутствуют ямы больших размеров. Максимальная глубина – 2,2 метра от современной поверхности зафиксирована в погребении 1 кургана 4 у хут. Короли.

Каких-то сложных конструкций в могилах этой хронологической группы отмечено не было. Однако, в погребении 1 кургана 4 у хут. Короли (рис. 21, 1) дно могилы было устлано деревянными плахами, а в засыпи ямы были найдены остатки от деревянного перекрытия, что типично для раннесарматской культуры, и, возможно, отражает восточные инновации в прохоровской культуре⁵³¹.

Во всех случаях костяки погребенных были зафиксированы *in situ*, а покойные были ориентированы головой на северо-восток (табл. 1.3). Это

⁵²⁸ Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1. М., 1972. С. 73-75; Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 59-64.

⁵²⁹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 184.

⁵³⁰ Симоненко О.В. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія : автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1999. С. 9.

⁵³¹ Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3. Волгоград., 2000. С. 26.

весьма интересный факт, так как в соседних раннесарматских курганах на Иловле господствующей является ориентация в южный сектор, хотя высок процент и североориентированных ⁵³². Южная ориентация погребенных наиболее характерна для прохоровской культуры Приуралья, Поволжья, Нижнего Дона ⁵³³. В то же время при господствующей южной ориентировке в III – I вв. до н.э. отмечается несколько больший разброс ориентировок, чем в предшествующее время ⁵³⁴. Ориентировки в разные стороны света отмечены даже в группах погребений близких по времени, принадлежащих одной археологической культуре – ранним сарматам ⁵³⁵. Ориентация в северный сектор наиболее типична для раннесарматской культуры Северного Причерноморья ⁵³⁶. Некоторые учёные интерпретируют данную закономерность, как этнический признак роксоланов – одного из сарматских племён ⁵³⁷, но об этом речь подробно пойдет в следующей главе.

Антропологические исследования останков показали, что во всех могилах были захоронены взрослые мужчины. То есть, эти комплексы позволяют сделать заключение, что проникновение в новый район раннесарматских племён носило весьма спорадический характер, так как новые территории осваивали в основном мужчины-воины. Кроме того – все погребения да-

⁵³² Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 203.

⁵³³ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. С. 169; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 184.

⁵³⁴ Там же. С. 190.

⁵³⁵ Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 14-16.

⁵³⁶ Костенко В.И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья // Древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1982. С. 70; Симоненко А.В. Роксоланы (поиск археологических соответствий) // Археология. 1991. № 4. С. 21-27.

⁵³⁷ Там же.

тируются II в. до н.э.⁵³⁸, то есть ещё тем временем, когда основная масса сарматского населения еще не выходила за пределы зоны сухой степи.

В 100 % случаев умершие лежали по оси ямы, и совершенно отсутствует диагональное положение скелетов, как и квадратные и широкие прямоугольные могилы. Поза погребенных мужчин традиционна для данного периода времени – вытянутое положение умершего на спине. Такая картина характерна именно для развитой раннесарматской культуры⁵³⁹.

Особенностью рассматриваемых погребений выступает отсутствие следов огня в погребальном обряде, хотя его применение – яркая черта сарматского похоронного ритуала⁵⁴⁰. Кроме того, в погребениях хопёрско-волжского региона совсем не встречены и такие характерные показатели, как краска в погребальном обряде, заупокойная пища; отсутствуют гипсовые сосудики и курильницы, деревянные сосуды, различные амулеты, раковины, гальки, песты и каменные плитки, то есть вещи, имеющие отношение не только к туалету, но и к ритуальным действиям, к отправлению каких-либо культов. Мы понимаем, что эти данные из-за совсем малой выборки имеют низкий доверительный интервал. Но, скорее всего, объяснить это малочисленностью погребений нельзя, так как в соседнем среднедонском районе сарматских памятников, несмотря на их небольшое количество, встречены зеркала и другие находки. Например, в правобережном Побитюжье, в кур-

⁵³⁸ Скрипкин А. С. Материалы к истории племён раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 140.

⁵³⁹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 17.

⁵⁴⁰ Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 155-159.

гане 1 у с. Левашовка, в погребении 2 встречено бронзовое зеркало с валиком по краю диска, характерное для прохоровской культуры⁵⁴¹.

Жертвенная пища представлена находкой косточек дикой вишни в прохоровском погребении кургана 4 у хут. Короли. Как отмечалось в предыдущей главе, здесь, видимо, практиковался обычай приготовления ритуального питья из сока с молоком, характерный для ираноязычных племён V в. до н.э. (Геродот. IV. 23.) и потомков сарматов – современных осетин⁵⁴².

Оба захоронения были совершены с оружием – кинжалами и трёхлопастными черешковыми наконечниками стрел (рис. 21, 3, 5). Этот факт даёт нам право заключить, что это погребения воинов, доминировавших в социальной структуре сарматского общества. Подобные погребения встречены южнее, в курганах на Иловле в 7 случаях⁵⁴³. Не стоит забывать и о четырех случайных находках предметов вооружения на территории северной части Цнинско-Хопёрского междуречья. Все они представлены короткими мечами с серповидными навершиями. Видимо, всё это иллюстрирует несистемный характер освоения новых территорий группами мужчин-воинов, что подтверждают данные антропологических определений погребенных и хронологическая атрибуция комплексов в рамках II в. до н.э.

Такова в общих чертах характеристика раннесарматского похоронного ритуала в памятниках из междуречья Хопра и Волги. Судя по местоположению памятников, сарматы в это время вглубь лесостепи и даже северной степи ещё не проникали. Оставленные ими погребения малочисленны, но уже локализуются в новом районе. Они уже имеют ряд специфических черт, как

⁵⁴¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 152; Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д 1-10. С. 62-64.

⁵⁴² Иерусалимская А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника «Мощевая балка») // СЭ. 1983. №1. Рис. 10.

⁵⁴³ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 206.

по отношению к степному населению ниже, так и по отношению к населению лесостепных районов.

3.2. Погребальная обрядность носителей среднесарматской культуры

На рубеже эр и в самом начале I тыс. н.э. сарматские племена проникают во все районы междуречья Дона и Волги, в том числе в Прихопёрье и восточнее⁵⁴⁴. Наряду с вещевым материалом, погребальный обряд играет роль важнейшего культур образующего фактора. Изменения погребальной обрядности одна из определяющих составляющих процесса культуриногенеза.

В рассматриваемом Хопёрско-Волжском междуречье нами было учтено 64 подкурганых захоронения и 3 курганные насыпи, под которыми не были зафиксированы останки умерших (т.н. кенотафы), но по инвентарю их насыпи датируются I – II вв. н.э. Как известно, при смене раннесарматской археологической культуры среднесарматской наблюдаются весьма значительные изменения в обряде погребения. Прежде всего, это выражается в резком возрастании удельного веса захоронений под индивидуальной насыпью⁵⁴⁵. Это отличие связано как с экономическим прогрессом, так и с социальными изменениями в сарматском обществе.

Этот показатель на рассматриваемой территории составил 72 % погребений. При сопоставительном анализе археологических материалов волгодонской лесостепи мы получим следующую картину: воронежский вариант – 100 %; пограничный со степью среднедонской район – 21 %⁵⁴⁶. Интересно

⁵⁴⁴ Берестнев Р.С., Медведев А.П. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2015. № 2 (32). С. 7-17.

⁵⁴⁵ Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I-II вв. н. э. // Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. М., 2002. С. 89-97.

⁵⁴⁶ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 22, 33.

отметить, что в степных районах междуречья так же преобладают погребения под индивидуальной насыпью (иловлинский вариант – 78 %; район памятников в нижнедонских степях – 60 %) ⁵⁴⁷.

Вероятно, данные сравнительного анализа объясняются тем, что в лесостепном Подонье (воронежский вариант) все среднесарматские могильники возникали на новом месте, тогда как по степному обычаю сарматские погребения входили в некрополи «длительного накопления», иногда с подзахоронением в более ранние насыпи (как правило – эпохи бронзы, либо скифские могильники), что, в особенности, демонстрирует пограничный со степью среднедонской район. По данному показателю Хопёрско-Волжское междуречье схоже с территорией Нижнего Дона и Иловли, иллюстрируя преобладание индивидуальных насыпей, часто «пристроенных» к курганам старых некрополей.

Все могильники, возникшие на новом месте в хопёрско-волжском регионе располагались компактными группами на относительно высоких водоразделах, мысах и надпойменных террасах, прорезанных удобными для спуска к воде балками. Часто, планиграфически курганы вытянуты в цепочку по контурам мысовых выступов.

По сравнению с раннесарматским временем, пропорции курганов I – II вв. н.э. уменьшаются – 65 % среднесарматских курганов имели малые пропорции: до 0,5м в высоту и до 15 м в диаметре. Данный показатель сопоставим с числом основных погребений района. Эта особенность сближает рассматриваемые комплексы с лесостепными сарматскими могильниками, тогда как в степных районах преобладают курганы средних пропорций ⁵⁴⁸.

⁵⁴⁷ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 220; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 87.

⁵⁴⁸ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 87.

Околокурганые и внутрикурганые конструкции типа ровиков, оградок вокруг ямы из камня или могильного выкида встречены на рассматриваемой территории трижды (5 %) (табл. 1.8). В кургане 16 Третьяковского могильника мощный выкид материковой глины из могильной ямы окружал полукольцом с северо-востока центр кургана полосой в ширину до 2м (рис. 24, 1). С юго-запада имелся разрыв – подход к могиле для совершения обряда захоронения. Подобный выкид имелся также в кургане 39 Третьяковского могильника (рис. 30, 1). Как отмечает А.А. Глухов, мощные материковые выкиды обычно присутствуют в социально-престижных захоронениях ⁵⁴⁹. Они распространены на территории Волго-Донского междуречья, как оградки, границы мира живых и мертвых. Примечательно, что в лесостепном Подонье также практиковался похожий обычай «огораживания» курганов ровиками ⁵⁵⁰. В этом отношении малое количество подобных сооружений между Волгой и Хопром можно рассматривать, как определенное своеобразие региона.

Состав насыпей курганов однороден – все они земляные, без вкрапленных камней и др. В 10 случаях фиксируются остатки погребальных тризн: скопления углей, костей животных, фрагментов керамики.

Что касается подкурганых погребальных сооружений, то здесь они представлены четырьмя типами (табл. 1.6). Преобладают широкие прямоугольные ямы (ширина от 1/2 до 2/3 длины) – 32 %, вкуче с квадратными (16 % ям с шириной и длиной, разнящимися не более 20 см) составляя почти половину всех погребений (рис. 22, 23). Другая половина представлена прямоугольными ямами средней ширины (28% – рис. 37) и подбоями (24% – рис. 33). Такое разнообразие погребальных сооружений наблюдается в средне-

⁵⁴⁹ Там же. С. 88.

⁵⁵⁰ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 52.

донском районе сарматских памятников ⁵⁵¹, а также в степном междуречье Дона и Волги ⁵⁵².

Преобладание широких прямоугольных и квадратных ям вообще характерно для среднесарматского этапа ⁵⁵³. А у сарматов на р. Воронеж, ямы с шириной равной длине или несколько больше половины длины вообще являются основным типом сооружений, за редкими исключениями ⁵⁵⁴.

В степных курганах среднесарматского времени продолжают существовать ямы с заплечиками ⁵⁵⁵, которых в лесостепном Подонье не было. На рассматриваемой территории «заплечики» у ям появляются только в позднесарматский период. Таким образом, по данному показателю мы видим своего рода «буферную» зону между степью и лесостепью.

Внутримогильные сооружения с использованием дерева для укрепления стен могилы, гробовища хорошо представлены в хопёрско-волжском регионе – 22 % всех среднесарматских погребений. Пожалуй, это – особенность данной территории, так как сарматы на р. Воронеж и в зоне южной донской лесостепи практически не использовали каких-либо конструкций внутри могилы (известны лишь два захоронения в гробах из I Чертовицкого кургана и детское погребение в колоде из Архиповки) ⁵⁵⁶. В степных сарматских па-

⁵⁵¹ Там же. С. 22-23.

⁵⁵² Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 89.

⁵⁵³ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 184; Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 207.

⁵⁵⁴ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 52.

⁵⁵⁵ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 185.

⁵⁵⁶ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 54.

мятниках деревянные конструкции встречались часто: и как саркофаги ⁵⁵⁷, и как укрепления стен ямы ⁵⁵⁸. Здесь дерево в могилах чаще встречалось в богатых захоронениях. В отличие от степи в Хопёрско-Волжском междуречье нельзя сказать, что деревянные перекрытия маркируют социально-престижные погребения, так как облицовка стен практиковалась даже у детей. Однако, почти все диагональные погребения содержали следы деревянных перекрытий.

Все известные курганы в Прихопёрье, левобережье Битюга, правобережье Волги содержали только труположения. Различны позы погребенных (табл. 1.7): чаще всего они были уложены на спину с вытянутыми руками и ногами – 29 случаев; встречаются погребения с согнутыми и повернутыми в сторону ногами – руки либо вытянуты, либо раскинуты (например погребение из кургана 24 могильника у хут. Сидоры); правая нога согнута, а кисть руки под тазом – т.н. «атакующая поза» (погребение 2 из кургана 1 у с. Таптулино – рис. 39, 1). Интересной представляется положение покойной из погребения 2 кургана 27 Новочигольского могильника: левая рука вытянута прямо и в сторону от туловища, правая же согнута в локте и также отстранена в сторону, череп повернут лицевой частью на восток-юго-восток, пальцы со ступнями повернуты друг к другу (рис. 32, 1). Основная поза погребенных и отклонения от неё находят полное соответствие в традициях похоронного ритуала среднесарматской культуры ⁵⁵⁹.

Следующий важный компонент погребального обряда – ориентировка погребенных (табл. 1.5). В хопёрско-волжском регионе господствует положение покойников головой в южную половину круга – 80%, из которых 39%

⁵⁵⁷ Прохорова Т.А. Богатое сарматское погребение в кург. 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. №1. Рис. 1; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов. 1998. Вып. 6. С. 92. Рис. 17-18.

⁵⁵⁸ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 89.

⁵⁵⁹ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 92-93.

ориентированы на юг, 34% – на юго-запад с отклонениями; 7% – на юго-восток с отклонениями. Лишь трое погребенных лежали головой на север и северо-запад. Похожие показатели известны как в лесостепном Подонье⁵⁶⁰, так и в степном междуречье Дона и Волги⁵⁶¹. Ориентация в южную половину круга соответствует в целом погребальной обрядности носителей среднесарматской культуры⁵⁶². Однако, 41% погребенных в могильниках рассматриваемой территории были ориентированы к югу с отклонениями к западу и востоку. В общем, это некое своеобразие населения, вероятно, объясняется сезонностью, обусловленной значительным смещением точки восхода солнца. От этого фактора, очевидно, и зависело положение умерших. Применение матрицы-определителя сезонных ориентировок⁵⁶³ к среднесарматским курганным могильникам у с. Третьяки, у с. Березовка, у с. Сидоры, у с. Власовка указывает на лето, как наиболее вероятное время совершения большинства их захоронений. Видимо, некрополи были оставлены кочевниками в период весенне-летних перекочевков.

Перечисленные признаки являются имманентными, всеобщими, характерными в той или иной степени для всей среднесарматской культуры. Сравнение удельного веса признаков погребального обряда памятников Хопёрско-Волжского междуречья и других районов и иерархии их по степени информативности выявило как сходство между собой, так и различия, что особенно важно, так как является своеобразным маркером в этническом, социальном отношениях.

⁵⁶⁰ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 54.

⁵⁶¹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 89.

⁵⁶² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. С. 179.

⁵⁶³ Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древней традиции ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторической реконструкции. Киев, 1985. Табл. III.

Первое из них касается применения огня в погребальной практике (табл. 1.8). Следы использования огненного ритуала в виде остатков кострищ или углублений с золой и углями около могил отмечены в регионе от места наибольшего сближения Дона и Волги до самых низовий Дона в 26 случаях⁵⁶⁴; очень представительны подобные свидетельства на Иловле (26 случаев)⁵⁶⁵. В воронежском варианте также известен огненный ритуал возле могилы (7 случаев), но здесь он совершался намного реже, чем в степи⁵⁶⁶. В хопёрско-волжском регионе следы огня присутствуют лишь в двух захоронениях – в погребении 1 кургана 19 в засыпи могильной ямы был обнаружен древесный уголь и прокаленная земля, что указывает на остатки костра, разведенного сразу после погребения; в кенотафе-кургане 11 у хут. Короли угли были перемешаны с землей. Малочисленность свидетельств возжиганий костров при погребении у сарматов лесостепного междуречья Дона и Волги, несомненно, служит показателем своеобразия этого района, ведь частое использование огня в погребальной практике позволило К.Ф. Смирнову назвать сарматов огнепоклонниками⁵⁶⁷.

Однако, если мы обратимся к данным осетинской этнографии, то, отчасти, сможем объяснить это своеобразие. Различное количество поминальных костров и остатки горения в курганах, видимо, зависели не от специфики обрядности сарматской группы, оставившей захоронения, или социального статуса умершего, а от погодных условий при захоронении. У осетин на следующий после похорон день, к вечеру, женщины отправлялись на кладбище,

⁵⁶⁴ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 92.

⁵⁶⁵ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 226.

⁵⁶⁶ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 55.

⁵⁶⁷ Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 155-158.

взяв с собой горящие угли из очага, где над могилой возжигали костер ⁵⁶⁸. При ясной теплой погоде, летом, костер у могилы жгли в первую ночь после похорон, а при дождливой или морозной погоде костер устраивали три ночи подряд, чтобы умерший согрелся и обсушил свою одежду ⁵⁶⁹. Повторю, что выше по ориентировкам погребенных было установлено, что большинство среднесарматских захоронений хопёрско-волжского региона было совершено именно летом.

Красящие вещества в погребальном обряде в указанном регионе применялись чаще – 10 случаев (в основном – посыпка мелом дна могильной ямы – кург. 2, Новоаннинск; кург. 22, Березовка; кург. 12, Короли; погр. 1 из кург. 1 и погр. 2 из кург. 2 Верхний Колышлей; кург. 33, Сидоры). В процентном отношении красящие вещества составляют 16% (табл. 1.8), что в полтора раза выше средней нормы (9,66%) для Азиатской Сарматии ⁵⁷⁰. Как известно, в мировоззрении сарматских племен мел символизировал очищение ⁵⁷¹. Для этого он, очевидно, использовался и при сооружении погребальных конструкций.

В двух погребениях района – в кургане 12 могильника у хут. Короли и в кургане 1 могильника у дер. Верхний Колышлей встречен кремь (рис. 34, 7). Скорее всего, его кусочки являются остатками огнив. Аналогичные находки широко распространены в сарматских погребениях и некрополях античных городов ⁵⁷².

⁵⁶⁸ Гаглоева З.Д. Культ мертвых у осетин // Известия ЮОНИИ, вып. XVIII, Тбилиси, 1974. С. 63.

⁵⁶⁹ Чибилов Л.А. Очаг осетинского жилища // Материалы по этнографии Грузии. Вып. 12-13. Тбилиси, 1963. С. 358.

⁵⁷⁰ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 94.

⁵⁷¹ Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 105; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. С. 179.

⁵⁷² Яценко С.А. Орудия ранних эпох в погребальных и жилых комплексах античных городов Северного Причерноморья и окружающих варварских племен // Боспорский

Следующее отличие – напуганная пища (табл. 1.8). В среднесарматское время сарматы-степняки (иловолинский район – 58, 3 %; район ниже сближения Волги и Дона – 94, 6 %) ⁵⁷³, а также лесостепные сарматские племена (хопёрско-волжский район – 70 % и среднедонской район – 100 %) предпочитали жертвовать переднюю ногу барана с лопаткой или заднюю с тазом, и лишь изредка какую-либо другую часть туши. Это характерно для всей сарматской культуры ⁵⁷⁴. В воронежском варианте среднесарматской культуры чаще всего встречаются черепа лошадей – 82 % от общего числа погребений с костями животных ⁵⁷⁵.

Проанализировав эти данные А.П. Медведев правомерно сделал вывод, что здесь сложилась особая модель скотоводческого хозяйства – коневодческая. Главной причиной отступления от вековых кочевнических традиций был чисто прагматический хозяйственный аспект. На ковыльно-разнотравных кормах в лесостепи выпасали лошадей, а степное мелкотравье являлось источником содержания овец и другого мелкого скота. Кроме того, лошади способны добывать зимой корм из-под снега, а овцы – нет. Именно это и позволило А.П. Медведеву отождествить воронежский вариант среднесарматской культуры с одним из племен Азиатской Сарматии, упомянутых Клавдием Птолемеем – сарматами-гиппофагами, буквально – конеедами ⁵⁷⁶. Название могли дать лесостепным коневодам их южные или восточные соседи, полностью не отделявшие себя от откочевавших в донскую лесостепь со-

феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы международной конференции. СПб., 2007. С. 275.

⁵⁷³ Там же. С. 226; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 91.

⁵⁷⁴ Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 50.

⁵⁷⁵ Медведев А.П., Пряхин А.Д. Отчет кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета об изучении Чертовицкого комплекса памятников в 1978 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 7172. С. 32.

⁵⁷⁶ Медведев А.П. Сарматы-гиппофаги // НАВ. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 129-132.

родичей, поскольку и те другие были сарматами, но они отличались в основном составом стадных животных.

Район памятников Хопёрско-Волжского междуречья также имеет своеобразие по жертвенной пище: здесь, как уже отмечалось, на первом месте стоит баранина (70% погребений, содержащих кости животных), затем следуют кости КРС (12%), кости диких животных (12%), рыбы косточки и чешуя (6%). На сопредельных территориях иерархия встречаемости костей жертвенных животных иная: МРС, лошадь, КРС⁵⁷⁷.

Ещё одно новшество среднесарматской культуры в сравнении с предыдущим временем связано с заупокойной пищей – помещение её в миску с ножом. Подобный обычай в изучаемом регионе зафиксирован в 3 случаях (погр. 1 кург. 1, Верхний Колышлей; погр. 2 кург. 1, Таптулино; погр. 1 кург. 3, Машевка). Это опровергает мысль М.П. Абрамовой о том, что данный обычай зародился на рубеже эр на территории Северного Кавказа и в Прикубанье и распространился на остальные территории в более позднее время⁵⁷⁸.

Среди погребальной трапезы в кургане 12 Королевского могильника была обнаружена деревянная чаша с бронзовыми набойками и косточками терна внутри. Видимо, это продолжение традиции приготовления сарматами напитка из плодов тёрна и вишни и молока, характерного ещё в досарматский этап истории и описанного Геродотом (Геродот. IV. 23.).

Обратимся ещё к одному важному культурообразующему признаку среднесарматского времени – положению покойных по диагонали могильной

⁵⁷⁷ Джубанов А.А. Видовой состав жертвенных животных курганных захоронений раннего железного века междуречья Волги и Эмбы // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 86-87; Илюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча Ростов-на-Дону, 1992. С. 226; Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I-II вв. н. э. // Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. М., 2002. С.95.

⁵⁷⁸ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. С. 31.

ямы. Данный вид погребений во многом определяет «лицо» среднесарматской культуры. В лесостепном междуречье Дона и Волги в I – II вв. преобладает положение костяков «по оси», однако в значительном количестве встречаются и «диагональные». В районе памятников между Хопром и Волгой (табл. 1. 8) данный показатель составляет: «по оси» – 75 %, «по диагонали» – 25 %. Заметим, что в воронежском варианте диагональные погребения отсутствуют совсем⁵⁷⁹. В степи же данный признак встречается часто: в иловлинском районе – 33,3 % захоронений «по диагонали»⁵⁸⁰; в районе ниже Иловли – 22 %⁵⁸¹. Однако, как отмечают исследователи, к ним мы имеем право причислить и ограбленные широкие прямоугольные и квадратные ямы⁵⁸². Тогда на Иловле и ниже ее устья таких погребальных сооружений 72 % и 38 % соответственно, а в хопёрско-волжском районе памятников – 47 %.

Данный показатель одни учёные считают этническим⁵⁸³, другие – социально-религиозным⁵⁸⁴. В настоящее время однозначного заключения сделать нельзя, лишь стоит констатировать, что погребения «по диагонали» не принадлежали кочевой знати, иногда из-за скромности их инвентаря в сравнении с погребениями «по оси», но они содержали ярко выраженный профессионально-половой сопровождающий инвентарь – это, чаще всего жен-

⁵⁷⁹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 54.

⁵⁸⁰ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 225-226.

⁵⁸¹ Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 91.

⁵⁸² Там же; Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I. Волгоград, 2006. С. 42.

⁵⁸³ Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60. С. 206-322; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. 299 с.

⁵⁸⁴ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле / И.В. Сергацков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 372 с.; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. 240 с.

ские погребения (кург. 12, Короли; кург. 16, 22, 33, Третьяки; кург. 6 и 10, Рыбушка; кург. 8, Власовка; кург. 9 и 24, Сидоры; погр. 2 из кург. 27, Новая Чигла – рис. 24, 26, 27, 29, 32). Они включали раковины, курильницы, деревянные чаши, зеркала ассоциирующиеся с женским и жреческим инвентарем. Мужские захоронения (погр. 5 из кург. 25, Березовка; кург. 4, Нехаево; кург. 13, Сидоры; кург. 10 и 12, Новая Чигла – рис. 25, 28, 31) отличались наличием мечей, колчанов и наконечников стрел – т.е. содержали воинские атрибуты. Кроме того, богатые женские погребения «по диагонали» Хопёрско-Волжского междуречья, особенно их инвентарь, включающий китайский импорт (Третьяки), а также керамику с зооморфными ручками (Нехаево), находят аналогии в синхронных памятниках Средней Азии, Нижнего Подонья и Северного Причерноморья (Тилля-тепе, Хохлач, Соколова Могила).

Следующий показатель, с которым учёные связывают своеобразие погребального инвентаря – половозрастной состав покойных⁵⁸⁵. В рассматриваемом регионе из антропологически определенных покойников на первом месте стоят взрослые женщины – 19 погребений; на втором – мужчины – 15 комплексов; на третьем – дети и подростки – 9 захоронений. Интересно то, как распределяется в них сопровождающий инвентарь (табл. 1.2). Для женских погребений наиболее характерна гончарная керамика (26% от общего количества находок в женских погребениях); украшения (22%); зеркала (12%); пряслица (10%). Мужские захоронения содержали в основном предметы вооружения – лук и стрелы (80%); украшения и предметы одежды – поясные наборы, пряжки и др. (8%). Детские погребения оказались бедны – в 9 погребениях содержалось всего 11 предметов. Основной инвентарь – гончарная керамика и её фрагменты (45%).

⁵⁸⁵ Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике ус. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 25; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 22.

3.3. Погребальная обрядность носителей позднесарматской культуры

Для позднесарматской эпохи между Хопром и Волгой нами учтено 69 погребений и 5 случайных находок. Планиграфия позднесарматских комплексов здесь классифицируется на: 1) одиночные впускные погребения (Широкий Карамыш); 2) одиночные курганы (Двоенка, Мазин, Красновка); 3) курганные могильники, которые были родовыми некрополями (Большая Дмитриевка, Третьяки, Власовка, Машевка, Норка, Березовка, Каменка, Короли, Новоаннинск, Нехаевский, Аткарск, Ершовка, Сидоры, Ключи). Последних, как мы видим, больше всего. И расположение курганов на местности – типично для сарматских культур – на возвышенных местах, по речным террасам притоков Дона и в правобережье Волги, на водоразделах компактными группами. Подобное расположение встречается как в степи, так и в лесостепи междуречья⁵⁸⁶.

В позднесарматский этап истории сарматы в Хопёрско-Волжском междуречье предпочитали возводить над погребениями новые курганы, нежели подзахоранивать – 78% основных погребений против 22% впускников (табл. 1.4). С этим показателем связаны и пропорции курганов (табл. 1.3). На рассматриваемой территории прослеживается тенденция к уменьшению диаметра и высоты насыпей даже в сравнении со среднесарматским периодом – преобладает малый диаметр насыпей до 15 м – 70,2% погребений; малая высота до 0,5м – 65,0%. Подобная картина характерна для сарматского мира в целом. Иногда при раскопках некоторых могильников учёные затрудняются определить – это малая насыпь или грунтовое погребение, так как на поле при распашке остаются видны лишь светлые пятна⁵⁸⁷. Таким образом, новацией позднесарматской культуры является тенденция к ещё большему

⁵⁸⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 60; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 91.

⁵⁸⁷ Симоненко А.В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 169-182.

уменьшению насыпей. В рассматриваемом районе – лишь одно захоронение интерпретируется, как грунтовое (Турки). Оно действительно обладает специфическими чертами грунтовых захоронений: отсутствует насыпь.

Говоря о данном показателе на материалах степной части Дагестана (Львовский Первый 2 и 4, начало III — сер. IV вв.), низовьев Дона (Высочино I, II, V, Кировский I—III, сер. II — сер. III вв. н. э.), Южной Бессарабии (Алкалия; Дивизийский, сер. II — сер. III вв. н. э.) недавно была подтверждена гипотеза, что важным социальным маркером была высота кургана⁵⁸⁸. Отсутствие насыпей выше среднего говорит о том, что в лесостепном междуречье Дона и Волги практически не совершались социально престижные захоронения, за исключением погребений у сл. Котовой, сс. Новая Норка, Щербаковка, Гусевка, г. Аткарска и Больше-Дмитриевского могильника.

Околокурганных конструкций в междуречье Хопра и Волги выявлено не было, как и на сопредельных территориях Нижнего Поволжья и Подонья⁵⁸⁹. Исключение составляют лишь неглубокие ровики, зафиксированные Р.Ф. Ворониной в Ново-Никольском могильнике на Верхнем Дону⁵⁹⁰. Но на памятниках Хопёрско-Волжского междуречья отсутствие ровиков можно объяснить интенсивной распашкой курганных насыпей.

Внутрикурганные конструкции (выкладки из земли и камня) встречены в 6 захоронениях (9%). Яркое, данный обычай был представлен в кургане у с. Карамыш Лысогорского района Саратовской области, где могильная яма бы-

⁵⁸⁸ Яценко С.А. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени // *Stratum plus*. 2016. №4 . С. 69-88.

⁵⁸⁹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 92; Коробкова Е.А. Погребальный обряд позднесарматского времени Жутовского курганного могильника // *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2012. №2 (22). С. 14-17.

⁵⁹⁰ Воронина Р.Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // *КСИА*. 1982. № 170. С. 87.

ла засыпана камнями ⁵⁹¹. Во всех остальных случаях насыпь однородная, земляная.

Следы поминок встречены лишь в двух комплексах: обугленная трубчатая кость из кургана Е8 Каменского могильника и «комплект» гончарного и деревянного сосуда из погребения кургана 11 Нехаевского могильника. Это сближает район с некоторыми могильниками Нижнего Поволжья ⁵⁹², но отличает от территории лесостепного Подонья ⁵⁹³, где тризны были выявлены в трети насыпей курганов и насыпей могильных ям.

Однако, как отмечалось в главе 2, в насыпи кургана 24 Больше-Дмитриевского могильника на краю входной ямы на древнем горизонте обнаружен меч позднесарматского типа с усечено-коническим халцедоновым навершием (рис. 56, IV). Здесь уместно привести цитату Аммиана Марцеллина про аланов: «У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют» (XXXI, 2, 21). Возможно, меч в насыпи кургана 24 Больше-Дмитриевского могильника маркирует святилище бога войны.

Погребения хопёрско-волжского района совершались в ямах, содержащих внутримогильные деревоземляные конструкции. Подобных захоронений позднесарматского периода известно здесь 16, что составляет 23% от общего

⁵⁹¹ Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья // АО 1978 года. М., 1979. С. 186-187.

⁵⁹² Коробкова Е.А. Погребальный обряд позднесарматского времени Жутовского курганного могильника // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №2 (22). С. 14-17.

⁵⁹³ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 92.

количества. Похожая картина зафиксирована в Поволжье⁵⁹⁴, Подонье⁵⁹⁵, Северном Причерноморье⁵⁹⁶. Данная черта, однако, не характерна для сарматских племен восточных территорий⁵⁹⁷. Интересным является погребение в деревянной двустворчатой колоде из погребения 1 кургана 5 Каменского могильника (рис. 48, 2)⁵⁹⁸.

Ингумации являлись единственным способом захоронения рассматриваемого района памятников. Все 69 позднесарматских захоронений представляли собой труположения покойников. По характеру захоронения большинство позднесарматских погребений – индивидуальные; парное встречено единожды (погр. 1, кург. 18, Сидоры).

Следующей важной характеристикой погребального обряда является форма могильных ям. После середины II в. н.э. соотношение типов погребальных ям резко изменяется. В позднесарматское время, в сравнении со среднесарматским периодом, наблюдается большой разброс форм могил (табл. 1.6): узкие прямоугольные, средние прямоугольные, широкие прямоугольные, овальные ямы, подбои, ямы с заплечиками, катакомбы. Преобладающим типом являются подбои (рис. 41; 42) – 19 ям (33%). Погребальные сооружения этого типа считаются одной из характерных черт позднесармат-

⁵⁹⁴ Коробкова Е.А. Погребальный обряд позднесарматского времени Жутовского курганного могильника // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №2 (22). С. 14-17.

⁵⁹⁵ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 92-93.

⁵⁹⁶ Симоненко А.В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 169-182.

⁵⁹⁷ Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 80-87.

⁵⁹⁸ Филипченко В.В. Сарматское погребение в колоде у с. Каменка // Древности Волго-Донских степей. 1992. Вып.2. С. 59-61.

ского времени ⁵⁹⁹, хотя подбойные могилы представительны и раньше. При этом в Заволжье они составляют 48%, в степном междуречье – 30,5% ⁶⁰⁰.

Со второй половины II и вплоть до IV вв. н.э. на втором месте оказываются узкие прямоугольные ямы – 26% (рис. 47). Такой показатель в целом характерен для Нижнего Поволжья (26%), Заволжья (39,5%), степного междуречья (16%) ⁶⁰¹. Эта форма могил, как и средние прямоугольные (14%) – обычны для начальной фазы позднесарматской культуры. Подобная картина наблюдается в Северном Причерноморье в целом; на финальной фазе открытые ямы уступают место погребальным сооружениям иных типов. Их практически нет в Поднестровье-Подунавье, а на востоке известно только два погребения второй половины III в. н. э. в прямоугольной яме: Балки, кург. 12, погр. 1 и Богодар ⁶⁰². Характерно, что и западнее, в Подонье, такие ямы в это время также почти не встречены ⁶⁰³.

Широкие прямоугольные ямы, ориентированные длинной осью в меридиональном направлении, составили в районе 10% (6 погребений) от общего числа ям (рис. 52). В 4 погребениях покойники были уложены по диагонали широкой ямы. Данный показатель коррелирует с заволжскими памятниками (12,5%), но отличается от Нижнего Поволжья (43%). Квадратных ям не было встречено совсем.

Особый интерес представляют погребения в катакомбах (рис. 55), как своеобразное новшество погребального обряда населения лесостепного меж-

⁵⁹⁹ Симоненко А.В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 174; Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) // Материалы и исследования по археологии юга России. 2011. Вып. III. С. 145-163.

⁶⁰⁰ Там же. С. 147.

⁶⁰¹ Там же. С. 146-147.

⁶⁰² Симоненко А.В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 173.

⁶⁰³ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 93.

дуречья Дона и Волги финальной фазы позднесарматского периода (вторая половина III – IV вв. н.э.). Отметим, что здесь встречено пять катакомб (8%), тогда как на сопредельной территории Нижнего Поволжья четыре⁶⁰⁴, но всего одна из них датируется III – IV вв. н.э. На территории Донского Левобережья в среднем течении реки встречена всего одна катакомба⁶⁰⁵. Таким образом катакомбные погребения северной части Подонья-Поволжья важны с точки зрения появления здесь новых этногрупп накануне эпохи Великого Переселения народов.

Все рассматриваемые катакомбные погребения, за исключением Турковского в Прихопёрье, входят в курганную группу I у с. Большая Дмитриевка Лысогорского района Саратовской области. Могильник расположен на склоне водораздела рек Карамыш и Латрык в 2,3 км к северо-востоку от села и изучался на протяжении конца 80-начала 90-х гг. XX века саратовским археологом А.Д. Матюхиным⁶⁰⁶.

Размеры курганов над катакомбами варьировались по высоте от 0,3 м до 0,5 м; диаметр от 18 м до 21 м. Все погребения располагались в центре кургана, за исключением захоронения из кургана 15, смещенного в западный сектор.

По форме могильных ям катакомбы представляют собой два типа подобных сооружений. Катакомбы типа II (по К.Ф.Смирнову) встречены в кур-

⁶⁰⁴ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 64; Сергацков И.В. Позднесарматское катакомбное погребение из Бахтияровского могильника // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 117.

⁶⁰⁵ Березуцкий В.Д., Медведев А.П. Погребение алана-танаита на Среднем Дону // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014. С. 283-287.

⁶⁰⁶ Матюхин А.Д. Отчет об археологических разведках в Краснокутском районе и раскопках курганов у сс. Б.Дмитриевка и Двоенка Лысогорского района в 1988 г. / Архив НИИАЛ СГУ. Д. 049; его же. Отчет об археологических разведках в Калининском районе и раскопках курганов у с. Большая Дмитриевка в Лысогорском районе Саратовской области в 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №17586.

ганах 15 и 24. Катакомбы III типа, производные от II типа⁶⁰⁷, представлены в курганах 20 и 21. Данные типы распространены на Северном Кавказе, в Прикубанье и Подонье. Мысль о происхождении позднесарматских катакомб от очень близких им северокавказских неоднократно высказывалась в литературе и имеет серьёзные основания⁶⁰⁸. К вопросу об их энокультурной атрибуции мы вернемся позже.

Что касается сопредельных Хопёрско-Волжскому междуречью территорий, в Заволжье такие катакомбные конструкции пока неизвестны; наиболее распространенным типом конструкции позднесарматских катакомб Северного Причерноморья является тип II по К.Ф. Смирнову; Нижнее Подонье и Центральное Предкавказье характеризуется наличием катакомб с разнообразием конструкции, более часты катакомбы I и III типов⁶⁰⁹.

Ямы с заплечиками (рис. 57) в позднесарматское время встречаются в Хопёрско-Волжском междуречье несколько чаще, чем в среднесарматскую эпоху, но они составляют лишь 3% от общего числа ям (табл. 1.6). Похожая ситуация и с овальными и круглыми ямами (рис. 58) – 5%.

Позы погребенных различны (табл. 1.7). Преобладает положение умерших с вытянутыми ногами и руками (30 погребенных); иногда одна или обе руки согнуты (4 случая); иногда кисти находились под тазом (3 случая); либо руки раскинуты (2 случая).

⁶⁰⁷ Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. №1. С.74.

⁶⁰⁸ Там же. С. 73-82; Безуглов С.И. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С.171-183; Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 180-182; Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 18-34.

⁶⁰⁹ Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // МИАР. 2008. №10. С. 286; Bezuglov S.I. Késő római korikatakombás temetkezések az Alsó-Don-vidékszyeppéin // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Szeged, 1995. Vol. I. S. 326

Интересной особенностью погребального обряда в хопёрско-волжском междуречье является обычай погребать усопших с перекрещенными ногами (рис. 42, 2) – 5 случаев, руки же при этом либо вытянуты, либо одна согнута. Этот признак был распространен у меотов Кубани на рубеже эр. У сарматов перекрещивание ног при погребении распространяется во II-III вв. н.э., но составляет незначительный процент⁶¹⁰. Это утверждение, вкупе с распространением перекрещивания ног у покойников на античных некрополях, некоторые исследователи используют для опровержения признака, как этнического индикатора. Но не стоит забывать, что перекрещивание ног у покойных отмечено в Сарматии там, где его до прихода сарматских племен не было – в Степном Причерноморье⁶¹¹, лесостепном Подонье⁶¹² и даже на Фанагорийском Некрополе⁶¹³. На наш взгляд, этот обычай свидетельствует в пользу того, что именно на Хопре и к востоку от него сохранился сарматский кочевой компонент, которому была свойственна указанная традиция.

Сравнение ориентировок погребенных в среднесарматский и позднесарматский периоды (табл. 1.5) указывает на серьезные изменения, произошедшие в погребальном обряде. Ориентировка погребенных установлена в 49 трупоположениях. Как видно из таблицы 1.5 – в хопёрско-волжском регионе доминировала ориентировка в северную половину круга (63%). Из них – 15 покойников были уложены головой точно на север (31%); 9 (18%) – на северо-восток с отклонениями; 7 (14%) – на северо-запад. Данный показатель

⁶¹⁰ Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I-III вв. н.э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1965.

⁶¹¹ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 9.

⁶¹² Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 54.

⁶¹³ Медведев А.П. О некоторых результатах изучения Некрополя Фанагории Римского времени // Вестник ВГУ. Серия: История, Социология, Политология. 2012. №1. С. 44.

характерен и для соседних районов сарматских памятников ⁶¹⁴. Но стоит заметить, что значительный процент (24%) составили и южно-ориентированные погребения: 7 (14%) – на юг; 3 (6%) – на юго-запад; 2 (4%) – на юго-восток. Кроме того, в районе представлена и широтная ориентировка – 12%.

Своеобразным маркером позднесарматской культуры является массовое распространение обычая искусственной прижизненной деформации головы. Но в изучаемом регионе он отмечен в 11 случаях (табл. 1.8). Наиболее часто деформация встречается в подбойных могилах (54,5% от числа определенных), реже в узких прямоугольных ямах (36,5%), единичные случаи деформации обнаружены в катакомбах (9%). Похожая картина представлена в Нижнем Поволжье и Заволжье ⁶¹⁵.

Для позднесарматской культуры Хопёрско-Волжского междуречья характерно изменение соотношения погребенных по полу и возрасту. В данной выборке к мужским отнесено 17 погребений, к женским – 24, к детским – 12. Здесь диспропорция составляет 1,41 – в пользу женских захоронений. Это – локальная особенность, особенно в сравнении с огромной территорией южной части Волго-Донского междуречья, где диспропорция составляет 1,7 в пользу мужских захоронений ⁶¹⁶, даже с учётом коэффициента вариации.

Как показывают данные таблицы 1.8, о сохранении тела в позднесарматский период заботились больше, чем в среднесарматский. Под 19-ю умершими были обнаружены остатки подстилок из войлока, травы, тростни-

⁶¹⁴ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 94; Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) // Материалы и исследования по археологии юга России. 2011. Вып. III. С. 148.

⁶¹⁵ Там же. С. 149.

⁶¹⁶ Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2005. С. 133.

ка и камыша, а также досок. В погребении кургана Е9 у Каменки дно ямы было выстлано галькой, а уже сверху лежала подстилка из камыша.

Огненный ритуал в позднесарматских погребениях незначителен; встречено всего 6 погребений (9% от общего количества), содержащих кучки угольков на дне ямы, остатки кострищ на перекрытии, пепел и золу, обугленные предметы. Угли и зола попадали в засыпь могильных ям, видимо, после обрушения деревянных перекрытий, на которых и разводился костёр. Укажем, что лишь Турковское погребение в Прихопёрье содержало лепной горшок с золой и мелкими обожженными косточками.

К сакральным находкам учёные относят и так называемые «красящие вещества» (табл. 1.8). Лишь 13% погребений содержали различные минералы и мел. В одном случае в погребении 1 кургана 12 Машевского могильника костяк умершего был уложен на правом боку на подстилке из красной охры, сверху кости прикрыты сначала жёлтой, затем красной охрой. Погребение 1 кургана 5 Каменского могильника содержало реальгар розово-оранжевого цвета. В двух случаях (кург. Е9, Каменка; погр. 2, кург. 13, Большая Дмитриевка) обнаружен порошок бледно-розового цвета, скорее всего, румяна. Остальные захоронения содержали мел, также использовавшийся в качестве простого косметического средства⁶¹⁷. Об этом, возможно, свидетельствует подобие ступки для дробления мела, содержащее его остатки из кургана Е8 Каменского могильника.

В качестве напутственной пищи (табл. 1.8) в погребениях междуречья Хопра и Волги чаще всего встречаются кости овцы – 32% от общего числа погребений. Что касается части туши, то не наблюдается такого однообразия как в среднесарматское время (нога в естественном сочленении с лопаткой). Во второй половине II – IV вв. н.э. жертвовались самые разнообразные части туш мелкого рогатого скота – нога с тазом, целые барашки, лопатки, ребра.

⁶¹⁷ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 95.

Чаще всего, в отличие от памятников Нижнего Поволжья⁶¹⁸, в рассматриваемом районе памятников пища располагалась в ногах умерших, справа или слева, реже – у головы.

Помимо останков МРС, в могилы изредка помещали части тушек КРС (1 случай); лошадей (2); других животных (2). Часто, в одно погребение жертвовалось несколько видов мяса. Так, в погребении кургана 10 Сидоровского могильника были представлены конина и баранина.

Большинство погребений содержало керамическую посуду. Сосуды, судя по этнографическим источникам, не ставились пустыми, а содержали заупокойную трапезу и питье. Именно поэтому почвоведрами стал применяться фосфатный анализ для реконструкции исходного содержимого погребальных глиняных сосудов, которые в момент раскопок, как правило, были заполнены грунтовым материалом⁶¹⁹. Как показало применение данного метода, из питья в позднесарматских могильниках чаще всего применялись молоко-содержащие напитки. Позднесарматские погребения зачастую характеризовались наличием у головы покойника горшка с бульоном и кувшина с молочным продуктом.

Погребальный инвентарь, встреченный в позднесарматских комплексах, чётко отличает поло-возрастные особенности захоронений (табл. 1.2). Предметы вооружения содержали мужские захоронения – 72% от общего числа находок; женские – украшения и предметы одежды – 46%, Детские погребения содержали чаще всего лепную керамику – 57%.

⁶¹⁸ Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Волгоград, 2005. С. 134.

⁶¹⁹ Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999. С. 343-370.

Таким образом, все позднесарматские памятники можно разделить на два хронологических периода: середина II – середина III в. н.э. и вторая половина III – середина IV в. н.э.

Влияние позднесарматской культуры здесь в первый позднесарматский период (середина II – середина III в. н.э.) проявляется в появлении большого числа погребений синкретического облика. При этом, здесь известны и синхронные позднесарматские погребения. Таким образом, в лесостепи происходит постепенное угасание традиций среднесарматской культуры. Рассмотрим данную гипотезу на примере исследуемого района памятников.

В хопёрско-волжском регионе зафиксировано более 40 погребений указанного времени. Все они локализуются в бассейне Хопра, в могильниках, принадлежащих представителям потомков среднесарматской культуры (курганные группы у сс. Третьяки, Власовка, Ключи, Берёзовка, Короли, Нехаево, Сидоры) и безкурганных ямах (у с. Турки).

Погребальный обряд еще во многом соответствует среднесарматскому: узкие прямоугольные и широкие прямоугольные могилы; частое положение умершего по диагонали; южная ориентировка. Однако инвентарь погребений содержал вещи, характерные уже для позднесарматской культуры первого этапа: кинжалы и мечи без металлического перекрестия и навершия типа 3 по А.М. Хазанову; лепные сосуды с уплощенным дном и налепами типов II и IV по А.С. Скрипкину; кубические курильницы; железную пружинную фибулу; сильно профилированную фибулу боспорского образца; зеркала с боковым ушком и коническим утолщением и другие.

Переломным моментом стала середина III в. н.э. С этого времени в погребальных традициях населения междуречья Волги и Хопра практически уже не фиксируются черты среднесарматской культуры. Подобных погребений известно около 20. По типам погребальных сооружений они делятся на две группы: погребения в подбоях (80 %) и погребения в катакомбах (20 %).

Как было сказано выше, оба типа становятся ведущими именно в позднесарматскую эпоху⁶²⁰.

Что касается других черт погребального обряда финальной фазы позднесарматского культуры, то наиболее значимые его характеристики на рассматриваемой территории – ингумации; катакомбы, положение покойников на спине с ориентировкой в северную половину круга; искусственная деформация черепов у покойников; обычай погребать усопших с перекрещенными ногами.

Из погребального инвентаря в могильниках второго периода позднесарматской культуры встречены сильнопрофилированные фибулы поздних типов, зеркала с центральной петелькой на обороте, серьги-лунницы, медальоны, серебряные флакончики со вставками, украшения черняховского типа; лепные глиняные кувшины с округлым туловом, орнаментированные насечками; лепная посуда с «усами»; фрагменты сероглиняных и чернолощеных круговых сосудов; курильниц. Лепная посуда с округлыми и вытянутыми налепами-выступами – типичная позднесарматская⁶²¹. Прямоугольные курильницы (тип XII по К.Ф. Смирнову) появляются при переходе к позднесарматскому времени и бытуют вплоть до IV в. н.э., при этом очерчивая границы территории, занимаемой сарматскими племенами. Малочисленность и фрагментарность импортной керамики – также признак финала позднесарматского периода, связанный с разгромом позднеантичных ремесленных центров, снабжавших круговой посудой сарматов.

⁶²⁰ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 61; Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 78.

⁶²¹ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Серия: Археология СССР. [Т. 10]. М., 1989. С. 202.

Глава 4. Вопросы хронологии и этнической истории междуречья Хопра и Волги в сарматское время

Реконструкция сарматской истории базируется главным образом на двух видах источников: вещественных и письменных. Одной из сложнейших задач, с которой сталкивается исследователь, занимающийся сарматской проблематикой, является этническая реконструкция, то есть определение конкретного содержания и локализации тех этносов (точнее – этнонимов), которые оставили нам греко-латинские и иные авторы в археологическом и историческом выражении. Вся история, прежде всего, археологических исследований сарматских древностей свидетельствует о постоянном внимании учёных к проблеме отождествления тех или иных археологических памятников с определенным сарматским этнонимом. По традиции, данным разделом заканчиваются практически все исследования от статей до диссертаций. Сошлемся на соответствующие работы по территории междуречья Дона и Волги и сопредельным районам ⁶²².

⁶²² Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 235-236; Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005. С. 112-120; Медведев А.П. Этнокультурные процессы на Верхнем Дону в сарматское время (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2006. №1. С. 33-45; Лукьяшко С.И. Население Нижнего Дона в VII-IV вв. до н.э. // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 113-123; Берестнев Р.С. Возможности сравнительного анализа письменных и археологических источников (сарматы-конееды) // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы научной конференции молодых ученых. Вып. 5. Воронеж, 2014. С. 22-25; его же. Сарматы Прихопёрья (этнокультурная специфика) // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 10-11 апреля 2014 г. Вып. 6. Воронеж, 2015. С. 28-34; его же. Сарматы между Доном и Волгой (этнокультурный аспект) // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2015. №2. С. 43-46; Березуцкий В.Д. Диагональные сарматские погребения Новочигольского курганного могильника // Археология восточноевропейской лесостепи : материалы

Соотношение сарматских археологических культур и их этнического содержания привлекает постоянное внимание исследователей. Не вызывает сомнения, что в основе смены одной сарматской культуры другой лежат не только и не столько социальные процессы, а значительные этнические перегруппировки в кочевом мире Евразии. С другой стороны, в рамках одной культуры можно проследить более мелкие миграции, которые определить не так легко. Чаще всего они затрагивают вещевой комплекс, не меняя обряд в целом. Существуют и исключения, когда в рамках одной культуры и даже могильника встречаются синхронные погребения разного обряда, об этом речь пойдет ниже, анализируя материалы могильника у с. Большая Дмитриевка.

Итак, одной из первых проблем этнической истории сарматов междуречья Хопра и Волги является вопрос о предшествующем им населении и определении нижней границы раннесарматской культуры. По Хопру и к востоку от него обнаружено малое количество предшествующих памятников скифского времени (погр. из кург. 4 у озера Ильмень, случайные находки предметов вооружения, конской упряжи, нож с рукоятью в скифском зверином стиле у Кругляковского, Летяжевки, Медвежьего куста, Инясева, Шапкина, Малого Карая, Борок, Родничка). Особого внимания заслуживает по-

II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. Воронеж, 2016. С. 181-188; Дервянко А.В. Раннесарматские памятники с северной ориентировкой на Среднем Дону // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. Воронеж, 2016. С. 205-208; Вдовченков Е.В. Этносоциальная история сарматов Нижнего Подонья : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.03; 07.00.07. Санкт-Петербург, 2016. 48 с.; Кривошеев М.В. Волго-Донское междуречье в середине III – IV вв. н.э. Этноисторические проблемы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. Элиста, 15-18 ноября 2016 г. Элиста, 2016. С. 100-103.

гребение 7 из могильника у хут. Короли ⁶²³. Датирующим для него является костяное навершие⁶²⁴ и конструкция могильной ямы. Навершие, по манере исполнения, ближе всего стоит к савроматской изобразительной традиции V в. до н.э., находя ближайшие аналогии в Блюменфельдском кургане А12, Бережновском кургане 97, на пластине из Пятимар ⁶²⁵. Трапециевидная форма ямы и канавки вдоль стенок, служащие для обшивания их деревом, зафиксированы в среднедонских курганах IV в. до н.э. у сс. Русская Тростянка и Дуровка ⁶²⁶. В целом – погребение из кургана 7 могильника у хут. Короли датируется в рамках V-IV вв. до н.э. Стоит упомянуть и недавнее открытие на берегу Хопра в Турковском районе Саратовской области большого курганного могильника и городища Гривки близ него. Городище, бесспорно, датируется по браслету в зверином стиле и фурнитуре ножен ⁶²⁷ в пределах VI – V вв. н.э. Могильник был невыразительным и практически безынвентарным, но содержал погребения IV в. до н.э. с характерным для среднедонской культуры инвентарем (колчаный крючок IV в. до н.э. по аналогии из Мاستюгин-

⁶²³ Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 143. Рис. 4, 7.

⁶²⁴ Там же. С. 143. Рис. 4, 5.

⁶²⁵ Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д1-9. Табл. 22.

⁶²⁶ Либеров П.Д. Отчёт Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1965 г. // Архив Воронежского областного краеведческого музея. 1966. Ф. 1. Д. 29. С. 5-21; его же. Альбом к отчёту Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. // Архив Воронежского областного краеведческого музея. 1960. Ф. 1. Д. 29а. Табл. XXIII, 9.

⁶²⁷ Леонтьева А.С. Новый памятник скифского времени на севере Саратовской области // XLIII международная УПАСК : материалы и тезисы докладов. Оренбург, 2011. Рис. 3/ 3,4.

ского могильника ⁶²⁸). Эти погребения и городище открывают новые перспективы в изучении эпохи, непосредственно предшествующей сарматской.

Что касается территорий междуречья Хопра и Битюга, то стоит отметить, что на отсутствие здесь памятников скифского времени обратил внимание ещё в 60-е гг. XX в. П.Д. Либеров ⁶²⁹. Он видел в этом своеобразии самобытность носителей степной кочевой культуры (геродотовых будинов). Прошло более полувека исследований, но и сегодня, за редким исключением, мы можем говорить здесь только о наличии случайных находок акинаков VII – IV вв. до н.э. ⁶³⁰. Все они принадлежали иным типам, нежели мечи из Среднедонских курганов Правобережья Дона. С большой долей вероятности, из-за отсутствия здесь поселений, обилие оружия можно интерпретировать, как свидетельство весьма напряженных отношений среднедонского населения с «савроматскими» кочевыми племенами. В 2000 г. на изучаемой территории было открыто едва ли не единственное погребение скифского времени в курганной группе у с. Абрамовка (современное обозначение – Коленовские курганы) ⁶³¹. Захоронение из кургана 1, интерпретирующееся как воинское по инвентарю (наконечник копья, дротик, кинжал, наконечники стрел и др.), да-

⁶²⁸ Либеров П.Д. Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. // Архив Воронежского областного краеведческого музея. 1960. Ф. 1. Д. 21. С. 22; его же. Альбом к отчёту Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. // Архив Воронежского областного краеведческого музея. 1960. Ф. 1. Д. 21а. Табл. XIII, 3.

⁶²⁹ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.С. 33.

⁶³⁰ Медведев, А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.). М., 1999. С. 51, 102. Рис. 19, 51; Берестнев Р.С. Меч из с. Костино-Отделец Воронежской области // Новик: сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. 2012. Вып. 17. С. 6. Рис. 1.

⁶³¹ Медведев А.П., Ефимов К.Ю. Курган скифского времени у с. Абрамовка // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. М., 2001. С. 202-210.

тируется по наконечникам стрел⁶³² не позже V в. н.э. Военское снаряжение специфично по сравнению со среднедонскими погребениями как по обряду (погребение не достигало материка и было совершено на уровне древней дневной поверхности); так и по инвентарю (меч, близкий классической греческой махайре⁶³³). Древностей после V вв. до н.э. здесь более не известно, хотя на территории лесостепного Подонья скифские памятники доживают до начала III в. до н.э. Их гибель связывают с разрушительными набегами кочевников с юго-востока, что доказывают коллективные захоронения с Семилукского городища⁶³⁴.

Малочисленность скифских памятников в междуречье Хопра и Битюга, Хопра и Волги, вероятно, можно объяснить тем, что этот район был пограничным между среднедонскими племенами и кочевниками Нижнего Поволжья. Савроматы, хоть по данным античной традиции и являлись родственным скифам народом⁶³⁵, но, видимо, имели со скифами, «пустынные, незаселенные места», своего рода пограничные коридоры (Herod.: IV. 18, 22). Ещё один фактор малочисленности предшествующих сарматам памятников, главным образом поселенческих – природный. Ландшафт местности в Прихопёрье – не городищенский, так как берега рек пологие. Здесь мало высоких мысов, удобных в плане обороны, как в соседних районах Подонья. Таким образом, проанализировав предшествующие сарматским памятники, мы можем

⁶³² Там же. Рис. 4, 6-11.

⁶³³ Там же. Рис. 5, 1.

⁶³⁴ Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993. С. 74-94; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999. С. 145-152.

⁶³⁵ Лукьяшко С. И. Этническая история Донского Левобережья в скифское время // Этнические взаимодействия в Евразии. М., 2006. С. 176.

констатировать, что сарматы приходили в этот район на пустынные, незаселенные места.

Их племена на территории междуречья Хопра и Волги появляются не ранее II в. до н.э., то есть во второй раннесарматский период. В общем, это согласуется с проникновением и освоением сарматами обширных степей Подонья и Северного Причерноморья. Одним из основных дискуссионных вопросов является проблема нижней границы сарматской культуры. Необходимо уточнить, что раннесарматскую культуру К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова начинали с IV-III вв. до н.э.⁶³⁶. К началу 60-х гг. прошлого столетия, по материалам раннесарматских погребений Украины и Подонья, М.П. Абрамова доказала, что появление сарматов на указанных территориях произошло не ранее II в. до н.э.⁶³⁷. С ней не согласился Д.А. Мачинский, который считал Нижнее Подонье сарматским с IV в. до н.э. Свою версию учёный подкреплял данными письменных источников⁶³⁸. В полемику с Д.А. Мачинским на рубеже 80-90-х годов XX в. вступил С.В. Полин. Исследователь на материалах скифских и сарматских комплексов Северного Причерноморья и прилегающих территорий пытался доказать, что из-за резкого ухудшения природно-климатических условий кочевнические памятники скифской эпохи исчезают в Северном Причерноморье ещё в начале III в. до н.э. Следовательно, появление сарматских этногрупп на территории Нижнего Подонья и в Северном Причерноморье имело место только во II в. до н.э.⁶³⁹. Учёный, совместно с А.В. Симоненко, проанализировал и данные античной литературной

⁶³⁶ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 156, 162, 173; Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 10

⁶³⁷ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. 238 с.

⁶³⁸ Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 30-54.

⁶³⁹ Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. 201 с.

традиции. Они пришли к выводу, что все античные авторы IV – III вв. до н.э., упоминавшие сирматов и сарматов, не говорят о массовом проникновении сарматских племен в Северное Причерноморье ранее II в. до н.э.⁶⁴⁰. В то же время, укоренившаяся в науке хронология прохоровской культуры, предложенная М.Г. Мошковой и удерживающая свое значение до настоящего времени, была уточнена на основе всего накопленного материала в работах А.С. Скрипкина. Им, а позже и его учеником В.М. Клепиковым, был сделан вывод о сохранении основных черт раннесарматской культуры вплоть до рубежа эр, а также предложено выделение в рамках этой культуры двух периодов, датируемых IV – III и II – I вв. до н.э.⁶⁴¹.

Итак, попытаемся проследить этническую специфику немногочисленных ранних сарматских погребений II – I вв. до н.э. из Хопёрско-Волжского междуречья. В двух случаях, когда костяки погребенных были зафиксированы «на месте» (рис. 21, 1), покойные были ориентированы головой на северо-восток. Это весьма существенно для изучаемого нами региона в сравнении со степными номадами, обитавшими в раннесарматское время по берегам Иловли и укладывающими покойных головой в основном в южный сектор⁶⁴². Ориентация в северный сектор наиболее типична для раннесарматской культуры Северного Причерноморья⁶⁴³. В культурном аспекте рассмот-

⁶⁴⁰ Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». 1997. Вып. 5. С. 87-98.

⁶⁴¹ Скрипкин А.С. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 105-116; его же. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 174-175; Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002. С. 125-141.

⁶⁴² Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 203.

⁶⁴³ Костенко В.И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья // Древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1982. С. 70; Симо-

ренная группа погребений близка раннесарматским погребениям Северного Причерноморья и Нижнего Подонья (впускные погребения, индивидуальные захоронения, северная ориентировка умерших, похожая форма керамики), которые украинский сарматолог А.В. Симоненко считает оставленными одним из сарматских племен – роксоланами ⁶⁴⁴.

Такова, по нашему мнению, и этническая интерпретация немногочисленных захоронений из выделяемого нами района памятников. Судя по локализации погребений и случайных находок, сарматы осваивали не только пограничные районы степи-лесостепи, но и проникали вглубь лесостепи (находки мечей в Тамбовской области). В этот период они уже имеют ряд специфических черт в сравнении со степным населением ниже, а по отношению к лесостепным собратьям западнее, на Среднем Дону рассматриваемые памятники весьма близки. На сегодняшний день раннесарматские памятники на Среднем Дону составляют весьма малочисленную группу, насчитывающую шесть погребений, три клада и несколько случайных находок. Северная ориентировка умерших фиксируется в следующих погребениях – погр. из кург. 1, Левашовка, погр. 2 и 3 из кург. 8, Сасовка ⁶⁴⁵, погр. 2 из кург., Монастырка ⁶⁴⁶ и разрушенное погр. в Белогорье ⁶⁴⁷. Учёные, также, отождествляют

ненко А.В. Роксоланы (поиск археологических соответствий) // Археология. 1991. № 4. С. 21-27.

⁶⁴⁴ Симоненко О.В. Роксоланы (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17-28; его же. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III-го археологического материала). Ч. I. Краснодар, 1992. С. 25, 26; его же. Сарматы Таврии. Киев, 1993. 25-29; его же. Особенности раннесарматской культуры северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара, 2000. С. 158–164.

⁶⁴⁵ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь: по материалам Подонья. Воронеж, 1990. С. 14. Рис. 3, 5-7.

⁶⁴⁶ Там же. С. 16-17. Рис. 5, 7-14.

данные погребения с роксоланами ⁶⁴⁸. Вкупе с погребениями из хопёрско-волжского района данные захоронения, вероятно, оконтуривают границы северных кочевий роксолан и расширяют их на северо-восток вплоть до Прихопёрья. Это важно, так как если обратиться к анализу работы греческого географа Страбона, воссоздающего этногеографию Восточной Европы во II – I вв. до н. э., то периферию кочевий роксолан он определял от р. Борисфен (Днепр) на западе до р. Танаис (Дон) на востоке. Что касается северной границы, то ввиду неполноты его знаний о столь отдаленной территории, древнегреческий историк не предоставил какой-либо конкретной информации (География: II. V. 7).

Исходя из этногеографической номенклатуры Страбона, племена раннесарматской культуры Нижнего Поволжья III – I вв. до н. э. принято отождествлять с верхними аорсами. Судя по всему, берега Иловли в раннесарматскую эпоху населяли кочевники, входившие именно в это этнополитическое объединение. Бассейн Иловли служил ареалом их обитания вплоть до начала I в. н.э. С этого времени в волго-донских степях появляются аланы. В результате этого события аорсы сходят с исторической арены, что, вероятно, отмечается исчезновением в Нижнем Поволжье погребений раннесарматских типов с южной ориентировкой. Отметим, что до рубежа эр в Хопёрско-Волжском междуречье сарматские находки единичны, что может говорить нам о непостоянстве пребывания ранних сарматов в этом регионе ⁶⁴⁹.

⁶⁴⁷ Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Кравец А.В. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2016. №2. С. 26-29.

⁶⁴⁸ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 18-19; Деревянко А.В. Раннесарматские памятники с северной ориентировкой на Среднем Дону // Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. Воронеж, 2016. С. 205-208.

⁶⁴⁹ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. С. 181-184.

Следующий аспект изучаемой темы – проблема происхождения среднесарматской и позднесарматской культур, стоящая в тесной связи с вопросами их хронологии. К сожалению, на современном этапе развития сарматологии по этому вопросу также не сложилось единого мнения. Существуют две концепции перехода от ранне- к среднесарматской культуре: эволюционно-автохтонистская и миграционистская.

Взгляды Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова стали ядром первой концепции⁶⁵⁰. Этой точки зрения придерживается в своем диссертационном исследовании М.Г. Мошкова⁶⁵¹. Переход от раннесарматской культуры к среднесарматской исследователи связывают лишь с внутренними инновациями, произошедшими в среде носителей раннесарматской культуры. Ключевой тезис концепции – гипотеза М.Г. Мошковой о формировании среднесарматской культуры в задонских районах лишь из автохтонного населения прохоровской культуры без включения пришлых иноэтничных племен.

Миграционистская концепция наибольшую разработку получила в трудах А.С. Скрипкина с 80-х годов прошлого века⁶⁵². Учёный рассматривает среднесарматскую культуру, как синтез носителей традиций прежней культуры, но в рамках нового объединения, появившегося из-за утверждения в степях Восточной Европы новых владык – аланов, благодаря чему в среднесарматских комплексах встречаются яркие культурные восточные элементы. Эти культурные традиции принесли с собой аланы, пришедшие из районов Центральной Азии.

⁶⁵⁰ Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. М., 1947. Вып. 5. С. 75–80; Граков Б.Н. Указ. Соч. С. 100-121.

⁶⁵¹ Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1989.

⁶⁵² Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры / Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 126-129.

В тесной связи с вышеизложенным вопросом находится проблема появления аланов в рассматриваемом регионе. Существует около десяти точек зрения на данный счет – скифская, аорская, массагетская, алтайская, юэчжийско-тохарская, усуньская, «дружинная» и др. Одна из самых популярных версий среди учёных состоит в том, что появление аланов тесно связано с событиями середины I в. н.э., а именно с войной за боспорское наследство и сирако-аорской войной 49 г. н. э. Результатом войны могло стать появление аланов в Центральном Предкавказье в 50-60-х гг. I в. н.э.⁶⁵³.

Другая гипотеза говорит о более раннем появлении аланов в Восточной Европе и даже об их аборигенности на этой территории. Автор гипотезы, Ю.С. Гаглойти не связывает появление аланов с миграционными процессами, а считает, что процесс формирования аланского этноса происходил в Восточной Европе на основе языгов, аорсов, роксоланов, сираков – родственных между собой сарматских племен⁶⁵⁴.

В настоящее время усиливает свои позиции концепция о центрально-азиатском происхождении аланов. Отдельные вопросы этой темы разрабатывали Б.А. Раев, Б.М. Керевов⁶⁵⁵, С.А. Яценко⁶⁵⁶, наиболее полно выражена в статье А.С. Скрипкина⁶⁵⁷.

⁶⁵³ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1963. Т. 6. С. 162-164.

⁶⁵⁴ Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 67-97.

⁶⁵⁵ Раев Б.А. Аланы в Евразийских степях: восток-запад // Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 116-117; Керевов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. 214 с.

⁶⁵⁶ Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н. э. // ПАВ. № 3. СПб., 1993. С. 61-76.

⁶⁵⁷ Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко- археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 7. Армавир, Москва, 2001. С. 15-40.

Интересная гипотеза о роли кочевого мира центрально- и среднеазиатского регионов в процессе формирования аланов была изложена в монографии Т.А. Габуева⁶⁵⁸. Автор, из всех имеющихся сегодня работ, широко использует китайские письменные источники. Причем, он находит точки пересечения и у китайских, и у античных авторов по вопросу завоевания в начале 2-й половины II в. до н.э. номадами Греко-Бактрии. Исследователь укрепил позицию сторонников формирования аланов в среде ираноязычных кочевников Азиатской Скифии через взаимную идентификацию китайских и античных этнонимов, упомянутых в вышеуказанных событиях: юэчжи – тохары; усунь – асии-асианы; сэ – саки-сакаравлы. Хотя, по мнению Т.А. Габуева, этот ряд сопоставления в определенной мере гипотетичен, он тем не менее дает возможность синхронного толкования данных китайских и античных авторов.

По центрально-азиатской гипотезе происхождения алан изменения в восточно-европейской степи – лесостепи в начале нашей эры были связаны с военной активизацией хунну в Южной Сибири и Восточном Туркестане в более раннее время⁶⁵⁹. В результате, племена юэчжей, включившие усуней (асиев-асиан), обитавших на северо-западных границах Китая, отошли на Запад, подчинив себе народ сэ (саков-сакаравлов) в Семиречье. Именно эти объединения, продвинувшись в Среднюю Азию, по мнению некоторых исследователей, стали основными этническими компонентами, участвовавшими в складывании этноса ранних аланов⁶⁶⁰.

⁶⁵⁸ Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. 148 с

⁶⁵⁹ Там же; Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко- археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 7. Армавир, Москва, 2001. С. 15-40.

⁶⁶⁰ Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. С. 79-85.

Весьма существенным в данной гипотезе является возможное вхождение усуней в состав юэчжей, поскольку усунь могут быть сопоставлены с асиями античных авторов, а асии, в свою очередь, с аланами. Аланы все же появляются на территории Восточной Европы, судя по археологическим источникам, в первой половине I в. н.э. Видимо, часть старого населения (аорсы и другие сарматские племена), новое этно-политическое объединение включило в себя, как ранее это было сделано с сэйцами и саками.

Для изучения этнического состава Восточной Европы в I – начале II в. н.э. богатый материал даёт «География» Клавдия Птолемея. Описывая Азиатскую Сарматия, локализуемую между Доном и Волгой⁶⁶¹, александрийский географ перечисляет племена Азиатской Сарматии с севера на юг: сарматы гипербореи на севере, ниже сарматы царские, затем народ мадоки и сарматы-конееды, а ещё ниже – закаты, свардины и асэи; и вдоль левого берега Танаиса – периербиды и яksamаты, а ниже сварденов – хайниды; далее перечисляются народы у Волги и южнее, до Кавказских гор⁶⁶².

Из данного списка этносов учёные долгое время в район Прихопёрья помещали *сармат-гиппофагов* (букв. – конеедов)⁶⁶³. Но, в последнее время, А.П. Медведевым убедительно доказано, что этноним гиппофаги как нельзя лучше подходит к сарматам лесостепного Подонья, обитавшим на р. Воронеж в силу их хозяйственного своеобразия – разведения преимущественно лошадей⁶⁶⁴.

Периэрбидов из Птолемеевского списка, обитавших «вдоль северного поворота р. Танаис» волгоградский учёный И.В. Сергацков недавно соотнёс с сарматами на Иловле, т.е. уже в степной части Волго-Донского междуре-

⁶⁶¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990.

⁶⁶² Удальцов А. Д. Племена европейской Сарматии II в. н.э. // Вопросы Этногенеза. 1946. № 1. С. 41-50.

⁶⁶³ Всемирная история. М., 1956. Т. 2. С. 698.

⁶⁶⁴ Медведев А.П. Сарматы-гиппофаги // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 129-132.

чья⁶⁶⁵. Где-то между сарматами-конеедами и перизрбидами Птолемей упоминает загадочных *закатов, свардинов и народ асэев*. Воронежский исследователь В.Д. Березуцкий предложил отождествлять одно из этих племён с хопёрскими сарматами (конкретно население, оставившее могильники у с. Власовка Грибановского района), правда не уточнив, с каким именно и на каком основании⁶⁶⁶.

Действительно, если достаточно точно соотнесены гиппофаги и перизрбиды, то перечисляемые этносы (*закаты, свардины и асэи*) должны были проживать где-то на территории рассматриваемого в диссертационном исследовании района памятников. С этнонимом «усуни-асии-асиане» мы можем соотнести упоминание Клавдием Птолемеем народа *асэев* где-то между Танаисом (Доном) и Ра (Волгой), а некогда подчиненных юэчжами «сэ-саков-сакаравлов» – с *закатами (сакатами)* из того же списка (Птолемей: V. 8. 160). Они, как часть аланского объединения, могли сохранять своё имя, проникнув на территории хопёрско-волжского района памятников.

В качестве подтверждения данной версии археологически с I в. н.э. в изучаемом регионе фиксируется появление широкого круга инноваций как в погребальном обряде, так и в вещевом комплексе (мечи с кольцевым навершием, китайский «импорт», бронзовые литые котлы с полусферическим или сферическим туловом, глиняные парные курильницы). В своей основе многие из этих инноваций в конечном итоге находят аналогии в Средней Азии, таким образом, подтверждая версию о формировании аланов, в том числе заселивших изучаемый район, в среде ираноязычных кочевников Азиатской Скифии⁶⁶⁷.

⁶⁶⁵ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 235-236.

⁶⁶⁶ Березуцкий В. Д. Грибановский край (с древнейших времён до XVII в.) // Очерки по археологии и древней истории Подонья. Воронеж, 2003. С. 112.

⁶⁶⁷ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990. С. 214; Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. С. 85.

Где-то здесь, в междуречье Дона и Волги, Клавдий Птолемей помещает свардинов (Птолемей: V. 8. 160). Однако их отождествление с той или иной группой сарматских памятников пока представляется преждевременным, так как александрийский географ явно перечисляет народы Азиатской Сарматии с севера на юг без какой-либо широтной привязки⁶⁶⁸, и, к сожалению, не даёт ссылок на хозяйственно-культурный тип, как в случае с сарматами-конеедами.

До сих пор остается дискуссионной проблема этнического содержания понятия «позднесарматская культура» и происхождения её носителей. Крупнейший исследователь археологии Нижнего Поволжья А.С. Скрипкин считает периодом становления культуры рубеж I – II вв. н.э. Ближайшие аналогии погребальному обряду и обычаю искусственной деформации черепа, учёный находит в Заволжье. Истоки же этих элементов выводит из Средней Азии. Однако, в междуречье Волги и Дона, как в степи, так и в лесостепи, до середины II в. в погребальном обряде еще доминируют традиции среднесарматской культуры. В этом А.С. Скрипкин видит своеобразие междуречья, предполагая при этом наличие двух племенных объединений в первый позднесарматский период: одного в междуречье, второго – в Заволжье. Следующий этап интересен тем, что позднесарматская культура охватывает всю территорию Поволжья, что приводит к однотипности развития погребального обряда и стабилизации погребального инвентаря. Третий этап развития позднесарматской культуры исследователь связывает с появлением готов на территории Северного Причерноморья, из-за чего большая часть сарматских племен перемещается в Заволжье, где распространяются подбои и узкопрямоугольные ямы, уменьшается количество погребенных с деформированными черепами и др. Окончание позднесарматской культуры А.С. Скрипкин

⁶⁶⁸ Шувалов П.В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П.В. Шувалов // *Stratumplus*. 2013. №4. С. 75-89.

связывает с оставлением Нижнего Поволжья сарматами и их уходом на запад в составе гуннского племенного союза в 370-е гг.⁶⁶⁹.

М.Г. Мошкова также указывает на аланов в качестве культуро-образующего этноса позднесарматской культуры. Она не делит культуру на районы и считает, что со II в. н.э. среднеазиатские аланы властвуют в сарматском мире, как в Волго-Донском, так и в Южноуральском регионе⁶⁷⁰. А местные племена, носители среднесарматской культуры, были включены в состав нового этнополитического объединения.

С.И. Безуглов, акцентируя внимание на памятниках нижнедонских кочевников III – IV вв. н.э., отмечает мощный импульс культурных влияний Центрального Кавказа. Связи сарматских этногрупп Подонья с этим регионом фиксируются со II – I вв. до н.э., но с сер. III в. н.э. они становятся доминирующими. Именно оттуда, считает учёный, наблюдаются заимствования некоторых ритуальных норм и керамического комплекса⁶⁷¹. Забегая вперёд, отметим, что эти явления прослеживаются и в междуречье Волги и Хопра.

Что касается подонского лесостепного региона, то проанализировав материалы верхнедонских могильников, А.П. Медведев справедливо подчеркнул присутствие в районе, помимо сарматского, целого ряда элементов, обнаруживающих истоки в местной лесостепной культурной традиции предшествующей эпохи⁶⁷².

⁶⁶⁹ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 80-115.

⁶⁷⁰ Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 30-31.

⁶⁷¹ Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. С. 85-86.

⁶⁷² Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 106-107.

Конечная дата позднесарматской культуры в Волго-Донском междуречье не вызывает у исследователей споров. Процесс прекращения существования позднесарматской культуры учёные связывают с гуннским нашествием и продвижением племен их союза на запад через южнорусские степи в 70-х годах IV в. н.э.

Обратимся к хронологической и этнической атрибуции памятников хопёрско-волжского района. Как указывалось выше, на исследуемой территории зафиксировано 69 погребений и 5 случайных находок литых котлов и горшка, относящиеся к двум периодам: середина II – середина III в. н.э. и вторая половина III – середина IV в. н.э.

Влияние позднесарматской культуры здесь в первый позднесарматский период (середина II – середина III в. н.э.) проявляется в появлении большого числа погребений со смешанными чертами. Кроме того, здесь известны и одновременные с последними позднесарматские погребения. Наблюдается процесс постепенного угасания традиций среднесарматской культуры. Таких погребений в волго-хопёрском районе зафиксировано более 40, преимущественно с локализацией в бассейне Хопра. Все они входили в могильники длительного накопления; но при этом в курганных группах большее количество насыпей принадлежало еще, как правило, представителям среднесарматской культуры (курганные группы у сс. Третьяки, Власовка, Ключи, Берёзовка, Короли, Нехаево, Сидоры). Синкретичность этой группы погребений заключается в следующих признаках: погребальный обряд соответствует среднесарматскому (большие прямоугольные, подквадратные могилы; положение умершего по диагонали; южная ориентировка), однако, сопровождающий инвентарь содержал вещи, характерные для позднесарматской культуры: кинжалы и мечи без металлического перекрестья и навершия типа 3 по А.М. Хазанову; лепные сосуды с уплощенным дном и налепами типов II и IV по А.С. Скрипкину; кубические курильницы; железную пружинную фибулу; сильно профилированную фибулу боспорского образца; зеркала с боковым ушком и коническим утолщением и другие.

Скорее всего, указанные могильники появились в лесостепном Прихоперье ещё в I – начале II в. н.э. и принадлежали потомкам ранних аланов, смешавшихся с аорсами и занявших территорию в результате массового переселения новых кочевых племён с востока в степное Заволжье, а затем и в степное междуречье Волги и Дона ⁶⁷³. Находки начала позднесарматского периода говорят о том, что данные племена не только освоили территории бассейна Хопра в I в. н.э., но удерживали территорию и использовали могильники на протяжении нескольких поколений, вплоть до второй половины II в. н.э., когда на сопредельных территориях уже распространяется позднесарматская культура.

В это время этническая ситуация в Хопёрско-Волжском междуречье усложнилась еще больше – кроме погребений кочевников, с конца прошлого века здесь стали известны синхронные им поселения и грунтовые могильники совсем иного культурного круга – близкие позднезарубинецко-раннекиевским древностям ⁶⁷⁴, точнее горизонту «Рахны-Почеп» ⁶⁷⁵. Балашовский археолог А.А. Хреков выделил их в отдельную группу – памятники инясевского типа (по эпонимному могильнику у с. Инясево) ⁶⁷⁶. Он датировал их II – серединой III в. н.э. Воронежский учёный Д.В. Акимов конкретизиро-

⁶⁷³ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 96.

⁶⁷⁴ Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии : тр. VI Междунар. конгресса славян. археологии. М., 1997. Т. 3. С. 325–336.

⁶⁷⁵ Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 26–38.

⁶⁷⁶ Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии : тр. VI Междунар. конгресса славян. археологии. М., 1997. Т. 3. С. 325–336.

вал хронологические рамки, уложив материалы поселений и могильников в рамки конца II – второй половины III в. н.э.⁶⁷⁷.

На сегодняшний момент хорошо изучены и опубликованы из известных 15-ти археологических объектов пока только материалы раскопок Инясево, Шапкино I, Рассказань III, Борисоглебское 4. Интересно то, что вышеперечисленные памятники имеют своеобразную атрибуцию. В основном они – двухкомпонентные: синхронные поселение и некрополь. Шапкино I – только поселение⁶⁷⁸, а Инясево – только могильник⁶⁷⁹. Поселения характеризуются находками лепной и лощеной керамики, костями животных. Могильники – захоронениями с сожжениями, сопровождаемыми керамикой. Для уточнения хронологии памятников типа Инясево, интересны находки украшений круга так называемых выемчатых (варварских) эмалей. Прежде всего, это четыре бронзовые подвески со штампованным орнаментом из погребения 1 могильника Инясево⁶⁸⁰, три случайных находки бронзовых подвесок у с. Нижний Карачан, вблизи поселения Нижнекарачанское 3⁶⁸¹. Данные украшения датируются по классификации А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского от рубежа II-III вв. до середины IV в. н.э.⁶⁸². Это говорит нам о том, что па-

⁶⁷⁷ Акимов Д.В. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III-V вв. н.э.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2001. С. 18-19.

⁶⁷⁸ Хреков А.А. Постзарубинецкое поселение Шапкино I на р. Вороне // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С.180-187.

⁶⁷⁹ Хреков А.А. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // АВЕС. 1991. Вып. 2. С. 116-126.

⁶⁸⁰ Там же. С. 120. Рис. 3, 1-4.

⁶⁸¹ Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское-4 в Прихопёрье // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 173. Рис. 6, 7-9.

⁶⁸² Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) // Раннеславянский мир. 2007. Вып. 10. С. 113-141.

мятники типа Инясево сосуществовали с позднесарматскими на всё протяжении эпохи.

Как правило, памятники инясевского типа занимали песчаные всхолмления по берегам небольших рек, останцы или пологие участки пойменных террас. По мнению А.П. Медведева, они отмечают крайние восточные рубежи распространения многочисленного народа венедов⁶⁸³. По свидетельству Тацита, венеды «ради грабежа рыщут по лесам и горам...» (Тацит, Германия:43)⁶⁸⁴. По данным археологии это население мигрировало на Хопер из районов лесостепного Левобережья Днепра, Донца, Оскола. На его западные, в том числе центрально-европейские корни указывает находка серолощенной ребристой миски на пос. Шапкино II. Она покрыта орнаментом из соединенных свастик, крестов, ромбов, треугольников, характерным для центрально-европейской пшеворской и ранней вельбарской культуры⁶⁸⁵.

Судя по всему, сарматы и «инясевцы», занимали в Прихопёрье разные экологические ниши. Сарматы кочевали по остепненным водораздельным участкам плато, а поселения инясевского типа располагались в долинах рек, ближе к воде, в лесных массивах.

Таким образом, уже сейчас можно предположить, что этнокультурные процессы в Прихоперье протекали в одном русле с соседними степными и лесостепными регионами. В первые века н.э. здесь пересеклись две различные по своему хозяйственному укладу волны – сарматская и венедская. Последнюю не без основания связывают с этногенезом ранних славян.

⁶⁸³ Медведев А. П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д, 2007. Вып. 2. С. 11–24.

⁶⁸⁴ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т I. С. 372, 373.

⁶⁸⁵ Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии : тр. VI Междунар. конгресса славян. археологии. М., 1997. Т. 3. Рис. 3:19.

С середины III в. н.э. в этнической истории хоперско-волжского региона наблюдаются значительные изменения. Группа самых поздних сарматских погребений второй половины III – IV в. немногочисленна (25 захоронений), но весьма своеобразна. В них уже не прослеживаются какие-либо традиции среднесарматской культуры. По типам погребальных сооружений, как указывалось в главе 3, они делятся на две группы: погребения в подбоях (80 %) и погребения в катакомбах (20 %). Оба типа становятся ведущими именно во второй период позднесарматской эпохи⁶⁸⁶. Подобная картина в этот же период времени наблюдается в Терско-Сулакском междуречье⁶⁸⁷.

Особый интерес представляют погребения в катакомбах, как своеобразное новшество погребального обряда населения междуречья Дона и Волги финальной фазы позднесарматского периода. Отметим, что здесь встречено четыре катакомбы, тогда как на сопредельной территории Нижнего Поволжья так же четыре⁶⁸⁸, но всего одна из них датируется III – IV вв. н.э. Кроме того известна серия погребений в Т-образных катакомбах из низовий Медведицы, могильника у станицы Глазуновской, синхронных захоронениям у Большой Дмитриевки⁶⁸⁹. А на территории Донского Левобережья в среднем

⁶⁸⁶ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 61; Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 78.

⁶⁸⁷ Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала, 2015. С. 135.

⁶⁸⁸ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 64; Сергацков И.В. Позднесарматское катакомбное погребение из Бахтияровского могильника // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 117.

⁶⁸⁹ Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в Кумылженском и Средне-Ахтубинском районах Волгоградской области // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. 1971. Ф. № 30. 67 с.; Гуренко Л.В. Отчет о проведении археологических исследований в Кумылженском районе Волгоградской области (у станицы Глазу-

течении реки встречена всего одна подобная катакомба ⁶⁹⁰. Таким образом, катакомбные погребения северной части Поволжья важны с точки зрения появления здесь новых этногрупп в эпоху накануне Великого Переселения народов.

Все рассматриваемые катакомбные погребения изучаемого района входят в одну курганную группу I у с. Большая Дмитриевка Лысогорского района Саратовской области ⁶⁹¹. Охарактеризовав погребальный обряд и инвентарь в главах 2 и 3, хочется обратиться к вопросу об этнической принадлежности этих погребенных. Среди авторов по этнической проблематике финальной фазы позднесарматского периода (вторая половина III – IV вв. н.э.) особенно важен труд римского историка Аммиана Марцеллина «Деяния в тридцати одной книге», обычно в русском переводе называемый «История». В нем не единожды упоминаются собственно аланы (XXXI, 2, 13), европейские аланы (XXII, 8, 42), аланы-«прежние массагеты» (XXXI, 2, 12), аланы-танаиты (XXXI, 3, 1). Во многом, благодаря данному труду, кочевники второй половины III – IV вв. н.э. в отечественной науке устойчиво ассоциируются с аланами.

По типам погребальных сооружений, обряду и сопровождающему инвентарю рассматриваемые комплексы близки кругу катакомбных раннеаланских погребений Северного Кавказа и Нижнего Дона рубежа древности и

новской в 1996 году // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. 1997. Ф.б/н. 47 с.

⁶⁹⁰ Березуцкий В.Д., Медведев А.П. Погребение алана-танаита на Среднем Дону // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014. С. 283-287.

⁶⁹¹ Берестнев Р.С. Позднесарматские катакомбные погребения лесостепного междуречья Дона и Волги (этно-социальный аспект) // Власть и общество: история взаимоотношений: Материалы X региональной научной конференции 19 марта 2016 г. Вып. 10. Воронеж, 2016. С. 252-256.

средневековья. Аналогии известны на Нижнем Дону⁶⁹², в Среднем Подонье⁶⁹³, в Прикаспийском Дагестане⁶⁹⁴. Исследователи связывают катакомбные погребения сарматского облика эпохи великого переселения народов с аланами-танаитами Аммиана Марцеллина⁶⁹⁵. Позднеримский историк сообщает о том, что «гунны, пойдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (Amm. Marc., XXXI. 3.1). Вероятно, позднесарматские погребения второго периода в катакомбах из хопёро-волжского междуречья могли принадлежать группе аланов-танаитов, откочевавших до или уцелевших после гуннского погрома и отошедших на север, в глубинные районы лесостепи, не затронутые гуннским вторжением.

Обратимся к социальному статусу погребенных. Все рассматриваемые погребения, за исключением погребения в Павловском районе Воронежской области, подверглись ограблению ещё в древности. Кроме того, все захоронения в катакомбах из курганной группы 1 у с. Большая Дмитриевка были сооружены под индивидуальными насыпями. Данные параметры позволяют отнести погребенных к престижной корпоративной группе. Хорошо известно, что в сословном обществе представителей различных сословий, как правило, погребали на разных некрополях или в различных частях одного клад-

⁶⁹² Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 286.

⁶⁹³ Березуцкий В.Д., Медведев А.П. Аланское погребение эпохи Великого переселения народов на Среднем Дону // РА. 2015. №1. С. 112-120.

⁶⁹⁴ Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала, 2015. Рис. 194, 197.

⁶⁹⁵ Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 85-87; Березуцкий В.Д., Медведев А.П. Аланское погребение эпохи Великого переселения народов на Среднем Дону // РА. 2015. №1. С. 118.

бища. Так, например, афинских эвпатридов хоронили отдельно от демоса на особом некрополе ⁶⁹⁶.

Захоронения в катакомбах соседствуют в данном могильнике с синхронными им погребениями в подбоях. Причем, социально-престижные захоронения в подбоях типа погр. 2 из кургана 13 у Большой Дмитриевки принадлежат женщинам и имеют аналогии в курганах у сс. Котово, новая Норка, Гусевка, г. Аткарска. Данный факт, возможно, говорит о подчинении танаитами местных племен, откуда они брали жен. Подобная ситуация наблюдается, как уже отмечалось, в обрядовых традициях Львовских некрополей и некрополя Паласа-сырт. Авторы раскопок могильников выделяют их в самостоятельную культурную группу – «Памятники типа Львовское – Паласа-сырт», характеризуя её как двухкомпонентную (1 – памятники, близкие традициям среднесарматской культуры Волго-Донского междуречья; 2 – памятники, близкие аланской культуре Северного Кавказа) ⁶⁹⁷. Этнически учёные отождествляют оставивших некрополи с маскутами ⁶⁹⁸.

Итак, рассмотренные выше этнические группировки иллюстрируют нам как минимум три волны заселения междуречья Хопра и Волги в позднесарматское время ⁶⁹⁹. Наиболее ранние племена имеют чисто кочевой облик и являются потомками носителей среднесарматской культуры. Несколько позже, те же территории, но в облесенных долинах рек, ближе к воде начинают осваивать носители позднезарубинецкой и раннекиевской культур, пришед-

⁶⁹⁶ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 19.

⁶⁹⁷ Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала, 2015. С. 135.

⁶⁹⁸ Там же. С. 156-159.

⁶⁹⁹ Берестнев Р.С. Лесостепное междуречье Хопра и Волги в позднесарматское время // Вестник КГУ им. Некрасова. 2016. № 5. С. 8-11.

шие с Запада (венеды) ⁷⁰⁰. Эти столь разные тенденции этнокультурного процесса в изучаемом регионе достаточно интересны и свидетельствуют о его своеобразии. Дело в том, что здесь не прослеживается каких либо заметных контактов между сарматами и венедами, тогда как всё северное пограничье сарматского мира фиксирует явление слитности сарматских и несарматских культур ⁷⁰¹. Об этом ярче всего свидетельствуют памятники лесостепного Подонья ⁷⁰².

Таким образом, сопоставление результатов анализа археологических материалов и данных античной письменной традиции позволило получить более конкретную информацию по этнической карте глубинных районов Азиатской Сарматии в первые века н.э. Кроме того, памятники второй фазы позднесарматской культуры изучаемого региона опровергают мысль исследователей о том, что после середины III в. н.э. ареал обитания сарматских этногрупп сокращается до южной части Волго-Донского междуречья ⁷⁰³.

⁷⁰⁰ Медведев А.П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д, 2007. Вып. 2. С. 11–24.

⁷⁰¹ Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 31.

⁷⁰² Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 114.

⁷⁰³ Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. № 1. 2009. С. 47-52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате более чем векового археологического исследования лесостепной зоны и зоны северной степи в междуречье Хопра и Волги был получен и нами проработан довольно представительный массив памятников сарматской эпохи – около 160 комплексов. Сам процесс их археологического изучения, как оказалось, являлся довольно интересным: сарматские памятники с 80-х гг. XIX в. до 70-х гг. XX в. накапливались нерегулярно, следствием чего стало явное отставание в их исследовании по сравнению с другими районами Сарматии. Лишь с 80-х гг. начинается качественно новый этап, ознаменовавшийся открытием не только новых погребений, но и целых сарматских могильников. Исследователи приходят к мысли, что в междуречье Хопра и Волги не только есть сарматские памятники, но их необходимо исследовать целенаправленно. В этом направлении много сделал А.Д. Матюхин⁷⁰⁴, но, к сожалению, преждевременная его кончина не позволила довести задуманные исследования до логического конца. Несколько раз тему затрагивал в своих работах балашовский учёный А.А. Хреков⁷⁰⁵. Однако, сфера его научных интересов сместилась в иную область. К более целенаправленному изучению этого региона в сарматское время вели и процессы институционализации археологии в Воронежском и Волгоградском университетах, которые предвещали формирование научных школ в области сарматологии. Тем самым объективно были созданы условия для написания диссертации на указанную тему. К началу XXI в. был накоплен недостающий материал для написания первой обобщающей работы по сарматской проблематике междуречья Хопра и Волги.

⁷⁰⁴ Матюхин А.Д. Сарматские памятники I—IV вв. Саратовского Правобережья // АВЕС. 1992. Вып. 3. С. 144-158.

⁷⁰⁵ Хреков, А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихопёрья // Археологическое наследие Саратовского края. 2009. Вып. 9. С. 94-105.

В диссертации проведен детальный анализ и описание сопровождающего инвентаря сарматских погребений всех трех эпох, дана его типология и классификация, рассмотрен погребальный обряд и выявлены его некоторые локальные особенности. В результате вся совокупность сарматских погребений была разделена на три культурно-хронологические группы, которые отражали основные этапы освоения сарматами междуречья Хопра и Волги (рис. 59). Кроме того, территория была подвергнута анализу на предмет наличия здесь памятников предшествующего времени. Их оказалось мало. Следует констатировать, что Хопёрско-Волжское междуречье входит в ареал обитания кочевников благодаря сарматам.

Первая группа их памятников включает 2 погребения и 4 случайные находки II – I вв. до н.э., соответствующие раннесарматской культуре (рис. 18). К среднесарматской культуре относятся древности из 64-х погребений, 3-х кенотафов и 13 случайных находок I – первой половины II вв. н.э. (рис. 19). Позднесарматская группа объединяет 69 погребений и 5 случайных находок второй половины II – первой половины IV вв. н.э. (рис. 20). Такое деление соответствует в целом периодизации развития сарматской культуры в степи ⁷⁰⁶, и, как неоднократно указывалось, хронологическим рамкам сарматских культур сопредельных территорий междуречья. Однако регион имеет и свои локальные особенности. Так, сарматские могильники на Иловле, т.е. в степи, перестают использоваться в первой половине III в. н.э. ⁷⁰⁷; аналогичную картину мы можем наблюдать в двух крупных верхнедонских могильниках – Ново-Никольском и Вязовском, расположенных достаточно далеко к северу от границы лесостепной зоны. На этой

⁷⁰⁶ Раев Б.А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Волгоград, 2006. Вып. 1. С. 92.

⁷⁰⁷ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 243.

территории не известны сарматские памятники после сер. III в. н.э.⁷⁰⁸ Вместе с тем, на территории Саратовского Правобережья Волги открыты сарматские погребальные памятники, анализ сопровождающего инвентаря которых позволяет установить их хронологию вплоть до сер. IV в. н.э. (позднесарматские захоронения из курганного могильника у с. Большая Дмитриевка, погребение у сл. Котово и др.). Кроме того установлено, что памятники второй половины II – первой половины III вв. н.э. и последующие древности второй половины III – первой половины IV вв. н.э. родственны между собой, но не связаны напрямую генетически (рис. 60).

Картографирование сарматских памятников в междуречье Хопра и Волги позволило выделить новый отдельный район сарматской культуры – хопёрско-волжский (рис. 64, 5). Он имеет вполне определенную локальную специфику на всех этапах развития (со II в. до н.э. по IV в. н.э.).

Так, особенностью сарматских памятников междуречья Хопра и Волги служит тот факт, что здесь открыто мало раннесарматских погребений (всего два), как и западнее на Среднем Дону (шесть). Антропологами определено, что они принадлежали мужчинам. Это свидетельствует о том, что проникновение сюда раннесарматских племён носило весьма спорадический и, видимо, военный характер, так как новые территории осваивали в основном мужчины-воины. Они, скорее всего, относились к племенному объединению роксоланов (их ареал обитания представлен на рис. 63, 1). Их археологический индикатор – северная ориентировка, характерен для лесостепного междуречья Дона и Волги в целом и Северного Причерноморья – основного ареала обитания роксоланов. В волго-донской степи, очевидно, проживало иное население аорсы, для которых была характерна южная ориентировка.

Этническое содержание среднесарматской культуры хопёрско-волжского региона зависело, по-нашему мнению, от событий, происшед-

⁷⁰⁸ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. С. 103-167, 194-201; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 82-110.

ших в Южной Сибири и Восточном Туркестане в более раннее время. Таким образом, придерживаясь центрально-азиатской гипотезы происхождения аланов, мы отождествляем население северо-восточного междуречья Дона и Волги I – первой половины II вв. н.э. с закатами и асэями Клавдия Птолемея как с подразделениями этнического союза во главе с аланами (их расселение – рис. 63, II). Рассматриваемая территория, находящаяся между лесостепными памятниками Подонья – ареалом обитания гиппофагов, и степным течением Иловли – местом расселения перизэридов, как нельзя лучше вписывается в список перечисления племен Азиатской Сарматии у Клавдия Птолемея (рис. 61). Напомню, что и археологически, в регионе фиксируются локальные особенности, дополнительно подтверждающие нашу гипотезу.

Данное население доживает в районе, видимо, до середины III в. н.э. Оно уже вступает в иную культурную фазу – позднесарматскую. Это доказывают и антропологические данные, фиксирующие небольшое расхождение между женскими, детскими и мужскими скелетами. Очевидно сарматы, освоив хопёрско-волжский регион, жили здесь несколько поколений в относительной стабильной обстановке, не подвергаясь набегам и не вступая в конфликты с населением иного культурного круга – «инясевцами» или венетами. С ними они занимали в Прихопёрье разные экологические ниши: номады обитали на остепененных водораздельных плато, а оседлое население – ближе к воде (рис. 62).

С середины III в. н.э. в этнической истории изучаемого региона наблюдаются значительные изменения, связанные в археологическом отношении с изменением типов погребальных сооружений, обряда погребения и сопровождающего инвентаря (фиксируются вещи кавказского производства). В междуречье Хопра и Волги, очевидно, обитали аланы-танайты, погребавшие соплеменников в катакомбах (ареал обитания в рассматриваемом районе – рис. 63, IV).

Таким образом, каждой из трех групп сарматских памятников между Хопром и Волгой, присущи свои специфические черты как в погребальном

обряде, так и в вещевом комплексе, определяющие их культурное своеобразие. Особенно ярко эти различия прослеживаются между ранне- и среднесарматской культурами. Постепенного затухания старых традиций и нарастания новых на исследуемых материалах не наблюдается. А вот переход к позднесарматской культуре протекал, судя по всему, довольно плавно, на протяжении второй половины II в. н.э. При этом некоторые традиции среднесарматской эпохи продолжают сохраняться вплоть до начала III в. н. э.

Вместе с тем достаточно отчетливо вырисовывается и линия преемственности между тремя культурами⁷⁰⁹. Она прослеживается и в погребальном обряде, и в вещевом комплексе, особенно в лепной керамике и в вооружении.

Необходимо отметить, что заявленные цели исследования мы решили. Однако хотелось бы и дальнейшую перспективность исследования заявленной территории, обозначенную в главе 2, а именно: рассмотрение вопросов сезонных перекочевок носителей сарматской культуры в междуречье Хопра и Волги, выяснение направления этих перекочёвок, поиск «зимовок» и «летних».

Итогом археологического изучения Хопёрско-Волжского междуречья явилось выделение нового локального района распространения сарматской культуры – хопёрско-волжского. Он объединяет сарматские памятники левобережья Битюга, Среднего Прихопёрья, бассейна Медведицы и правобережья Волги. С юга район примыкает уже к зоне средней сухой степи. В нём исследованы могильники всех трёх выделенных групп, включая большие курганные могильники. Можно считать, что наше исследование положило начало стиранию еще одного «белого пятна» на карте Азиатской Сарматии.

⁷⁰⁹ Берестнев Р.С. Сарматы в лесостепном междуречье Дона и Волги (итоги исследования) // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2016. № 4. Рис. 2.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

І. ИСТОЧНИКИ

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Рукописный архив Института истории материальной культуры (РА ИИММК РАН)

1. Ф.1. ИАК. Оп.1. 1895. Д. 79: О раскопках А.А. Спицына в Тамбовской и Саратовской губерниях. 34 л.

2. Ф.25. А.А. Бобринский. Д. 241: Проект положения о распределении служебных обязанностей служащих Археологической Комиссии, утвержденный А.А. Бобринским (типографский и черновые). 8 л.

Архив Института археологии Академии наук РАН (Архив ИА РАН)

3. Березуцкий, В.Д. Отчёт о работе в бассейне р. Ворона в Воронежской и Тамбовской областях в 1984 г. / В.Д. Березуцкий // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1985. – № 10647. – 189 с.

4. Березуцкий, В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1989 г. / В.Д. Березуцкий // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1990. – № 14692. – 153 с.

5. Ефимов, К.Ю. Отчёт о раскопках курганов близ с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области в 1985 г. / К.Ю. Ефимов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1986. – № 10825. – 186 с.

6. Мамонтов, В.И. Отчёт о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея в 1964 г. / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1968. – № 2843. – 28 с.

7. Мамонтов, В.И. Альбом иллюстраций к отчёту о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея в 1964 г. / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1968. – № 2843а. – 26 с., 39 ил.

8. Мамонтов, В.И. Отчёт о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея за 1966 г. / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1967. – № 3233. – 96 с.

9. Мамонтов, В.И. Альбом иллюстраций к отчёту о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея за 1966 г. / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1967. – № 3233а. – 32 с., 65 ил.

10. Мамонтов, В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛО ИА АН СССР и Волгоградского управления культуры / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1968. – № 3656. – 28 с.

11. Мамонтов, В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда Астраханской экспедиции ЛО ИА АН СССР за 1969 г. / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1970. – № 3959. – 76 с.

12. Мамонтов, В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской археологической экспедиции в Михайловском, Калачевском и Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1973. – № 4905. – 33 с.

13. Матвеев, Ю.П. Альбом к отчету об археологических раскопках на территории Воронежской области в 1977 г. / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1977. – № 6822а. – 103 л.

14. Матвеев, Ю.П. Отчет об археологических раскопках на территории Воронежской области в 1977г. / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1977. – № 6822. – 23 л.

15. Матвеев, Ю.П. Отчет новостроечного отряда археологической экспедиции ВГУ о раскопках курганов в Воронежской области в 1986 г. / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1987. – № 11394. – 100 л.

16. Матюхин, А.Д. Отчет об археологических исследованиях в Саратовском и Лысогорском районах Саратовской области в 1989 году / А.Д. Матюхин // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1990. – № 14185. – 41 с.

17. Матюхин, А.Д. Отчет об археологических разведках в Калининском районе и раскопках курганов у с. Большая Дмитриевка в Лысогорском районе Саратовской области в 1992 г. / А.Д. Матюхин // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1993. – № 17586. – 57 с.

18. Максимов, Е.К. Отчёт об археологических разведках и раскопках в Ртищевском районе Саратовской области / Е.К. Максимов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1967. – № 3463. – 36 с., 25 ил.

19. Медведев, А.П. Отчет кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета об изучении Чертовицкого комплекса памятников в 1978 г. / А.П. Медведев, А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1979. – № 7172. – 84 с.

20. Медведев, А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века за 1979 г. / А.П. Медведев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1980. – №7447. – 178 с.

21. Медведев, А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века в 1980 г. / А.П. Медведев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1981. – №7806. – 213 с.

22. Медведев, А.П. Отчет о раскопках Вязовского могильника в 1983 г. / А.П. Медведев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1984. – № 9839. – 81 с.

23. Медведев, А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета по исследованию памятников раннего железного века за 1984 г. / А.П. Медведев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1985. – № 10355. – 57 с.

24. Моисеев, Н.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции 1989 года / Н.Б. Моисеев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1990. – № 13527. – 35 с.

25. Моисеев, Н.Б. Отчёт о работе Тамбовской археологической экспедиции в 1992 г. / Н.Б. Моисеев // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1992. – № 17531. – 46 с.

26. Скрипкин, А.С. Отчет о раскопках курганного могильника, расположенного у хутора Ютаевка Иловлинского района Волгоградской области в 1967 г. / А.С. Скрипкин // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1968. – № 3489. – 43 с.

27. Скрипкин, А.С. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках курганного могильника, расположенного у хутора Ютаевка Иловлинского района Волгоградской области в 1967 г. / А.С. Скрипкин // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1968. – № 3489а. – 26 с.

28. Скрипкин, А.С. Отчёт о раскопках археологического отряда Волгоградского педагогического института в 1970 г. / А.С. Скрипкин // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1971. – № 4224. – 12 с.

29. Скрипкин, А.С. Отчёт о раскопках Нехаевского курганного могильника в 1969 г. / А.С. Скрипкин // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1969. – №3989. – 33 с.

30. Хреков, А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1984 г. по раскопкам у с. Ключи, с. Никольевка Балашовского района Саратовской области и с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области / А.А. Хреков // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1985 – №10412. – 42 с.

31. Шилов, В.П. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1959 г. / В.П. Шилов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1960. – № 1976. – 156 с.

32. Шилов, В.П. Альбом иллюстраций к отчёту о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1959 г. / В.П. Шилов // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1960. – № 1976а. – 64 с., 165 ил.

33. Четвериков, С.И. Отчет об археологических разведках в Лысогорском и Саратовском районах Саратовской области (Бассейн р.Карамыш) и

охранных раскопках в г.Энгельсе в 1988 г. / С.И. Четвериков // Архив ИА РАН. Ф. – 1. Р. – 1. – 1989. – №12958. – 46 с.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

34. Ф.407. Саратовская ГУАК. Оп.2. Д.461. Дело о ликвидации Археологического научно-исследовательского института при СГУ им. Н.Г. Чернышевского и организации Нижневолжского краеведческого института. Начато 21. VII. 1924. 29 л.

Научный архив Музея археологии

Саратовского государственного университета (НА МА СГУ)

35. Матюхин, А.Д. Отчет об археологических разведках в Краснокутском районе и раскопках курганов у сс. Б.Дмитриевка и Двоенка Лысогорского района в 1988 г. / А.Д. Матюхин // НА МА СГУ. – 1989. – 67 с.

36. Тихонов, В.И. Отчёт о раскопках курганного могильника «Широкий Карамыш» в Саратовской области в 2003г. / В.И. Тихонов // НА МА СГУ. – 2004. – 112 с.

Архив Волгоградского областного краеведческого музея

(Архив ВОКМ)

37. Гуренко, Л.В. Отчет о проведении археологических исследований в Кумылженском районе Волгоградской области (у станицы Глазуновской в 1996 году / Л.В. Гуренко // Архив ВОКМ. – 1997. – Ф. б/н. – 47 с.

38. Мамонтов, В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в Кумылженском и Средне-Ахтубинском районах Волгоградской области / В.И. Мамонтов // Архив ВОКМ. – 1971. – Ф. 30. – 67 с.

39. Мамонтов, В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции в 1975 г. / В.И. Мамонтов // Архив ВОКМ. – 1975. – Ф. 78. – 38 с.

40. Мамонтов, В.И. Альбом к отчёту о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции в 1975 г. / В.И. Мамонтов // Архив ВОКМ. – 1975. – Ф. 78а. – 33 с.

41. Сергацков, И.В. Отчет о работе Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в 1993 г. / И.В. Сергацков // Архив ВОКМ. – 1994. – Ф. 100. – 27 с.

42. Сергацков, И.В. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в 1991 г. / И.В. Сергацков // Архив ВОКМ. – 1992. – Ф. 81. – 88 с.

43. Сергацков, И.В. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в 1992 г. / И.В. Сергацков // Архив ВОКМ. – 1993. – Ф. 83. – 62 с.

44. Сергацков, И.В. Отчет об археологических исследованиях Иловлинского отряда археологической экспедиции ВолГУ в Камышинском районе Волгоградской области в 1988 г. / И.В. Сергацков // Архив ВОКМ. – 1989. – Ф. 59. – 52 с.

45. Сергацков, И.В. Отчет об археологических исследованиях Иловлинского отряда в Волгоградской области в 1990 г. / И.В. Сергацков // Архив ВОКМ. – 1991. – Ф. 76. – 49 с.

Архив Воронежского областного краеведческого музея

46. Либеров, П.Д. Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. / П.Д. Либеров // Архив Воронежского областного краеведческого музея. – 1960. – Д. 21. – 93с.

47. Либеров, П.Д. Альбом к отчёту Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. / П.Д. Либеров // Архив Воронежского областного краеведческого музея. – 1960. – Д. 21а. – 18 с.

48. Либеров, П.Д. Отчёт лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1964 г. / П.Д. Либеров, А.И. Пузикова // Архив Воронежского областного краеведческого музея. – 1964. – Д. 13. – 77 с.

49. Либеров, П.Д. Альбом иллюстраций к отчёту лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1964 г. / П.Д. Либеров, А.И.

Пузикова // Архив Воронежского областного краеведческого музея. – 1964. – Д. 13а. – 50 с.

50. Либеров П.Д. Отчёт Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1965 г. / П.Д. Либеров, А.И. Пузикова // Архив Воронежского областного краеведческого музея. – 1966. – Д. 29. – 83 с.

51. Либеров П.Д. Альбом к отчёту Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. // Архив Воронежского областного краеведческого музея. – 1960. – Д. 29а. – 31 с.

Научный архив археологического музея

Воронежского государственного университета (НА АМ ВГУ)

52. Матвеев, Ю.П. Отчёт к Открытому листу №115 о раскопках курганов в Верхнемамонском и Бобровском районах Воронежской области в 2003 г. / Ю.П. Матвеев // НА АМ ВГУ. – 2004. – № 198. – 152 с.

53. Медведев, А.П. Отчёт об археологических раскопках могильника Елка-5 в Новохоперском районе Воронежской области в 2014 г. / А.П. Медведев // НА АМ ВГУ. – 2014. – № 177. – 202 с.

54. Медведев, А.П. Отчёт об археологических раскопках могильника у хутора Сорокинский Новохоперского района Воронежской области в 2016 г. / А.П. Медведев // НА АМ ВГУ. – 2016. – № 201. – 172 с.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Арзютов, Н.К. Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928-1930 гг. / Н.К. Арзютов // ИНВИК. – 1936. – Т. VII. – С. 86-101.

2. Белоусов, В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития / В.В. Белоусов // Вестник ТГУ. Серия. Гуманитарные науки. История и политология. – 2013. – Вып. 4 (120). – С. 86-91.

3. Березуцкий, В.Д. Диагональные сарматские погребения Новочигольского курганного могильника / В.Д. Березуцкий // Археология восточноевро-

пейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. – Воронеж, 2016. – С. 181-188.

4. Березуцкий, В.Д. Сарматские погребения Власовского могильника / В.Д. Березуцкий // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. – Воронеж, 1998. – Вып. 12. – С. 36-41.

5. Березуцкий, В.Д. Исследование курганов на юге Воронежской области / В.Д. Березуцкий, Л.И. Маслихова // Проблемы археологии Восточной Европы: сборник научных работ. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2005. – С.116-122.

6. Берхин, И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье / И.П. Берхин // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С.141-153.

7. Волков, И.А. Больше-Дмитриевские курганы / И.А. Волков // Труды СУАК. – 1888. – Вып. 3. – Т.1. – С. 285–293.

8. Гущина, И.И. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) / И.И. Гущина, К.Б. Фирсов // НАВ. – 2000. – Вып. 3. – С. 268-293.

9. Длужневская, Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН) / Г.В. Длужневская. – СПб: ЛЕМА, 2014. – 218 с.

10. Ефимов, К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки / К.Ю. Ефимов // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. – Воронеж, 1998. – Вып. 12. – С. 19-35.

11. Иерусалимская, А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника «Мощевая балка») / А.А. Иерусалимская // СЭ. – 1983. – №1. – С. 102-113.

12. Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред. Г. В. Длужневская, А. Е. Мусин (науч. ред.-

сост.), Е. Н. Носов (отв. ред.), И. Л. Тихонов. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2009. – 1312 с.

13. Корнюшин, Г.И. Курган у с. Левашовка / Г.И. Корнюшин // МИА. – 1969. – № 151. – С. 105-106.

14. Максимов, Е.К. Сарматское погребение из кургана Большая Дмитриевка Саратовской области / Е.К. Максимов // СА. – 1957. – № 4. – С. 157-161.

15. Максимов, Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление / Е.К. Максимов // СА. – 1966. – № 1. – С. 51-60.

16. Максимов, Е.К. Ртищевские курганы / Е.К. Максимов // КСИА. – 1974. – Вып.140. – С.64-67.

17. Малов, Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья / Н.М. Малов // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 186-187.

18. Малов, Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918-1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии / Н.М. Малов // АВЕС. – 2006. – Вып. 4. – С. 26-28.

19. Мамонтов, В.И. Раскопки Королевского могильника / В.И. Мамонтов // АО 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 155-156.

20. Мамонтов, В.И. Курганный могильник «Короли» / В.И. Мамонтов // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – 2001. – Вып. 1. – С. 110-127.

21. Матюхин, А.Д. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье / А.Д. Матюхин, С.В. Ляхов // АВЕС. – 1991. – Вып. 2. – С. 135-152.

22. Матюхин, А.Д. Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья / А.Д. Матюхин // АВЕС. – 1992. – Вып. 3. – С. 144-158.

23. Матюхин, А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка / А.Д. Матюхин // Археологическое наследие Саратов-

ского края. Охрана и исследования в 1996 году. – 1997. – Вып. 2. – С. 182-198.

24. Медведев, А.П. Сарматы в верховьях Танаиса / А.П. Медведев. – М.: Таус, 2008. – 252 с.

25. Медведев А.П. Древнеямные погребения в кургане №1 могильника Елка 5 / А.П. Медведев // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 81-93.

26. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1901. – 191 с.

27. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1899 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1902. – 183 с.

28. Пряхин, А.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) / А.Д. Пряхин, Ю.Д. Разуваев // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. – Рязань, 1993. – С. 74-94.

29. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье. – Т. IV. – СПб.: Гос. Тип., 1887. – 1298 с.

30. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье. – Т. IX. – СПб.: Гос. Тип., 1891. – 1560 с.

31. Сергацков, И.В. Сарматские курганы на Иловле / И.В. Сергацков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 372 с.

32. Сеницын, И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.) / И.В. Сеницын // Сборник Нижневолжского краевого музея. – Саратов, 1932. – С. 56-70.

33. Сеницын, И.В. К материалам сарматской культуры на территории Нижнего Поволжья / И.В. Сеницын // СА. – 1946. – Вып. 8. – С. 73-95.

34. Сеницын, И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья / И.В. Сеницын // УЗ СГУ. – 1947. – Вып. 17. – С. 50-55.

35. Сеницын, И.В. Археологические памятники в низовьях р. Иловли / И.В. Сеницын // УЗ СГУ. – 1954. – Т. XXXIX. – С. 222-253.

36. Сеницын, И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953гг.) / И.В. Сеницын // МИА. – 1959. – № 60. – С. 39-205.
37. Сеницын, И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955гг.) / И.В. Сеницын // МИА. – 1960. – № 78. – Т. 2. – С. 10-168.
38. Скрипкин, А.С. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области / А.С. Скрипкин // СА. – 1970. – №. 4. – С. 206-209.
39. Скрипкин, А.С. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов / А.С. Скрипкин, В.И. Мамонтов // СА. – 1977. – № 4. – С. 285-287.
40. Скрипкин, А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области / А.С. Скрипкин // Древняя история Поволжья. Научные труды. – Т. 230. – Куйбышев, 1979. – С. 134-159.
41. Спицын, А.А. Раскопки близ с. Гусёвки Царицынского уезда / А.А. Спицын // ЗОРСА. – 1907. – Т.VII. – Вып.2. – С.226-231.
42. Спицын, А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния / А.А. Спицын // ЗРАО. – 1896. – Т. 8. – Вып. 1, 2. – С. 140-154.
43. Филипченко, В.В. Сарматское погребение в колоде у с. Каменка / В.В. Филипченко // Древности Волго-Донских степей. – 1992. – Вып. 2. – С. 59-61.
44. Хреков, А.А. Исследования в бассейне р. Хопер / А.А. Хреков // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 82-83.
45. Хреков, А.А. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области / А.А. Хреков // АВЕС. – 1991. – Вып. 2. – С. 116-126.
46. Хреков, А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья / А.А. Хреков // Проблемы славянской археологии : тр. VI Междунар. конгресса славян. археологии. – М., 1997. – Т. 3. – С. 325-336.

47. Хреков, А.А. Постзарубинецкое поселение Шапкино I на р. Вороне / А.А. Хреков // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. – Воронеж, 1998. – Вып. 12. – С.180-187.

48. Хреков, А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихопёрья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – 2009. – Вып. 9. – С. 94-105.

49. Хреков, А.А. Опыт реконструкции этно-исторических процессов первых веков н. э. на территории лесостепного Прихоперья / А.А. Хреков // АВЕС. – 2013. – Вып. 10. – С. 288-304.

50. Хреков, А.А. Раннесарматские короткие мечи с территории лесостепного Прихопёрья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – 2014. – Вып.12. – С. 141-143.

51. Чуистова, Л.И. Древнейшее население Тамбовщины / Л.И. Чуистова. – Тамбов: Мичуринская городская типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1982. – 114 с.

52. Шилов, В.П. Металлические сосуды из кургана Большая Дмитриевка Саратовской области / В.П. Шилов // СА. – 1973. – № 4. – С. 252-255.

3. ОПУБЛИКОВАННЫЕ АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Геродот. История в девяти книгах / Геродот; пер. с древнегреч. Г.А. Стратановского: вступ. ст. В.Г. Боруховича // Серия. Памятники исторической мысли. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

2. Марцеллин, А. Римская история / Аммиан Марцеллин; пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни: вступ. ст. и науч. ред. текста Л. Ю. Лукомского. – Изд. 3-е. – СПб.: Алетейя, 2000. – 558 с.

3. Птолемей, К. Руководство по географии (отрывки) / Клавдий Птолемей; пер. с древнегреч. С.К. Апта и В.В. Латышева // Античная география. – М.: Географгиз, 1953. – С. 286-323.

4. Страбон. География (в 17 книгах) / Страбон; пер. с древнегреч., ст. и коммент. Г.А. Стратановского: под общ. ред. С.Л. Утченко // Серия. Классики науки. – Л.: Наука, 1964. – 957 с.

5. Тацит, К. История / Корнелий Тацит; пер. с лат. Г.С. Кнабе: ст. И.М. Тронского. – Изд. 2-е // Серия. Литературные памятники. – СПб.: Наука, 1993. – 736 с.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Абрамова, М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры / М.П. Абрамова // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.: Советская Россия, 1971. – С. 121-132.

2. Абрамова, М.П. О керамике с зооморфными ручками / М.П. Абрамова // СА. – 1969. – № 2. – С. 69-85.

3. Абрамова, М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) / М.П. Абрамова. – М.: Наука, 1993. – 238 с.

4. Акимов, Д.В. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья : III-V вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Д.В. Акимов. – Воронеж, 2001. – 22 с.

5. Алексеева, Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1975. – Вып. Г1-12. – 94 с.

6. Алексеева, Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1978. – Вып. Г1-12. – 104 с.

7. Алексеева, Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1982. – Вып. – Г1-12. – 105 с.

8. Алекшин, В.А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) / В.А. Алекшин // Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Л.: Наука, 1981. – С. 18-22.

9. Алемань, А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань. – М.: Менеджер, 2003. – 614 с.

10. Амброз, А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в. н.э. / А.К. Амброз // САИ. – 1966. – Вып. Д1-30. – 112 с.

11. Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР в 20 т. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1984. – 392 с.

12. Анфимов, Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. – 1951. – № 23. – С. 155-207.
13. Анфимов, Н.В. Из прошлого Кубани / Н.В. Анфимов. – Изд. 2-е. – Краснодар: Кн. Изд-во, 1958. – 91 с.
14. Арзютов, Н.К. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности П.С. Рыкова / Н.К. Арзютов, И.В. Сеницын, В.А. Сушицкий // ИНВИК. – 1936. – Т. 7. – С. 5-8.
15. Арсеньева, Т.М. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки / Т.М. Арсеньева // МИА. – 1969. – № 154. – С. 173-220.
16. Арсеньева, Т.М. Некрополь Танаиса / Т.М. Арсеньева. – М.: Наука, 1977. – 152 с.
17. Ахмедов, И.Р. О начальной дате рязано-окских могильников / И.Р. Ахмедов, И.В. Белоцерковская // Археологический сборник. Труды ГИМ. – 1998. – Вып. 96. – С. 32-42.
18. Балабанова, М.А. Обычай искусственной деформации голов у поздних сарматов / М.А. Балабанова // НАВ. – 2001. – Вып. 4. – С. 107-122.
19. Беглова, Е.А. Военские погребения Тенгинского грунтового могильника / Е.А. Беглова // Материальная культура Востока. Сборник статей. – Вып. 5. – 2010. – С. 166-181.
20. Безуглов, С.И. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону / С.И. Безуглов, В.П. Копылов // СА. – 1989. – № 3. – С. 171-183.
21. Безуглов, С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии / С.И. Безуглов // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. – Азов, 1990. – Вып. 9. – С. 80-87.
22. Безуглов, С.И. Курганные катакомбные погребения позднееримской эпохи в нижнедонских степях / С.И. Безуглов // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / МИАР – 2008. – №10. – С. 284-301.

23. Белоусов, В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Белоусов Владимир Владимирович. – Воронеж, 2010. – 236 с.

24. Березуцкий, В. Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья. Грибановский край (с древнейших времён до XVII в.) / В.Д. Березуцкий. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2003. – 162 с.

25. Березуцкий, В.Д. Погребение алана-танаита на Среднем Дону / В.Д. Березуцкий, А.П. Медведев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. II. – Казань, 2014. – С. 283-287.

26. Березуцкий, В.Д. Аланское погребение эпохи Великого переселения народов на Среднем Дону / В.Д. Березуцкий, А.П. Медведев // РА. – 2015. – №1. – С. 112-120.

27. Березуцкий, В.Д. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону / Березуцкий В.Д., В.В. Кравец, А.В. Кравец // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 26-29.

28. Берестнев, Р.С. Меч из с. Костино-Отделец Воронежской области / Р.С. Берестнев // Новик: сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. – 2012. – Вып. 17. – С. 4-7.

29. Берестнев, Р.С. История изучения сарматских памятников между-речья Волги и Дона / Р.С. Берестнев // Новик: сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. – 2013. – Вып. 18. – С. 22-27.

30. Берестнев, Р.С. Возможности сравнительного анализа письменных и археологических источников (сарматы-конееды) / Р.С. Берестнев // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы научной конференции молодых ученых. – Вып. 5. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2014. – С. 22-25.

31. Берестнев, Р.С. История исследования памятников сарматского времени между Хопром и Волгой / Р.С. Берестнев // Новик: сборник научных

работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. – 2015. – Вып. 19. – С. 9-14.

32. Берестнев, Р.С. Сарматы Прихопёрья (этнокультурная специфика) / Р.С. Берестнев // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 10-11 апреля 2014 г. – Вып. 6. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2015. – С. 28-34.

33. Берестнев, Р.С. Сарматы между Доном и Волгой (этнокультурный аспект) / Р.С. Берестнев // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. – 2015. – № 2. – С. 43-46.

34. Берестнев, Р.С. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования) / Р.С. Берестнев, А.П. Медведев // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 2 (32). – С. 7-17.

35. Берестнев, Р.С. Сарматы между Доном и Волгой (историографический аспект) / Р.С. Берестнев // Известия ВГПУ. – 2016. – № 3 (272). – С. 73-76.

36. Берестнев, Р.С. Лесостепное междуречье Хопра и Волги в позднесарматское время / Р.С. Берестнев // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – № 5. – С. 8-11.

37. Берестнев, Р.С. Позднесарматские катакомбные погребения лесостепного междуречья Дона и Волги (этно-социальный аспект) / Р.С. Берестнев // Власть и общество: история взаимоотношений: Материалы X региональной научной конференции 19 марта 2016 г. – Вып. 10. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. – С. 252-256.

38. Берестнев, Р.С. Сарматы в лесостепном междуречье Дона и Волги (итоги исследования) / Р.С. Берестнев // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. – 2016. – № 4. – С. 19-26.

39. Берхин-Засецкая, И.П. Богатое савроматское погребение в Астраханской области / И.П. Берхин-Засецкая, Л.Я. Маловицкая // СА. – 1965. – № 3. – С. 143-153.

40. Боковенко, Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени / Н.А. Боковенко // СА. – 1977. – № 4. – С. 228-235.
41. Боталов, С.Г. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей / С.Г. Боталов, С.Ю. Гуцалов. – Челябинск: Рифей, 2000. – 265 с.
42. Беспалый, Е.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1 / Е.И. Беспалый, С.И. Лукьяшко // МИА юга Росси. – Вып. 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 224 с.
43. Беспалый, Е.И. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1» / Е.И. Беспалый, Н.Е. Беспалая, Б.А. Раев // МИА юга России. – №. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. – 186 с.
44. Вдовченков, Е.В. Этносоциальная история сарматов Нижнего Подонья : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.03; 07.00.07 / Вдовченков Евгений Викторович. – Санкт-Петербург, 2016. – 48 с.
45. Виноградов, В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа / В.Б. Виноградов // Труды Чечено-Ингушского НИИ. – Грозный, 1963. – Т. VI. – 222 с.
46. Власкин, М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I / М.В. Власкин // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. – Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 14-16.
47. Волков, В.А. Археологическая деятельность научных обществ Нижнего Поволжья в конце XIX - начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Волков Владимир Александрович. – Саратов, 2008. – 397 с.
48. Волков, В.А. Археологическое картографирование в Саратовском Поволжье в досоветский период / В.А. Волков // Саратовский краеведческий сборник. – 2005. – Вып. 2. – С. 229-239.
49. Воронина, Р.Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское / Р.Ф. Воронина // КСИА. – 1982. – № 170. – С. 87-89.
50. Ворошилов, А.Н. Вооружение населения лесостепного Подонья скифского времени: акинаки, копья, дротики : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Ворошилов Алексей Николаевич. – Воронеж, 2007. – 23 с.

51. Всемирная история. Том 2 // Энциклопедия: в 10-ти т. / Ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 900 с.
52. Габуев, Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников) / Т.А. Габуев. – Владикавказ: Иростон, 1999. – 148 с.
53. Гаглыева, З.Д. Культ мертвых у осетин / З.Д. Гаглыева // Известия ЮОНИИ. – 1974. – Вып. XVIII. – С. 63-67.
54. Гаглойти, Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников / Ю.С. Гаглойти // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе, 1967. – С. 67-97.
55. Генинг, В.В. Метод определения древней традиции ориентировок погребенных по сторонам горизонта / В.В. Генинг, В.Ф. Генинг // Археология и методы исторической реконструкций. – Киев, 1985. – С. 136-161.
56. Глебов, В.П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.) / В.П. Глебов // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск, 2007. – С. 88–98.
57. Глебов, В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Глебов Вячеслав Петрович. – М., 2010. – 344 с.
58. Глухов, А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Глухов Александр Анатольевич. – Волгоград, 2001. – 351 с.
59. Глухов, А.А. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени / А.А. Глухов // НАВ. – 2003. – Вып. 6. – С. 89-103.
60. Глухов, А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. / А.А. Глухов. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. – 240 с.

61. Голдина, Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 1 / Р.Д. Голдина. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 318 с.
62. Головченко, Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож» или некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа / Н.Н. Головченко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 3 (41). – С. 100-105.
63. Головченко, Н.Н. Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения верхнеобского бассейна эпохи раннего железа / Н.Н. Головченко // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2015. – С. 33-37.
64. Граков, Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. Пережитки матриархата у сарматов / Б.Н. Граков // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100-121.
65. Грач, А.Д. Древние кочевники в центре Азии / А.Д. Грач. – М.: Наука. – 1980. – 256 с.
66. Грязнов, М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени / М.П. Грязнов // Исследования по археологии СССР: Сб. Статей в честь профессора М.И. Артамонова. – Л., 1961. – С. 139-144.
67. Гугуев, В.К. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы / В.К. Гугуев, М.Ю. Трейстер // РА. – 1995. – № 3. – С. 143-156.
68. Гугуев, В.К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.). / В.К. Гугуев, Ю.К. Гугуев // Известия Ростовского областного музея краеведения. – 1989. – Вып. 6. – С. 67-75.
69. Гущина, И.И. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (по фондам ГИМ) / И.И. Гущина // Археологический сборник. Труды ГИМ. – 1966. – Вып. 40. – С. 74-79.
70. Дашевская, О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма / О.Д. Дашевская // МИА. – 1969. – № 169. – С. 52-61.

71. Демиденко, С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. - III в. н.э.) / С.В. Демиденко. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 328 с.

72. Демкин, В.А. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества / В.А. Демкин, Т.С. Демкина // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. – Волгоград, 1999. – С. 343-370.

73. Демкин, В.А. Подкурганые палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за историческое время / В.А. Демкин, Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова, М.В. Ельцов, С.Н. Удальцов, Н.Н. Каширская // Поволжская археология. – 2013. – №2 (4). – С. 126-142.

74. Деревянко, А.В. Раннесарматские памятники с северной ориентировкой на Среднем Дону / А.В. Деревянко // Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. – Воронеж, 2016. – С. 205-208.

75. Джубанов, А.А. Видовой состав жертвенных животных курганных захоронений раннего железного века междуречья Волги и Эмбы / А.А. Джубанов // История и культура сарматов. – Саратов, 1983. – С. 84-91.

76. Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции // МИА. – 1959. – № 60. – Т. I. – 598 с.

77. Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции // МИА. –1960. – № 78. – Т. II. – 307 с.

78. Дьяченко, А.Н. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области / А.Н. Дьяченко, В.Г. Блохин, О.А. Шинкарь // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. – Волгоград, 1995. – С. 83-139.

79. Еременко, В.Е. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры / В.Е. Еременко, В.Г. Журавлев // ПАВ. – 1992. – Вып. 1. – С. 55-79.

80. Железчиков, Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Железчиков Борис Фёдорович. – М., 1980. – 148 с.
81. Журавлев, Д.В. Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV / Д.В. Журавлев // Херсонесский сборник. – 2005. – Вып. XIV. – С. 141-168.
82. Засецкая, И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки восточноевропейских степей / И.П. Засецкая // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 5-17.
83. Засецкая, И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) / И.П. Засецкая // СА. – 1989. – № 3. – С. 35-47.
84. Захарова, Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.): дис. ... докт. ист. наук : 07.00.06 / Захарова Елена Юрьевна. – Воронеж, 2016. – 534 с.
85. Иванов, В.А. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии / В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, Я.В. Пилипчук. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.
86. Ильюков, Л.С. Сарматы междуречья Сала и Маныча / Л.С. Ильюков, М.В. Власкин. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1992. – 288 с.
87. Каменецкий, И.С. Население Нижнего Дона в I–III в.н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Каменецкий Игорь Сергеевич. – М., 1965. – 182 с.
88. Каменецкий, И.С. Население Нижнего Дона в I–III вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Каменецкий Игорь Сергеевич. – М., 1965. – 20 с.
89. Керефов, Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии / Б.М. Керефов. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 214 с.
90. Клепиков, В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV – III вв. до н.э. / В.М. Клепиков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 216 с.

91. Коробкова, Е.А. Погребальный обряд позднесарматского времени Жутовского курганного могильника / Е.А. Коробкова // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 2 (22). – С. 14-17.

92. Костенко, В.И. Сарматы в междуречье Орели и Самары / В.И. Костенко // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. – 1979. – Вып. 3. – С.124-139.

93. Костенко, В.И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья // Древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1982. С. 70;

94. Костенко, В.И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья / В.И. Костенко // Древности Степного Поднепровья в III – I тыс. до н. э. – Днепропетровск, 1982. – С.69-75.

95. Косяненко, В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища / В.М. Косяненко // СА. – 1987. – № 2. – С. 45-62.

96. Косяненко, В.М. Пряслица из некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.) / В.М. Косяненко // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. – 2000. – Вып. 16. – С. 270-279.

97. Крадин Н.Н. Империя Хунну / Н.Н. Крадин . – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 310 с.

98. Кривошеев, М.В. О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой / М.В. Кривошеев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. I Междунар. Нижневолж. археол. конф. – Волгоград, 2004. – С. 238-242.

99. Кривошеев, М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / М.В. Кривошеев. – Волгоград, 2005. – 336 с.

100. Кривошеев, М.В. Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) / М.В.

Кривошеев, А.С. Скрипкин // Материалы и исследования по археологии юга России. – 2011. – Вып. III. – С. 145-163.

101. Кривошеев, М.В. Волго-Донское междуречье в середине III – IV вв. н.э. Этноисторические проблемы / М.В. Кривошеев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. Элиста, 15-18 ноября 2016 г. – Элиста, 2016. – С. 100-103.

102. Кропотов, В.В. Фибулы сарматской эпохи / В.В. Кропотов. – Киев: Изд-во «АДЕФ-Украина», 2010. – 384 с.

103. Кунина, Н.З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (по материалам некрополя Пантикапея из собрания отдела Античного мира Эрмитажа) / Н.З. Кунина // Тр. ГЭ. – 1984. Вып. XXIV. – С. 147-164.

104. Ларенок, В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. Часть I / В.А. Ларенок. – Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2013. – 448 с.

105. Либеров, П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / П.Д. Либеров // САИ. – 1965. – Вып. Д1-31. – 221 с.

106. Ли, Д.Ы. Китайский импорт в памятниках юга России: I в. до н.э. – III в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03, 07.00.06 / Ли Джи Ын. – Ставрополь, 2010. – 329 с.

107. Литвинский, Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал / Б.А. Литвинский // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1971. – С. 39–46.

108. Литвинский, Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы / Б.А. Литвинский // Могильники западной Ферганы. – 1973. – Вып. III. – 211 с.

109. Литвинский, Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы / Б.А. Литвинский // Могильники западной Ферганы. – 1978. – Вып. IV. – 216 с.

110. Лубо-Лесниченко, Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины / Е.И. Лубо-Лесниченко. – М.: Наука, 1975. – 167 с.
111. Лукьяшко, С.И. Этнополитическая история Донского Левобережья в скифское время / С.И. Лукьяшко // Этнические взаимодействия в Евразии. – М., 2006. – С. 174-181.
112. Лукьяшко, С.И. Население Нижнего Дона в VII-IV вв. до н.э. / С.И. Лукьяшко // Уфимский археологический вестник. – 2014. – Вып. 14. – С. 113-123.
113. Лукьяшко, С.И. Scythicus Agrus. Стрелковое оружие скифов. Часть 2 / С.И. Лукьяшко // Наука юга России (Вестник ЮНЦ). – 2016. – Т. 12. – №1. – С. 84-92.
114. Максименко, В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону / В.Е. Максименко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета, 1983. – 224 с.
115. Максименко, В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) / В.Е. Максименко // Донские древности. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – Вып. 6. – 304 с.
116. Максимов, Е.К. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) / Е.К. Максимов // АВЕС: Межвуз. науч. сборник. – Саратов: Изд-во СГУ, 1989. – С. 3-11.
117. Малашев, В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени / В.Ю. Малашев // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 194-232.
118. Малашев, В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) / В.Ю. Малашев // РА. – 2007. – № 3. – С. 111-121.
119. Малашев, В.Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10 / В.Ю. Малашев, Л.Т. Яблонский. – М.: Восточная литература, 2008. – 365 с.

120. Малашев, В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница / В.Ю. Малашев // РА. – 2009. – № 1. – С. 47-52.
121. Малашев, В.Ю. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курган-ные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. / В.Ю. Малашев, М.С. Гаджиев, Л.С. Ильюков. – Махачкала: Издательский дом «Мавраевъ», 2015. – 452с.
122. Мандельштам, А.М. Кочевники на пути в Индию / А.М. Мандельштам // МИА. – 1966. – № 136. – 232 с.
123. Манцевич, А.П. Серьги из ст. Крымской / А.П. Манцевич // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С. 154-162.
124. Марченко, И.И. Сираки Кубани / И.И. Марченко. – Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 1996. – 174 с.
125. Матвеева, Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура : учебное пособие / Г.И. Матвеева. – Самара: Самарский университет, 2003. – 158 с.
126. Мачинский, Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников / Д.А. Мачинский // АСГЭ. – 1971. – Вып. 13. – С. 30-54.
127. Медведев, А.П. Лесостепное Подонье в сарматское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Медведев Александр Павлович. – Л., 1983. – 22 с.
128. Медведев, А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья / А.П. Медведев // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1987. – С. 93-109.
129. Медведев, А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) / А.П. Медведев. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 220 с.
130. Медведев, А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.) / А.П. Медведев. – М.: Наука, 1999. – 160 с.

131. Медведев, А.П. Сарматы-гиппофаги / А.П. Медведев // НАВ. – 2000. Вып. 3. – С. 129-132.
132. Медведев, А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах / А.П. Медведев // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 233-255.
133. Медведев, А.П. Этнокультурные процессы на Верхнем Дону в сарматское время (II в. до н.э. – III в. н.э.) / А.П. Медведев // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. – 2006. – №1. – С. 33-45.
134. Медведев, А.П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья / А.П. Медведев // Средневековые древности Дона: материалы и исследования по археологии Дона. – 2007. – Вып. 2. – С. 11-24.
135. Медведев, А.П. Три десятилетия скифо-сарматской археологической экспедиции ВГУ / А.П. Медведев // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. – 2008. – № 2. – С. 104-108.
136. Медведев, А.П. Очерк этнографии сарматов / А.П. Медведев // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2009. – № 2. – С. 3-14.
137. Медведев, А.П. Раннесарматское погребение у хут. Луговой на Среднем Дону / А.П. Медведев, В.Н. Ковалевский // Восточноевропейские древности скифской эпохи: сборник научных трудов. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – С. 228-236.
138. Медведев, А.П. О некоторых результатах изучения Некрополя Фанагории Римского времени / А.П. Медведев // Вестник ВГУ. Серия. История. Социология. Политология. – 2012. – №1. – С. 42-52.
139. Мелюкова, А.И. Вооружение скифов / А.И. Мелюкова // САИ. – 1964. – Вып. Д 1-4. – 113 с.
140. Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.
141. Могильники черняховской культуры : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Э.А. Сымонович. – М.: Наука, 1979. – 204 с.

142. Мошкова, М.Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья : автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.06 / Мошкова Марина Глебовна. – М., 1956. – 14 с.
143. Мошкова, М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки / М.Г. Мошкова // МИА. – 1960. – № 78. – С. 293-307.
144. Мошкова, М.Г. Памятники прохоровской культуры / М.Г. Мошкова // САИ. – 1963. – Вып. Д 1-10. – 56 с.
145. Мошкова, М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры / М.Г. Мошкова. – М.: Наука, 1974. – 52 с.
146. Мошкова, М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону / М.Г. Мошкова // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 74-76.
147. Мошкова, М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики / М.Г. Мошкова // КСИА. – 1980. – Вып. 162. – С. 49-50.
148. Мошкова, М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане / М.Г. Мошкова // КСИА. – 1982. – Вып. 170. – С. 80-87.
149. Мошкова, М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе / М.Г. Мошкова // История и культура сарматов. – Саратов, 1983. – С. 18-34.
150. Мошкова, М.Г. О дате сарматских погребений Авиловского могильника на Иловле / М.Г. Мошкова // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа: Изд-во ин-та истории языка и литературы, 1984. – С. 18-30.
151. Мошкова, М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности : дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада : 07.00.06 / Мошкова Марина Глебовна. – М., 1989. – 47 с.
152. Мошкова, М.Г. Фібули кочовиків Південного Приуралья / М.Г. Мошкова // Археологія. – 1997. – № 3. – С. 72-81.

153. Мошкова, М.Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) / М.Г. Мошкова // РА. – 2007. – № 3. – С. 103-111.
154. Мошкова, М.Г. Проблема культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последней четверти I тыс. до н. э. – IV в. н. э. / М.Г. Мошкова, В.Ю. Малашев, С.Б. Болелов // РА. – 2007. – № 3. – С. 121-132.
155. Мулкиджанян, Я.П. Поселение Борисоглебское-4 в Прихопёрье / Я.П. Мулкиджанян // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. – Воронеж, 1998. – Вып. 12. – С. 169-179.
156. Никитина, Г.Ф. Гребни Черняховской культуры / Г.Ф. Никитина // СА. – 1969. – № 1. – С. 147-159.
157. Обельченко, О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда / О.В. Обельченко // СА. – 1978. – № 4. – С. 115-127.
158. Ольховский, В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции / В.С. Ольховский // РА. – 1995. – № 2. – С. 85-98.
159. Петерс, Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья / Б.Г. Петерс. – М.: Наука, 1986. – 185 с.
160. Полин, С.В. От Скифии к Сарматии / С.В. Полин. – Киев: НПК «Археолог», 1992. – 201 с.
161. Полин, С.В. Скифия и сарматы / С.В. Полин, А.В. Симоненко // Сарматы и Скифия: сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – 1997. – Вып. 5. – С. 87-98.
162. Прохорова, Т.А. Богатое сарматское погребение в кург. 10 Кобяковского могильника / Т.А. Прохорова, В.К. Гугуев // СА. – 1992. – №1. – С. 142-161.
163. Пшеничнюк, А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А.Х. Пшеничнюк. – М.: Наука, 1983. – 199 с.

164. Раев, Б.А. Аланы в Евразийских степях: восток-запад / Раев Б.А. // Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. – Новочеркасск, 1989. – С. 116-117.

165. Раев, Б.А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах / Раев Б.А. // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. – 2006. – Вып. 1. – С. 91-100.

166. Ракушин, А.И. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII-XV вв.) / А.И. Ракушин // АВЕС. – 2007. – Вып. 4. – С. 214–239.

167. Рау, П.Д. Курганные погребения римского времени в Нижнем Поволжье (Результаты исследования курганов в Республике Немцев Поволжья) // Известия Центрального музея Автономной социалистической советской республики Немцев Поволжья. – 1926. – Вып.1-2. – 112 с.

168. Ростовцев, М.И. Эллинизм и иранство на юге России / М.И. Ростовцев. – Пг.: Огни, 1918. – 176 с.

169. Руденко, С.И. Сибирская коллекция Петра I / С.И. Руденко // САИ. – 1962. – Вып. Д. 3-9. – 52 с.

170. Рунич, А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины / А.П. Рунич // СА. – 1976. – № 3. – С. 256-266.

171. Рыков, П.С. Суловский курганы могильник / П.С. Рыков // УЗ СГУ. – 1927. – Т. IV. – Вып. 3. – С. 28-102.

172. Сергацков, И.В. Позднесарматское катакомбное погребение из Бахтияровского могильника / И.В. Сергацков // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990. – С. 117-122.

173. Сергацков, И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I – II вв. / И.В. Сергацков // Статистическая обработка погребальных памятников Сарматии: Вып. III. Среднесарматская культура. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2002. – 143 с.

174. Сергацков, И.В. Проблема становления среднесарматской культуры / И.В. Сергацков // Раннесарматская и среднесарматская культуры: про-

блемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – 2006. – Вып. I. – С. 37-58.

175. Симоненко, А.В. О сарматских поясах / А.В. Симоненко // Памятники древних культур Северного Причерноморья. – Киев: Наукова Думка, 1979. – С. 51-55.

176. Симоненко, А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья / А.В. Симоненко // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова Думка, 1984. – С. 129-147.

177. Симоненко, А.В. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги) / А.В. Симоненко, Б.И. Лобай. – Киев: Наукова Думка, 1991. – 111 с.

178. Симоненко, А.В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии / А.В. Симоненко // АЦВМ : материалы III археологического семинара. Ч. I. – Новочеркасск, 1992. – С. 24-34.

179. Симоненко, А.В. Сарматы Таврии / А.В. Симоненко. – Киев: Наукова Думка, 1993. – 143 с.

180. Симоненко, А.В. Особенности раннесарматской культуры северного Причерноморья / А.В. Симоненко // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – 2000. – Вып. I. – С. 158–164.

181. Симоненко, А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье / А.В. Симоненко // РА. – 2001. – № 4. – С. 77-91.

182. Симоненко, А.В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья / А.В. Симоненко // НАВ. – 2011. – Вып. 12. – С. 169-182.

183. Симоненко, А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья / А.В. Симоненко. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 328 с.

184. Симоненко, О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) / О.В. Симоненко // Археологія. – 1991. – № 4. – С. 17-28.
185. Симоненко, О.В. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія : автореф. дис. ... докт. іст. наук : 07.00.04 / Симоненко Олександр Володимирович. – Київ, 1999. – 37 с.
186. Скалон, К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время / К.М. Скалон // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С. 138-140.
187. Скрипкин, А.С. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Скрипкин Анатолий Степанович. – М., 1973. – 24 с.
188. Скрипкин, А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области / А.С. Скрипкин // КСИА. – 1974. – № 140. – С. 57-63.
189. Скрипкин, А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) / А.С. Скрипкин // СА. – 1977. – № 2. – С. 100-120.
190. Скрипкин, А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / А.С. Скрипкин. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – 150 с.
191. Скрипкин, А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры / А.С. Скрипкин // Проблемы сарматской археологии и истории: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – Азов, 1988. – С. 118-224.
192. Скрипкин, А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект / А.С. Скрипкин. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. – 299 с.
193. Скрипкин, А.С. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье / А.С. Скрипкин // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990. – С. 105-116.
194. Скрипкин, А.С. Об уточнении хронологии сарматских культур / А.С. Скрипкин // Проблемы хронологии сарматских культур. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. – С. 3-23.

195. Скрипкин, А.С. Материалы Сусловского курганного могильника / А.С. Скрипкин // НАВ. – 1998. – Вып. 1. – С. 104-124.
196. Скрипкин, А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов / А.С. Скрипкин // НАВ. – 2000. – Вып. 3. – С. 17-40.
197. Скрипкин, А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) / А.С. Скрипкин // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). – 2001. – Вып. 7. – С. 15-40.
198. Скрипкин, А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием / А.С. Скрипкин // II Городцовские чтения: материалы научной конференции посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. – М., 2005. – С. 171-185.
199. Смирнов, А.П. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX - начала XX века) / А.П. Смирнов. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – 592 с.
200. Смирнов, К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья / К.Ф. Смирнов // Доклады и сообщения исторического факультета. – 1947. – Вып. 5. – С. 75-80.
201. Смирнов, К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К.Ф. Смирнов// МИА. – 1959. – № 60. – С. 206-322.
202. Смирнов, К.Ф. Вооружение сарматов / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1961. – № 101. – 168 с.
203. Смирнов, К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К.Ф. Смирнов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
204. Смирнов, К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа / К.Ф. Смирнов // СА. – № 1. – 1972. – С. 73-75.
205. Смирнов, К.Ф. Сарматы на Илеке / К.Ф. Смирнов. – М.: Наука, 1975. – 180 с.

206. Смирнов, К.Ф. Сарматы-огнепоклонники / К.Ф. Смирнов // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1975. – С. 155-159.
207. Смирнов, К.Ф. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / К.Ф. Смирнов, В.Г. Петренко // САИ. – 1963. – Вып. Д1-9. – 38 с.
208. Сорокина, Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса / Н.П. Сорокина // МИА. – 1965. – № 127. – 260 с.
209. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2: Раннесарматская культура (IV – I вв. до н.э.) / отв. ред. М. Г. Мошкова. – М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 278 с.
210. Стащенко Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья I-V вв. н.э. : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.06 // Стащенко Дмитрий Алексеевич. – Казань, 2007. – 25 с.
211. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. – М.: Наука, 1989. – 464 с.
212. Тишкин, А.А. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов // РА. – 2006. – № 3. – С. 31-40.
213. Трибунский, С.А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. / Трибунский Сергей Александрович. – Самара, 2003. – 211 с.
214. Троицкая, Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма / Т.Н. Троицкая // История и археология древнего Крыма. – Киев, 1957. – С. 174-190.
215. Удальцов, А.Д. Племена европейской Сарматии II в. н.э. / А.Д. Удальцов // Вопросы Этногенеза. – 1946. – № 1. – С. 41-50.
216. Фармаковский, Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. / Б.В. Фармаковский // Известия ИАК. – Вып. 8. – 1903. – 113 с.
217. Формализованно-статистические методы в археологии: Анализ погребальных памятников / В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков; АН УССР. Ин-т археологии. – Киев: Наук.думка, 1990. – 300 с.

218. Хазанов, А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал / А.М. Хазанов // СА. – 1963. – № 4. – С. 58-71.
219. Хазанов, А.М. Очерки военного дела сарматов / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1971. – 172 с. (2-ое изд. испр. и доп. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 294 с.).
220. Хазанов, А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов / А.М. Хазанов // СА. – 1964. – № 3. – С. 89-96.
221. Цуцкин, Е.В. Бронзовый котёл с древнегреческой надписью / Е.В. Цуцкин // Историко-краеведческие записки. – 1974. – Вып. 2. – С. 138-142.
222. Чибиров, Л.А. Очаг осетинского жилища / Л.А. Чибиров // Материалы по этнографии Грузии. – 1963. – Вып. 12-13. – С. 349-360.
223. Шаповалов, Т.А. Раскопки кургана у пос. Новолуганское Донецкой области / Т.А. Шаповалов, Ю.П. Байдебуря // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – 1968. – № 11. – Т. 2. – С. 127-131.
224. Шелов, Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры / Д.Б. Шелов. – М.: Наука, 1972. – 350 с.
225. Шелов, Д.Б. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. / Д.Б. Шелов // AAASH. – Budapest, 1965. – Т. XVII. – S. 266-267.
226. Шилов, В.П. Калиновский курганный могильник / В.П. Шилов // МИА. – 1959. – № 60. – С. 323-523.
227. Шувалов, П.В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П.В. Шувалов // Stratumplus. – 2013. – № 4. – С. 75-89.
228. Щукин, М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования / М.Б. Щукин // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С. 26–38.
229. Яйленко, В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток / В.П. Яйленко. – М.: Наука: Главная редакция Восточной литературы, 1990. – 270 с.

230. Яценко, С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н. э. / С.А. Яценко // ПАВ. – 1993. – № 3. – С. 61-76.
231. Яценко, С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы) / С.А. Яценко. – М.: Восточная литература РАН, 2006. – 661 с.
232. Яценко, С.А. Орудия ранних эпох в погребальных и жилых комплексах античных городов Северного Причерноморья и окружающих варварских племен / С.А. Яценко // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы международной конференции. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. – С. 275-278.
233. Яценко, С.А. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени / С.А. Яценко // *Stratum plus*. – 2016. – № 4. – С. 69-88.
234. Яценко, С.А. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии / С.А. Яценко, В.Ю. Малашев // *Stratum Plus*. – 2000. – № 4. – С. 226-250.
235. Bezuglov, S.I. Késő római kori katakombás temetkezések az Alsó-Donvidék sztyeppéin / S.I. Bezuglov // *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*. – Szeged, 1995. – Vol. I. – S. 324-343.
236. Boesterd, M.H.P. Description of the collections in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen / M.H.P. Boesterd // *The bronze vessels*. – Nijmegen: G.J. Thieme, 1956. – 90 p.
237. Diaconu, Gh. Über die Fibel mit umgeschlagenem Fuss in Dazien / Gh. Diaconu // *Dacia*. – 1971. – T.XV. – P. 239–267.
238. Eggers, H.J. Der romische Import im freien Germanien / H. J. Eggers. – Hamburg, 1951. – 321 s.
239. Medvedev, A.P. A sarmatian barrow with Roman and Chinese imports in the middle Don region / A.P. Medvedev, K.Yu. Yefimov // *Raev B.A. Roman imports in the Lower Don Basin*. Oxford, 1986. – P. 83-84.

240. Ondrouch, V. Bohate hroby z doby rimskej na Slovensku / V. Ondrouch. – Bratislava, 1957. – 269 s.
241. Radnoti, A. Die romischer Brozegefasse aus Pannonien / A. Radnoti // *Dissertationes Pannonocae*. – Budapest, 1938. – Ser. II, 6. – 277 s.
242. Raev, B.A. Les Chaudrons martelés: Les Traditions italiques dans les Ateliers provinciaux / B.A. Raev // *Toreutik und figuralische Bronsen römischer Zeit*. – Berlin., 1984. – S. 216-219.
243. Raev, B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin / B.A. Raev // *BAR International Series*. – Oxford, 1986. – Vol. 238. – 219 p.
244. Rau, P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze / P. Rau // *Mitteilungen des Zentral Museums*. – Pokrowsk, 1929. – Heft 1. – 113 s.
245. Rau, P. Die hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga / P. Rau. — Pokrowsk, 1927. – 112 s.
246. Richa, E. Die römische Fibeln aus Augst und Keiseraugst. Die Neufunde seit 1975 / E. Richa // *Römermuseum Augst*. Bd.18. Augst : Roemermuseum Augst, 1994. 220 s.
247. Teodor, S. Obiecte de port și podoaba din așezarea geto-dacică de la Poiana jud. Galați (I). Fibule / S. Teodor, S. Tau // *Arheologia Moldovei*. 1997. T. XIX. P. 57-105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия.
- ВДИ – Вопросы древней истории.
- ВГУ – Воронежский государственный университет.
- ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет.
- ВолГУ – Волгоградский государственный университет.
- ГАСО – Государственный архив Саратовской области.
- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия.
- ДнепрГУ – Днепропетровский государственный университет.
- ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии.
- ЗРАО – Записки императорского русского археологического общества.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
- ИНВИК – Известия Нижне-Волжского Института краеведения.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии.
- МАР – Материалы по археологии России.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник.
- ОАК – Отчет императорской археологической комиссии.
- ПАВ – Санкт-Петербургский археологический вестник.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи.
- РА – Российская археология.
- РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.
- СА – Советская археология.
- САИ – Свод археологических источников.
- СГУ – Саратовский государственный университет.
- СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Табличный материал.

Таблица 1. Памятники хопёрско-волжского района, источники информации по ним, места хранения археологических коллекций

№п/п	Название, годы исследования	Тип	Место хранения	Источник информации
1	Александровка Донская, 2001г.	Курганный могильник	Археологический музей ВГПУ	Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И. Исследование курганов на юге Воронежской области // Проблемы археологии Восточной Европы. Воронеж, 2005. С.116-122.
2	Аткарск, 1928-1930гг.	Курганный могильник	Саратовский областной музей краеведения (филиал – Аткарский краеведческий музей)	Арзютов Н.К. Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928-1930 гг. // ИНВИК. 1936. Т. VII. С. 86-101.
3	Березовка, 1968-1975гг.	Курганный могильник	Волгоградский областной краеведческий музей	Мамонтов В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛО ИА АН СССР и Волгоградского управления культуры // Архив ИА РАН. Ф.1. 1968. Р.1. № 3656. С. 16-25; его же. Отчёт о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции в 1975 г. // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. 1975. №.78. 55 с.
4	Большая Дмитриевка, 1887-1888гг., 1988-1992гг.	Курганный могильник	Государственный Эрмитаж, Саратовский областной музей краеведения	Волков И.А. Больше-Дмитриевские курганы // Труды СУАК. 1888. Т.1. Вып. 3. С. 285-293; Максимов Е.К. Сарматское погребение из кургана Большая Дмитровка Саратовской области // СА. 1957. № 4. С. 157-161; Шилов В.П. Металлические сосуды из кургана Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. 1973. № 4. С. 252-255; Матюхин А.Д. Отчет об археологических разведках в Краснокутском районе и раскопках курганов у сс. Б.Дмитриевка и Двоенка Лысогорского района в 1988 г. // Архив

				НИАЛ СГУ. 1989. Д. 049; Матюхин А.Д. Отчет об археологических исследованиях в Саратовском и Лысогорском районах Саратовской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Ф.1. 1990. Р-1. № 14185; его же. Отчет об археологических разведках в Калининском районе и раскопках курганов у с. Большая Дмитриевка в Лысогорском районе Саратовской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1993. Р-1. №17586; Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. 1997. Вып. 2. С. 182-198.
5	Большие Ясырки, 1985 г.	Курганный могильник	Археологический музей ВГУ	Матвеев Ю.П. Отчет новостроечного отряда археологической экспедиции ВГУ о раскопках курганов в Воронежской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1986. Р-1. №11394; Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. С. 17. Рис. 4, 20-21.
6	Большой Мелик, 2010-е гг.	Случайная находка	Балашовский краеведческий музей	Хреков А.А. Раннесарматские короткие мечи с территории лесостепного Прихопёрья // Археологическое наследие Саратовского края. 2014. Вып.12. С. 141-143.
7	Борисоглебск, 2010г.	Случайная находка	Борисоглебский историко-художественный музей	Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I - IV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. 236 с.
8	Бутурлиновка, 1990-е гг.	Случайная находка	Бутурлиновский народный краеведческий музей	Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 167. Рис. 13.
9	Верхний Колышлей, 1930г.	Курганный могильник	Саратовский областной музей краеведения	Синицын И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.) // Сборник Нижневолжского краевого

				музея. Саратов, 1932. С. 56–70.
10	Власовский – I, II, 1984г.	Курганный могильник	Археологический музей ВГПУ	Березуцкий В.Д. Отчёт о работе в бассейне р. Ворона в Воронежской и Тамбовской областях в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1985. Р-1. № 10647; Березуцкий В.Д. Сарматские погребения Власовского могильника // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 19–35.
11	Галдым, 1970-е гг.	Городище	Тамбовский областной краеведческий музей	Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов, 1982.
12	Графская (Жердевка), 1992г.	Курганный могильник	Тамбовский областной краеведческий музей	Моисеев Н.Б. Отчёт о работе Тамбовской археологической экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1992. Р-1. № 17531. С. 4-6; Белоусов В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития // Вестник ТГУ, Серия. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Вып. 4 (120). С. 91.
13	Гусевка, 1899-1900, 1903гг.	Курганный могильник	Государственный Эрмитаж	Спицын А.А. Раскопки близ с. Гусёвки Царицынского уезда // ЗОРСА. 1907. Т.VII. Вып.2. С.226. Рис.1.
14	Двоенка, 1988г.	Курганный могильник	Саратовский областной музей краеведения	Матюхин А.Д. Отчет об археологических разведках в Краснокутском районе и раскопках курганов у сс. Б.Дмитриевка и Двоенка Лысогорского района в 1988 г. // Архив НИАЛ СГУ. 1989. Д. 049.
15	Елань, 1980-1990-е гг.	Случайная находка	Саратовский областной музей краеведения	Матюхин А.Д. Сарматские памятники I—IV вв. Саратовского Правобережья // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3. С. 144-158.
16	Елка-5, 2014г.	Курганный могильник	Археологический музей ВГУ	Медведев А.П. Древнеямные погребения в кугане № 1 могильника Елка 5 // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 81-93.
17	Ершовка,	Курганный	Саратовский	Синицын И.В. Сарматские кур-

	1930г.	ный мо- гильник	областной музей краеведения	ганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.) // Сбор- ник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 56–70.
18	Жарин Бугор, 1978-1979гг.	Курган- ный мо- гильник	Музей Институ- та археологии и культурного наследия СГУ	Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратов- ского Поволжья // АО 1978 года. 1979. С. 186-187; Малов Н.М. Ис- следование памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО 1979 года. 1980. С. 153-154.
19	Каменка, 1927, 1992гг.	Курган- ный мо- гильник	Саратовский областной музей краеведения, Музей Институ- та археологии и культурного наследия СГУ	Синицын И.В. К материалам сар- матской культуры на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Вып. 8. С. 73–95; Филипченко В.В. Сарматское погребение в колоде у с. Каменка // Древности Волго-Донских степей. 1992. Вып.2. – С. 59-61.
20	Карамыш, 1978г.	Курган- ный мо- гильник	Саратовский областной музей краеведения	Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратов- ского Поволжья // АО 1978 года. 1979. – С. 186-187
21	Ключи, 1984г.	Курган- ный мо- гильник	Балашовский краеведческий музей	Хреков А.А. Отчет археологиче- ской экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1984 г. по раскопкам у с. Ключи, с. Ни- кольевка Балашовского района Саратовской области и с. Шапки- но Мучкапского района Тамбов- ской области // Архив ИА РАН. Ф.1. 1985. Р-1. № 10412. С. 31-32; его же. Исследования в бассейне р. Хопер // АО 1984 года. 1986. С. 82-83.
22	Королева Мо- гила, 1965г.	Случайная находка	Волгоградский областной крае- ведческий музей	Мамонтов В.И. Отчёт о работе археологического отряда Волго- градского областного краеведче- ского музея за 1966 г. / В.И. Ма- монтов // Архив ИА РАН. Ф.1. 1967. Р.1. № 3233; Скрипкин А.С. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоград- ской области // СА. 1970. №. 4. С. 206-209.

23	Короли, 1969-1970гг.	Курганный могильник	Волгоградский областной краеведческий музей	Мамонтов В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда Астраханской экспедиции ЛО ИА АН СССР за 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1970. Р.1. № 3959; его же. Раскопки Королевского могильника // АО 1969 года. 1970. С. 155-156; Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 134-159.
24	Котово, 1898г.	Курганный могильник	Государственный Эрмитаж	ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С.77-78; Берхин. И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С.141-153.
25	Красновка, 1960-1970-е гг.	Курганный могильник	Волгоградский областной краеведческий музей	Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 134-159.
26	Красный-2, 2003г.	Курганный могильник	Археологический музей ВГУ	Матвеев Ю.П. Отчёт к Открытому листу №115 о раскопках курганов в Верхнемамонском и Бобровском районах Воронежской области в 2003 г. // НА АМ ВГУ. 2004. № 198. Рис. 40.
27	Красный лог, 2000-е гг.	Курганный могильник	Аннинский краеведческий музей	Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 167. Рис. 13.
28	Мазин, 1960-1970-е гг.	Курганный могильник	Волгоградский областной краеведческий музей	Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 134-159.
29	Манино, 1970-е гг.	Грунтовое погребение	Воронежский областной краеведческий музей	Матвеев Ю.П. Отчет об археологических раскопках на территории Воронежской области в 1977г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1977. Р.1. № 6822, 6822а.

30	Машевка, 1895г.	Курганный могильник	Государственный исторический музей	Спицын А.А. Отчёт о раскопках в 1895 г. в Саратовской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. № 79. Л. 20-29; Отчет Археологической комиссии за 1895 г. Спб., 1897.С. 30–32; Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // ЗРАО. СПб., 1896. Т.8. Вып. 1, 2. С. 140-154; Гущина И.И. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. 2000. Вып.3. С. 268–293.
31	Нехаевский, 1969-1970гг.	Курганный могильник	Волгоградский областной краеведческий музей	Скрипкин А.С. Отчёт о раскопках Нехаевского курганного могильника в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1969. Р.1. №3989; его же. Отчёт о раскопках археологического отряда Волгоградского педагогического института в 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1971. Р.1. № 4224; его же. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 134-159.
32	Новая Чигла, 2012-2016гг.	Курганный могильник	Археологический музей ВГПУ	Березуцкий В.Д. Диагональные сарматские погребения Новочигольского курганного могильника // Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. Воронеж, 2016. С. 181-188.
33	Новоаннинск, 1968-1975гг.	Курганный могильник	Волгоградский областной краеведческий музей	Мамонтов В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛО ИА АН СССР и Волгоградского управления культуры // Архив ИА РАН.

				Ф.1. 1968. Р.1. № 3656; он же. Отчёт о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции в 1975 г. // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. 1975. №.78а.
34	Новый Курлак, 2000-е гг.	Случайная находка	Аннинский народный краеведческий музей	Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.
35	Норка, 1895г.	Курганный могильник	Государственный исторический музей	Спицын А.А. Отчёт о раскопках в 1895 г. в Саратовской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. № 79. Л. 20-29; Отчет Археологической комиссии за 1895 г. Спб, 1897. С. 30–32; Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // Записки Русского археологического общества. Спб., 1896. Т.8. Вып. 1, 2. С. 140-154; Гущина И.И. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. 2000. Вып.3. С. 268–293.
36	Пичаево, 1989г.	Курганный могильник	Тамбовский областной краеведческий музей	Моисеев Н.Б. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.): Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1995. С. 76; Белоусов В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития // Вестник ТГУ, Серия. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Вып. 4 (120). С. 86-91.
37	Радушинка, 1980-1990-е гг.	Курганный могильник	Саратовский областной музей краеведения	Матюхин А.Д. Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3. С. 144-158.
38	Рыбушка, 1980-1990-е гг.	Курганный мо-	Саратовский областной музей	Матюхин А.Д. Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского

		гильник	краеведения	Правобережья // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3. С. 144-158.
39	Сидоры, 1959, 1972гг.	Курганный могильник	Волгоградский областной краеведческий музей	Шилов В.П. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1960. Р.1. № 1976; Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской археологической экспедиции в Михайловском, Калачевском и Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1973. Р-1. № 4905.
40	Сорокинский, 2016г.	Курганный могильник	Археологический музей ВГУ	Медведев А.П. Отчёт об археологических раскопках у хутора Сорокинский Новохоперского района Воронежской области в 2016 г. // Архив АМ ВГУ. 2016. № 201.
41	Сосновка, 1971г.	Случайная находка	Тамбовский областной краеведческий музей	Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов, 1982.
42	Старый Хопер, 2010-е гг.	Случайная находка	Балашовский краеведческий музей	Хреков А.А. Раннесарматские короткие мечи с территории лесостепного Прихопёрья // Археологическое наследие Саратовского края. 2014. Вып.12. С. 141-143.
43	Тамбов, 2000-е гг.	Случайная находка	Тамбовский областной краеведческий музей	Белоусов В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития // Вестник ТГУ, Серия. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Вып. 4 (120). С. 86-91.
44	Тамбовская область, 2000-е гг.	Случайная находка	Тамбовский областной краеведческий музей	Белоусов В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития // Вестник ТГУ, Серия. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Вып. 4 (120). С. 86-91.
45	Таптулино, 1966г.	Курганный могильник	Саратовский областной музей краеведения	Максимов Е.К. Отчёт об археологических разведках и раскопках в Ртищевском районе Саратовской области // Архив ИА РАН. Ф.1. 1967. Р.1. № 3463; Максимов Е.К. Ртищевские курганы // КСИА. 1974. Вып.140. С. 64-67.

46	Третьяки, 1984-1986гг.	Курганный могильник	Борисоглебский историко-художественный музей	Ефимов К.Ю. Отчёт о раскопках курганов близ с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1986. Р-1. № 10825; Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья 1-ой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 19–35.
47	Туголуково, 2000-е гг.	Случайная находка	Тамбовский областной краеведческий музей	Белоусов В.В. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития // Вестник ТГУ, Серия. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Вып. 4 (120). С. 86-91.
48	Турки, 2007г.	Грунтовое погребение	Балашовский краеведческий музей	Хреков А.А. Сарматские памятники лесостепного // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 105. Рис. 6.
49	Усть-Курдюм, 1980-1990-е гг.	Курганный могильник	Саратовский областной музей краеведения	Матюхин А.Д. Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3. С. 144-158.
50	Широкий Карамыш, 2003г.	Курганный могильник	Саратовский областной музей краеведения	Тихонов В.И. Отчёт о раскопках курганного могильника «Широкий Карамыш» в Саратовской области в 2003г. // Архив НИАЛ СГУ. 2004. №.б/н.
51	Щербаковка, 1899г.	Курганный могильник	Государственный Эрмитаж	ОАК за 1899 г. СПб., 1902. С. 120; Берхин. И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С.141-153.

**Таблица 2. Распределение основных категорий находок по
поло-возрастному признаку**

Пол/возраст	Жен.			Муж.			Реб.			Жен.+реб.		
	Р ¹	С ²	П ³	Р	С	П	Р	С	П	Р	С	П
Культуры	-	18	24	2	13	17	-	9	12	-	1	1
Количество комплексов	-	18	24	2	13	17	-	9	12	-	1	1
Гончарная керамика	-	18 26%*	19 13%	1 17%	8 4%	9 13%	-	5 45%	1 7%	-	6 54%	1 50%
Лепная керамика	-	2 3%	8 5%	-	4 2%	4 6%	-	1 9%	8 57%	-	2 18%	1 50%
Зеркала	-	8 12%	11 8%	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лук и стрелы	-	3 4%	1 1%	3 50%	151 80%	45 65%	-	-	-	-	-	-
Меч/кинжал	-	1 1%	1 1%	2 33%	5 3%	5 7%	-	1 9%	1 7%	-	-	-
Металлическая посуда	-	5 7%	4 3%	-	1 0,5%	-	-	-	-	-	-	-
Курильница	-	4 6%	7 5%	-	2 1%	1 1%	-	-	1 7%	-	-	-
Предметы упряжи	-	-	-	-	-	1 1%	-	-	-	-	-	-
Украшения	-	15 22%	66 46%	-	15 8%	1 1%	-	3 27%	3 21%	-	1 9%	-
Пряслица	-	7 10%	9 6%	-	-	-	-	-	-	-	2 18%	-
Каменные оселки	-	2 3%	2 1%	-	2 1%	1 1%	-	1 9%	-	-	-	-
Фибулы	-	3 4%	16 11%	-	1 0,5%	2 3%	-	-	-	-	-	-
Всего	-	68 100%	144 100%	6 100%	189 100%	69 100%	-	11 100%	14 100%	-	11 100%	2 100%

¹ – раннесарматская культура; ² – среднесарматская культура; ³ – позднесарматская культура.

* – % от общего числа находок конкретной культуры и половозрастной группы

Таблица 3. Пропорции курганов междуречья Хопра и Волги

Культуры	Высота насыпи			Диаметр насыпи		
	малая (до 0,5м)	средняя (0,5-1,5м)	большая (более 1,5м)	малый (до 15м)	средний (15-40м)	большой (более 40м)
Ранне-	0 (0%)	2 (100,0%)	0 (0%)	0 (0%)	2 (100%)	0 (0%)
Средне-	41 (64,0%)	22 (34,4%)	1 (1,6%)	42 (65,7%)	21 (32,8%)	1 (1,6%)
Поздне-	40 (70,2%)	16 (27,6%)	1 (2,2%)	37 (65,0%)	20 (35,0%)	0 (0%)

Таблица 4. Место погребений в кургане

Культура Вп/осн	Раннесарматская	Среднесарматская	Позднесарматская
Основное	0 (0%)	46 (72,0 %)	54 (78,0 %)
Впускное	2 (100%)	18 (28,0 %)	15 (22,0 %)
Всего	2 (100%)	64 (100%)	69 (100%)

Таблица 5. Ориентировка погребенных

Ориентировка Культура	Ю	ЮЗ	ЮВ	З	В	С	СЗ	СВ	Всего
Раннесарматская	-	-	-	-	-	-	-	2 100%	2 100%
Среднесарматская	17 39%	15 34%	3 7%	4 7%	2 4%	1 2%	2 4%	-	44 100%
Позднесарматская	7 14%	3 6%	2 4%	4 8%	2 4%	15 31%	7 14%	9 18%	49 100%

Таблица 6. Формы могильных ям

Культура	УП ¹		СП ²		ШП ³		Кв ⁴		П ⁵		ЯЗ ⁶		О ⁷		К ⁸	
	к- во	%*	к- во	%	к- во	%	к- во	%	к- во	%	к- во	%	к- во	%	к- во	%
Ранне-	2	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Средне-	-	-	14	28	16	32	8	16	12	24	-	-	-	-	-	-
Поздне-	15	26	8	14	6	10	-	-	19	33	2	3	3	5	5	8

¹ – узкие прямоугольные (ширина – $>1/3$ длины); ² – средние прямоугольные (ширина – от $1/3$ до $1/2$ длины); ³ – широкие прямоугольные (ширина от $1/2$ до $2/3$ длины); ⁴ – квадратные (разница между шириной и длиной – не более 20 см); ⁵ – подбои с одной нишей; ⁶ – ямы с заплечиками; ⁷ – овал; ⁸ – катакомба.

* – % от общего числа могильных ям с определенными формами в рамках культуры.

Таблица 7. Позы погребенных

Положение ног	Культура	Положение рук					
		Вытянуты	Кисти под тазом	Одна согнута	Две согнуты	Раскинуты (одна или обе)	Другое
Вытянуты	Ранне-	2	-	-	-	-	-
	Средне-	29	1	2	1	1	-
	Поздне-	30	3	3	1	2	-
Пятки сомкнуты	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	1	-	-	-	-	-
	Поздне-	1	-	-	-	-	-
Перекрещены	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	-	-	-	-	1	-
	Поздне-	2	-	3	-	-	-
Сведены в коленях	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	-	-	-	-	1	-
	Поздне-	-	-	-	-	-	-
Одна согнута	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	-	1	-	-	-	-
	Поздне-	-	1	-	-	-	-
Согнуты и повернуты набок	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	2	-	-	-	1	-
	Поздне-	-	-	-	-	-	-
Согнуты в виде ромба	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	1	-	-	-	-	-
	Поздне-	2	-	-	-	-	-
Раскинуты	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	-	1	-	-	-	-
	Поздне-	-	-	-	-	-	-

Таблица 8. Погребальная обрядность населения хопёрско-волжского района памятников сарматского времени

Культура		Раннесарматская		Среднесарматская		Позднесарматская	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
Показатель							
Всего погребений		2	100	64	100	69	100
Околокурганные/ внутрикурганные конструкции		-	-	3	5	6	9
Деревянные кон- струкции		1	50	14	22	16	23
Огненный ритуал		-	-	2	3	6	9
Красящие веще- ства		-	-	10	16	9	13
Подстилка/ Посыпка		1	50	12	19	19	27
Ритуальная пища	МРС	-	-	12	19	22	32
	КРС	-	-	2	3	1	1
	Лошадь	-	-	-	-	2	3
	Другое	1	50	3	5	2	3
Курильницы/ ми- ниатюрные сосу- дики/ астрагал		-	-	6	9	10	14
Деформация че- репа		-	-	-	-	11	16
Диагональное Погребение		-	-	16	25	4	6

Приложение 2. Иллюстративный материал

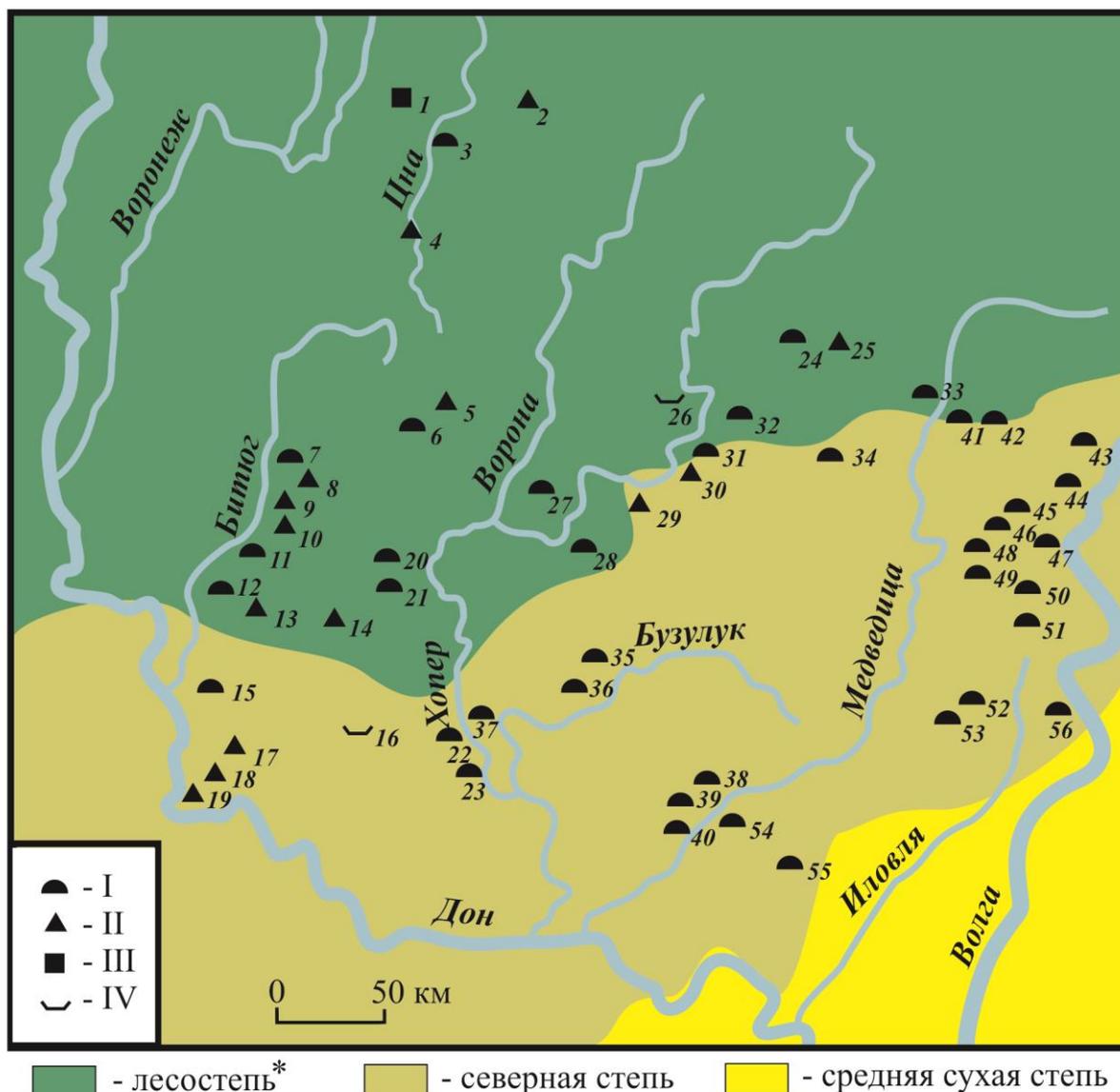

Рис. 1. Карта-схема основных сарматских памятников хопёрско-волжского района: I – курганы; II – случайные находки; III – городища; IV – грунтовые могилы; 1 – городище Галдым; 2 – Сосновка; 3 – Пичаево; 4 – Тамбов; ; 5 – Туголуково; 6 – Жердевка; 7 – Большие Ясырки; 8 – Островки; 9 – Студенец; 10 – Новый Курлак; 11 – Новая Чигла; 12 – Красный-2; 13 – Бутурлиновка; 14 – Сериково; 15 – Александровка Донская; 16 – Манино; 17 – Русская Журавка; 18 – Нижний Момон; 19 – Гороховка; 20 – Сорокинский; 21 – Ёлка; 22 – Нехаево; 23 – Мазин; 24 – Таптулино; 25 – Елань; 26 – Турки; 27 – Власовка; 28 – Третьяки; 29 – Старый Хопёр; 30 – Большой Мелик; 31 – Ключи; 32 – Машевка; 33 – Аткарск; 34 – Радушинка; 35 – Новоаннинск; 36 – Берёзовка; 37 – Красновка; 38 – Королева могила; 39 – Сидоры; 40 – Арчединская; 41 – Ершовка; 42 – Верхний Колышлей; 43 – Усть-Курдюм; 44 – Саратов; 45 – Двоенка; 46 – Рыбушка; 47 – Большая Дмитриевка; 48 – Широкий Карамыш; 49 – Норка; 50 – Карамыш; 51 – Каменка; 52 – Гуселка; 53 – Котово; 54 – Короли; 55 – Новая Норка; 56 – Щербаковка.

* при составлении карты использованы:

Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.

Атлас Саратовской области / ГУГК при Совете министров СССР. – М., 1978. – 31 с.

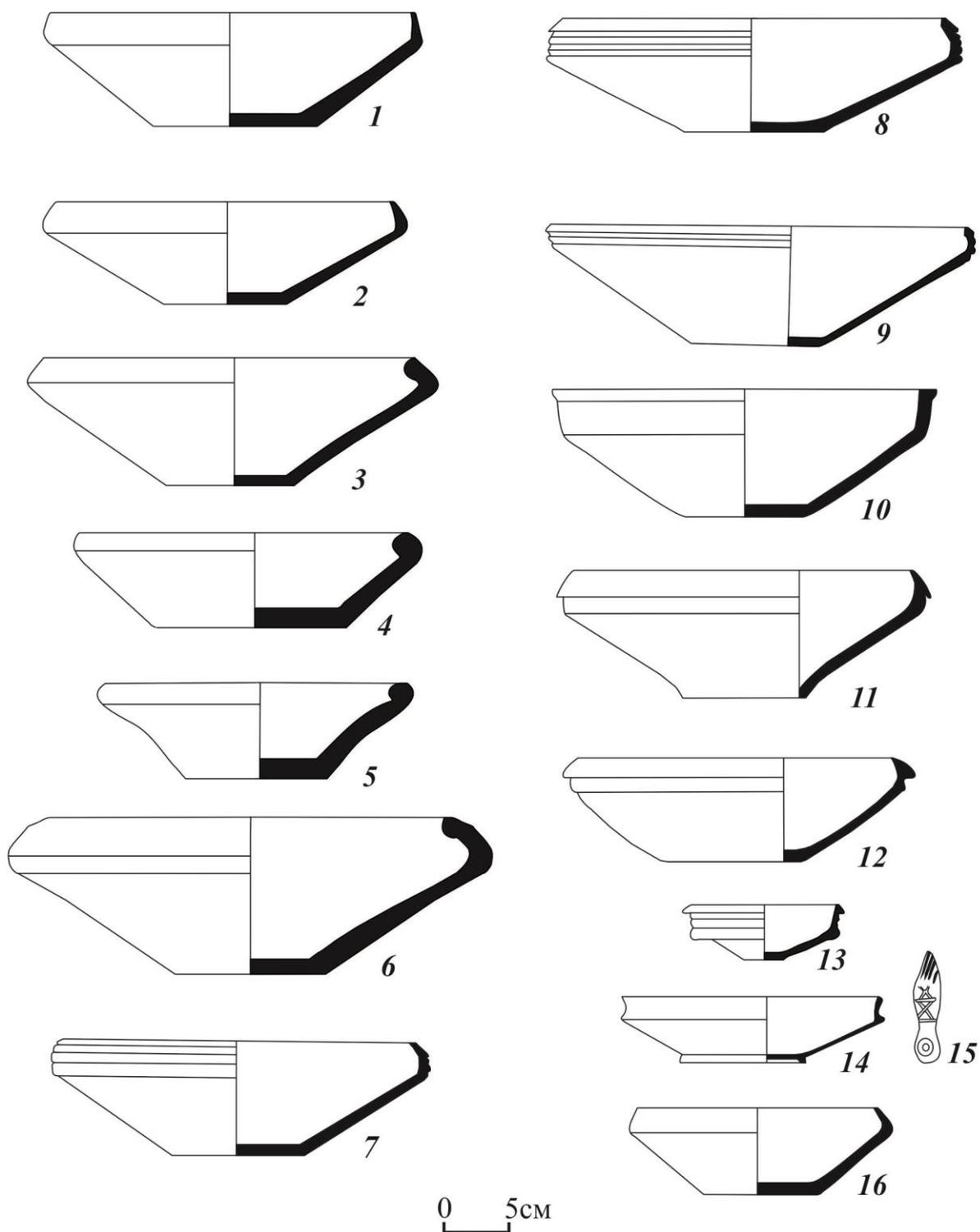

Рис. 2. Гончарные и лепные миски из погребений сарматского времени хопёрско-волжского района памятников: Ершовка: 1 - погр. из кург. 2; Сидоры: 2 - погр. из кург. 22; 3 - погр. из кург. 5; 10 - погр. из кург. 11; Таптулино: 4, 5 - погр. 2 из кург. 1; Новоаннинск: 6 - погр. из кург. 1; Верхний Колышлей: 7 - погр. из кург. 1; 13 - погр. 2 из кург. 2; Третьяки: 8 - погр. из кург. 33; 16 - погр. из кург. 76; Власовский-I: 9 - погр. из кург. 8; 12 - погр. из кург. 10; Власовский-II: 11, 14, 15 (клеймо) - погр. из кург. 1.

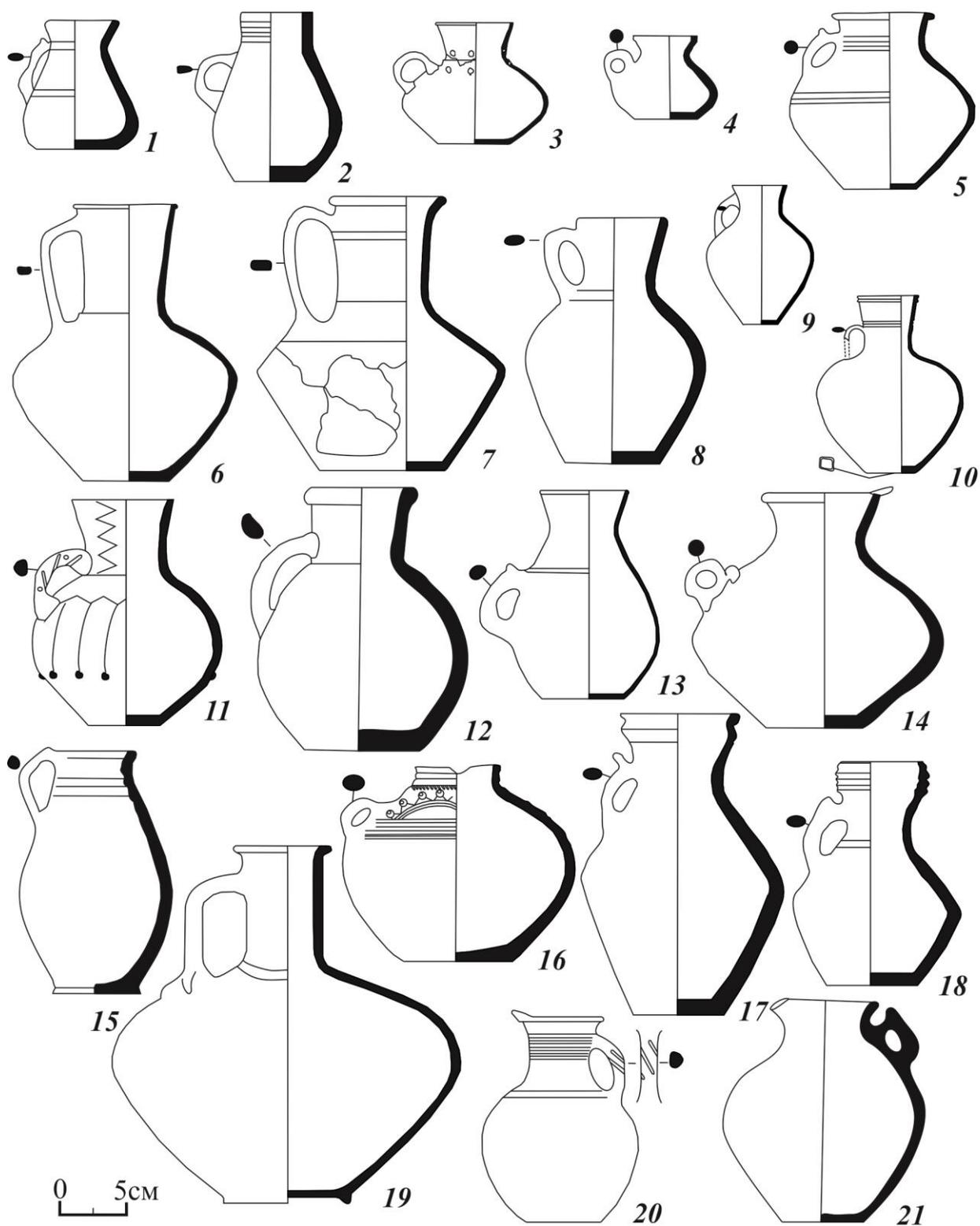

Рис. 3. Кувшины с одной ручкой из погребений сарматского времени хопёрско-волжского района памятников. Ершовка: 1 - кург. 1; Нехаевский: 2 - кург. 11; 5 - кург. 4; 8 - кург. 9; 18 - кург. 12; Третьяки: 3, 6 - кург. 14; Верхний Колышлей: 4, 14 - кург. 1; 11 - погр. 2 из кург. 2; Власовский-I: 7 - кург. 10; 10 - кург. 8; Сидоры: 9 - кург. 11; 21 - кург. 25; Таптулино: 12 - погр. 2 из кург. 1; Новоаннинск: 13 - кург. 1; Графская (Жердевка): 19 - кург. 20; Новая Чигла: 20 - погр. 1 из кург. 10.

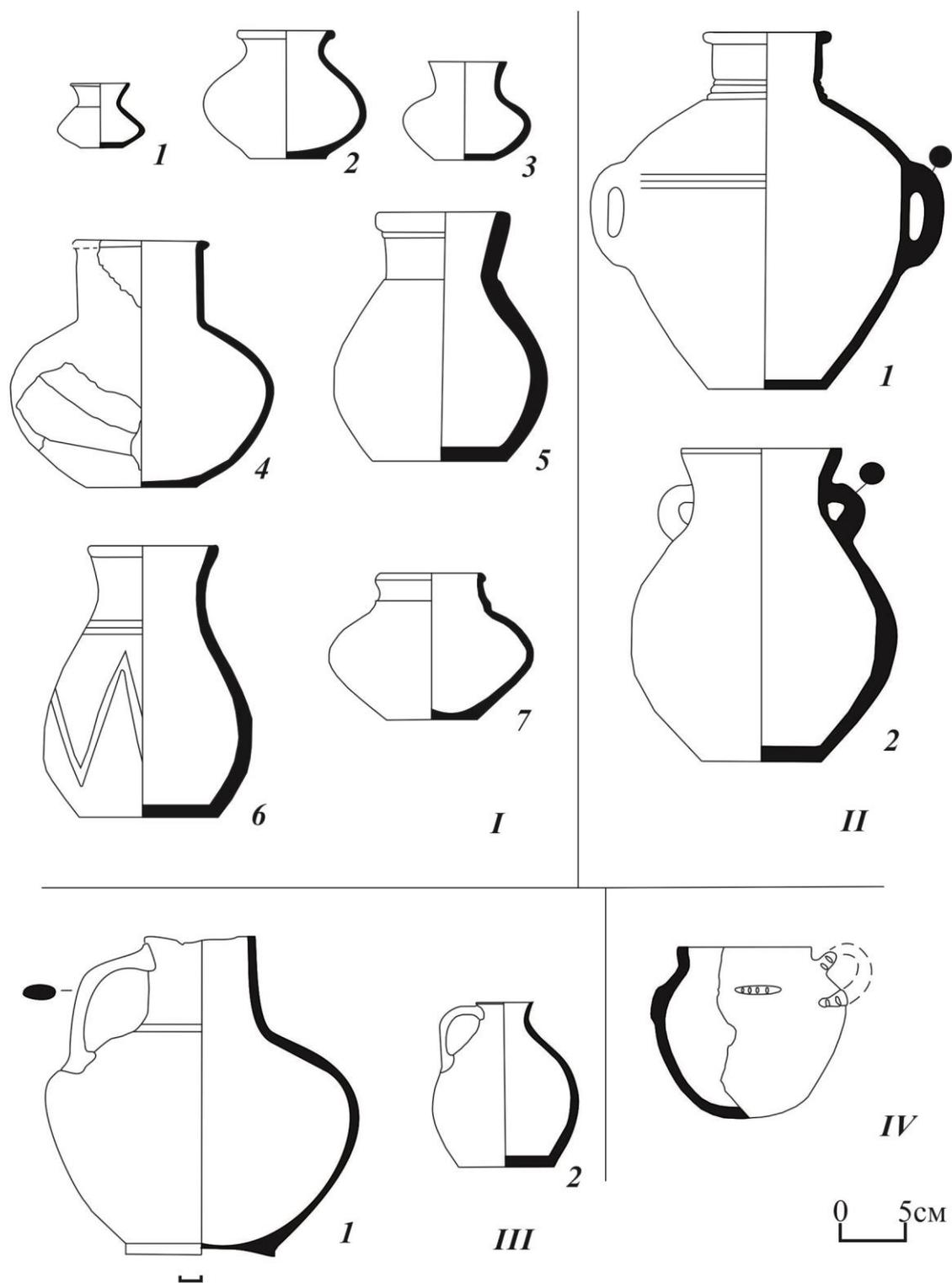

Рис. 4. Кувшины из погребений сарматского времени хопёрско-волжского района памятников: *I* - без ручек: Третьяки: 1 - погр. из кург. 22; 4 - погр. из кург. 39; 7 - погр. из кург. 18; Верхний Колышлей: 2, 3 - погр. из кург. 1; Таптулино: 5 - погр. 2 из кург. 1; Короли: 6 - погр. из кург. 3; *II* - с двумя ручками: Новоаннинск: 1 - погр. из кург. 1; Верхний Колышлей: 2 - погр. 2 из кург. 2; *III* - красноглиняные: Третьяки: 1 - погр. из кург. 16; 2 - погр. из кург. 22; *IV* - лепной кувшин: Большая Дмитриевка, погр. из кург. 15.

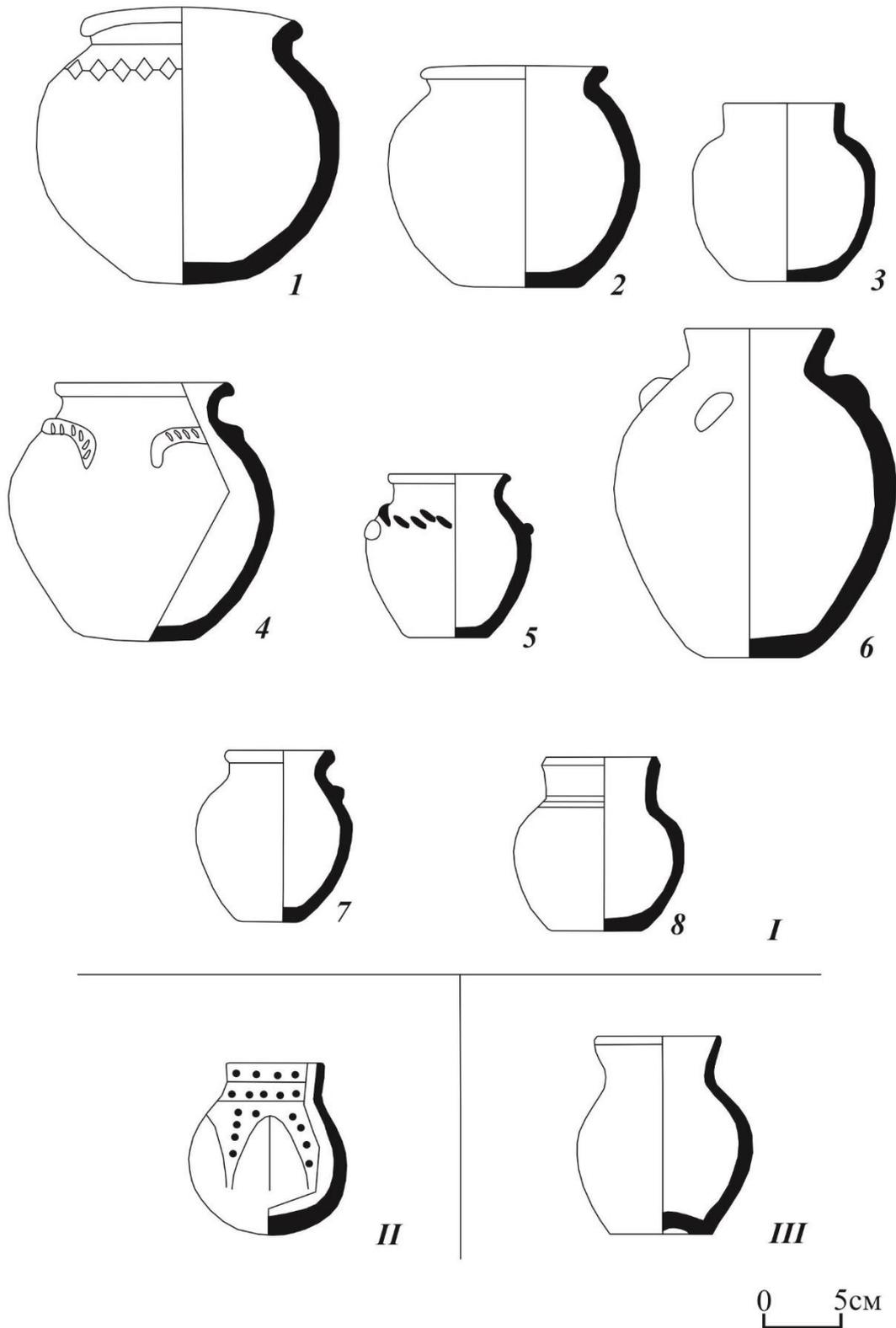

Рис. 5. Лепные горшки из сарматских погребений хопёрско-волжского района памятников: *I* - с уплощенным дном: Таптулино: 1 - кург. 1, погр. 2; Аткарск: 2, 3 - кург. 11; Большая Дмитриевка: 4 - кург. 15; Третьяки: 5 - кург. 76; 8 - кург. 11; Нехаево: 6 - кург. 12; Ключи: 7 - кург. 2; *II* - круглодонные: Каменка, кург. 5; *III* - с вогнутым дном: Третьяки, кург. 14.

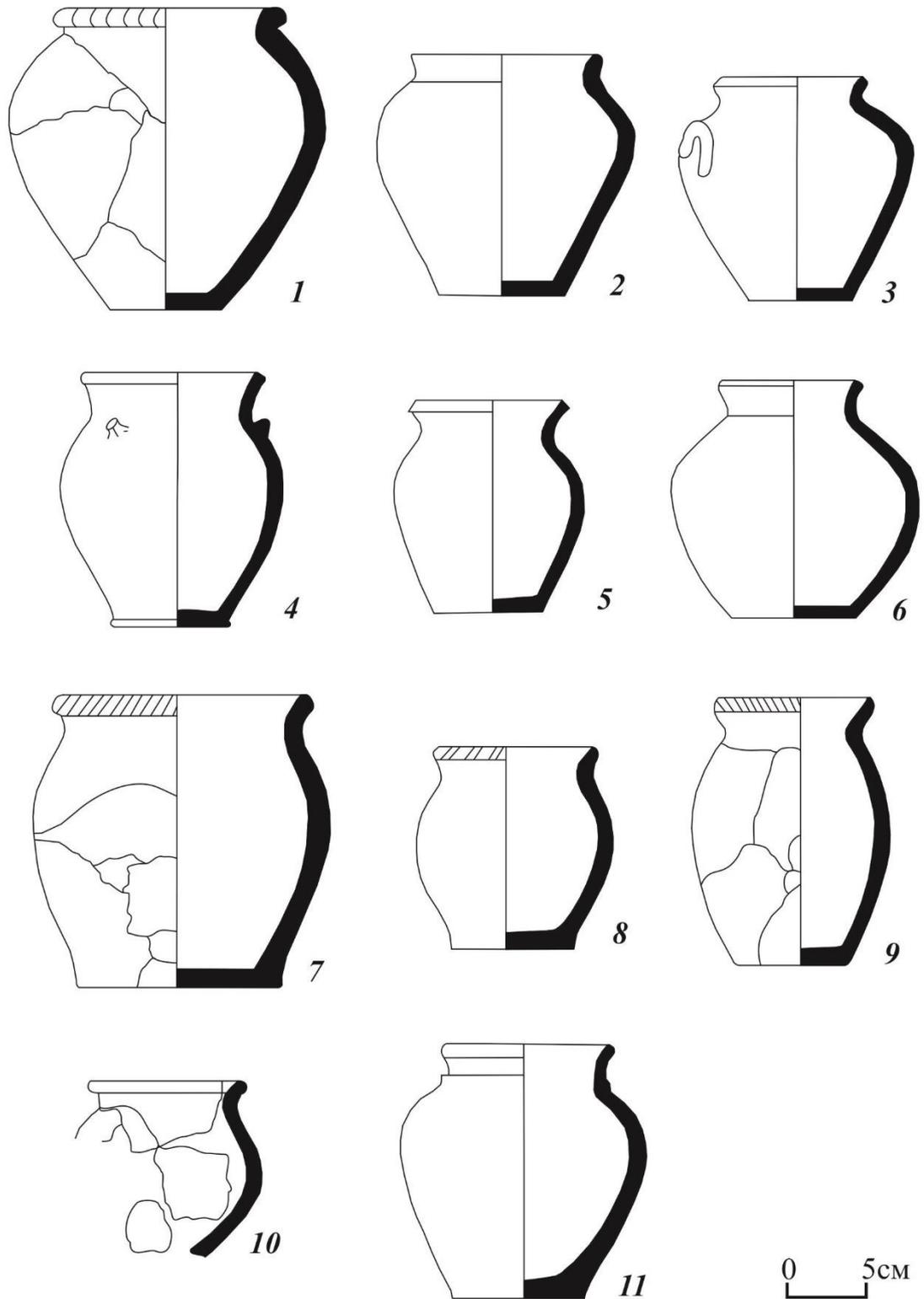

Рис. 6. Плоскодонные сероглиняные горшки из погребений сарматского времени хопёрско-волжского района памятников: Короли: 1 - кург. 2; Сидоры: 2 - кург. 11; Ключи: 3 - кург. 2; Третьяки: 4 - кург. 18; 5 - кург. 78; 11 - кург. 14; Машевка: 6 - кург. 3; Красновка: 7 - разрушенное погр.; Нехаево: 8 - разрушенное погр.; Турки: 9 - грунтовое погр.; Большая Дмитриевка: 10 - погр. 2 из кург. 1.

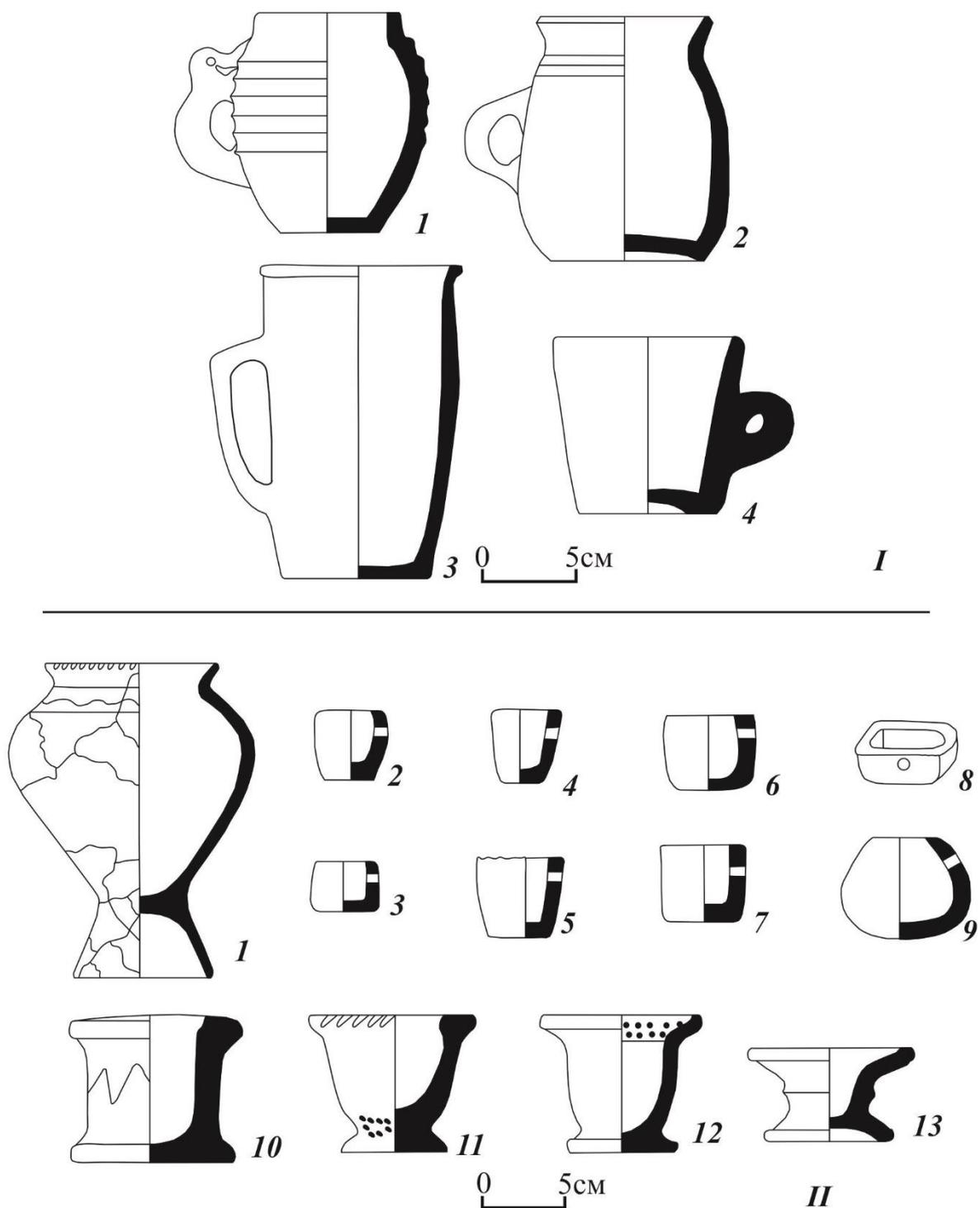

Рис. 7. Кружки и курильницы из погребений сарматского времени хопёрско-волжского района памятников: *I* - кружки: Новоаннинск: 1 - кург. 1; Нехаево: 2 - кург. 12; Сидоры: 3 - кург. 11; 4 - кург. 25; *II* - курильницы: Власовка *II*: 1 - кург. 1; Березовка: 2, 11 - погр. 5 из кург. 25; Короли: 3, 10 - кург. 3; 9 - кург. 12; Ключи: 4 - кург. 2; Большая Дмитриевка: 5 - кург. 15; Норка: 6 - кург. 6; Аткарск: 7 - кург. 11; Котово: 8 - разрушенное погр.; Третьяки: 12, 13 - кург. 16.

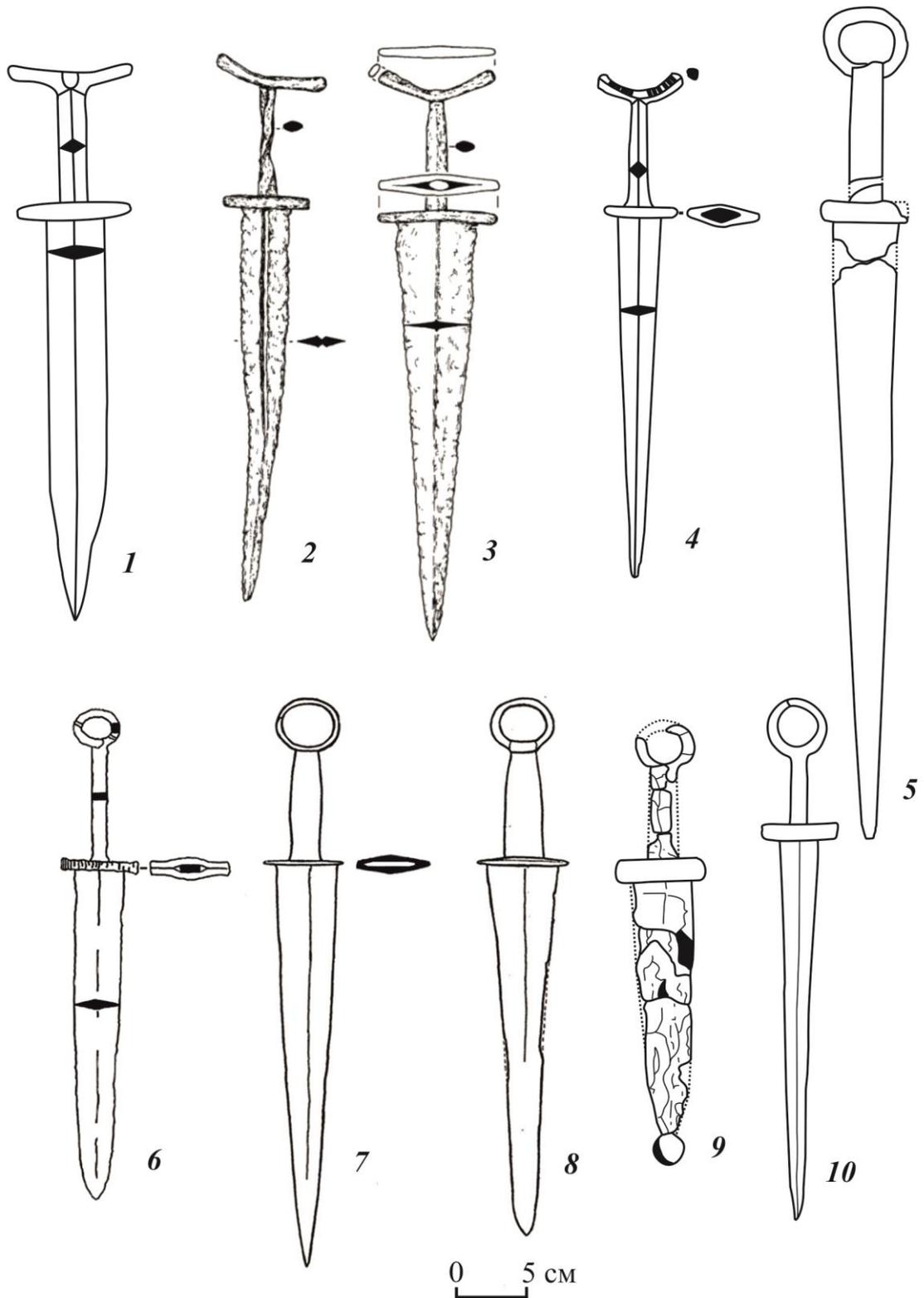

Рис. 8. Мечи с серповидными и кольцевыми навершиями с территории хопёрско-волжского района сарматских памятников: 1 - погр. 1 из кург. 4, Короли; 2-3 - сл. находка, Тамбовская область; 4, 10 - сл. находка, Саратовская область; 5 - погр. 2 из кург. 2, Верхний Колышлей; 6-8 - сл. находка, Воронежская область; 9 - погр. 1 из кург. 4, Нехаево.

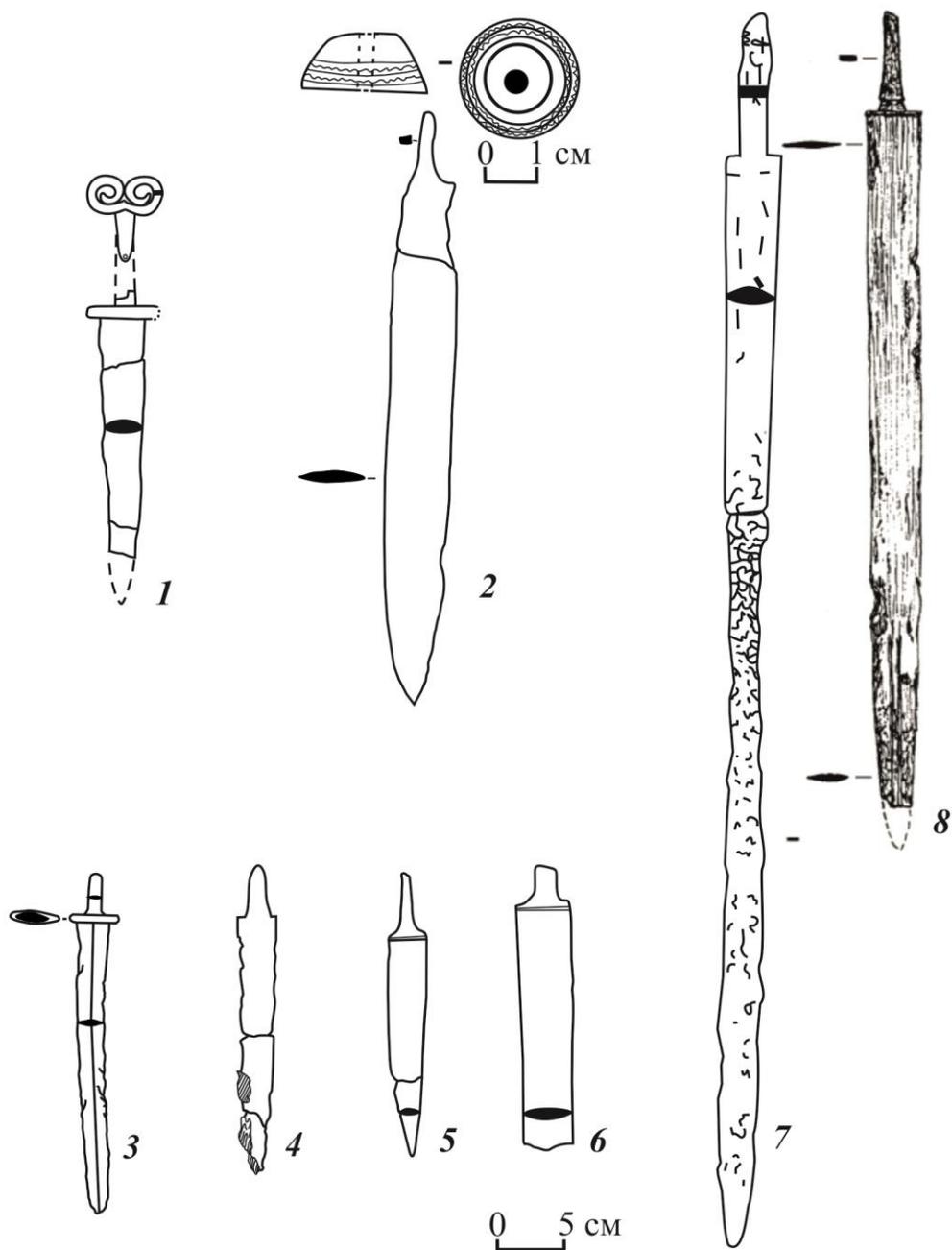

Рис. 9. Мечи с валютообразным навершием и без навершия с территории хопёрско-волжского района сарматских памятников: 1 - погр. 1 из кург. 25, Сидоры; 2 - погр. 1 из кург. 24, Большая Дмитриевка; 3, 7 - сл. находка, Саратовская область; 4 - погр. 1 из кург. 14, Третьяки; 5-6 - погр. 2 из кург. 2, Ключи; 8 - погр. 1 из кург. 20, Графская.

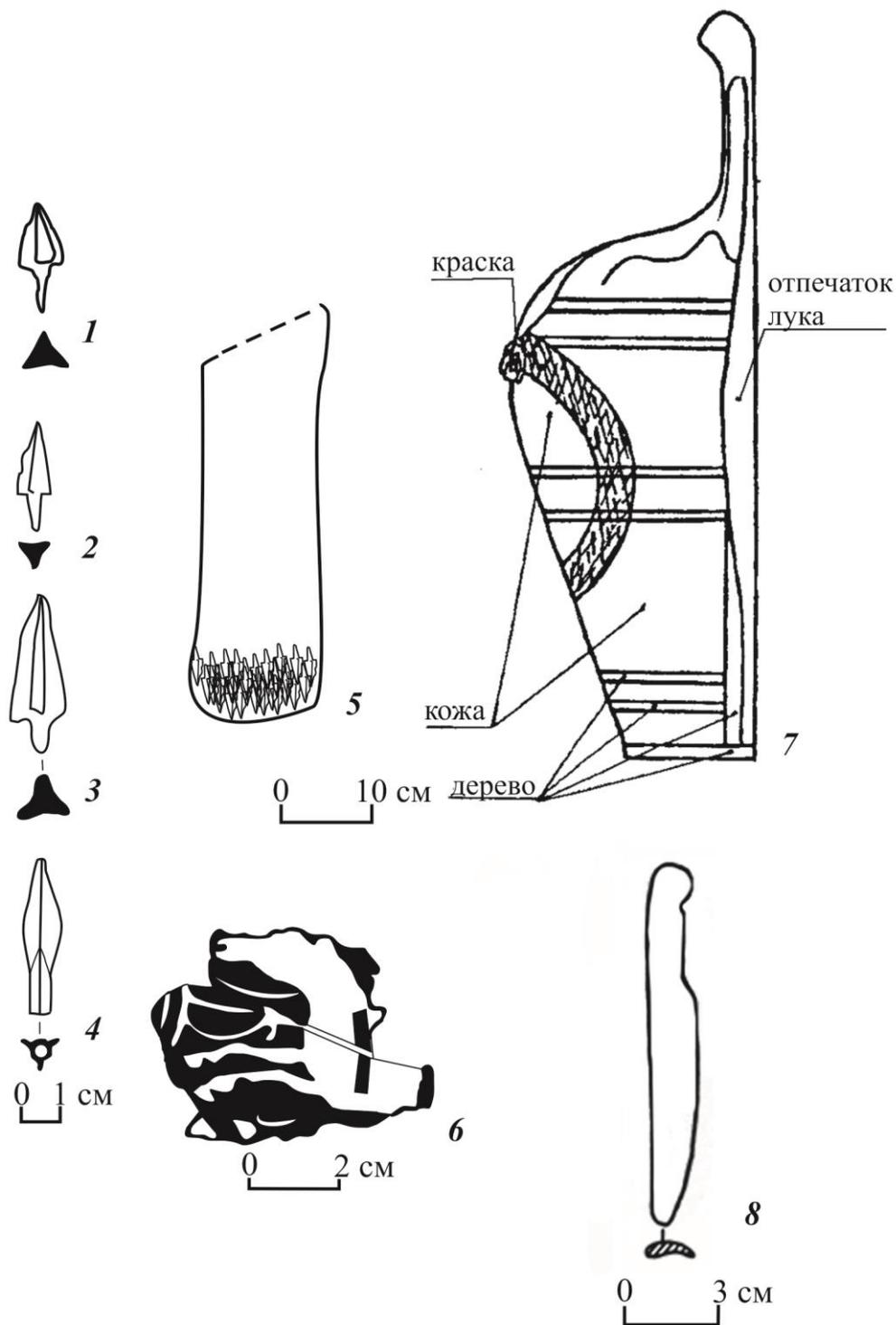
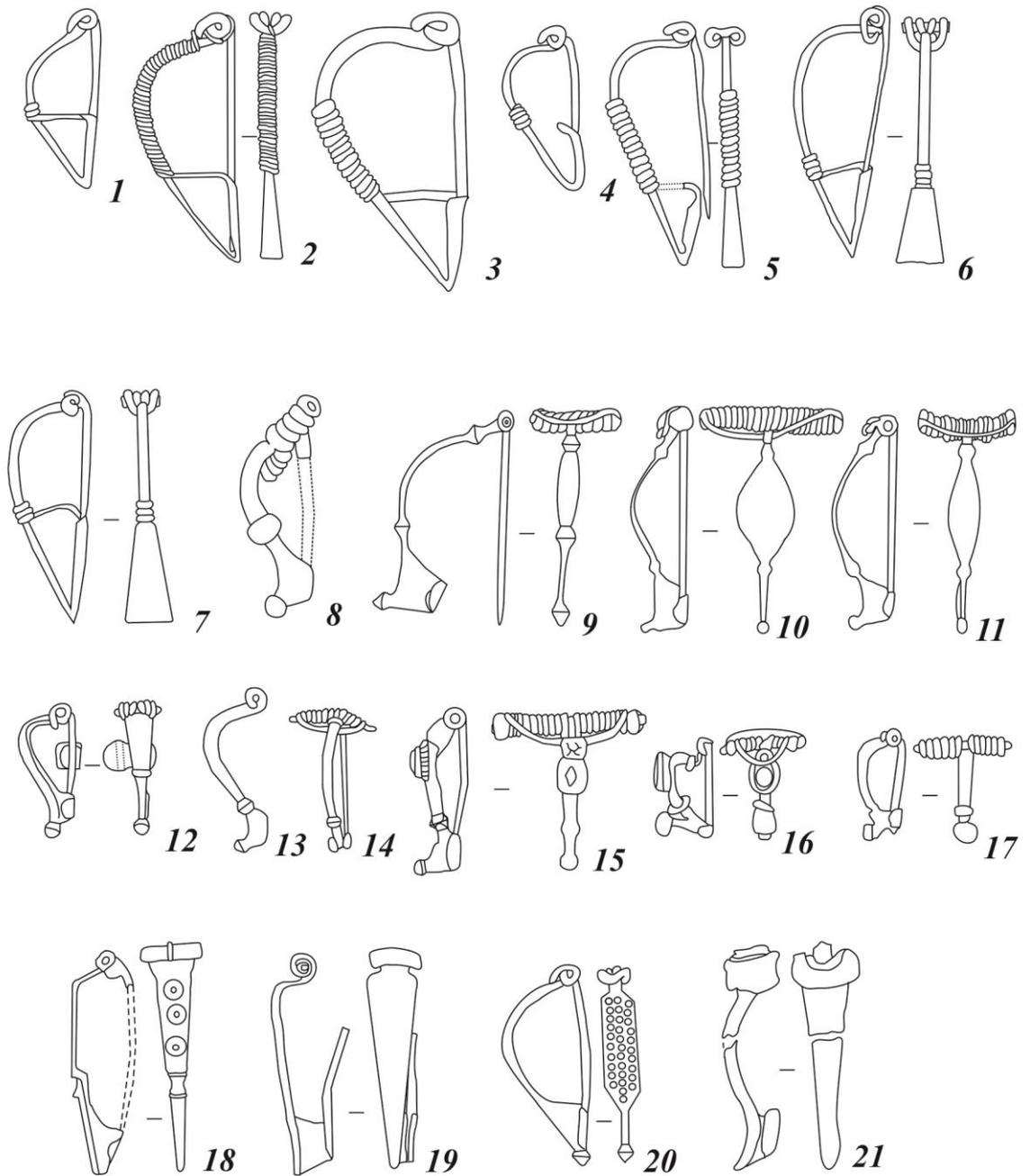

Рис. 10. Предметы вооружения дальнего боя из сарматских погребений хопёрско-волжского района памятников. 1-4 - различные типы наконечников стрел; 5-6 - колчан и его детали; 7 - отпечаток лука «скифского типа»; 8 - накладка на лук «гуннского типа»: 1, 7 - погр. 1 из кург. 39, Третьяки; 2, 5-6 - погр. 5 из кург. 25, Березовка; 3, 8 - погр. 1 из кург. 25, Сидоры; 4 - погр. 5 из кург. 3, Мазин.

0 2 см

Рис. 11. Фибулы из сарматских погребений хопёрско-волжского района памятников: 1 - погр. 1 из кург. 12, Короли; 2 - погр. из кург. 8, Каменка; 3 - погр. 1 из кург. 1, Новоаннинск; 4 - погр. 1 из кург. 11, Сидоры; 5 - погр. 1 из кург. 25, Сидоры; 6 - погр. 1 из кург. 4, Машевка; 7 - погр. 1 из кург. 6, Машевка; 8 - погр. 1 из кург. 12, Нехаевский; 9 - погр. 2 из кург. 2, Ключи; 10, 11 - погр. из кург. 9, Каменка; 12 - погр. 1 из кург. 22, Третьяки; 13 - погр. из кург., Новая Норка; 14 - погр. из кург., Котово; 15 - погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка; 16 - погр. 2 из кург. 1, Большая Дмитриевка; 17 - погр. 1 из кург. 5, Большая Дмитриевка; 18, 21 - погр. 1 из кург. 1, Власовский-II; 19 - погр. 1 из кург. 2, Норка; 20 - погр. 1 из кург. 33, Сидоры.

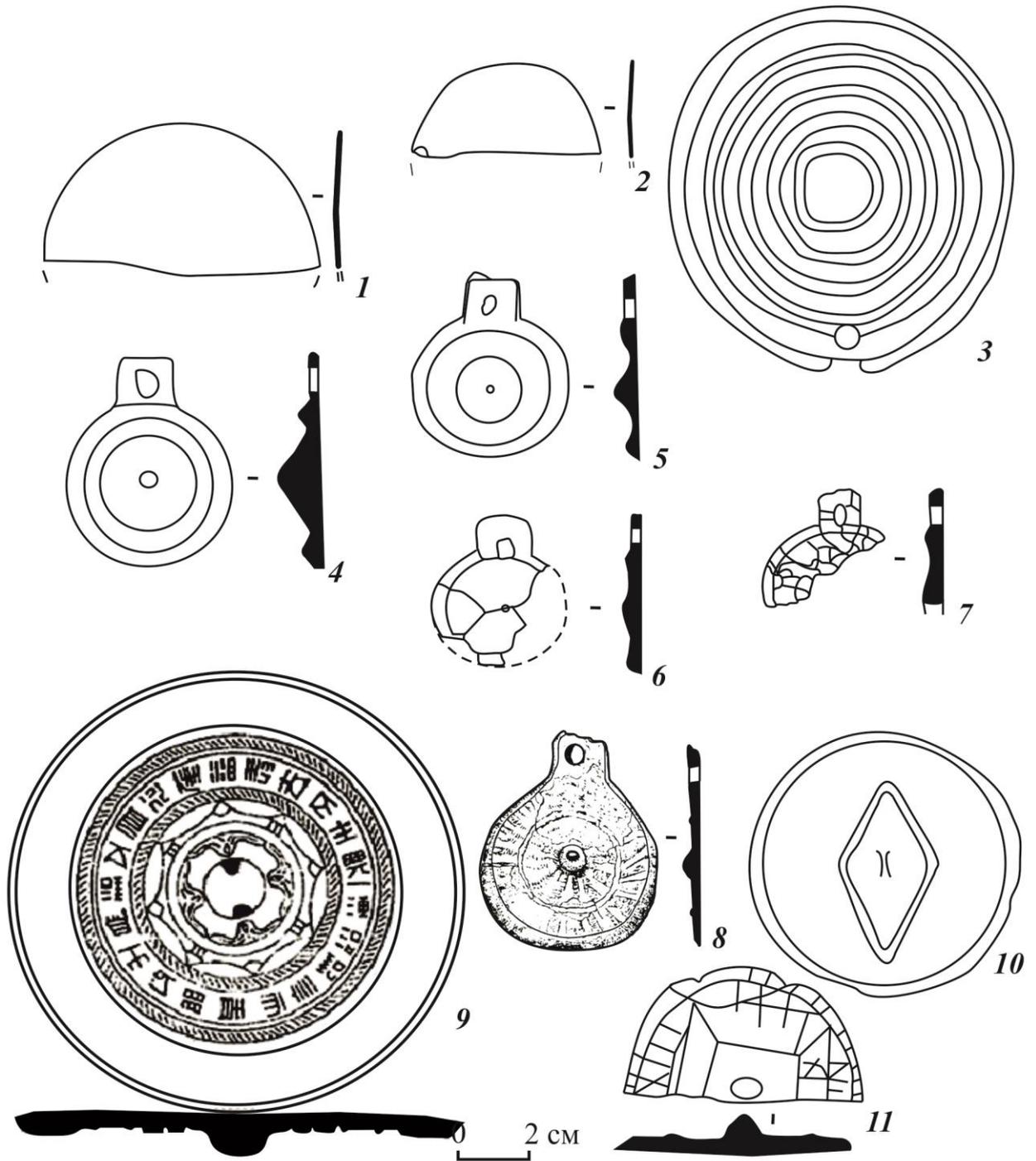

Рис. 12. Зеркала из сарматских погребений хопёрско-волжского района памятников: 1 - погр. 1 из кург. 22, Третьяки; 2 - погр. 1 из кург. 10, Радушинка; 3 - погр. 4 из кург. 37, Сидоры; 4 - погр. 1 из кург. 1, Норка; 5 - погр. 1 из кург. 11, Третьяки; 6 - погр. 1 из кург. 1, Новоаннинск; 7 - погр. 1 из кург. 12, Нехаевский; 8 - погр. 1 из кург. 1, Власовский-II; 9 - погр. 1 из кург. 16, Третьяки; 10 - погр. 1 из кург. 11, Аткарск; 11 - погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка.

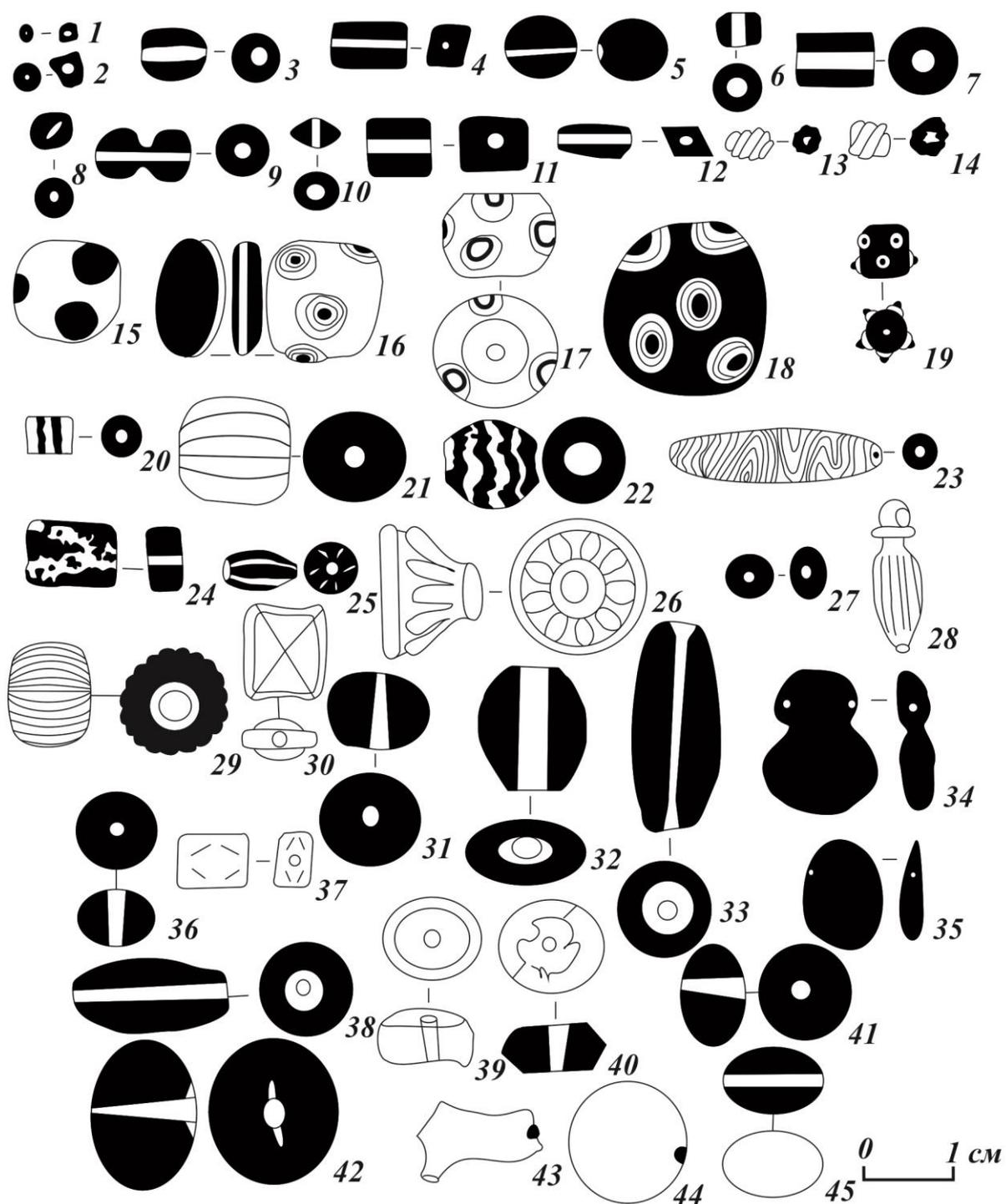

Рис. 13. Различные типы бус с территории хопёрско-волжского района памятников: 1-14 - одноцветное стекло; 15-25 - многоцветное стекло; 26-29 - египетский фаянс; 30 - гагат; 31-35 - янтарь; 36-40 - сердолик; 41 - горный хрусталь; 42 - халцедон; 43-45 - коралл; 1, 11 - погр. f из кург. 6, Норка; 2, 22 - погр. из кург. 12, Машевка; 3 - погр. 5 из кург. 2, Усть-Курдюм; 4 - погр. из кург. 9, Каменка; 5, 43-45 - погр. 1 из кург. 1, Власовка-II; 6, 36, 38-40, 42 - погр. из кург. 39, Третьяки; 7, 9, 11-14, 20, 34-35, 37 - погр. 1 из кург. 5, Большая Дмитриевка; 8, 19 - погр. из кург. 33, Третьяки; 15-16 - погр. 1 из кург. 8, Власовка-I; 17, 26-27, 30-33 - погр. из кург. 22, Третьяки; 18, 21 - разрушенное погр., Нехаево; 23 - погр. 2 из кург. 2, Верх. Колышлей; 24 - погр. 2 из кург. 1, Большая Дмитриевка; 25, 28 - погр. 1 из кург. 10, Власовка; 29, 41 - погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка.

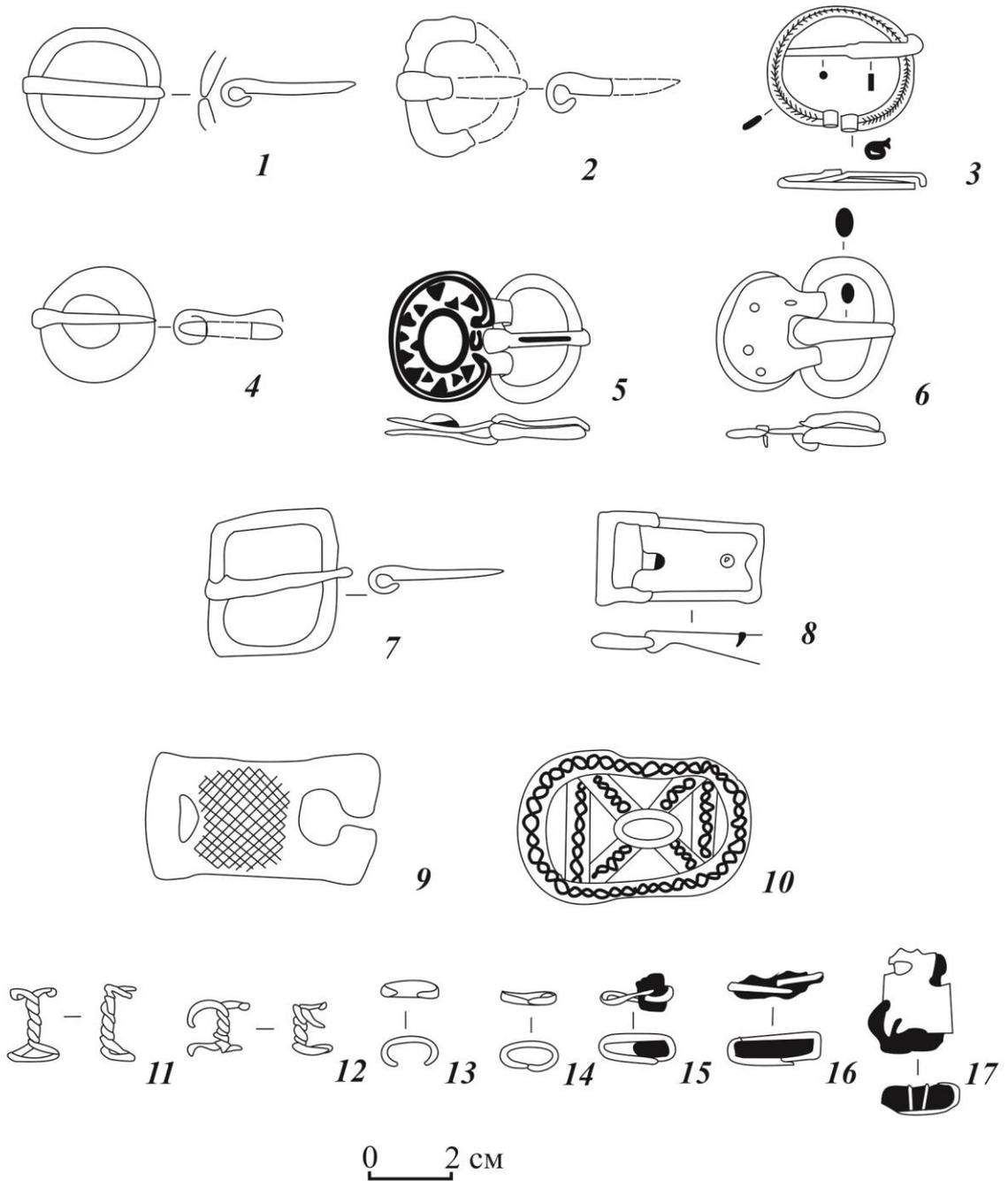

Рис. 14. Типы пряжек и поясной набор из сарматских погребений хопёрско-волжского района памятников: 1 - погр. из кург. 20, Графская; 2 - разруш. погр., Красновка; 3 - погр. из кург. 1, Норка; 4 - погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка; 5 - погр. 3 из кург. 16, Большая Дмитриевка; 6 - погр. 2 из кург. 1, Большая Дмитриевка; 7 - погр. 1 из кург. 1, Власовский-II; 8 - погр. 1 из кург. 13, Короли; 9 - погр. из кург. 5, Нехаевский; 10 - погр. из Новой Норки; 11-17 - погр. 1 из кург. 14, Третьяки; 1, 5, 6 - серебро; 2, 7 - железо; 3, 8, 11-17 - бронза; 4 - стекло, бронза; 9 - кость, железо; 10 - золото.

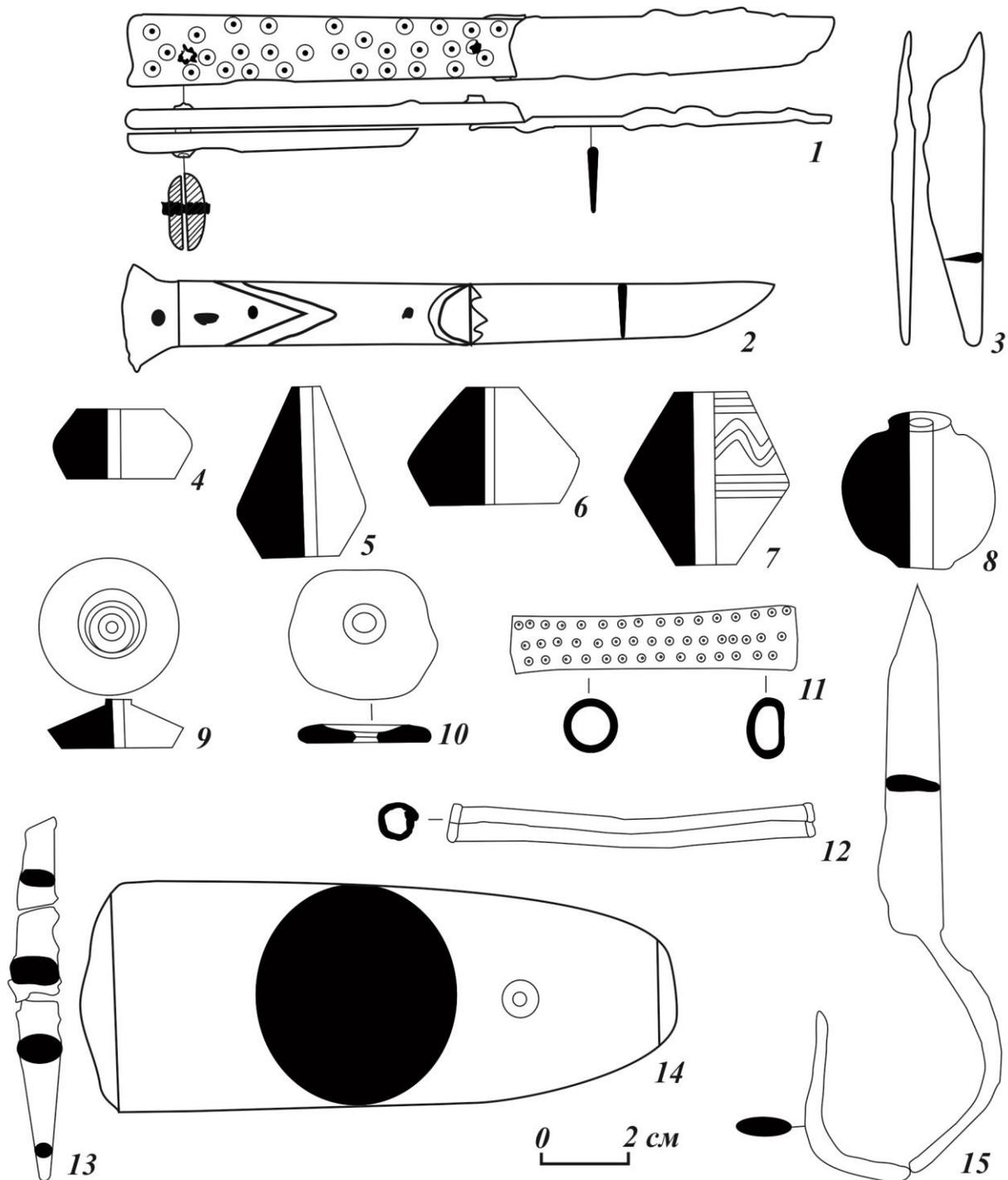

Рис. 15. Основные виды орудий труда и их типы из сарматских погребений хопёрско-волжского района памятников: 1 - погр. 1 из кург. 6, Машевка; 2 - погр. 1 из кург. 11, Аткарск; 3, 5 - погр. 1 из кург. 8, Власовский-I; 4 - погр. 1 из кург. 2, Норка; 6, 12 - погр. 1 из кург. 1, Норка; 7, 8 - погр. 1 из кург. 1, Верхний Кошшлей; 9 - погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка; 10 - погр. из кург. 22, Третьяки; 11, 13 - погр. 1 из кург. 12, Машевка; 14 - погр. 1 из кург. 16, Третьяки; 15 - погр. из кург. 6, Сидоры; 1, 2 - кость, железо; 3, 13, 15 - железо; 4-10 - глина; 11 - кость; 12 - серебро; 14 - камень.

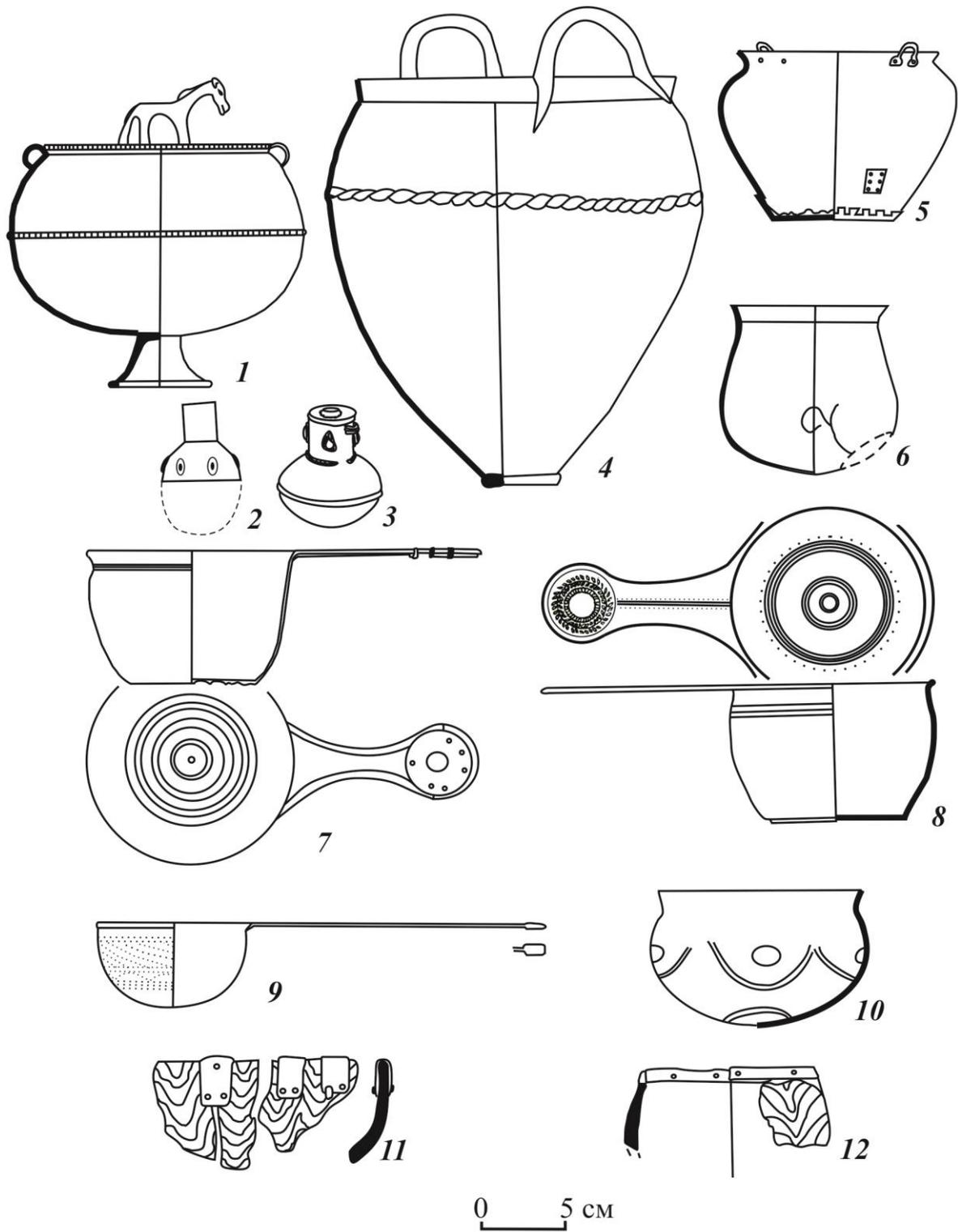

Рис. 16. Металлическая, стеклянная и деревянная посуда из хопёрско-волжского района сарматских памятников: 1, 8, 12 - погр. 1 из кург. 16, Третьяки; 2, 6, 10 - погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка; 3 - разруш. погр., Котово; 4 - случайная находка, Сидоры; 5, 7, 9 - погр. 1 из кург. 96, Большая Дмитриевка; 11 - погр. 1 из кург. 11, Нехаевский; 1, 4-8 - бронза; 2, 3, 9 - драгоценные металлы; 10 - стекло; 11, 12 - металл, дерево.

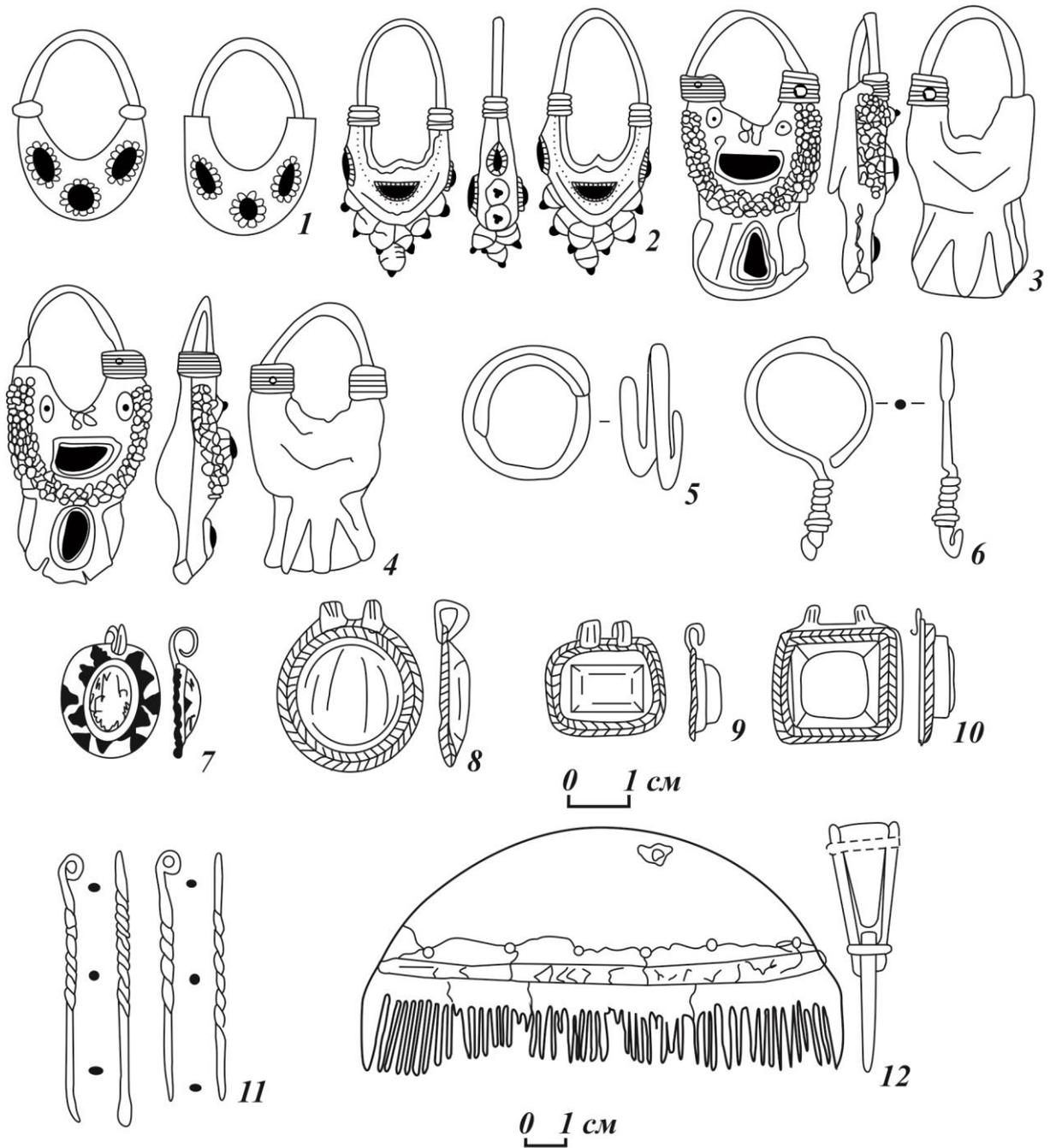

Рис. 17. Редкие типы украшений и предметов туалеты из погребений хопёрско-волжского района сарматских памятников: 1, 8 - разруш. погр., Котово; 2 - погр. 1 из кург. 96, Большая Дмитриевка; 3, 4, 9-12 - погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка; 5 - погр. 2 из кург. 5, Усть-Курдюм; 6 - погр. 1 из кург. 12, Машевка.

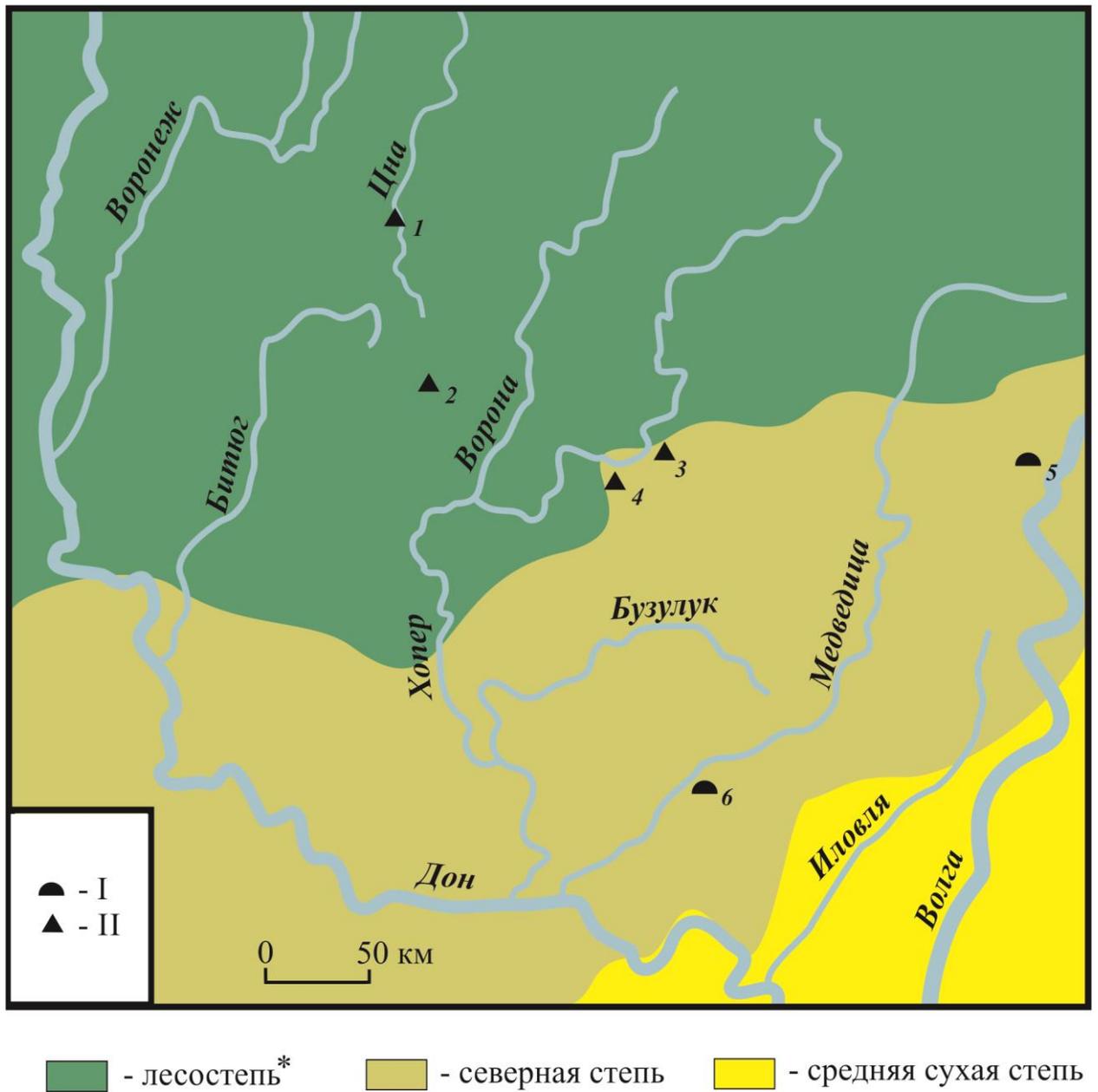

Рис. 18. Карта-схема основных раннесарматских памятников хопёрско-волжского района: I – курганы; II – случайные находки; 1 – Тамбов; 2 – Туголуково; 3 – Старый Хопёр; 4 – Большой Мелик; 5 – Саратов; 6 – Короли.

* при составлении карты использованы:
 Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.
 Атлас Саратовской области / Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. – М., 1978. – 31 с.

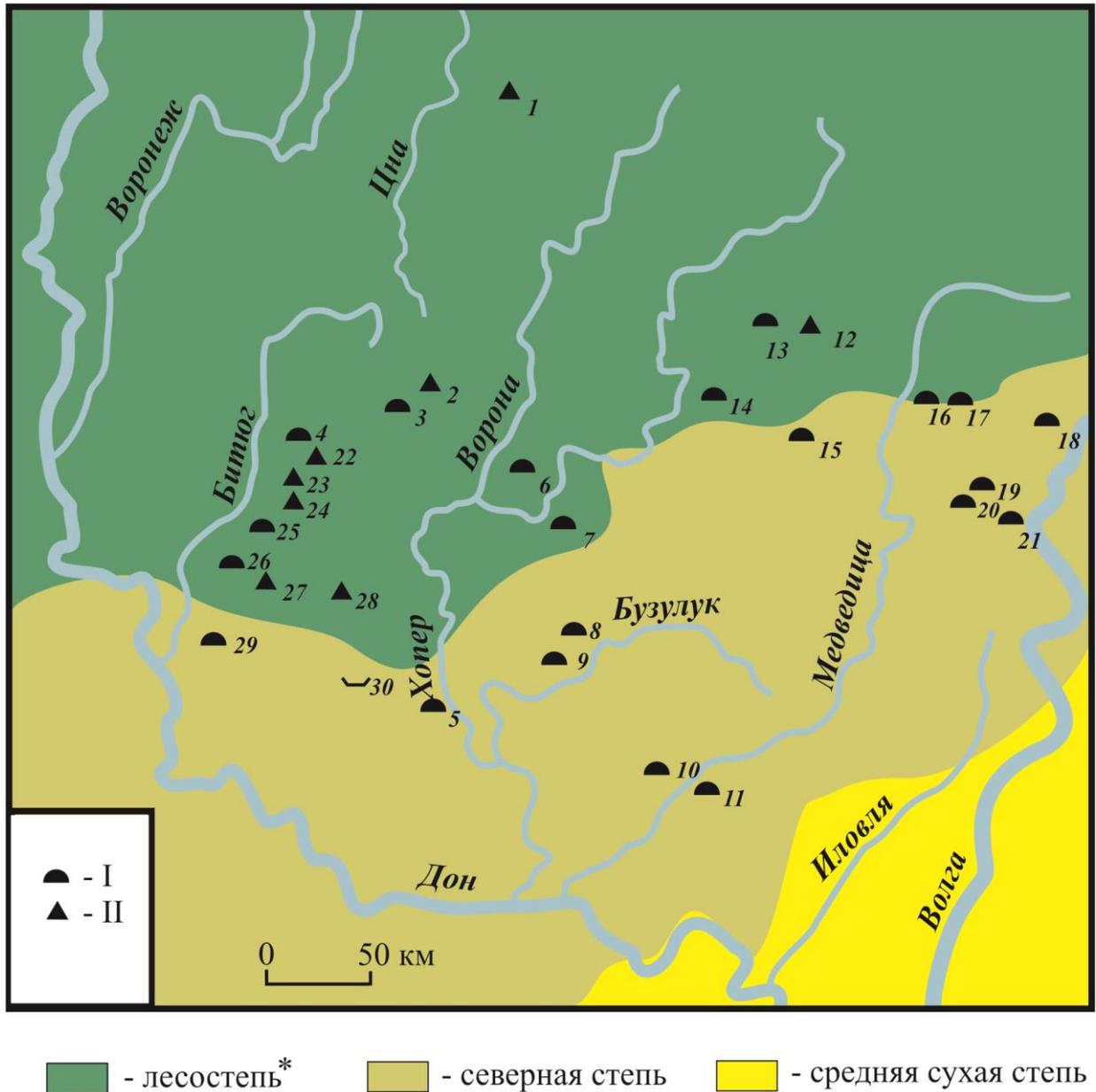

Рис. 19. Карта-схема основных среднесарматских памятников хопёрско-волжского района: I – курганы; II – случайные находки; 1 – Сосновка; 2 – Туголуково; 3 – Жердевка; 4 – Большие Ясырки; 5 – Нехаево; 6 – Власовка; 7 – Третьяки; 8 – Новоаннинск; 9 – Берёзовка; 10 – Сидоры; 11 – Короли; 12 – Елань; 13 – Таптулино; 14 – Машевка; 15 – Радушинка; 16 – Ершовка; 17 – Верхний Колышлей; 18 – Усть-Курдюм; 19 – Двоенка; 20 – Рыбушка; 21 – Большая Дмитриевка; 22 – Островки; 23 – Студенец; 24 – Новый Курлак; 25 – Новая Чигла; 26 – Красный-2; 27 – Бутурлиновка; 28 – Сериково; 29 – Александровка Донская; 30 – Манино.

* при составлении карты использованы:

Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.

Атлас Саратовской области / Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. – М., 1978. – 31 с.

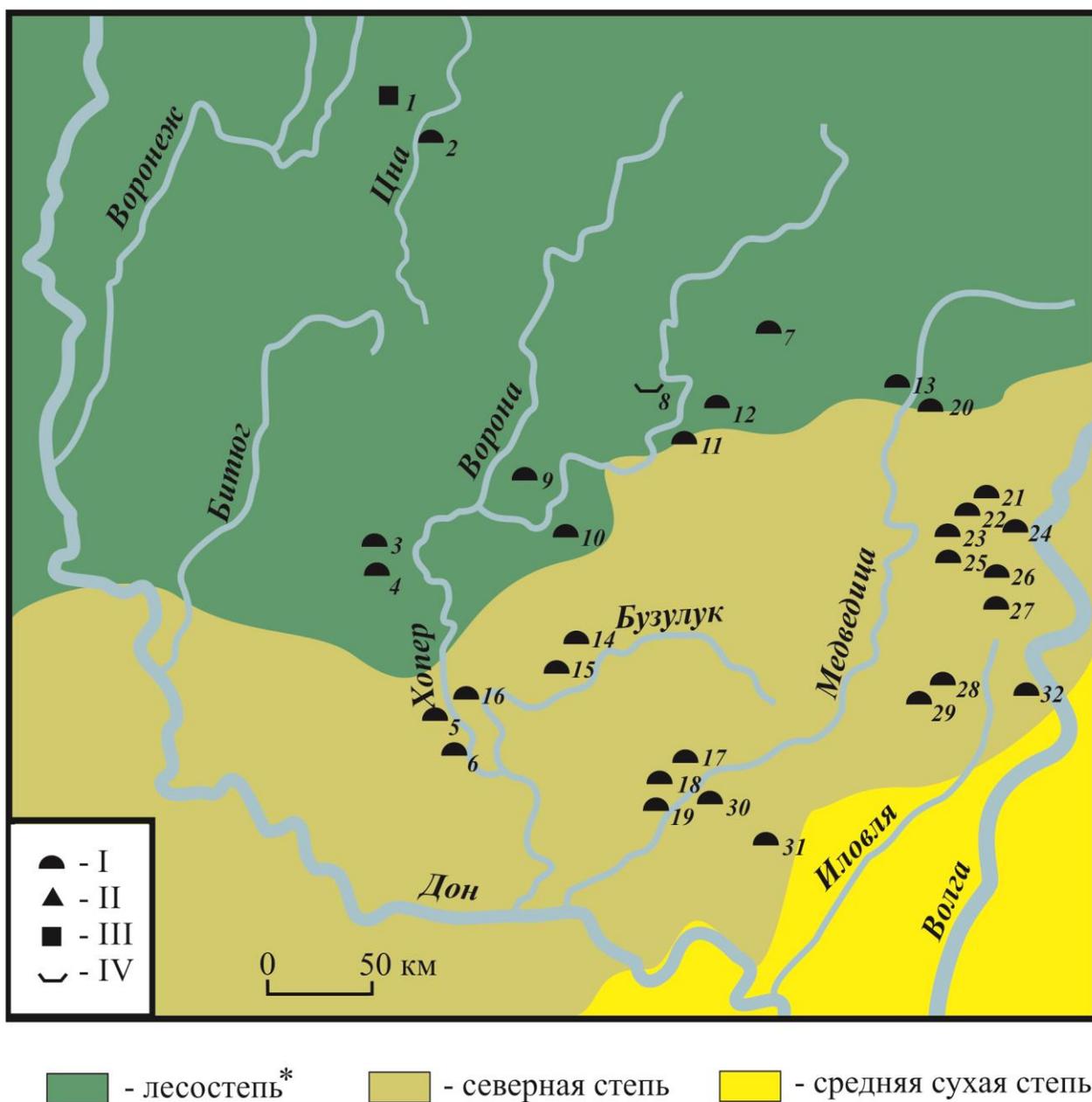

Рис. 20. Карта-схема основных позднесарматских памятников хопёрско-волжского района: I – курганы; II – случайные находки; III – городища; IV – грунтовые могилы; 1 – городище Галдым; 2 – Пичаево; 3 – Сорокинский; 4 – Ёлка; 5 – Нехаево; 6 – Мазин; 7 – Таптулино; 8 – Турки; 9 – Власовка; 10 – Третьяки; 11 – Ключи; 12 – Машевка; 13 – Аткарск; 14 – Новоаннинск; 15 – Берёзовка; 16 – Красновка; 17 – Королева могила; 18 – Сидоры; 19 – Арчединская; 20 – Ершовка; 21 – Двоенка; 22 – Рыбушка; 23 – Большая Дмитриевка; 24 – Широкий Карамыш; 25 – Норка; 26 – Карамыш; 27 – Каменка; 28 – Гуселка; 29 – Котово; 30 – Короли; 31 – Новая Норка; 32 – Щербаковка.

* при составлении карты использованы:

Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.

Атлас Саратовской области / Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. – М., 1978. – 31 с.

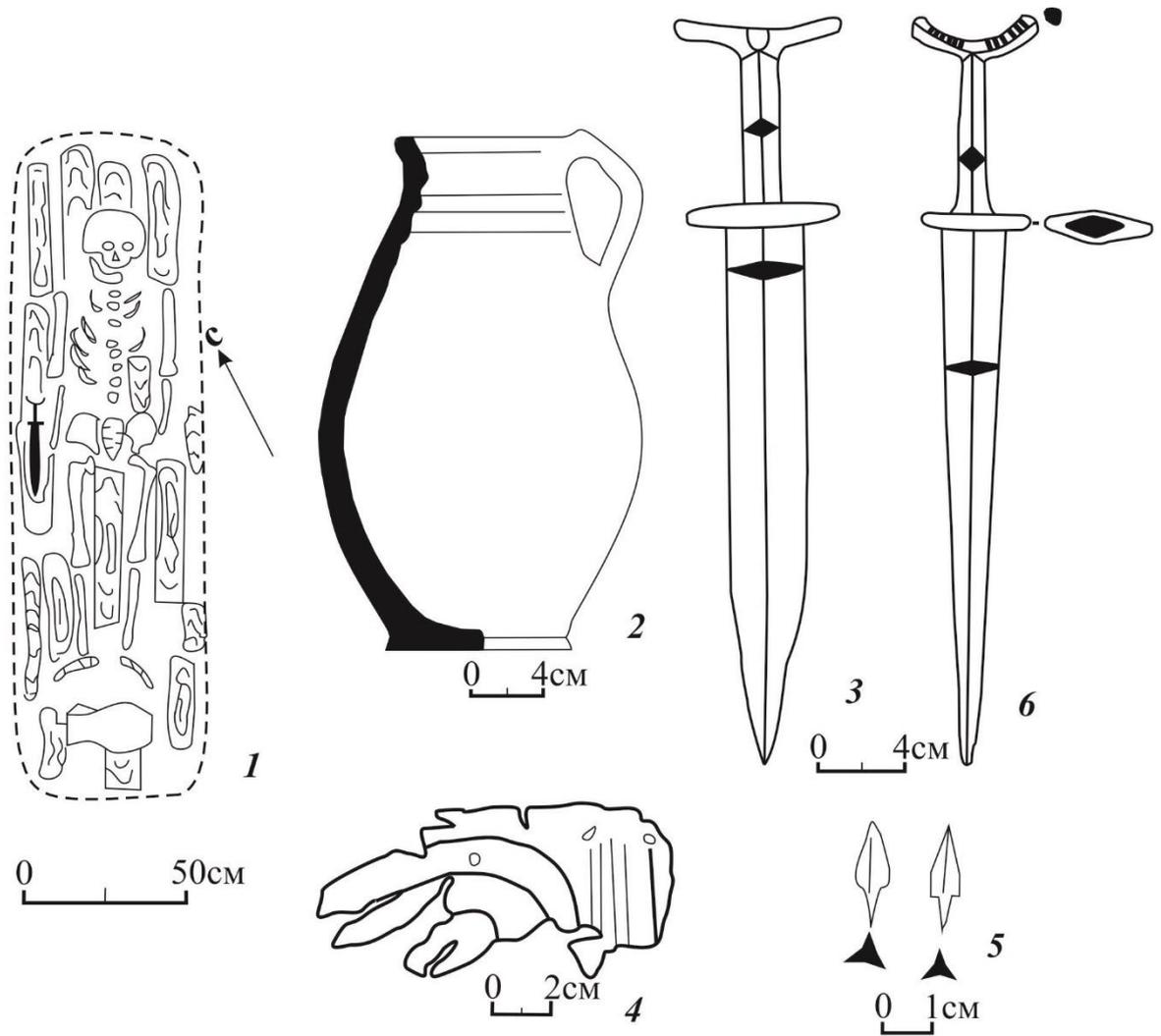

Рис.21. Раннесарматские памятники из хопёрско-волжского района: 1-5 - погр. 1, кург. 4, Короли; 6 - случайная находка, Саратовская область.

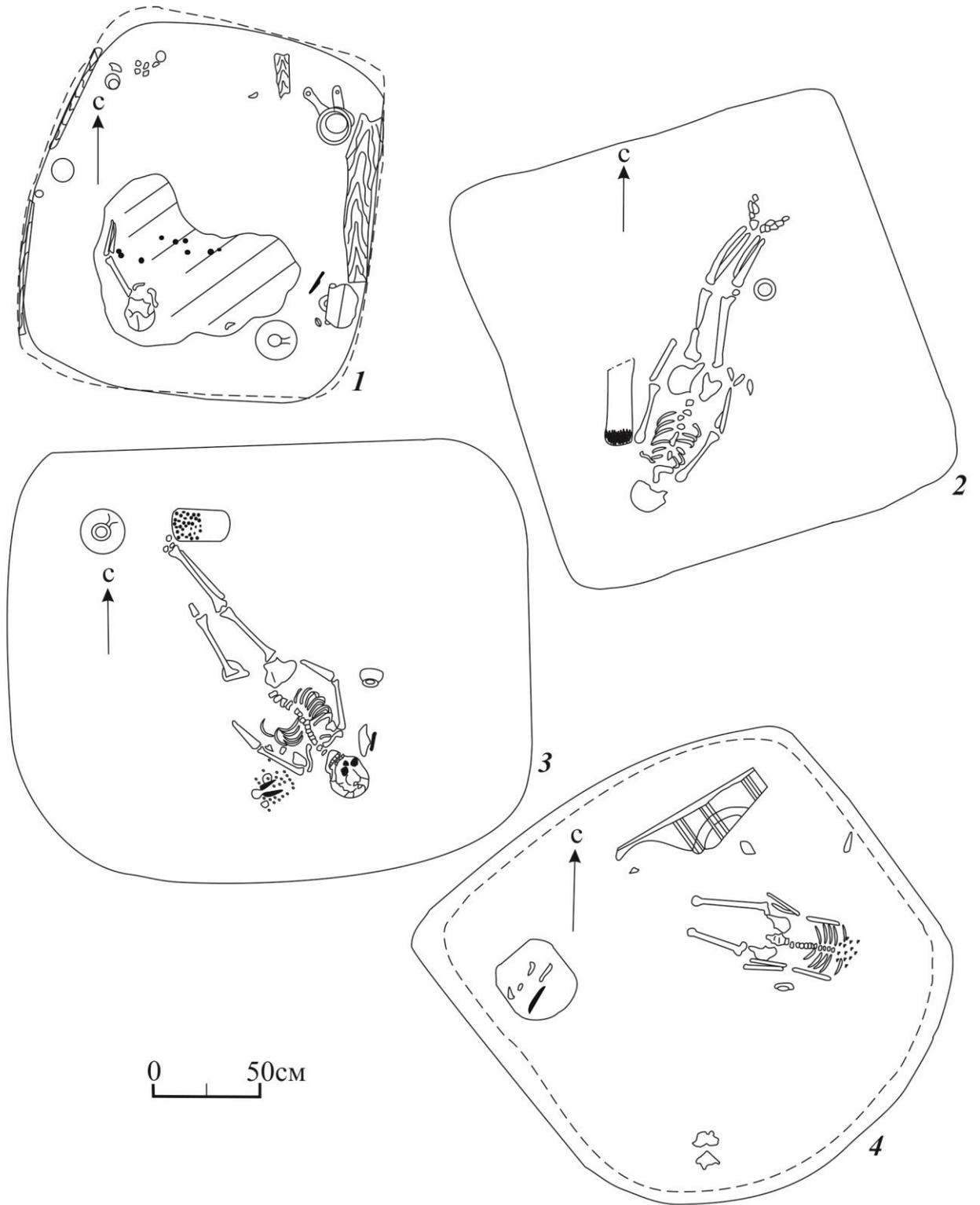

Рис. 22. Планы погребений среднесарматской культуры в широких прямоугольных и квадратных ямах: 1- погр., кург. 16, Третьяки; 2 - погр. 5, кург. 5, Березовка; 3 - погр., кург. 22, Третьяки; 4 - погр., кург. 39, Третьяки.

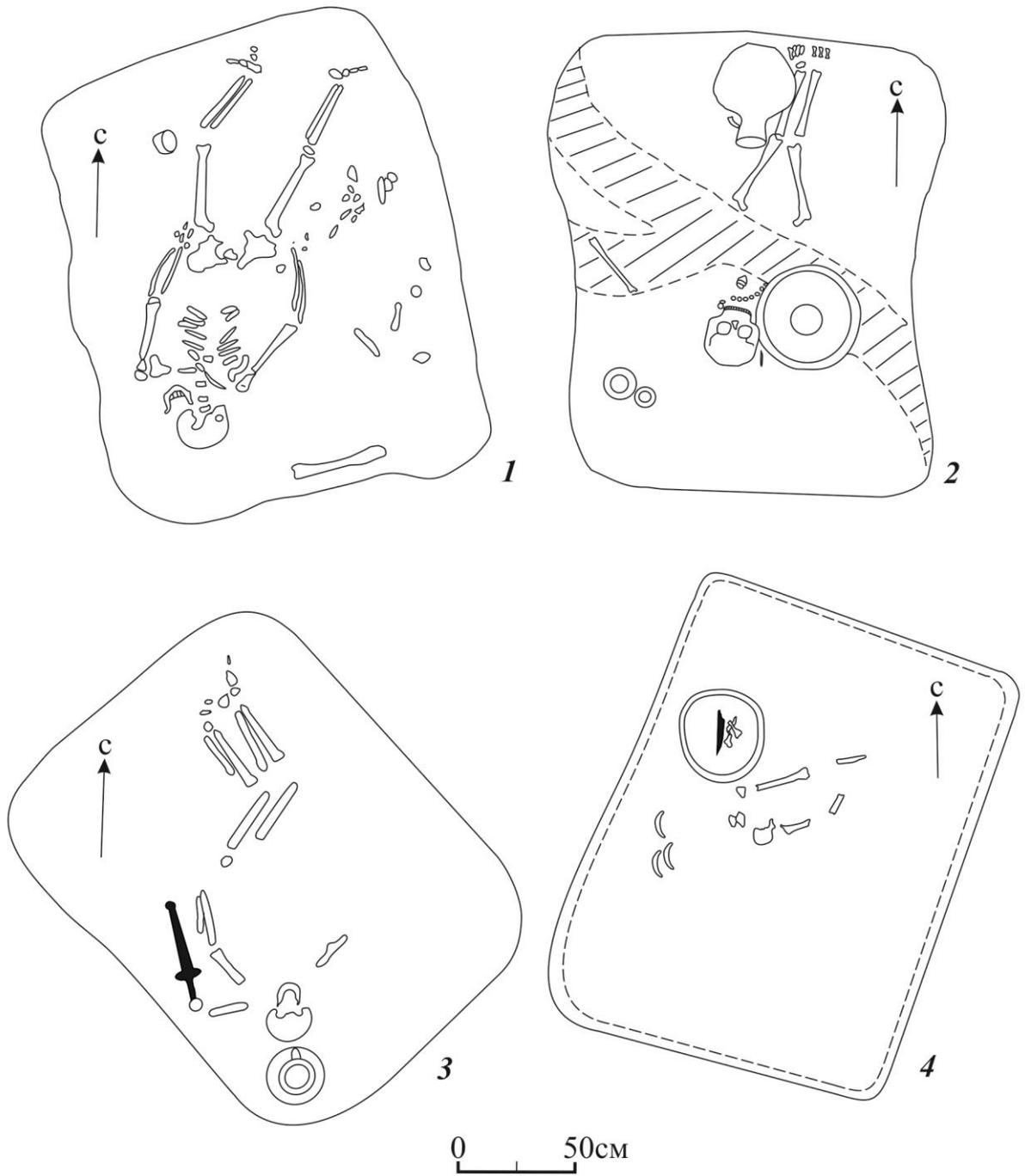

Рис. 23. Планы погребений среднесарматской культуры в широких прямоугольных ямах: 1 - погр., кург. 12, Короли; 2 - погр., кург. 8, Власовский-I; 3 - погр., кург. 4, Нехаевский; 4 - погр., кург. 33, Третьяки.

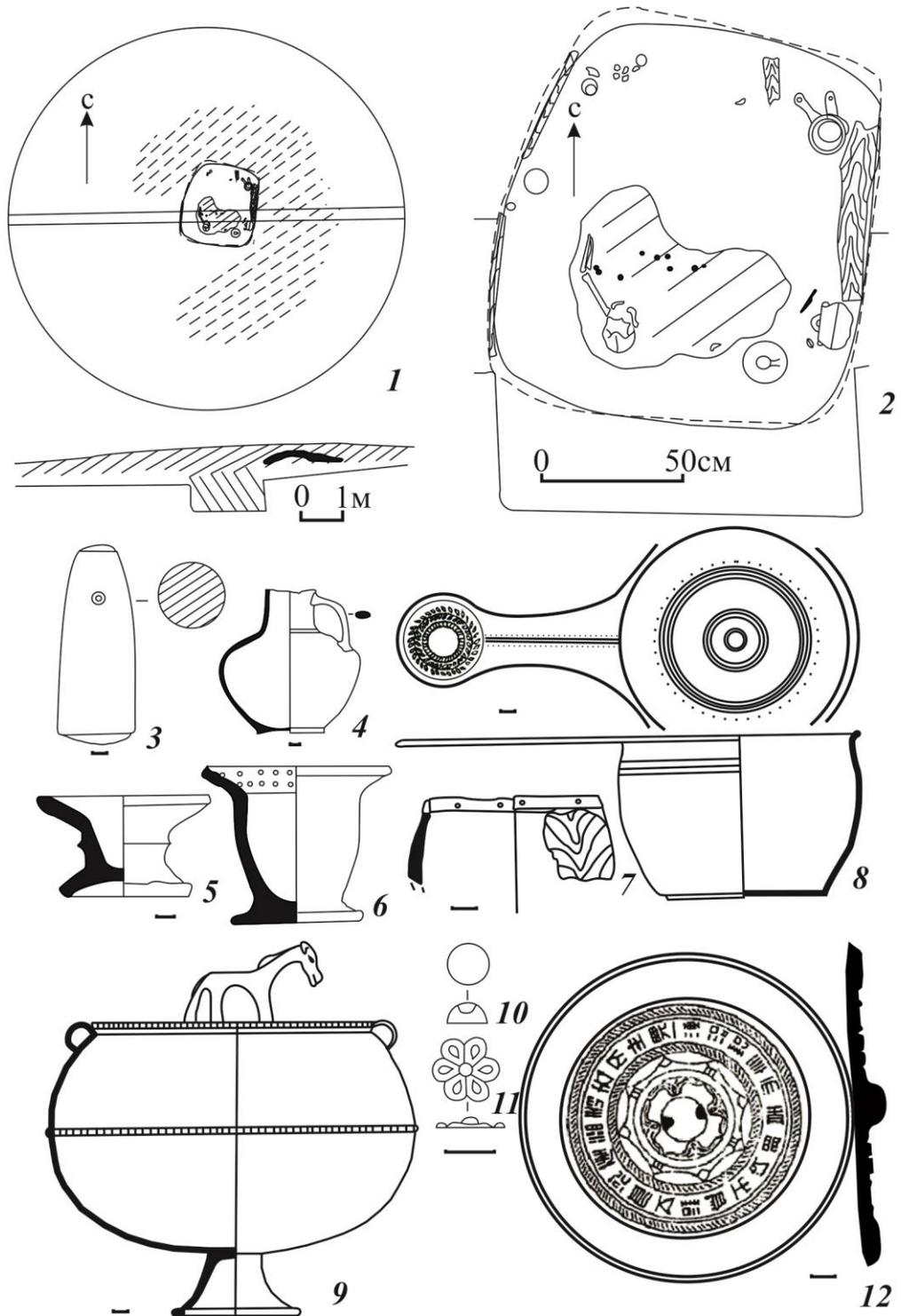

Рис. 24. План погребения и инвентарь из погребения кург. 16, Третьяки (по: Ефимов, 1986): 1 - план и разрез кургана; 2 - план и разрез погребения; 3 - каменный пест; 4 - краснолаковый кувшин; 5 - сероглиняная круговая курильница; 6 - лепная курильница; 7 - фрагмент деревянной чаши с золотой оковкой; 8 - ковш; 9 - котёл; 10-11 - золотые нашивные бляшки; 12 - китайское зеркало; 3 - камень; 4-6 - глина; 7 - дерево, золото; 8, 9, 12 - бронза; 10, 11 - золото.

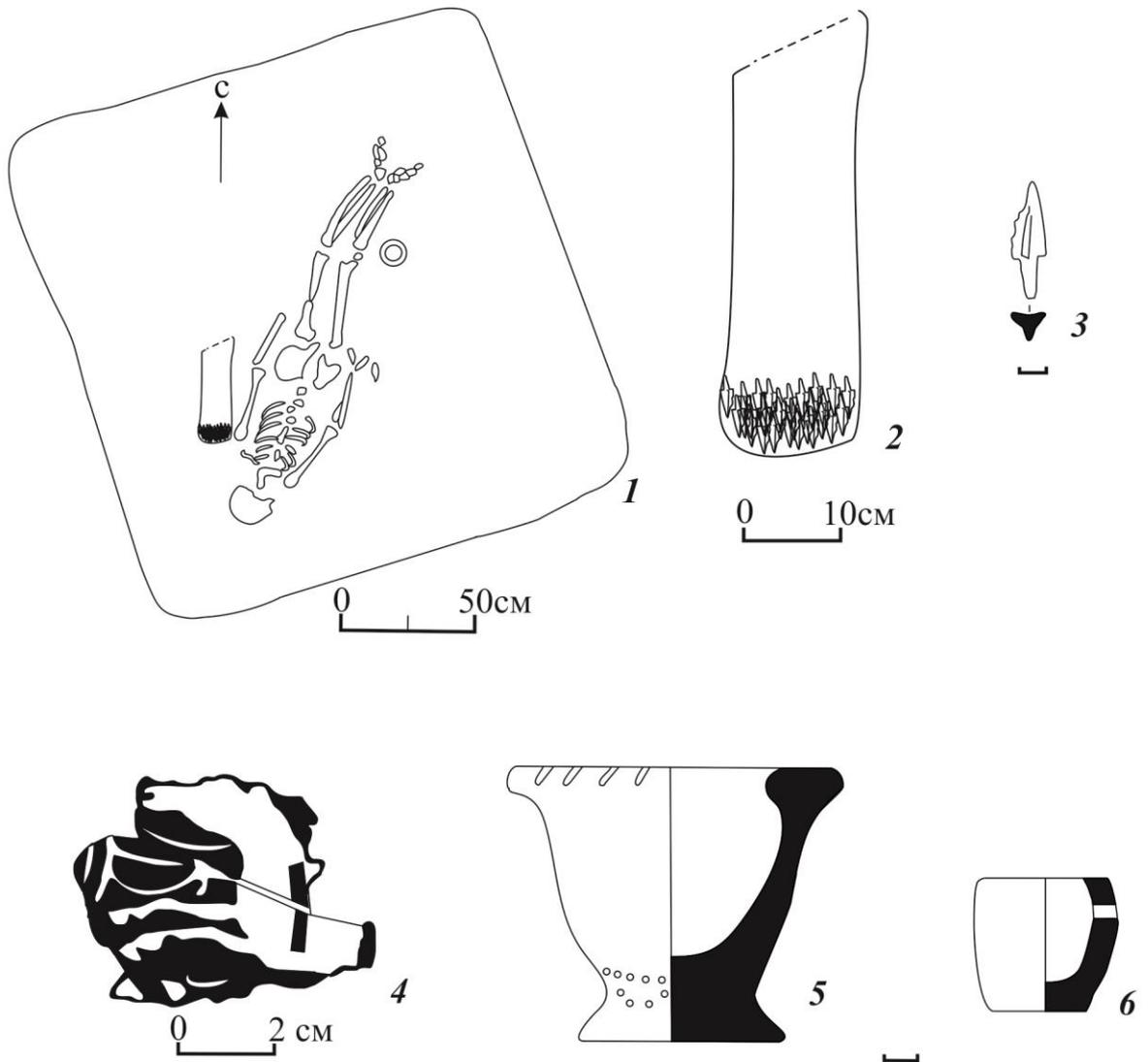

Рис. 25. План погребения и инвентарь из погребения 5 кург. 25, Березовка (по: Мамонтов, 1969): 1 - план погребения; 2 - колчан; 3 - наконечник стрелы; 4 - фрагмент кожи, обтягивающий колчан; 5, 6 - лепные курильницы; 2 - дерево; 3 - железо; 4 - кожа; 5, 6 - глина.

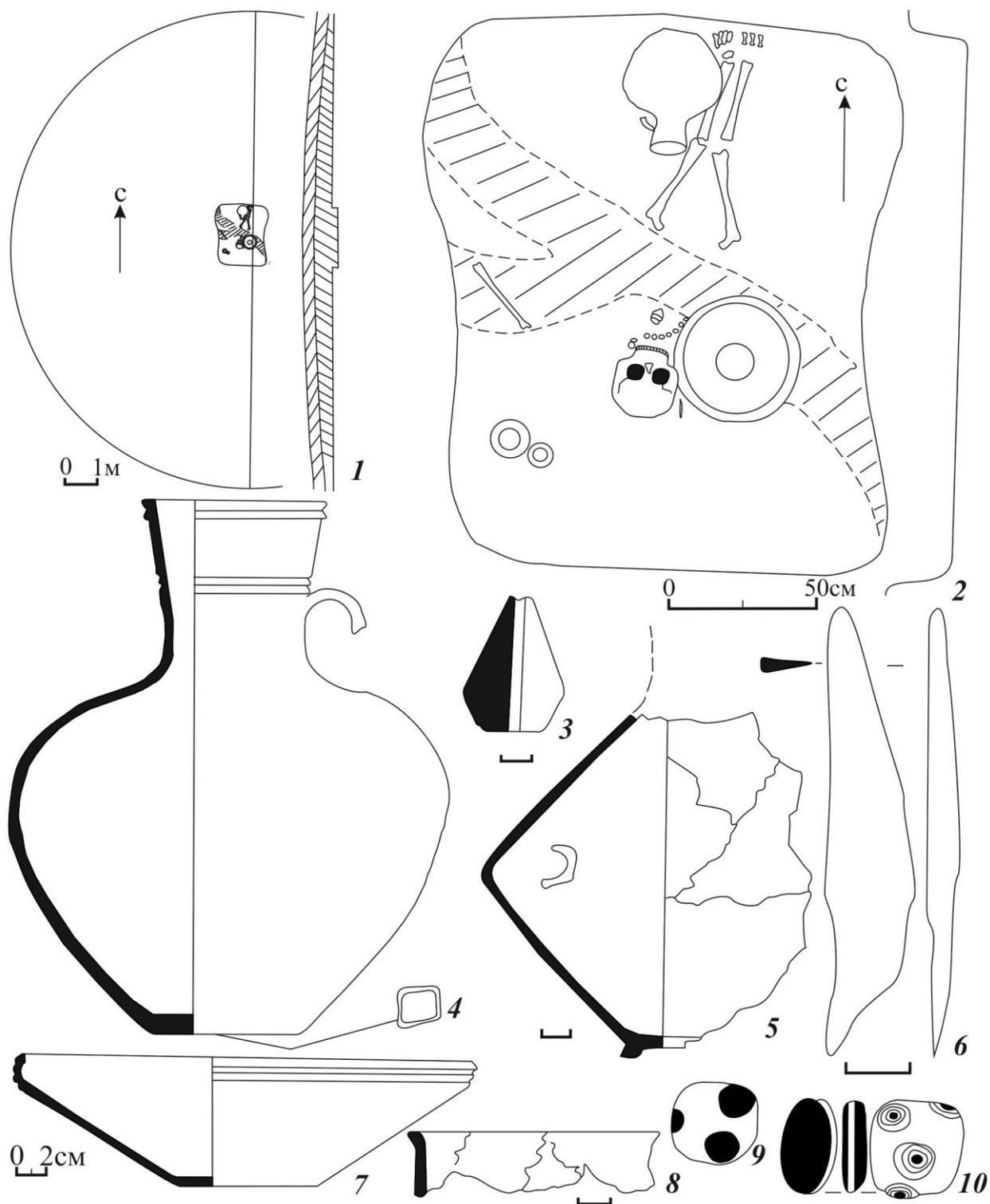

Рис. 26. План кургана, погребения и инвентарь из погребения кург. 8, Власовский-I (по: Березуцкий, 1985): 1 - план и профиль кургана; 2 - план и разрез погребения; 3 - пряслице; 4, 8 - сероглиняный кувшин; 5 - красноглиняный кувшин; 6 - нож; 7 - сероглиняная миска; 9, 10 - бусы; 3, 4, 5, 7, 8 - глина; 6 - железо; 9, 10 - стекло.

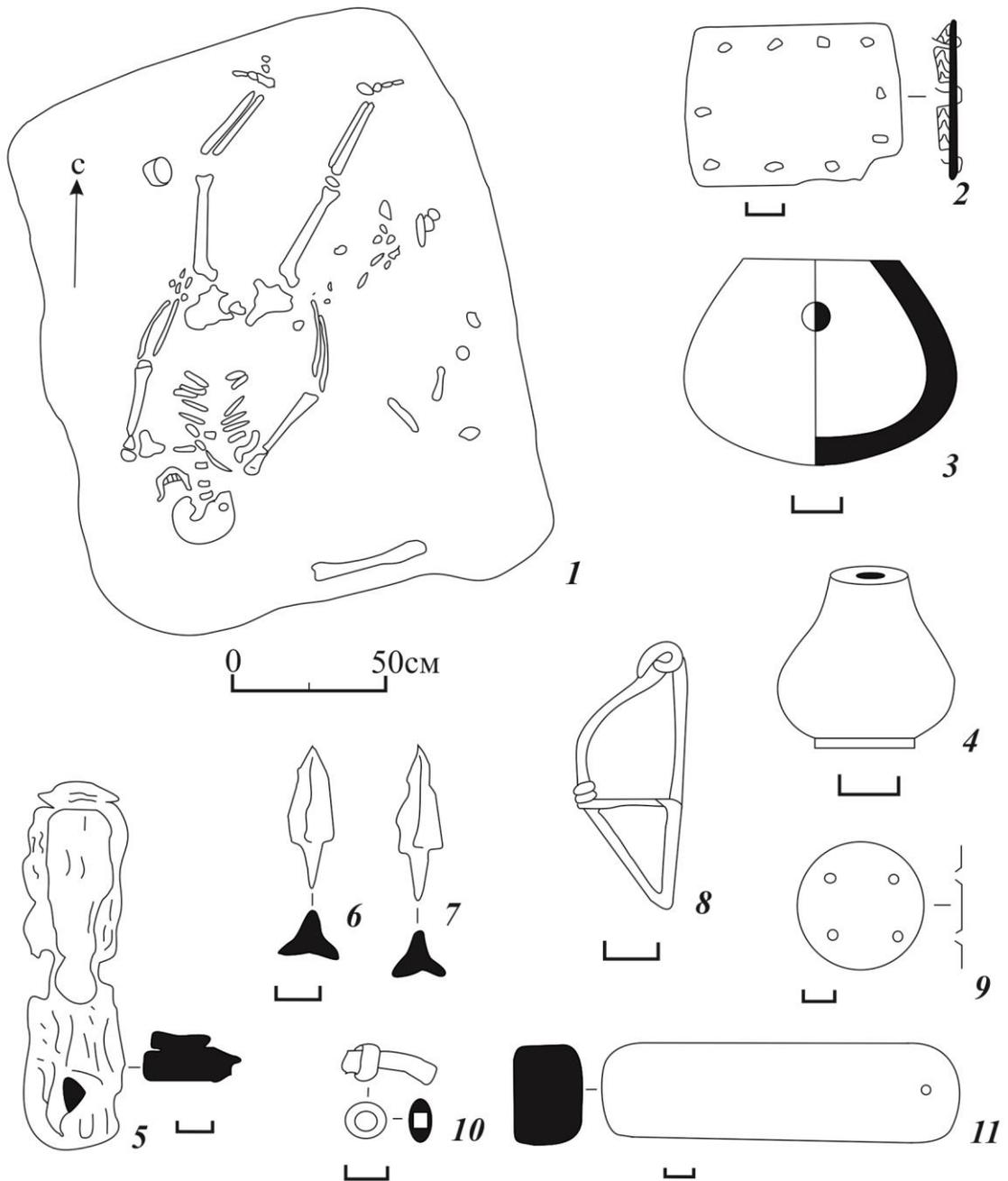

Рис. 27. План погребения и инвентарь из погребения кургана 12, Короли (по: Мамонтов, 1970): 1 - план погребения; 2 - фрагмент деревянной чаши с бронзовой пластиной; 3 - курильница; 4 - пряслице; 5 - железная рукоять плети; 6, 7 - трёхлопастные черешковые наконечники стрел; 8 - фибула; 9 - пластинка; 10 - фрагмент кожаной ленты с бронзовыми колечками; 11 - оселок; 2 - дерево, бронза; 3, 4 - глина; 5-7 - железо; 8, 9 - бронза; 10 - кожа, бронза; 11 - камень.

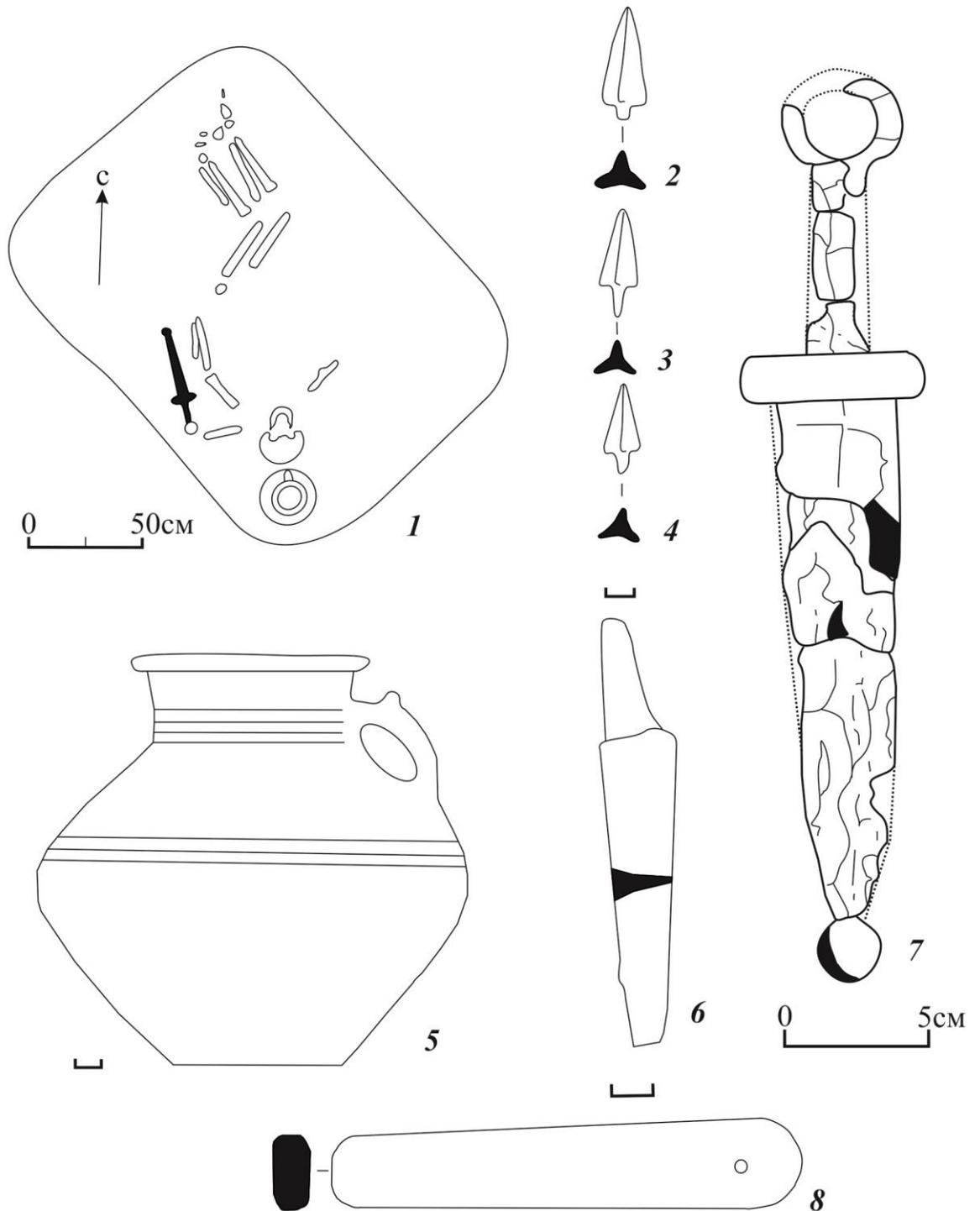

Рис. 28. План погребения и инвентарь из погребения кург. 4, Нехаевский (по: Скрипкин, 1970): 1 - план погребения; 2, 3, 4 - трехлопастные наконечники стрел; 5 - гончарный сероглиняный кувшин; 6 - нож; 7 - меч; 8 - каменный оселок; 2-4, 6, 7 - железо; 5 - глина; 8 - камень.

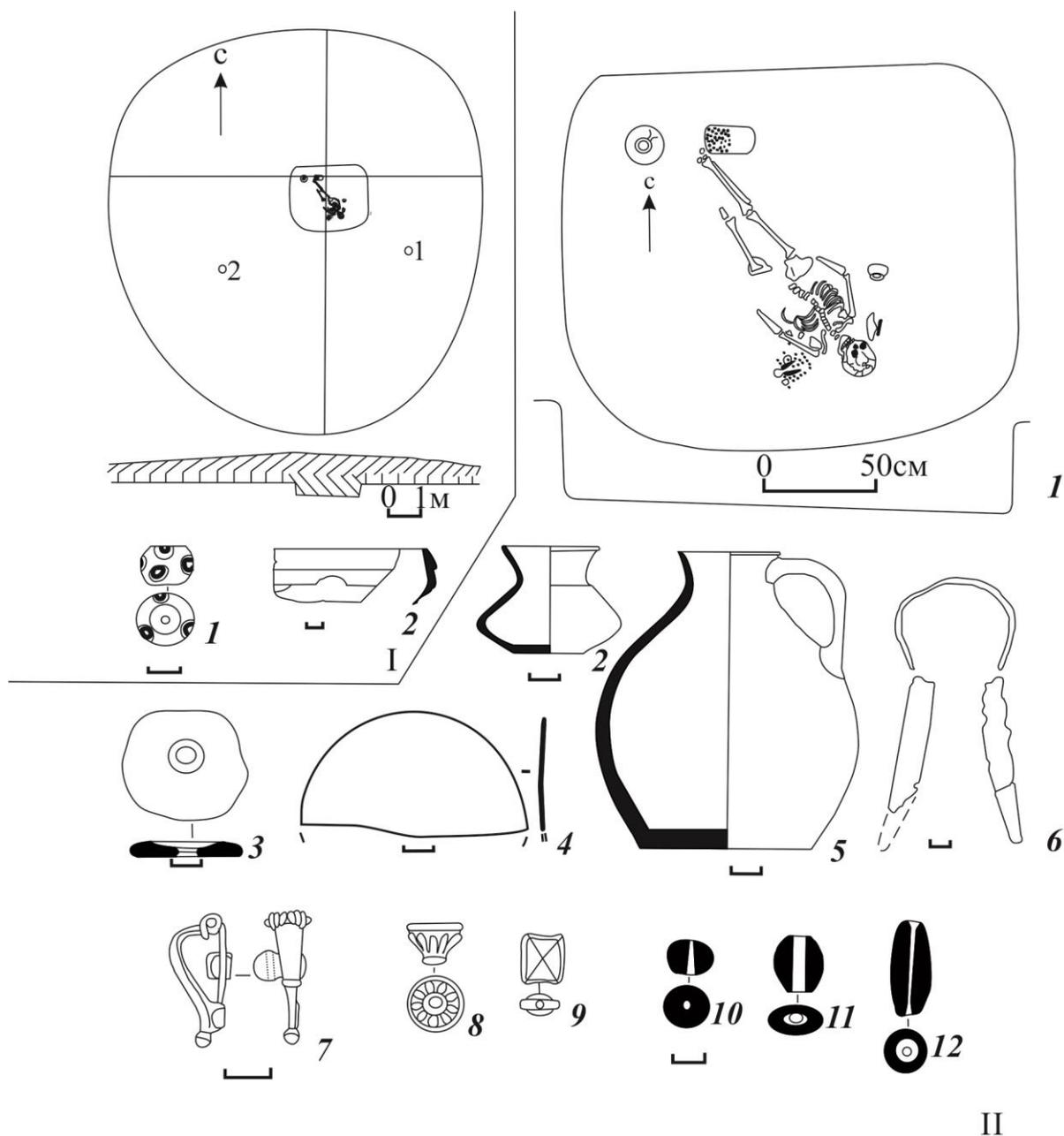

Рис. 29. План кургана, погребения и инвентарь из погребения кургана 22, Третьяки (по: Ефимов, 1986). I - план и профиль кургана, вещи из насыпи: 1 - глазчатая бусина; 2 - венчик сероглиняной миски; II - план погребения и сопровождающий инвентарь: 1 - план и разрез погребения; 2 - сероглиняный гончарный сосуд; 3 - пряслице-амулет; 4 - фрагмент зеркала; 5 - красноглиняный кувшин; 6 - ножницы; 7 - фибула с бусиной на игле; 8-12 - бусы; 2, 3, 5 - глина; 4, 7 - бронза; 6 - железо; 8 - египетский фаянс; 9 - гагат; 10-12 - янтарь.

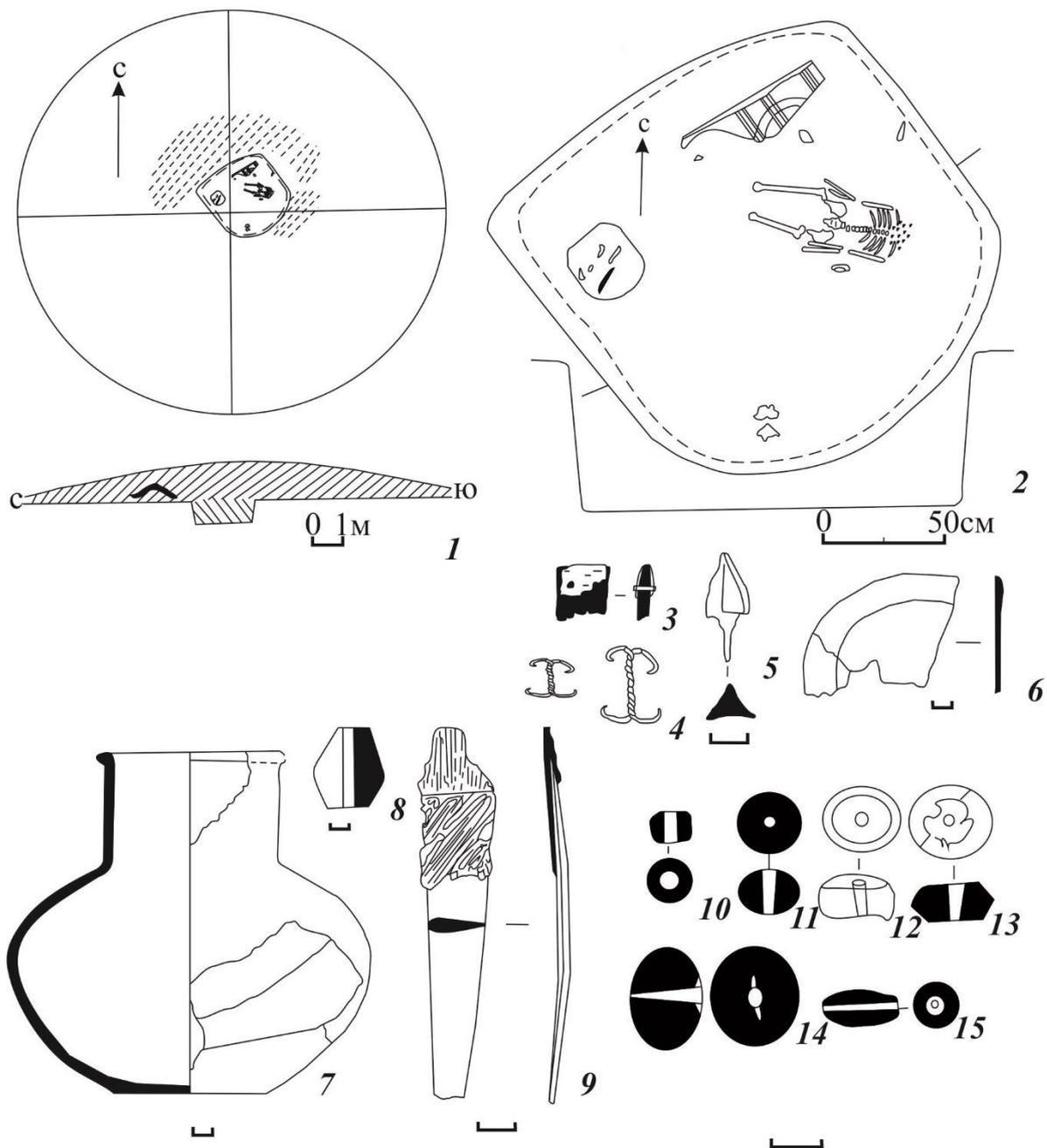

Рис. 30. План кургана, погребения и инвентарь из погребения кург. 39, Третьяки (по: Ефимов, 1986). 1 - план и профиль кургана; 2 - план и разрез погребения; 3 - фрагмент кожаного ремня с бронзовыми наконечниками; 4 - бронзовые проволочные крепления; 5 - железный наконечник стрелы; 6 - фрагмент бронзового зеркала; 7 - сероглиняный гончарный кувшин; 8 - глиняное пряслице; 9 - нож; 10-15 - бусы; 3 - кожа, бронза; 4, 6 - бронза; 5, 9 - железо; 7, 8 - глина; 10 - стекло; 11-13, 15 - сердолик; 14 - халцедон.

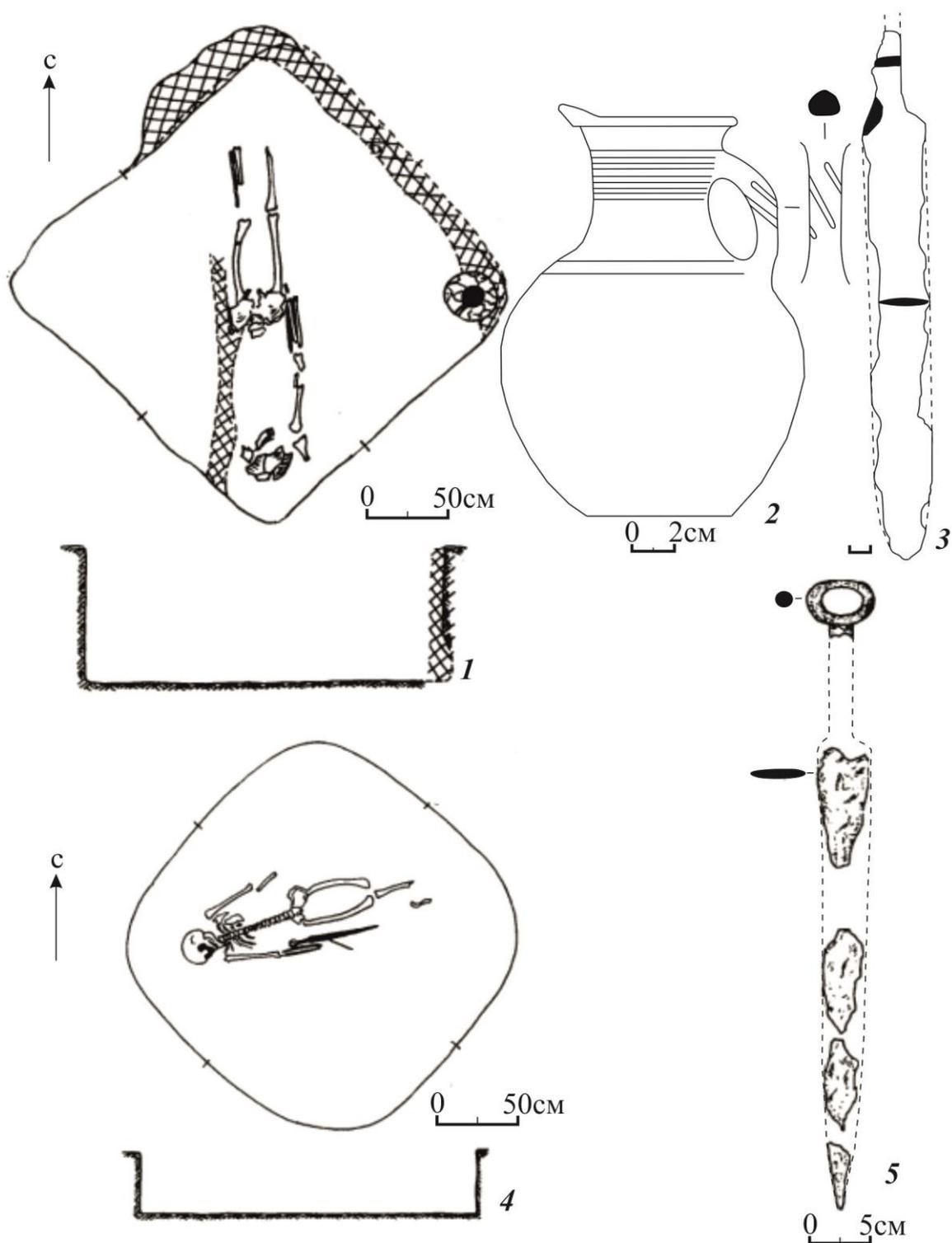

Рис. 31. Планы погребений среднесарматской культуры в квадратных ямах из Новочигольского могильника (по: Березуцкий, 2016). 1-3 - погр. из кург. 10; 1 - план и разрез погр. из кург. 10; 2 - одноручный гончарный кувшин; 3 - железный кинжал; 4-5 - погр. из кург. 12; 4 - план и разрез погр. из кург. 12; 5 - железный длинный меч.

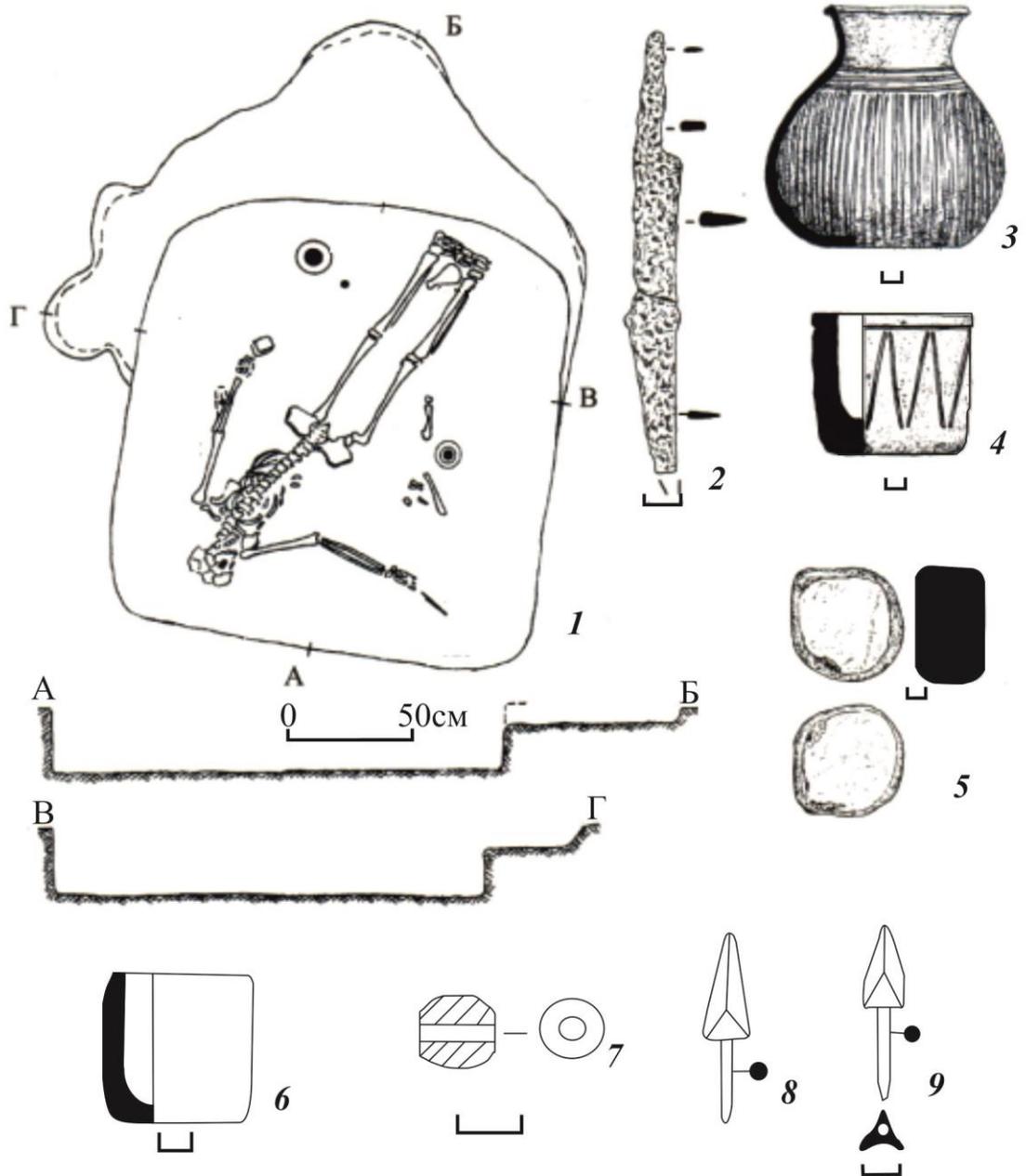

Рис. 32. План, разрез и инвентарь погребения 2 из кург. 27, Новая Чигла (по: Березуцкий, 2016). 1 - план и разрезы погребения; 2 - нож; 3 - гончарный кувшин; 4 - курильница; 5 - каменное изделие; 6 - курильница; 7 - буса; 8, 9 - наконечники стрел; 2, 8, 9 - железо; 3, 4, 6 - глина; 5 - камень; 7 - паста.

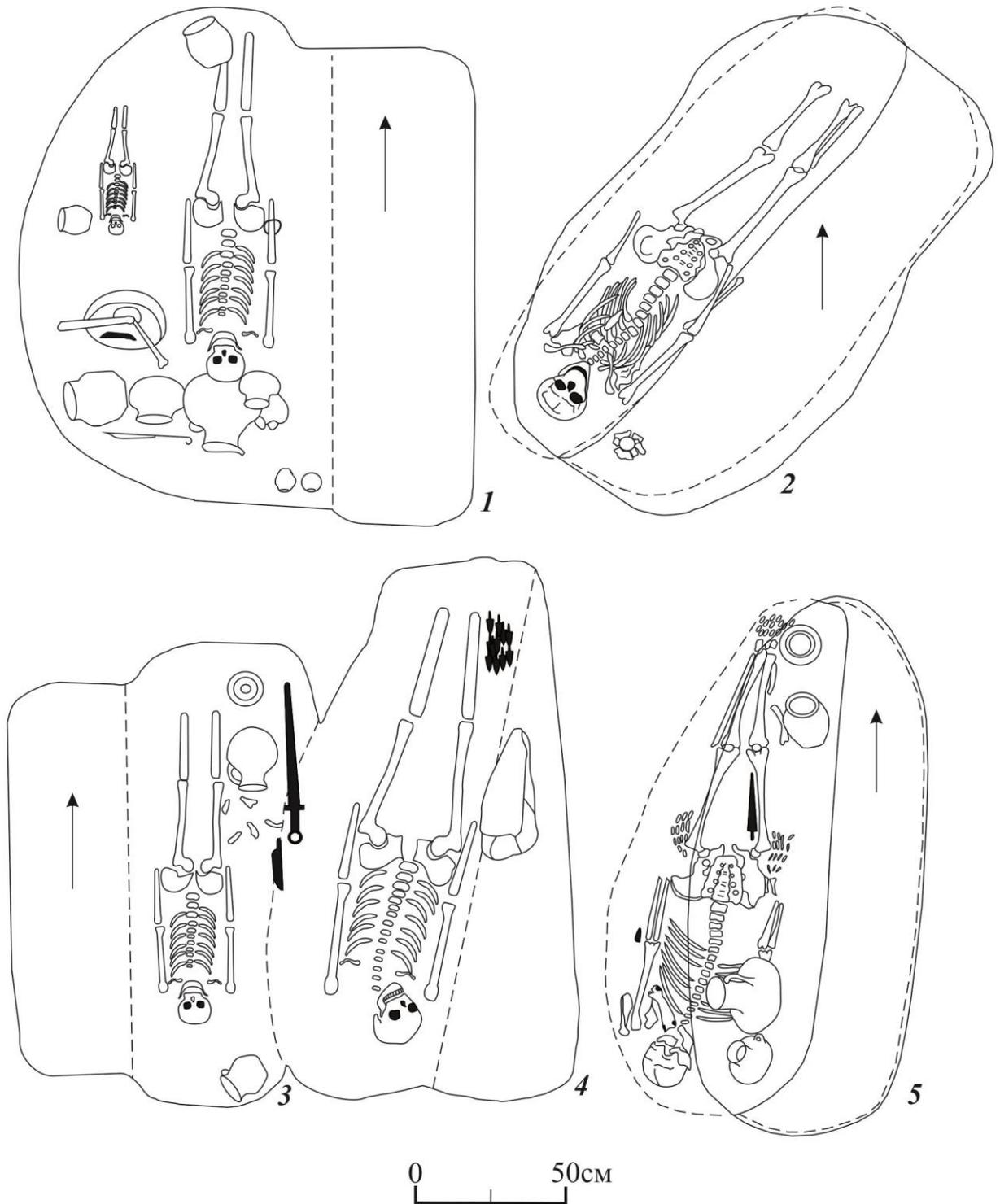

Рис. 33. Планы погребений среднесарматской культуры в ямах с подбоями: 1 - погр. 1, кург. 1, Верхний Колышлей; 2 - погр., кург. 11, Третьяки; 3 - погр. 2, кург. 2, Верхний Колышлей; 4 - погр. 1, кург. 2, Верхний Колышлей; 5 - погр., кург. 14, Третьяки.

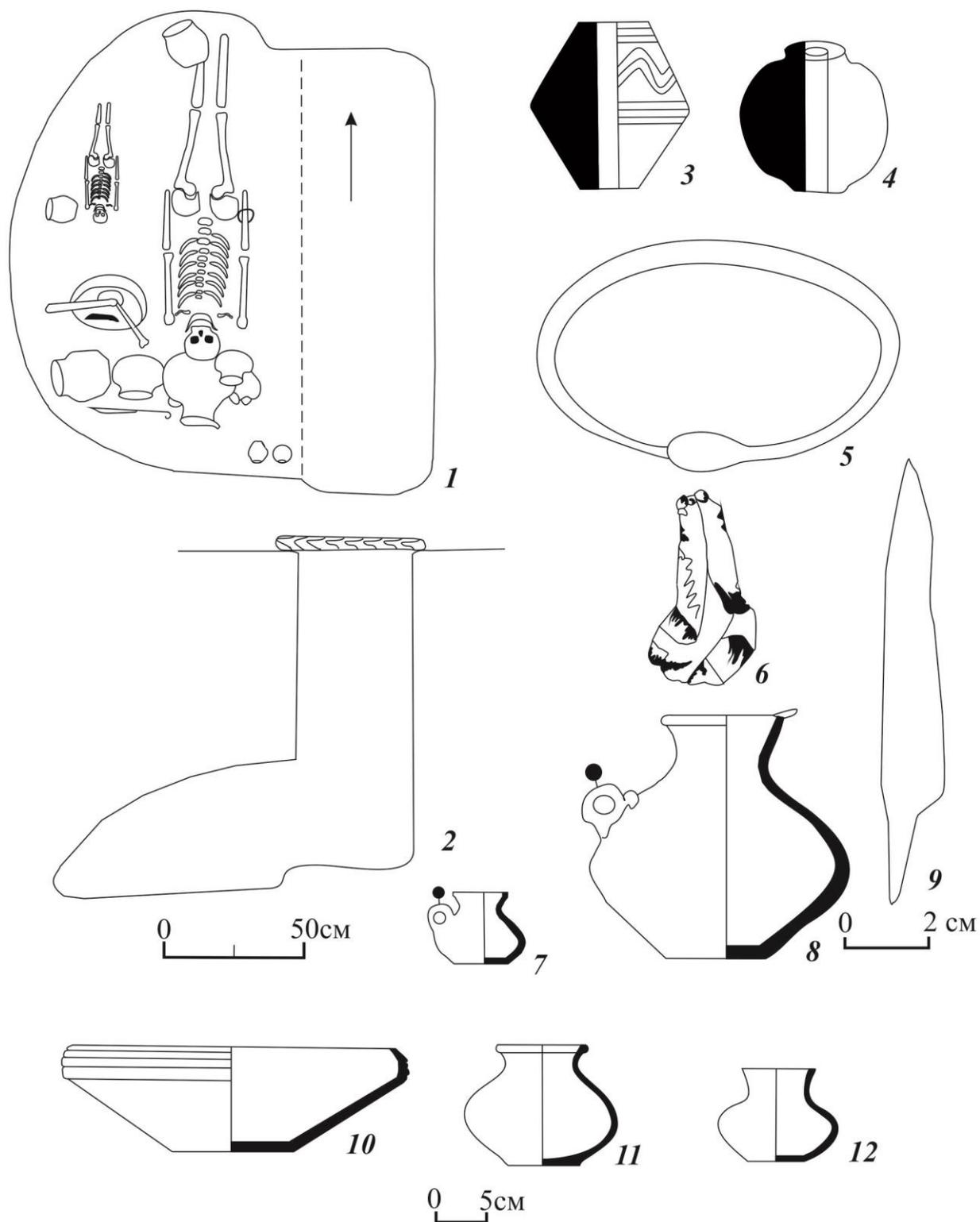

Рис. 34. План погребения и инвентарь погребения из кург. 1, Верхний Кошлялей (по: Сеницын, 1932). 1 - план погребения; 2 - разрез погребения; 3, 4 - пряслице; 5 - бронзовый литой браслет с утонченными концами, один из которых - стилизация головы змеи; 6 - кусок плотного кремня; 7, 8, 11, 12 - гончарные кувшины; 9 - нож; 10 - гончарная миска; 3, 4, 7, 8, 10-12 - глина; 5 - бронза; 6 - камень; 9 - железо.

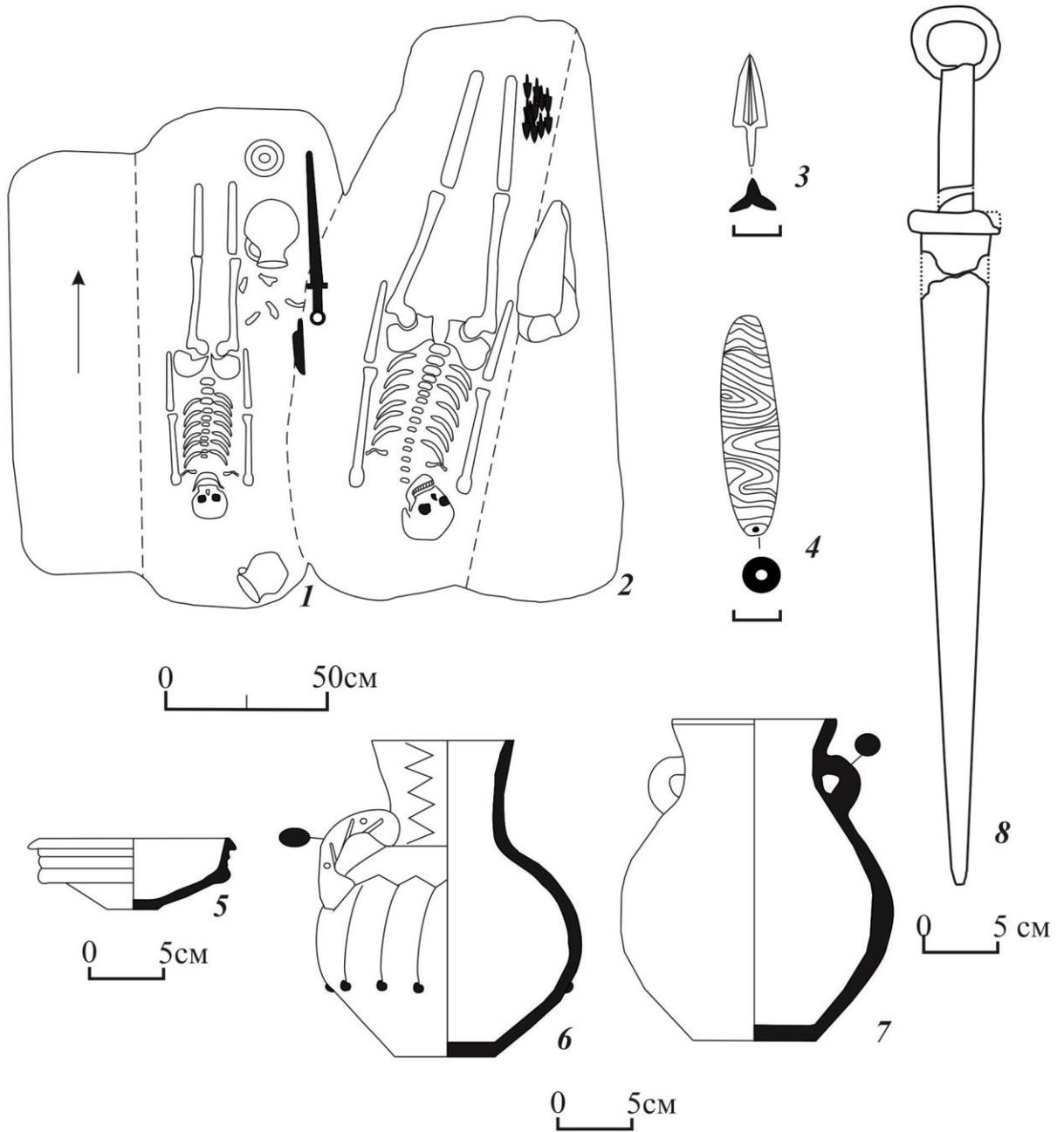

Рис. 35. Планы и инвентарь погребений из кург. 2, Верхний Колышлей: 1 - план погребения 2 (4-8 - инвентарь из погребения); 2 - план погребения 1 (3 - инвентарь из погребения); 3 - наконечник стрелы; 4 - буса; 5 - миска; 6, 7 - гончарные сосуды; 8 - меч; 1, 8 - железо; 4 - стекло; 5-7 - глина.

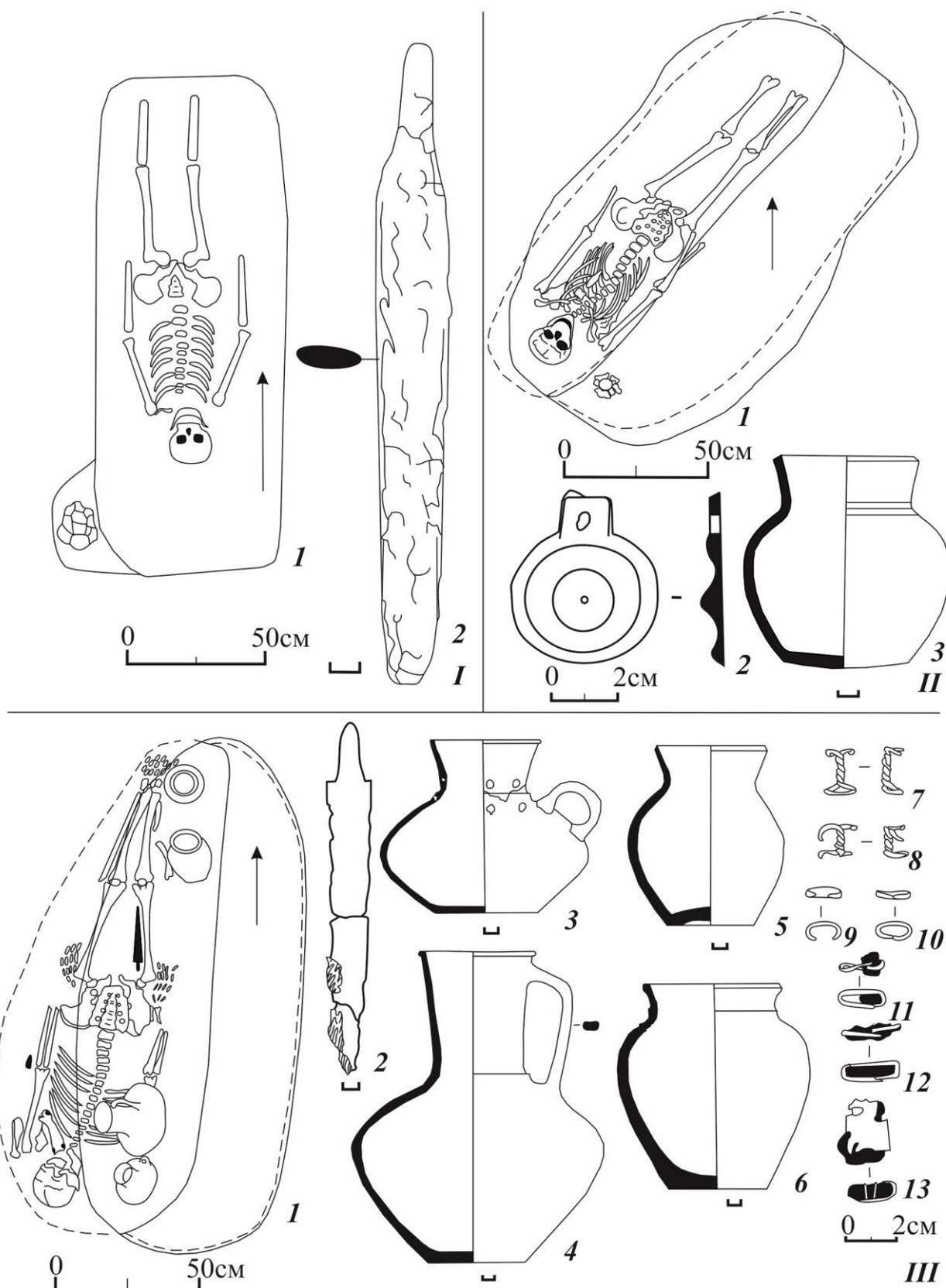

Рис. 36. Погребения в ямах с подбоями и инвентарь из них. I - погр. 5 из кург. 2, Усть-Курдюм: I - план погребения; 2 - меч; II - погр. из кург. 11, Третьяки: I - план погребения; 2 - бронзовое зеркало; 3 - лепной горшок; III - погр. из кург. 14, Третьяки: I - план погребения; 2 - железный меч; 3, 4 - сероглиняные гончарные кувшины; 5, 6 - лепные горшки; 7-13 - бронзовые крепления ремней.

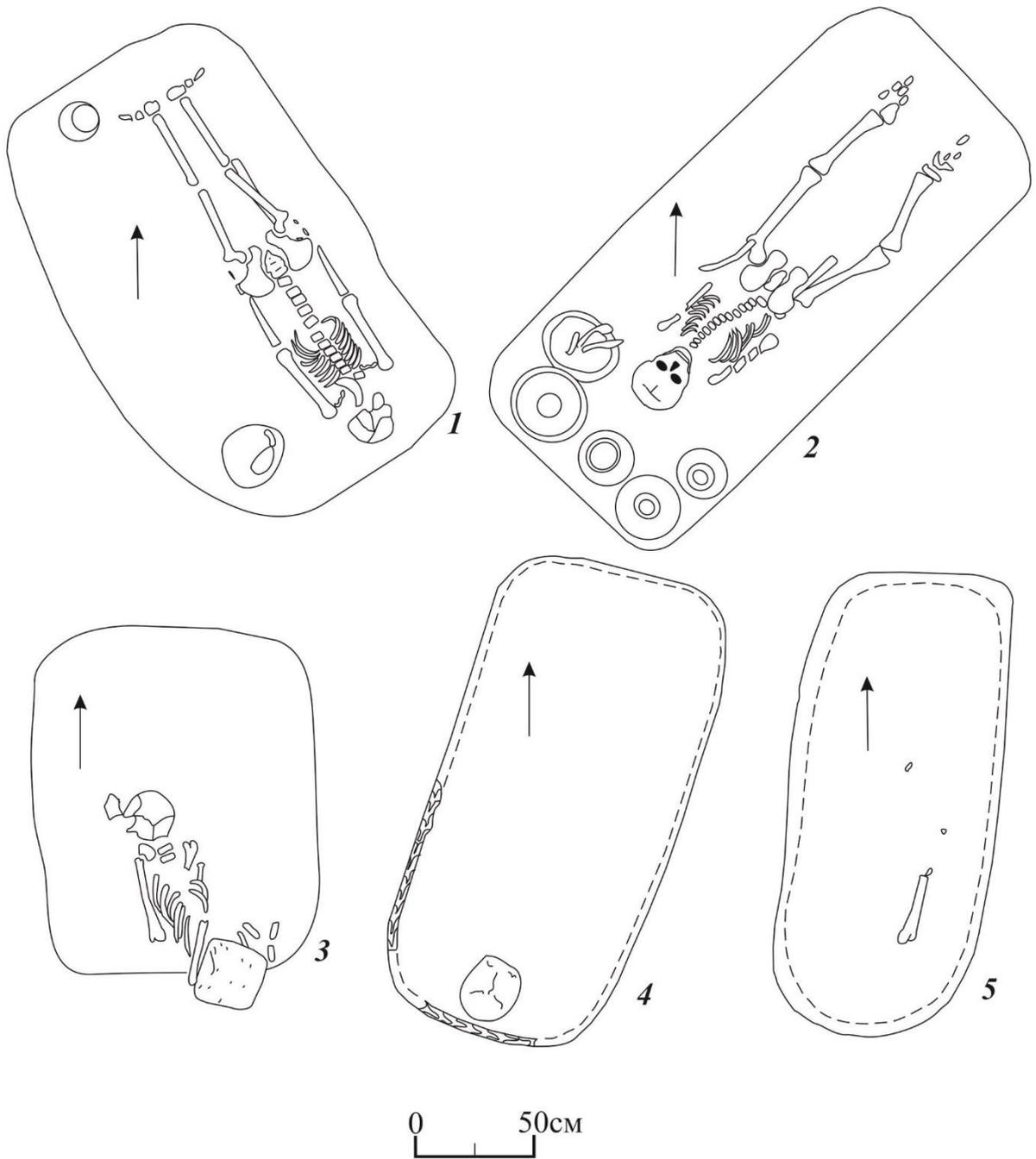

Рис. 37. Планы погребений среднесарматской культуры в средних прямоугольных ямах: 1 - погр., кург. 22, Березовка; 2 - погр. 2, кург. 1, Таптулино; 3 - погр., кург. 12, Третьяки; 4 - погр., кург. 42, Третьяки; 5 - погр., кург. 76, Третьяки.

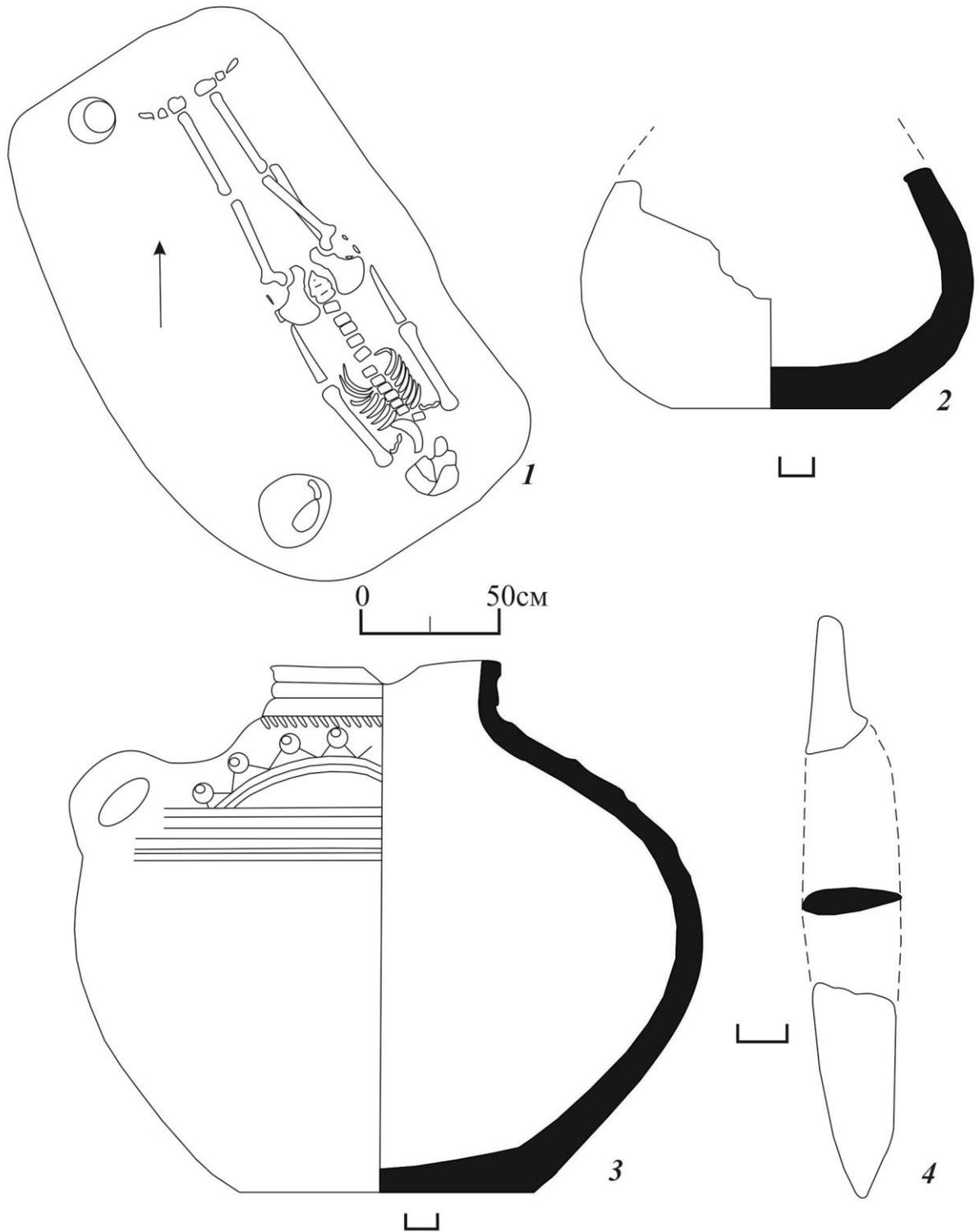

Рис. 38. План погребения и инвентарь погребения из кург. 22, Березовка (по: Мамонтов, 1969). 1 - план погребения; 2 - фрагмент сероглиняного гончарного сосуда; 3 - сероглиняный гончарный кувшин; 4 - нож; 2, 3 - глина; 4 - железо.

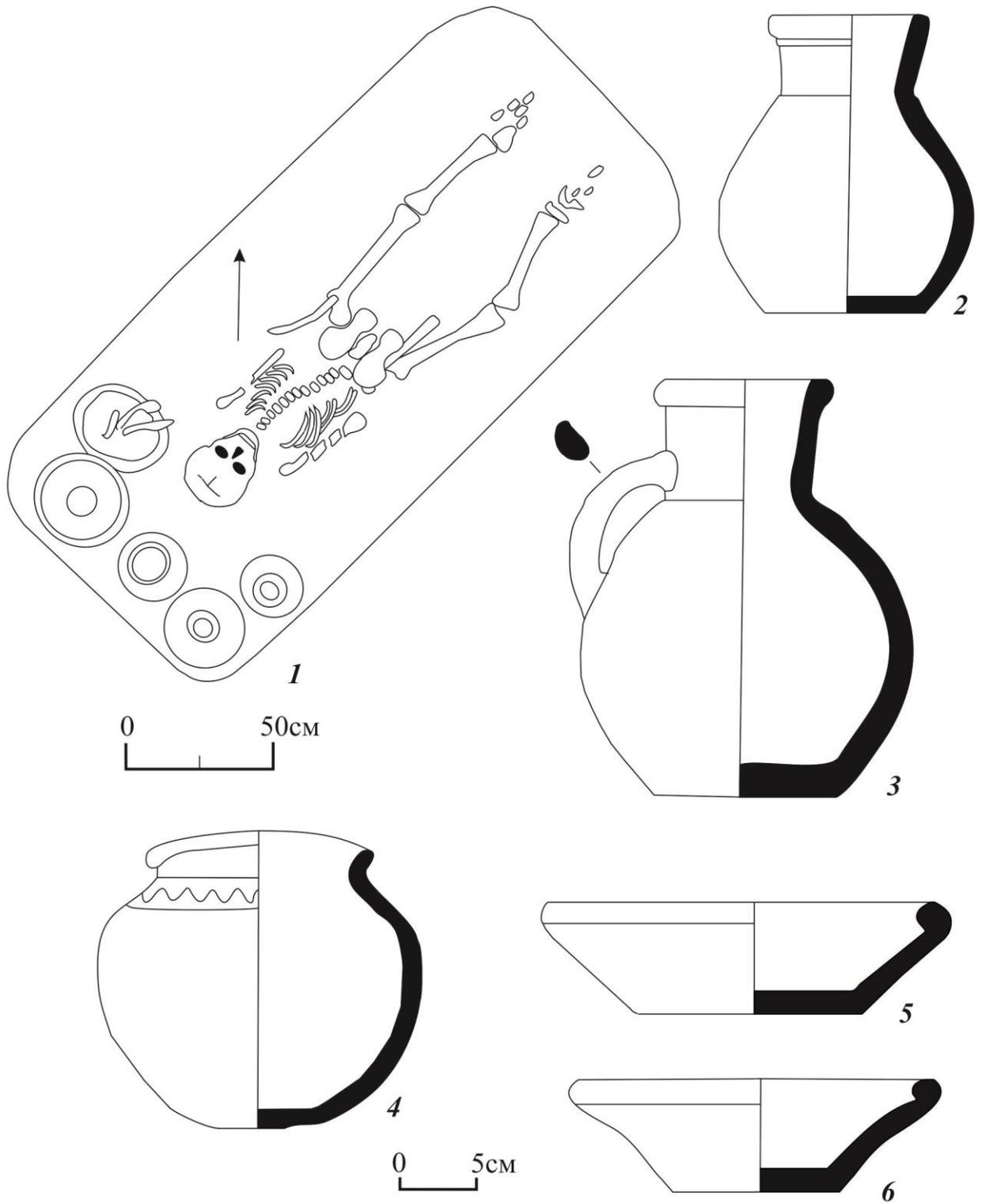

Рис. 39. План погребения и инвентарь погребения 2 из кург. 1, Таптулино (по: Максимов, 1966). 1 - план погребения; 2 - гончарный кувшин без ручек; 3 - гончарный кувшин с одной ручкой; 4 - лепной горшок; 5, 6 - гончарные миски.

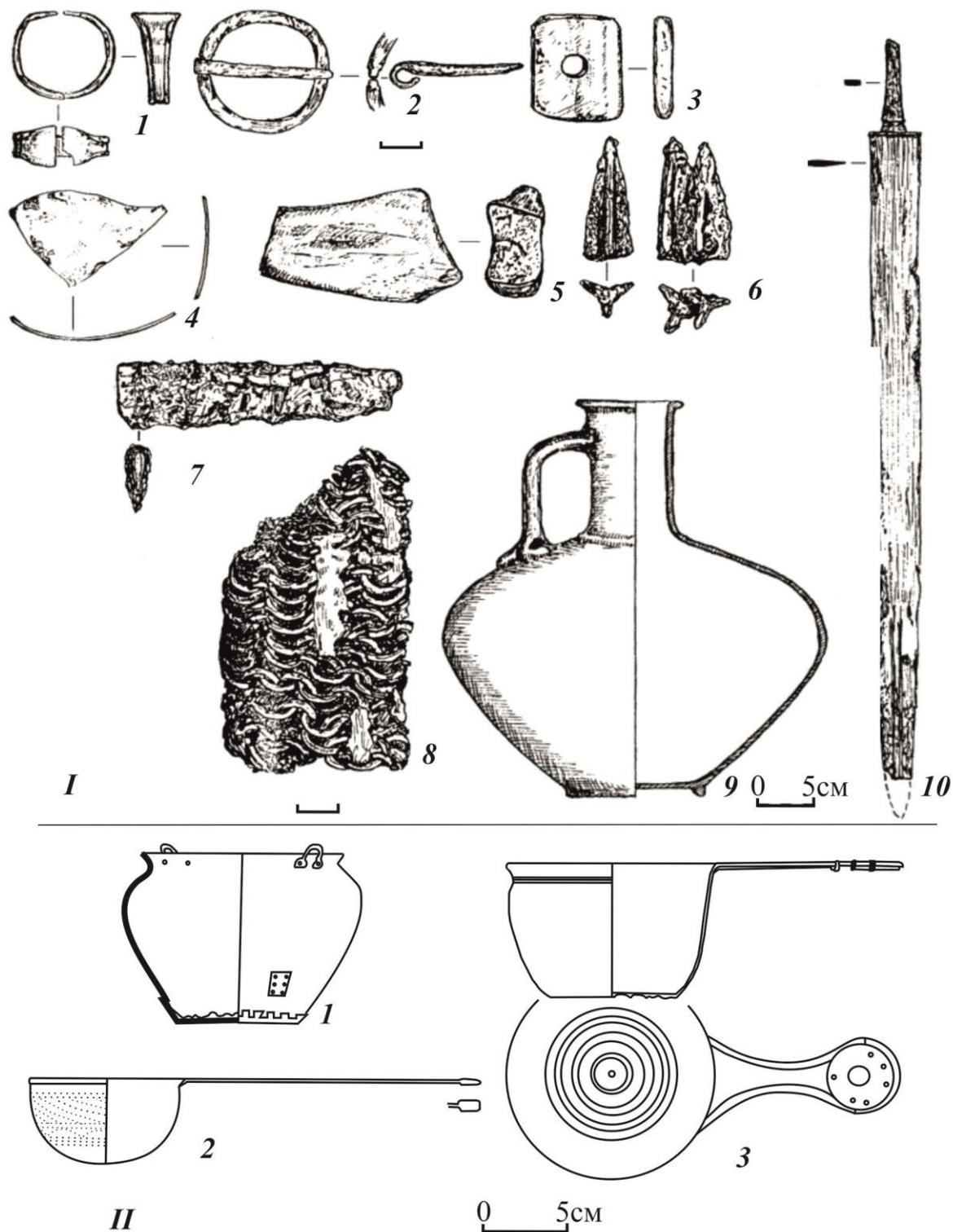

Рис. 40. Инвентарь из погребений среднесарматской культуры, форма могильных ям которых не восстанавливается. I - погребение кургана 20, Графская (Жердевская) курганная группа: 1 - серебряный перстень; 2 - серебряная пряжка; 3 - костяная пластина; 4 - фрагменты серебряного сосуда; 5 - точильный камень; 6 - железные наконечники стрел; 7 - железный нож; 8 - фрагмент железной кольчуги; 9 - чернолощенный кувшин; железный меч. II - погребение кургана 96, Большая Дмитриевка: 1 - бронзовый котелок; 2 - серебряное позолоченное ситечко; 3 - бронзовый ковш.

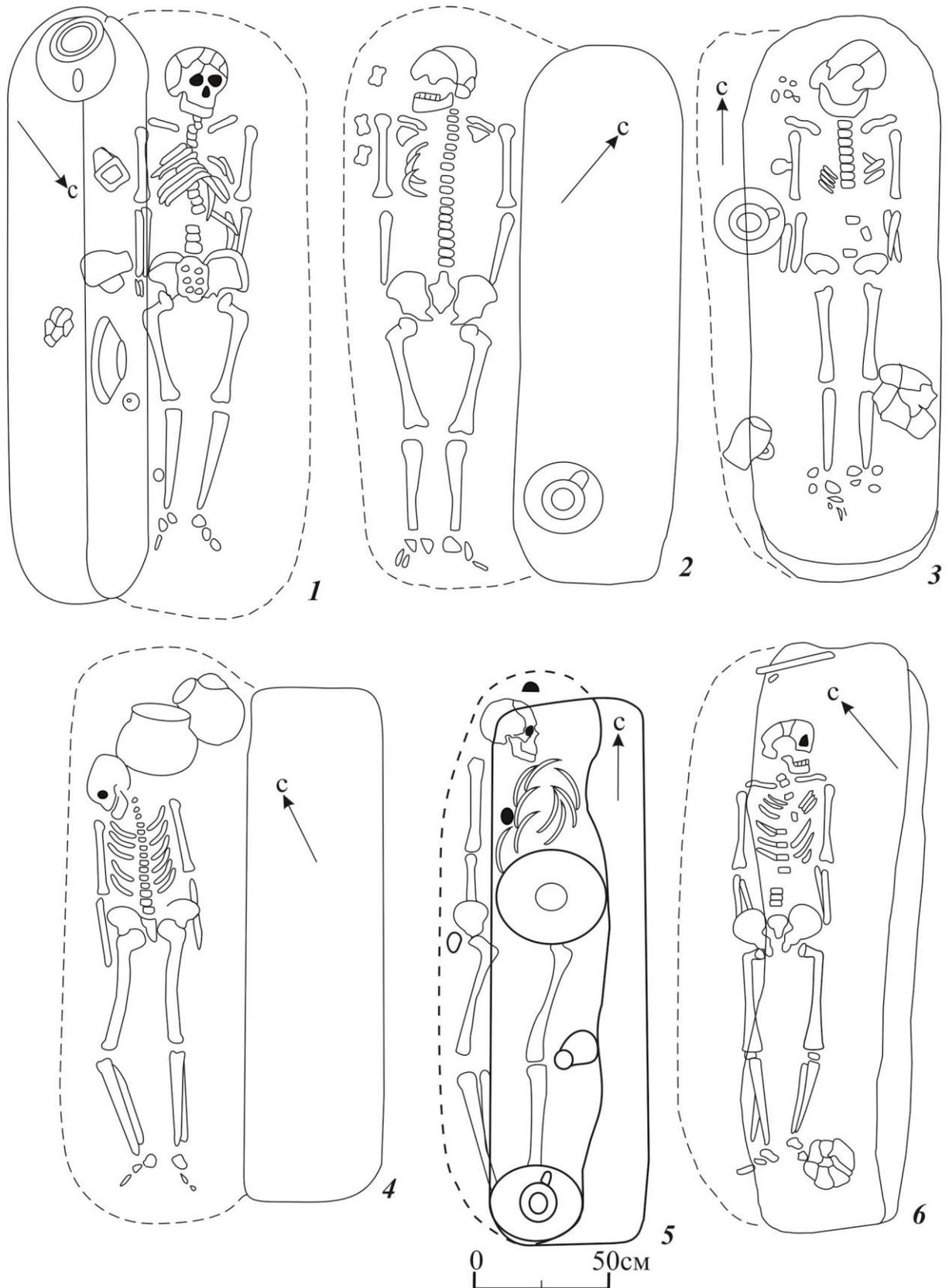

Рис. 41. Планы погребений позднесарматской культуры в ямах с подбоями: 1 - погр., кург. 1, Новоаннинск; 2 - погр., кург. 9, Нехаевский; 3 - погр., кург. 12, Нехаевский; 4 - погр. 1, кург. 1, Ершовка; 5 - погр., кург. 11, Сидоры; 6 - погр., кург. 13, Короли.

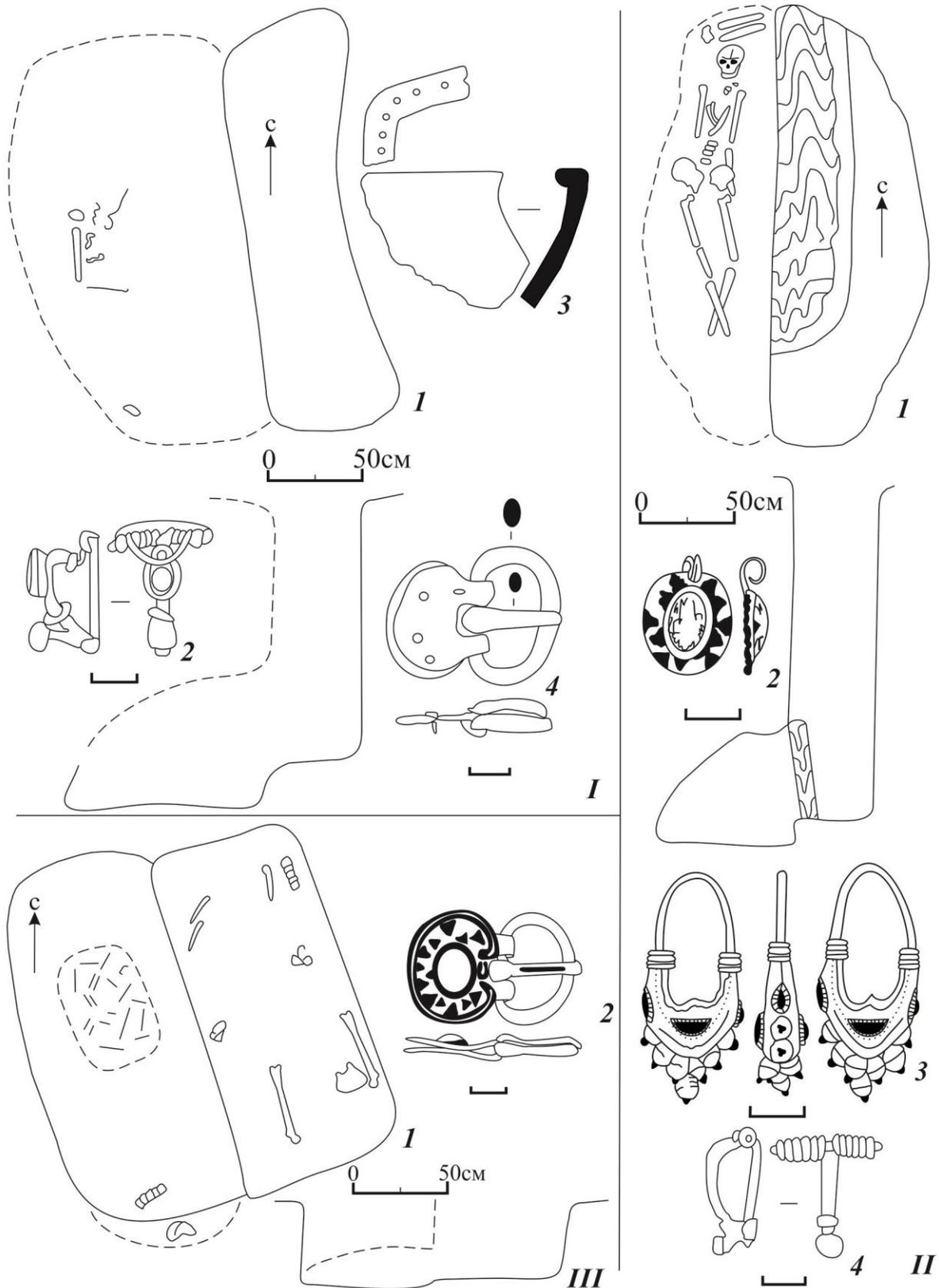

Рис. 42. Планы погребений позднесарматской культуры в ямах с подбоями из курганного могильника у с. Большая Дмитриевка. I - погр. 2, кург. 1: 1 - план и разрез погребения; 2 - фибула; 3 - фрагмент курильницы; 4 - пряжка. II - погр., кург. 5: 1 - план и разрез погребения; 2 - подвеска; 3 - серьги; 4 - фибула. III - погр. 3, кург. 16: 1 - план и разрез погребения; 2 - пряжка.

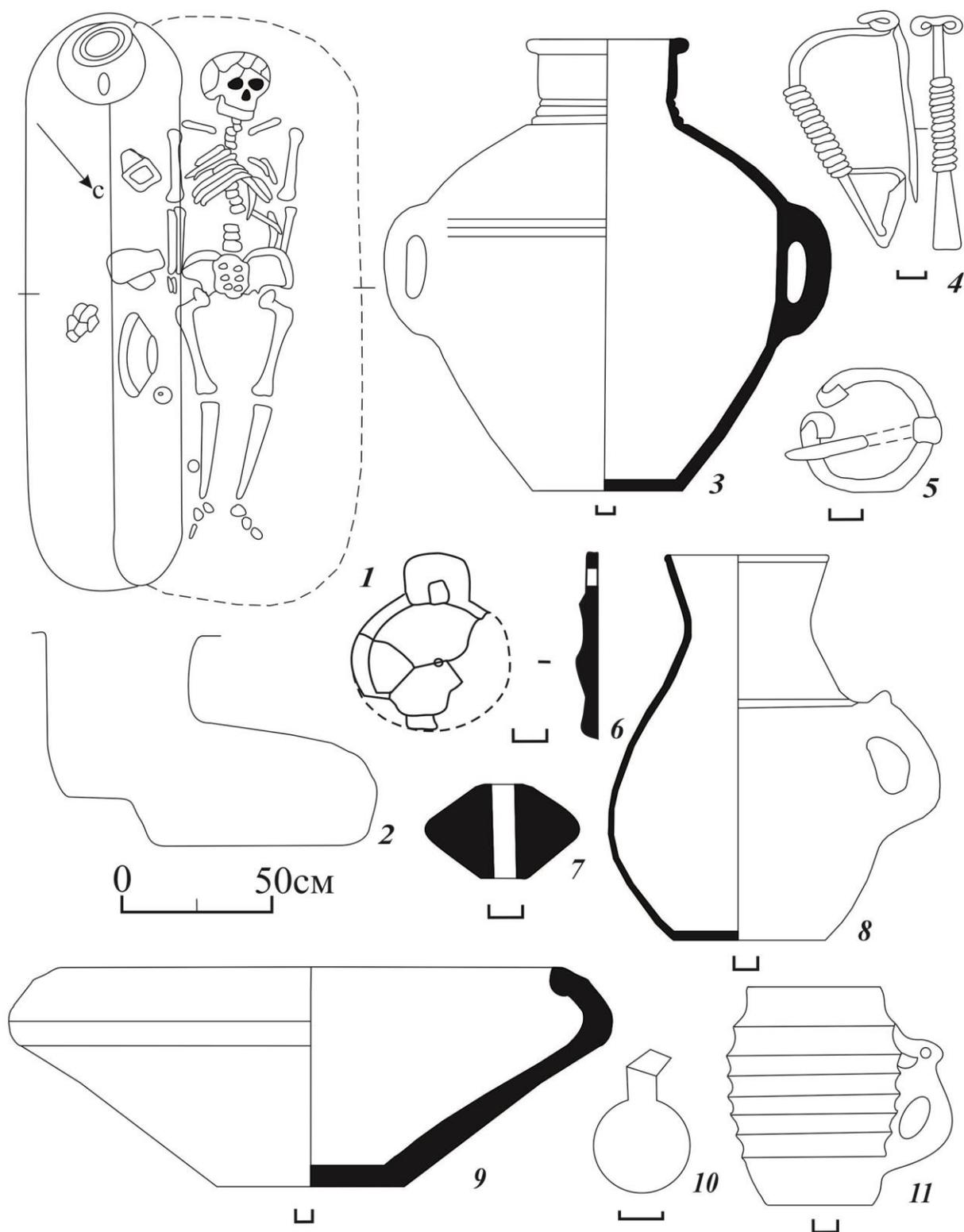

Рис. 43. План, разрез и инвентарь погребения из кург. 1, Новоаннинск (по: Мамонтов, 1969). 1 - план погребения; 2 - разрез погребения; 3 - сероглиняный двуручный кувшин; 4 - одночленная лучковая фибула; 5 - пряжка; 6 - зеркало; 7 - пряслице; 8 - гончарный кувшин; 9 - гончарная миска; 10 - бронзовая пластинка от ожерелья; 11 - глиняная кружка; 3, 7, 8, 9, 11 - глина; 4, 5, 6, 10 - бронза.

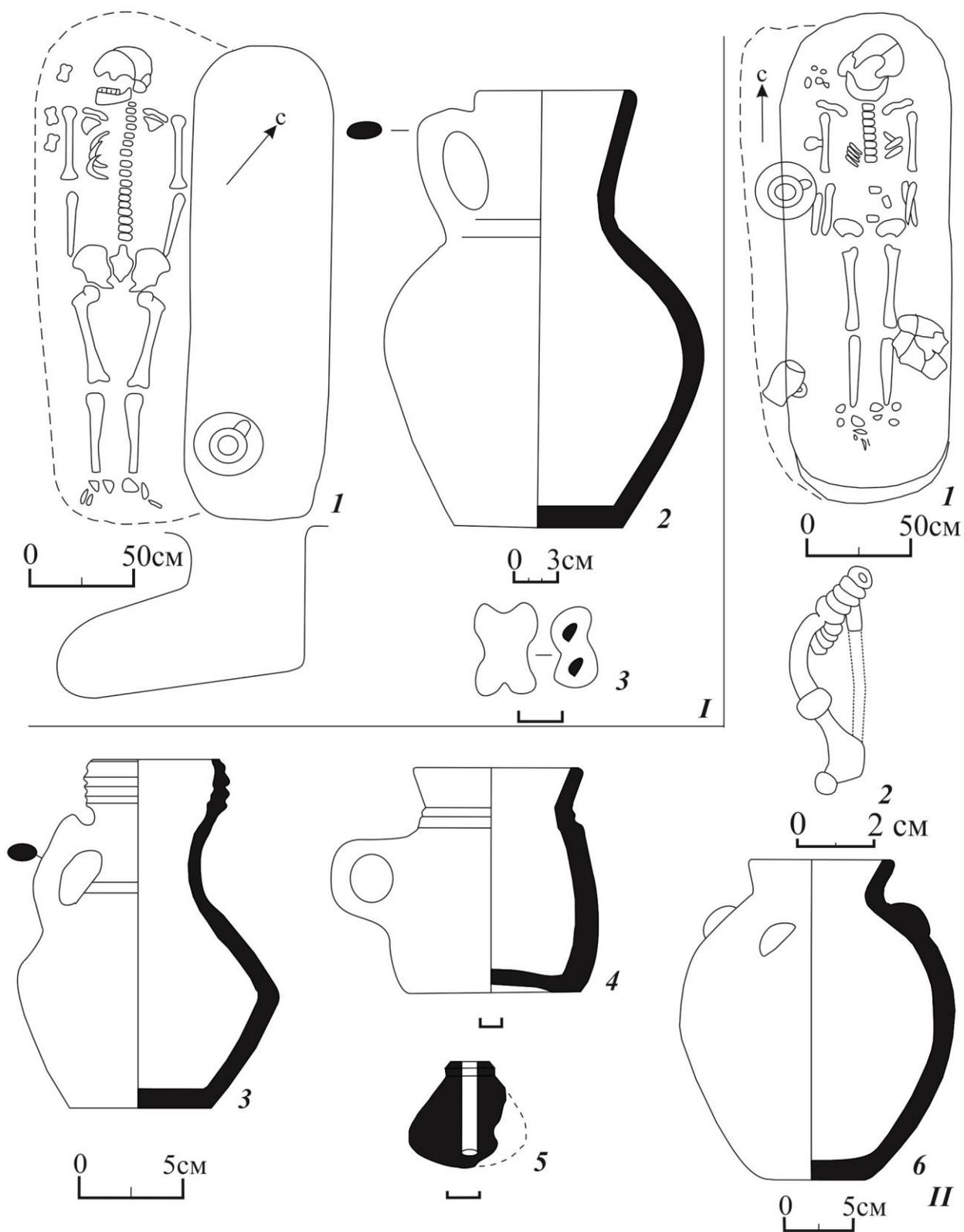

Рис. 44. Планы и инвентарь из погребений Нехаевского курганного могильника. *I* - погр. из кург. 9: *1* - план и разрез погребения; *2* - сероглиняный гончарный кувшин; *3* - астрагал. *II* - погр. из кург. 12: *1* - план погребения; *2* - железная фибула; *3* - чернолощенный гончарный кувшин; *4* - глиняная кружка; *5* - глиняное пряслице; *6* - лепной горшок.

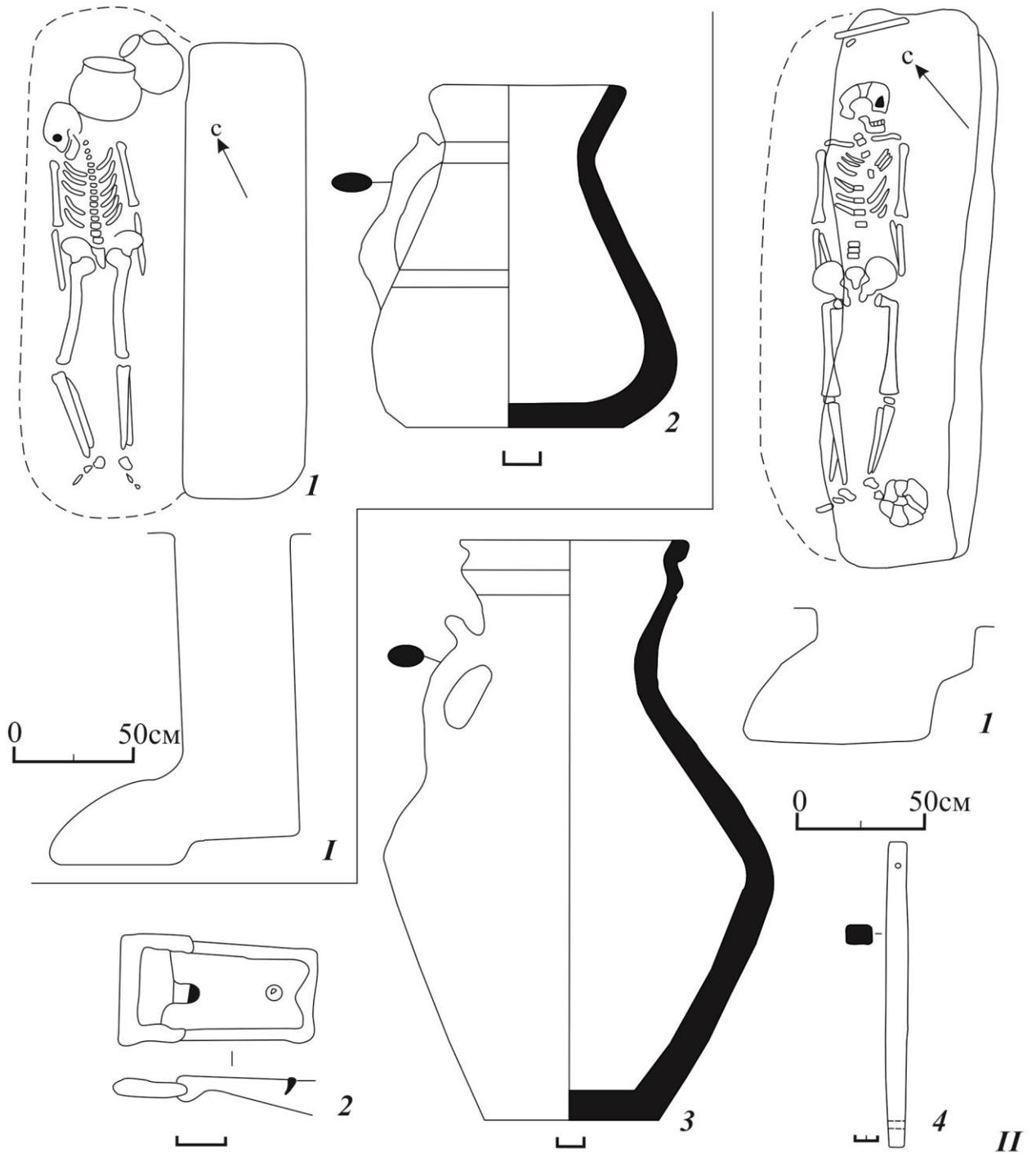

Рис. 45. Планы и инвентарь из погребений в ямах с подбоями позднесарматской культуры из хопёрско-волжского района памятников. *I* - погр. из кург. 1, Ершовка: *1* - план и разрез погребения; *2* - гончарный кувшин. *II* - погр. из кург. 13, Короли: *1* - план и разрез погребения; *2* - бронзовая пряжка; *3* - гончарный кувшин; *4* - каменный оселок.

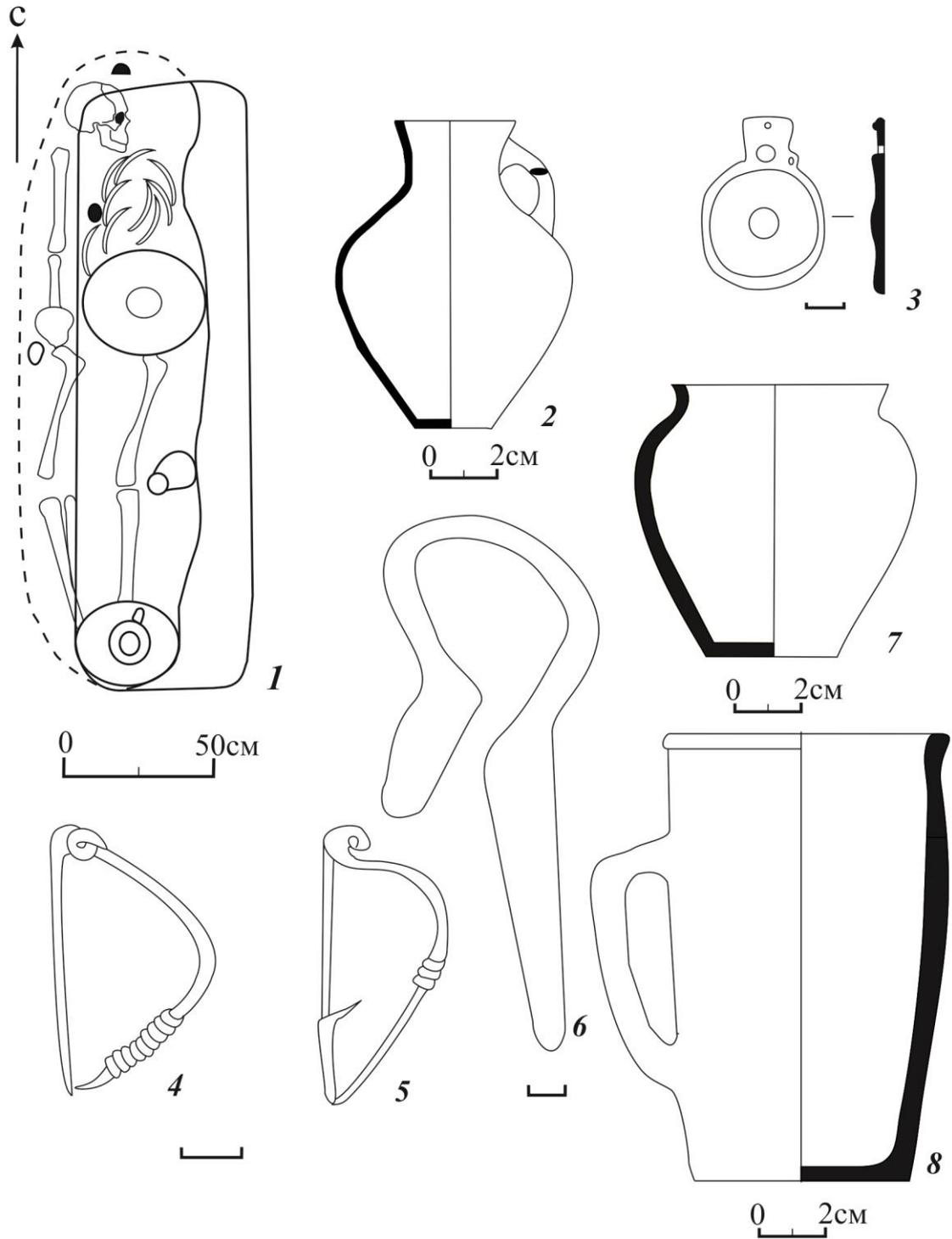

Рис. 46. План и инвентарь из погребения кург. 11, Сидоры (по: Шилов, 1959): 1 - план погребения; 2 - гончарный кувшин; 3 - зеркало-подвеска; 4, 5 - бронзовые фибулы; 6 - пружинные ножницы; 7 - лепной горшок; 8 - кружка; 2, 7, 8 - глина; 3, 4, 5 - бронза; 6 - железо.

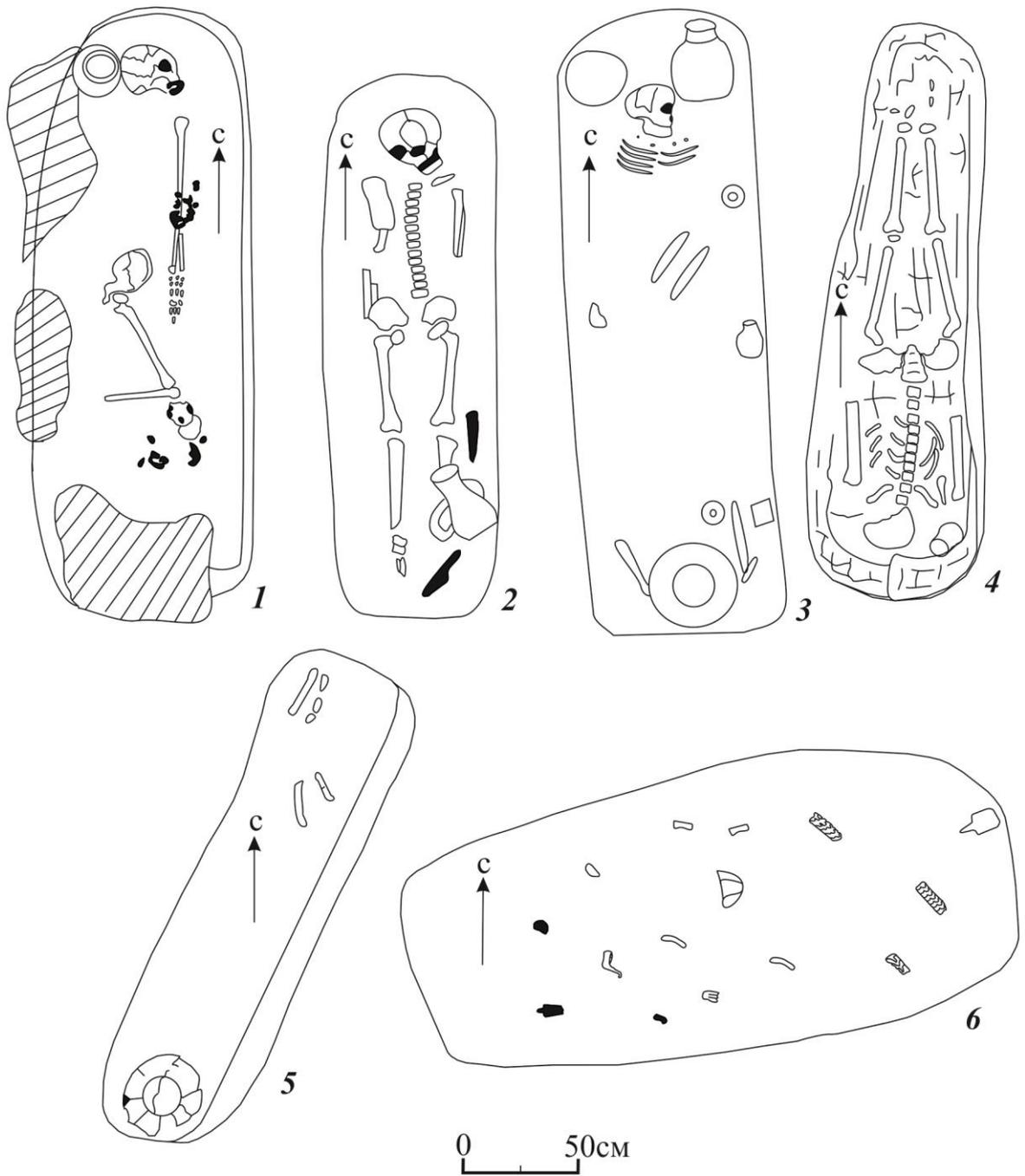

Рис. 47. Планы погребений позднесарматской культуры в узких прямоугольных и средних прямоугольных ямах: 1- погр. 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка; 2 - погр. из кург. 11, Нехаевский; 3 - погр. из кург. 11, Аткарск; 4 - погр. 1 из кург. 5, Каменка; 5 - погр. из кург. 2, Короли; 6 - погр. из кург. 3, Ключи.

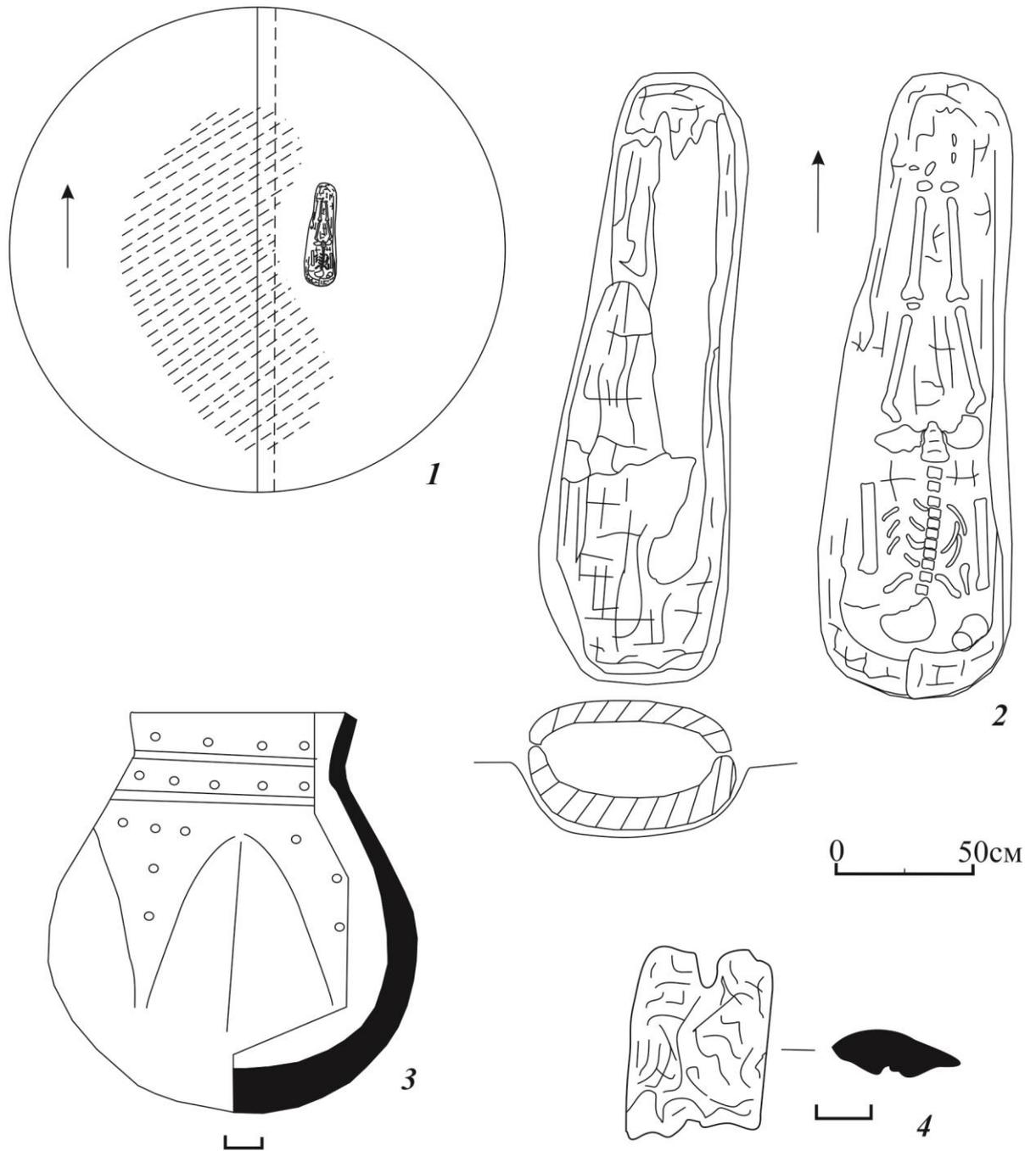

Рис. 48. План кургана 5 у с. Каменка и план и инвентарь погребения 1 (по: Филипченко, 1992). 1 - план кургана; 2 - план и разрез погребения; 3 - лепной сосуд; 4 - железный нож.

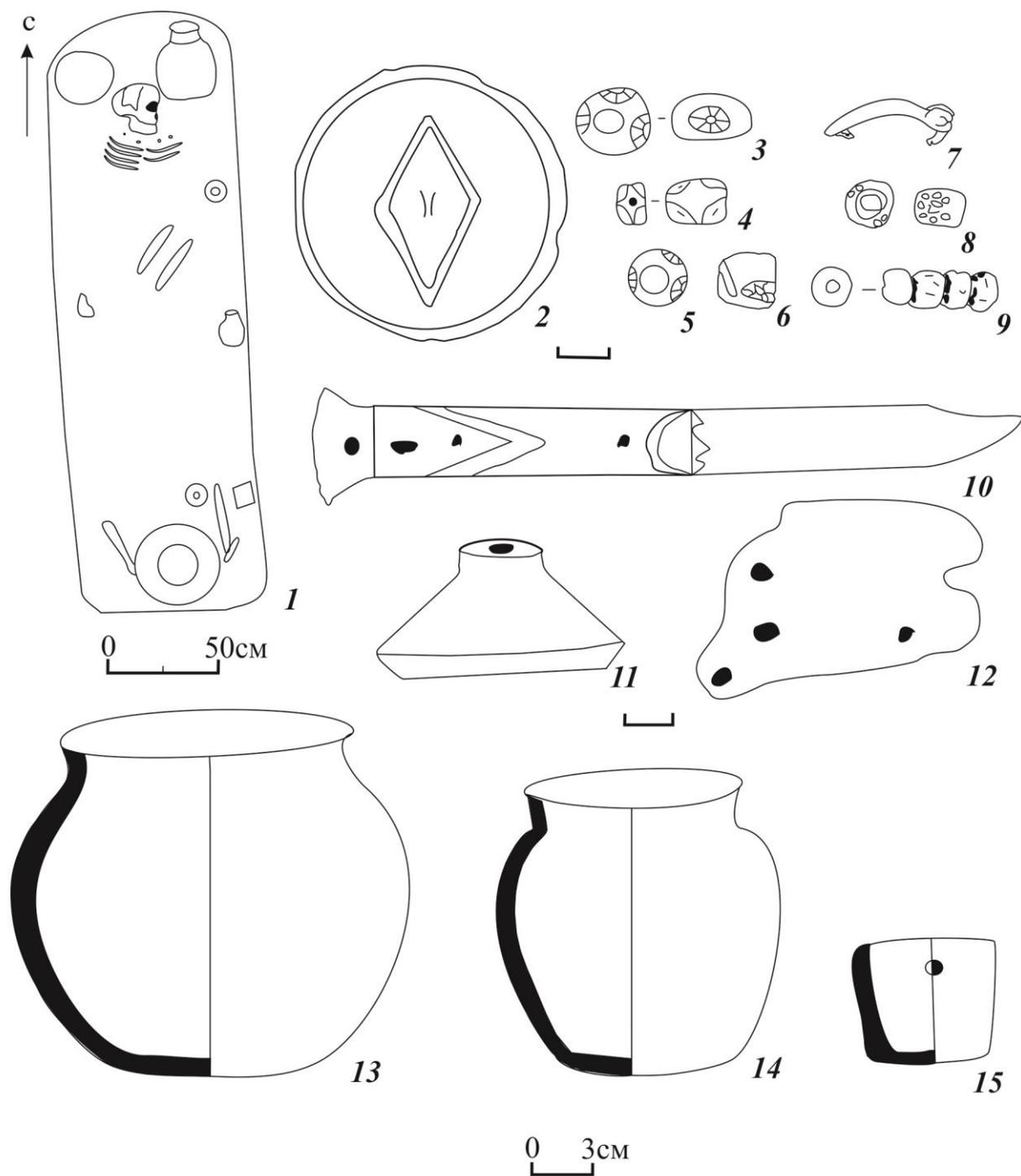

Рис. 49. План погребения и инвентарь из погребения кург. 11, Аткарск (по: Арзютов, 1936): 1 - план погребения; 2 - зеркало; 3-6, 8, 9 - бусы; 7 - железная фибула; 10 - нож; 11 - пряслице; 12 - пластина; 13, 14 - горшки; 15 - курильница; 2, 12 - бронза; 7 - железо; 10 - железо, кость; 11, 13-15 - глина; 3-6, 8, 9 - стекло, бисер.

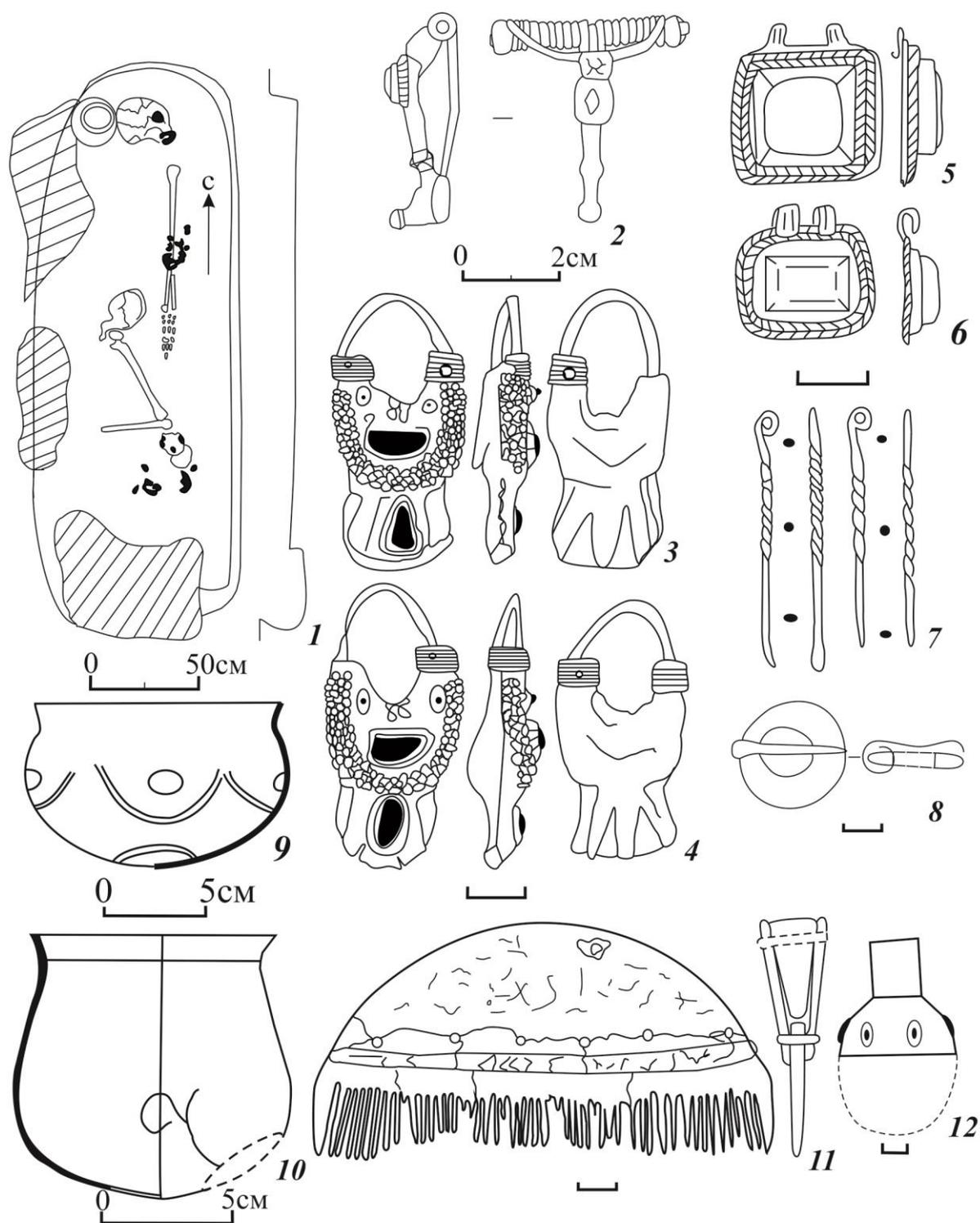

Рис. 50. План и инвентарь погребения 2 из кург. 13, Большая Дмитриевка (по: Матюхин, 1990). 1 - план погребения; 2 - фибула; 3, 4 - серьги; 5, 6 - медальоны; 7 - косметический набор; 8 - пряжка; 9 - фиала; 10 - котелок; 11 - гребень; 12 - флакон; 2-8, 12 - драгоценные металлы; 9 - стекло; 10 - бронза; 11 - кость.

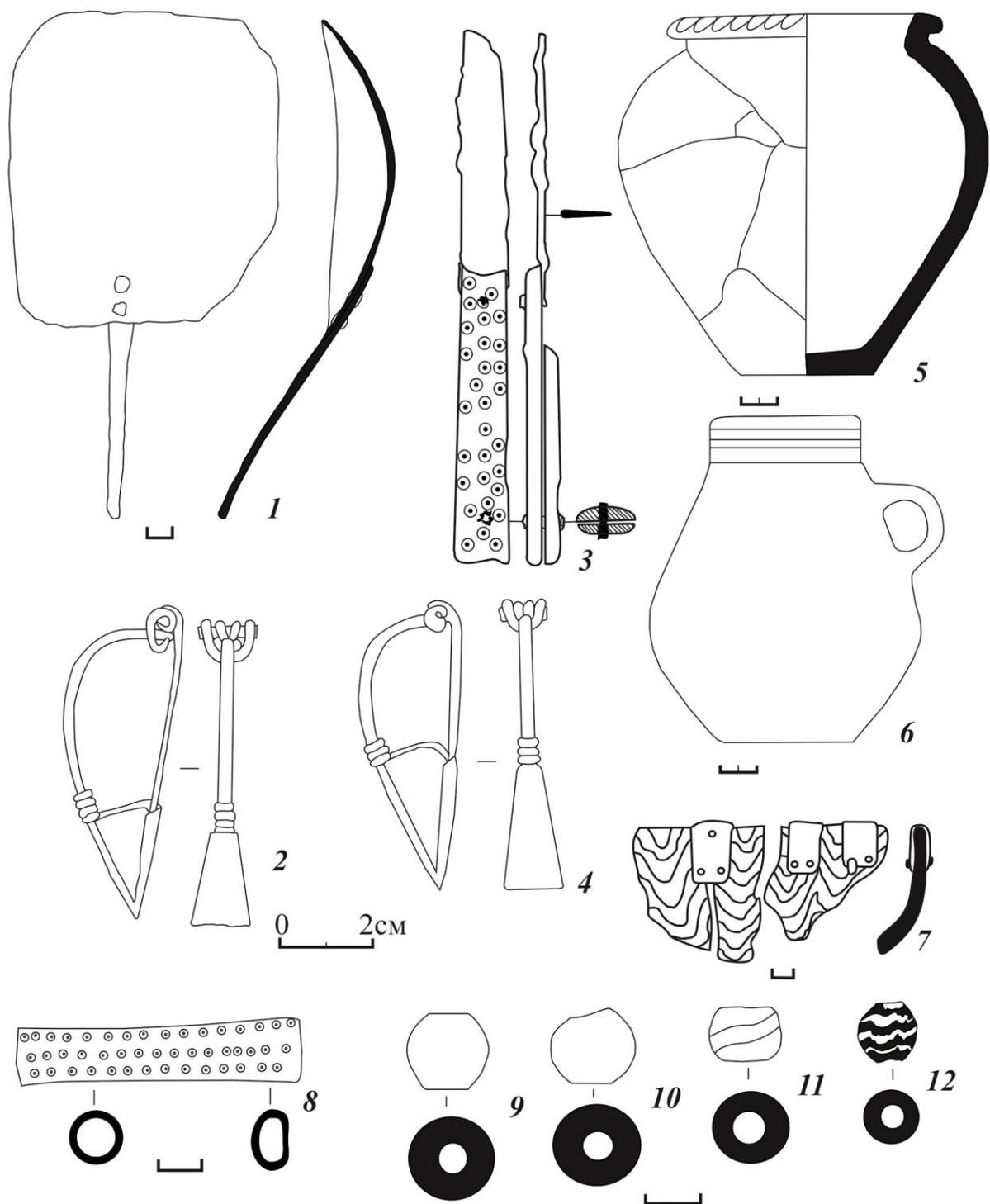

Рис. 51. Инвентарь из погребений позднесарматской культуры в узких прямоугольных и средних прямоугольных ямах. 1 - погр. из кург. 3, Ключи; 2 - погр. из кург. 4, Машевка; 3, 4 - погр. из кург. 6, Машевка; 5 - погр. из кург. 2, Короли; 6, 7 - погр. из кург. 11, Нехаевский; 8-12 - погр. из кург. 12, Машевка; 1 - железный ковш; 2, 4 - бронзовая фибула; 3 - железный нож с костяной ручкой; 5 - лепной горшок; 6 - сероглиняный гончарный кувшин; 7 - фрагмент деревянной чаши с бронзовыми обоймочками; 8 - игольница; 9-12 - бусы.

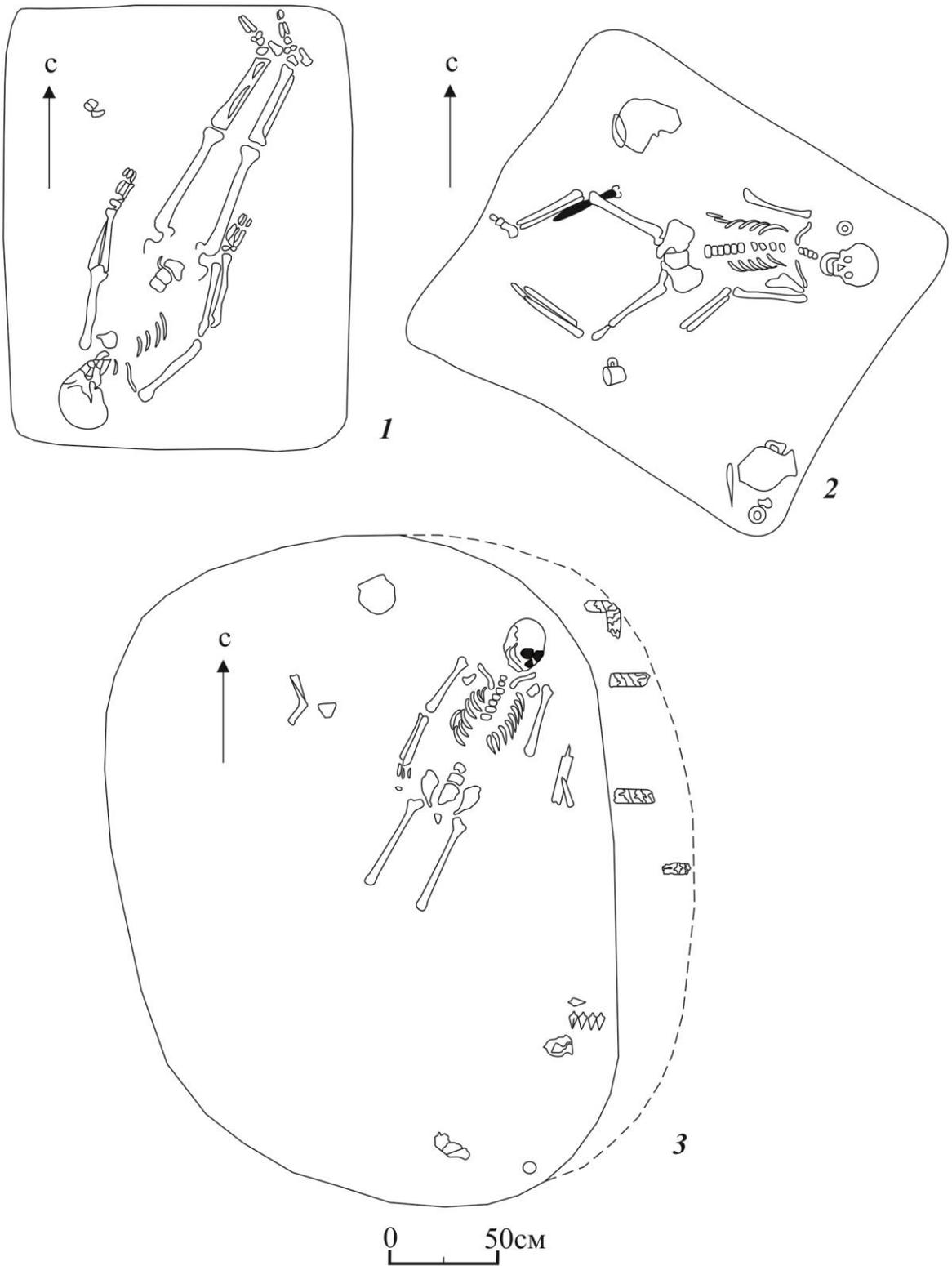

Рис. 52. Планы погребений позднесарматской культуры в широких прямоугольных ямах: 1 - погр. из кург. Е9, Каменка; 2 - погр. из кург. 25, Сидоры; 3 - погр. 2 из кург. 2, Ключи.

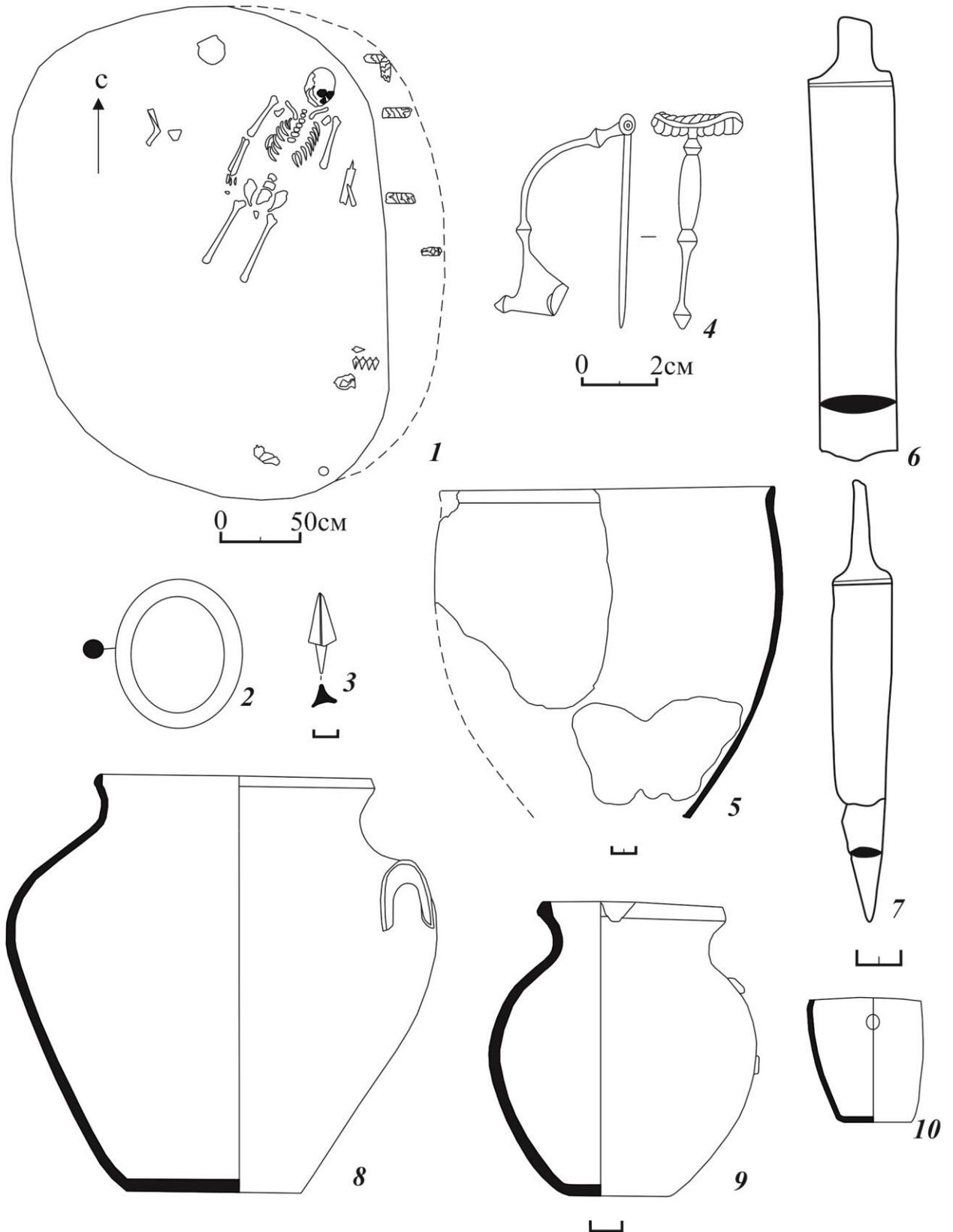

Рис. 53. План и инвентарь погребения 2 из кург. 2, Ключи (по: Хреков, 1985). 1 - план погребения; 2 - бронзовое кольцо; 3 - железные трехлопастные наконечники стрел; 4 - бронзовая фибула; 5, 8, 9 - глиняные горшки; 6, 7 - железные мечи без навершия; 10 - лепная курильница.

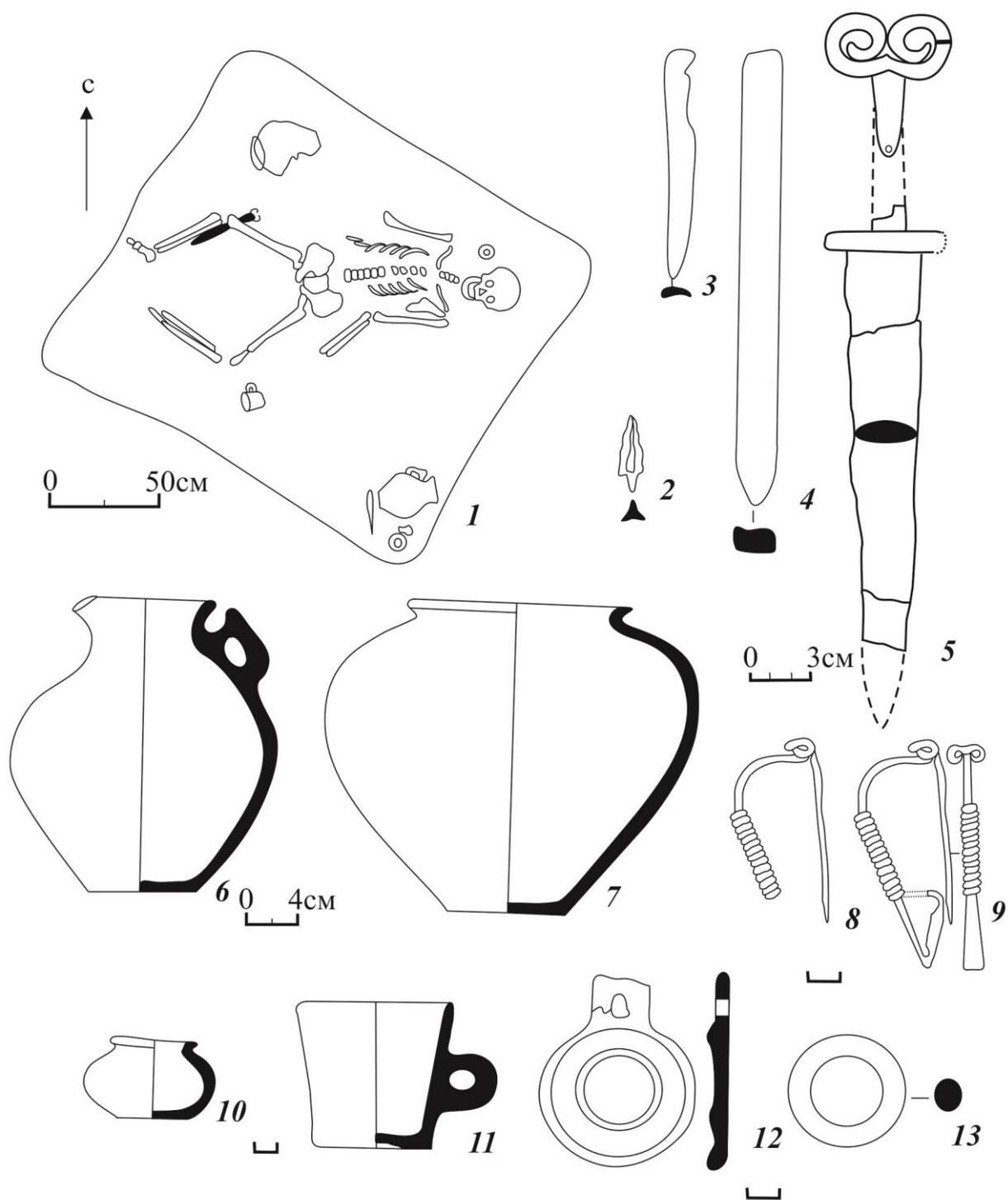

Рис. 54. План и инвентарь погребения из кург. 25, Сидоры (по: Мамонтов, 1972): 1 - план погребения; 2 - железный наконечник стрелы; 3 - костяная накладка от лука; 4 - каменный оселок; 5 - кинжал; 6, 7, 11 - гончарные сосуды; 8, 9 - бронзовые фибулы; 10 - лепной горшок; 12 - зеркало-подвеска; 13 - бронзовое кольцо; 2, 5 - железо; 3 - кость; 4 - камень; 6, 7, 10, 11 - глина; 8, 9, 12, 13 - бронза.

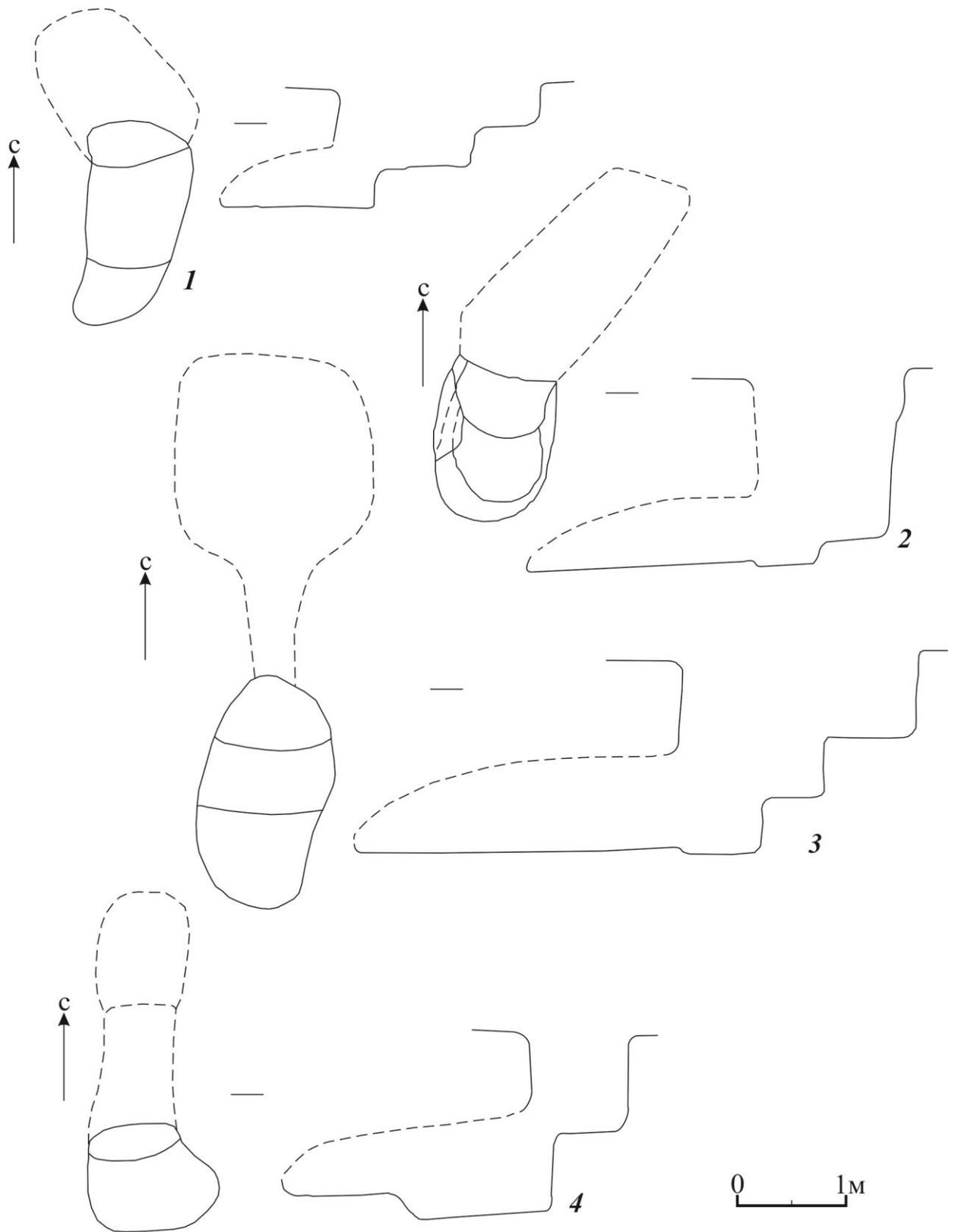

Рис. 55. Могильные ямы катакомбной конструкции из курганного могильника у с. Большая Дмитриевка. 1 - погр. из кург. 20; 2 - погр. из кург. 21; 3 - погр. из кург. 24; 4 - погр. из кург. 15.

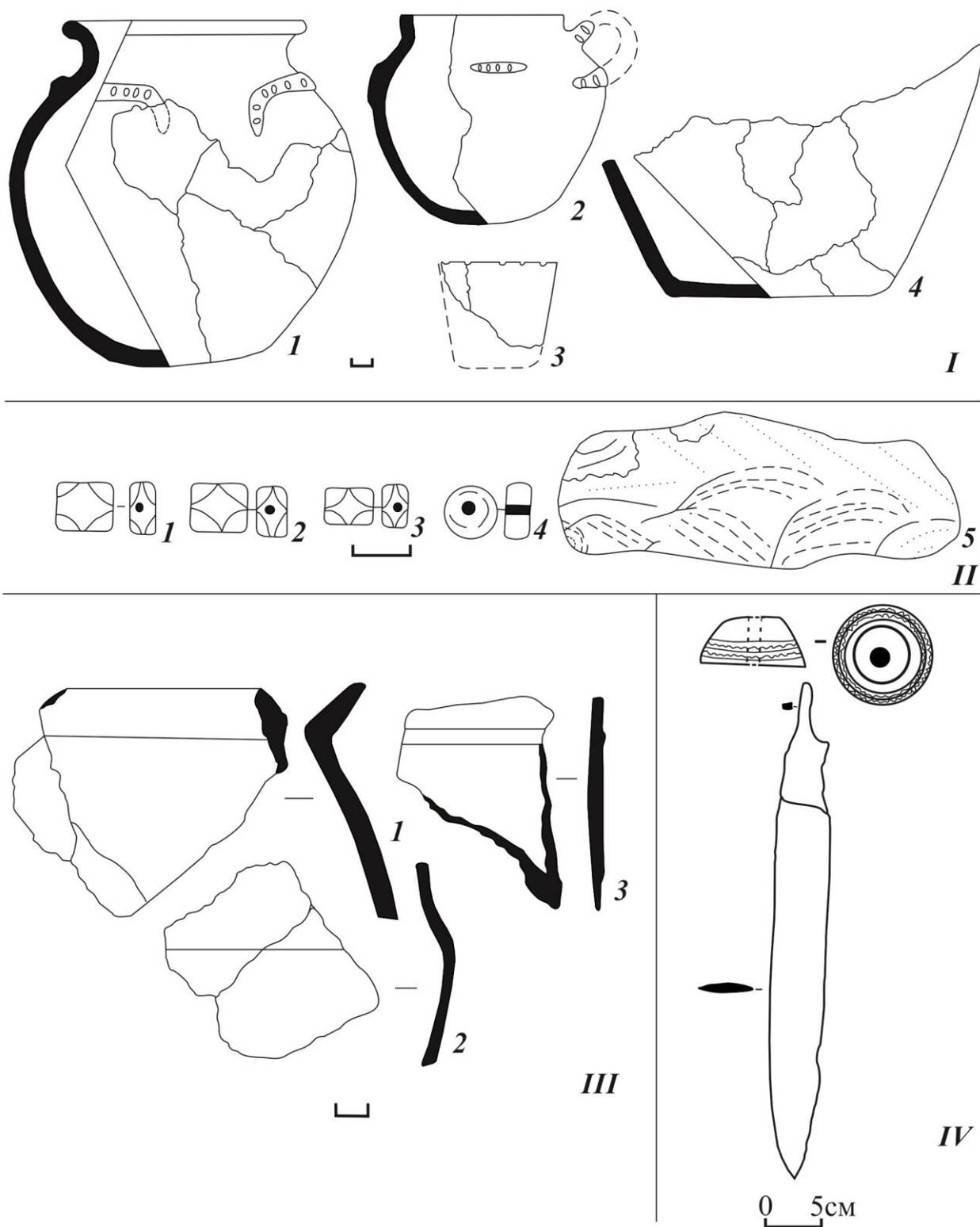

Рис. 56. Инвентарь из позднесарматских погребений катакомбной конструкции из могильника у с. Большая Дмитриевка. I - инвентарь погребения 15: 1 - лепной горшок; 2 - лепной одноручный кувшин; 3 - лепная курильница; 4 - фрагмент сосуда; II - инвентарь погребения 20: 1-4 - сердоликовые бусы; 5 - каменный оселок; III - инвентарь погребения 21: 1-3 - фрагменты сосудов; IV - инвентарь погребения 24: железный меч с халцедоновым навершием.

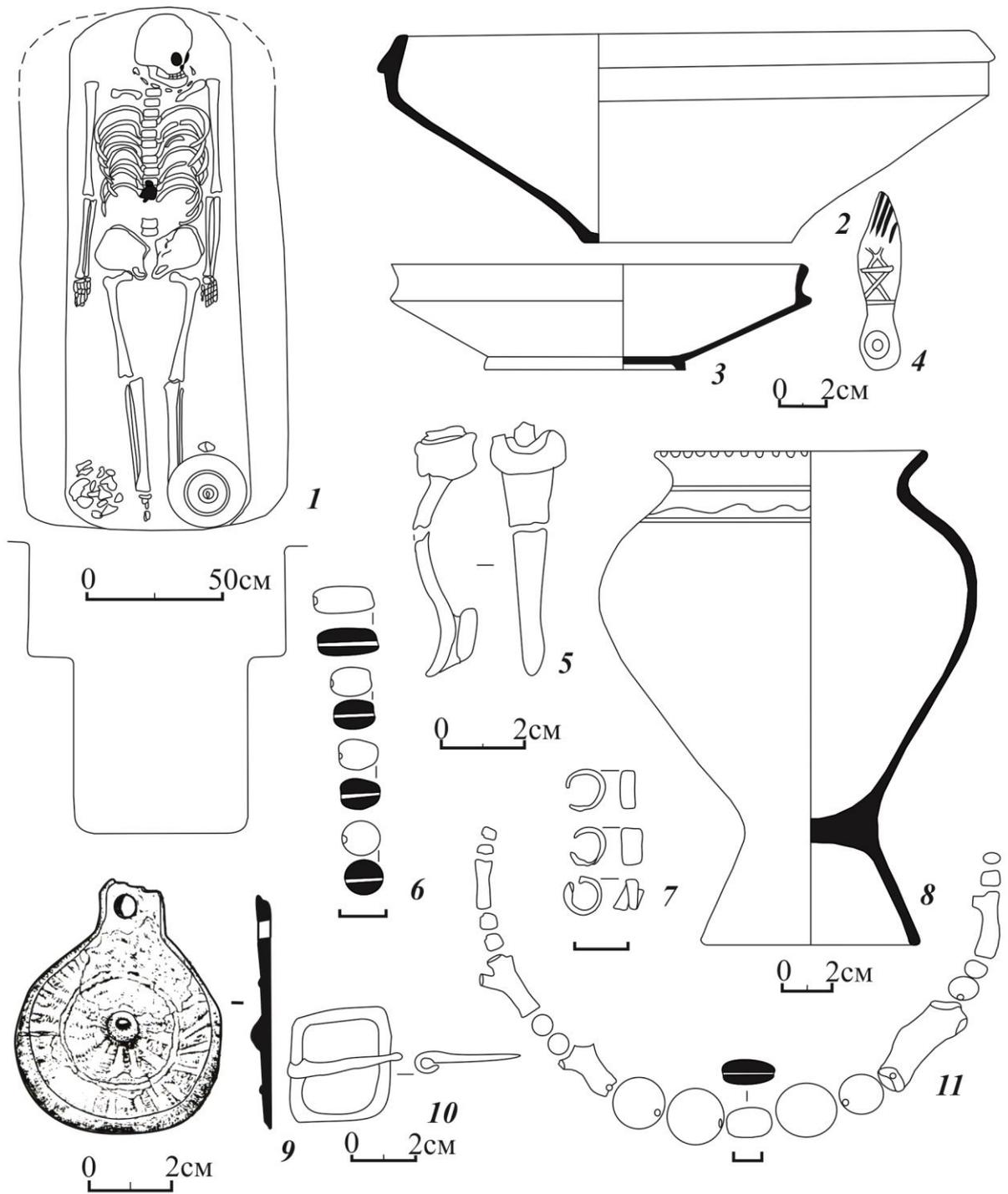

Рис. 57. Погребение из кургана 1 могильника Власовский-II в яме с заплечиками и инвентарь из него (по: Березуцкий, 1985). 1 - план и разрез погребения; 2 - сероглиняная гончарная миска; 3 - красноглиняная гончарная миска; 4 - клеймо со дна красноглиняной миски; 5 - бронзовая шарнирная фибула; 6 - бусы; 7 - бронзовые пронизи; 8 - курительница; 9 - бронзовое зеркало; 10 - железная пряжка; 11 - коралловое ожерелье.

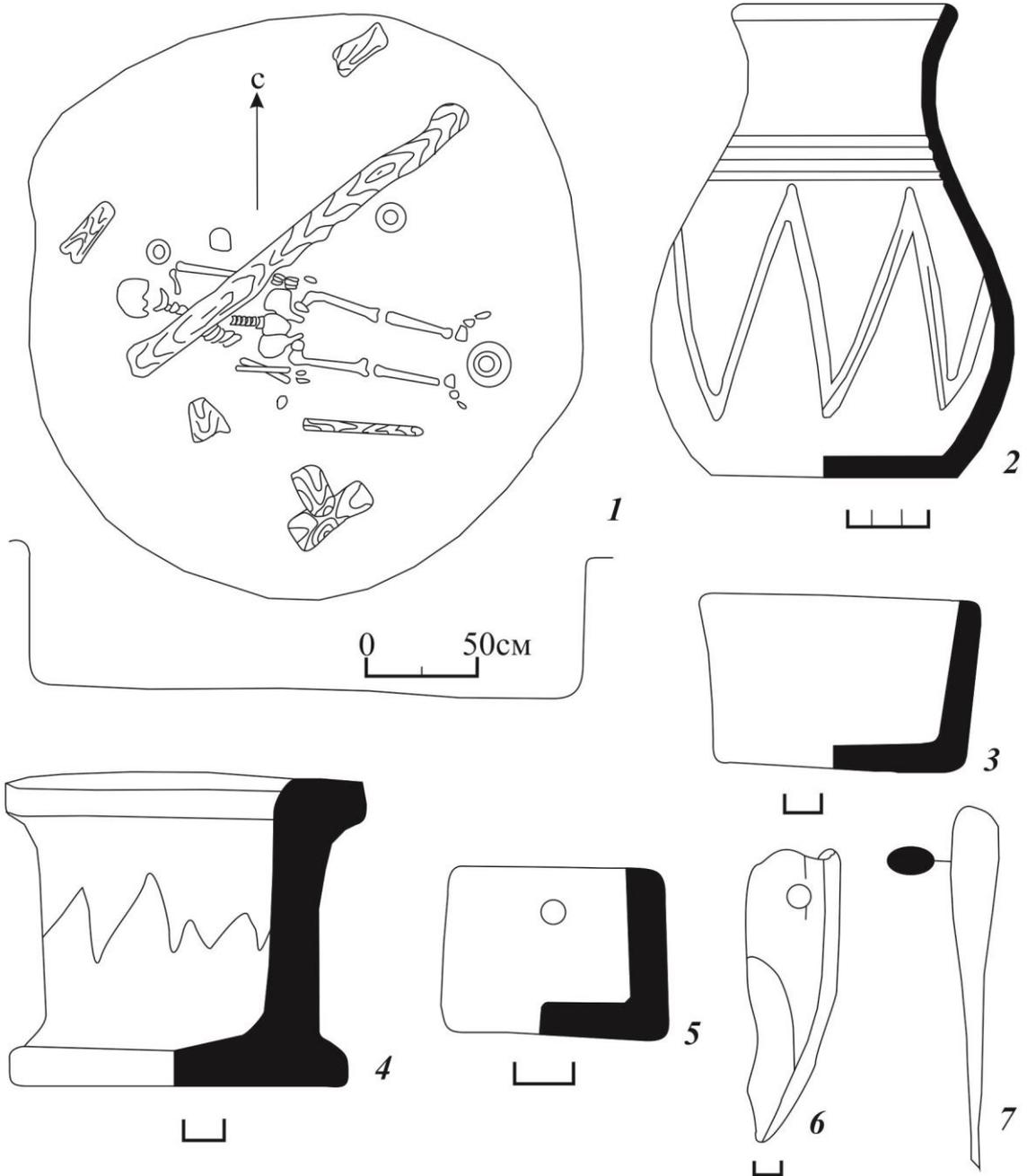

Рис. 58. Погребение из кургана 3 могильника у хут. Короли в круглой яме и инвентарь из него (по: Мамонтов, 1970). 1 - план и разрез погребения; 2 - серолощенный гончарный кувшин; 3, 4 - курильница; 5 - мраморный сосудик; 6 - клык кабана с отверстием; 7 - костяная проколка; 2-4 - глина; 5 - мрамор; 6, 7 - кость.

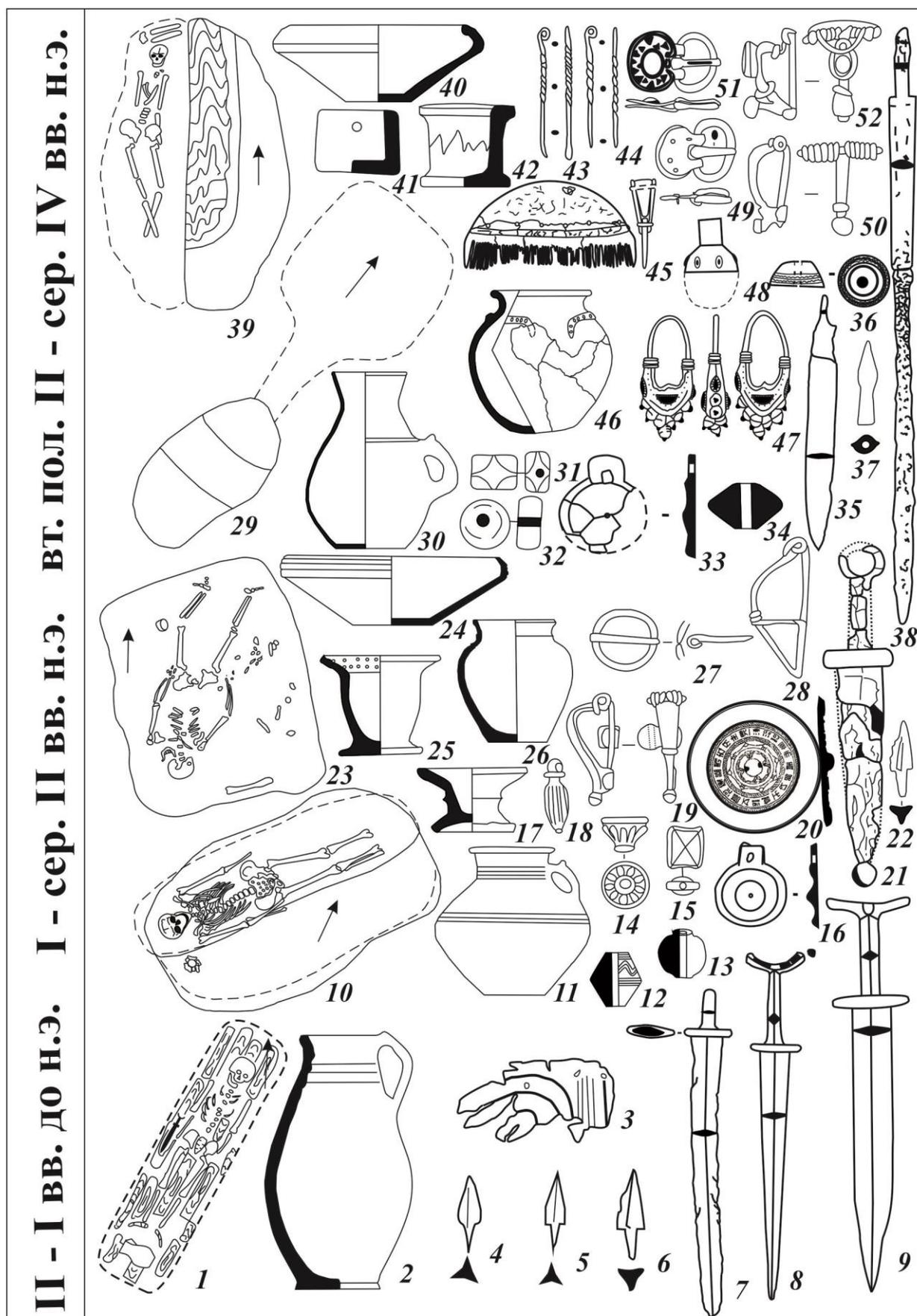

Рис. 59. Этапы развития сарматской культуры в хопёрско-волжском районе памятников: 1-9 - раннесарматская культура; 10-28 - среднесарматская культура; 29-52 - позднесарматская культура.

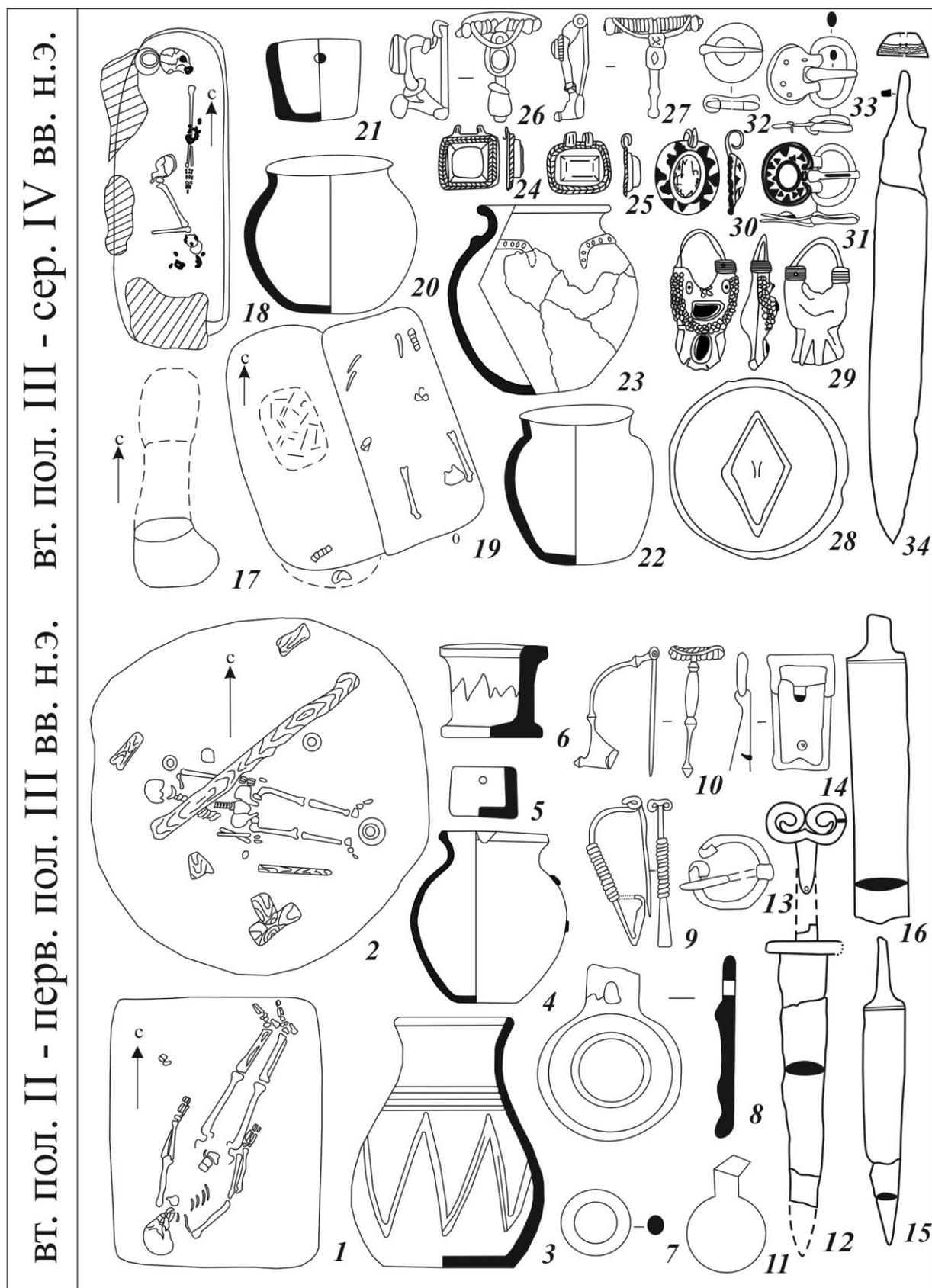

Рис. 60. Этапы развития позднесарматской культуры в хопёрско-волжском районе памятников.

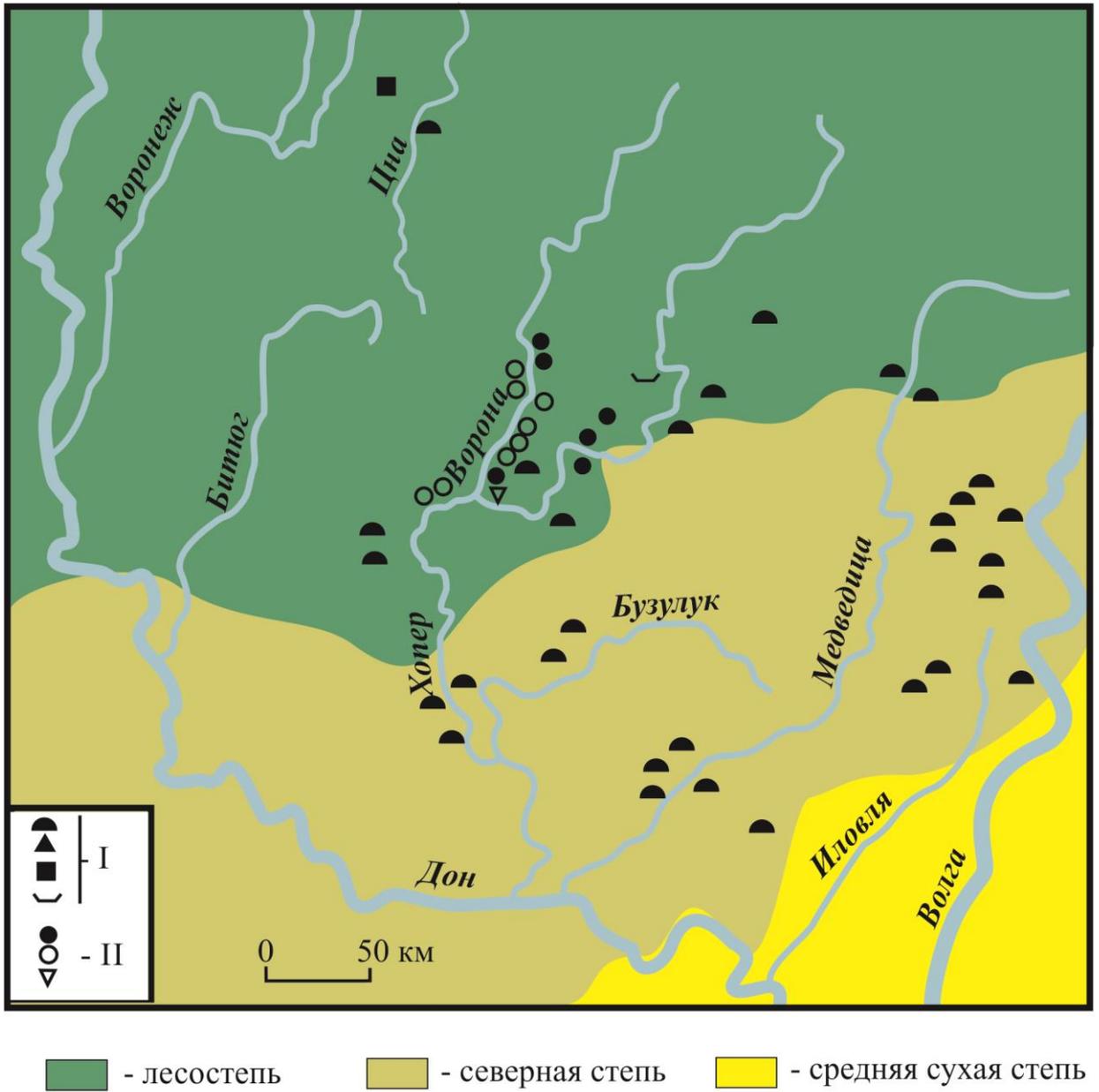

Рис. 62. Заселение междуречья Хопра и Волги в позднесарматский период: I – позднесарматские памятники; II – памятники типа «Инясево».

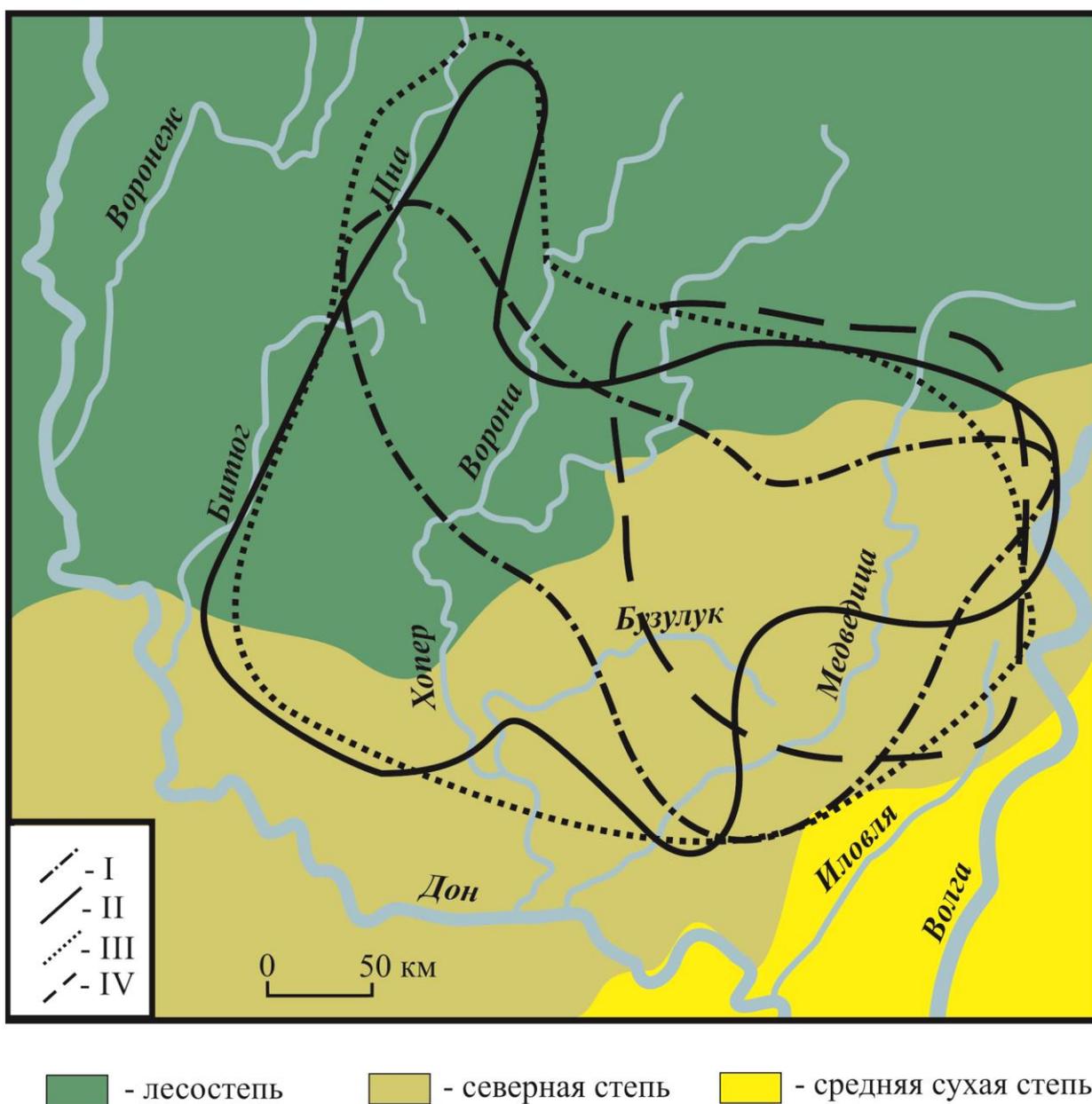

Рис. 63. Этнокультурная ситуация в Хопёрско-Волжском междуречье во II - IV в. н.э.: *I* – роксоланы (памятники раннесарматской культуры); *II* – закаты, асэи (памятники среднесарматской культуры); *III* – потомки носителей среднесарматской культуры и аланы (памятники первого этапа позднесарматской культуры); *IV* – аланы-танаиты и другие аланские племена (памятники второго этапа позднесарматской культуры).

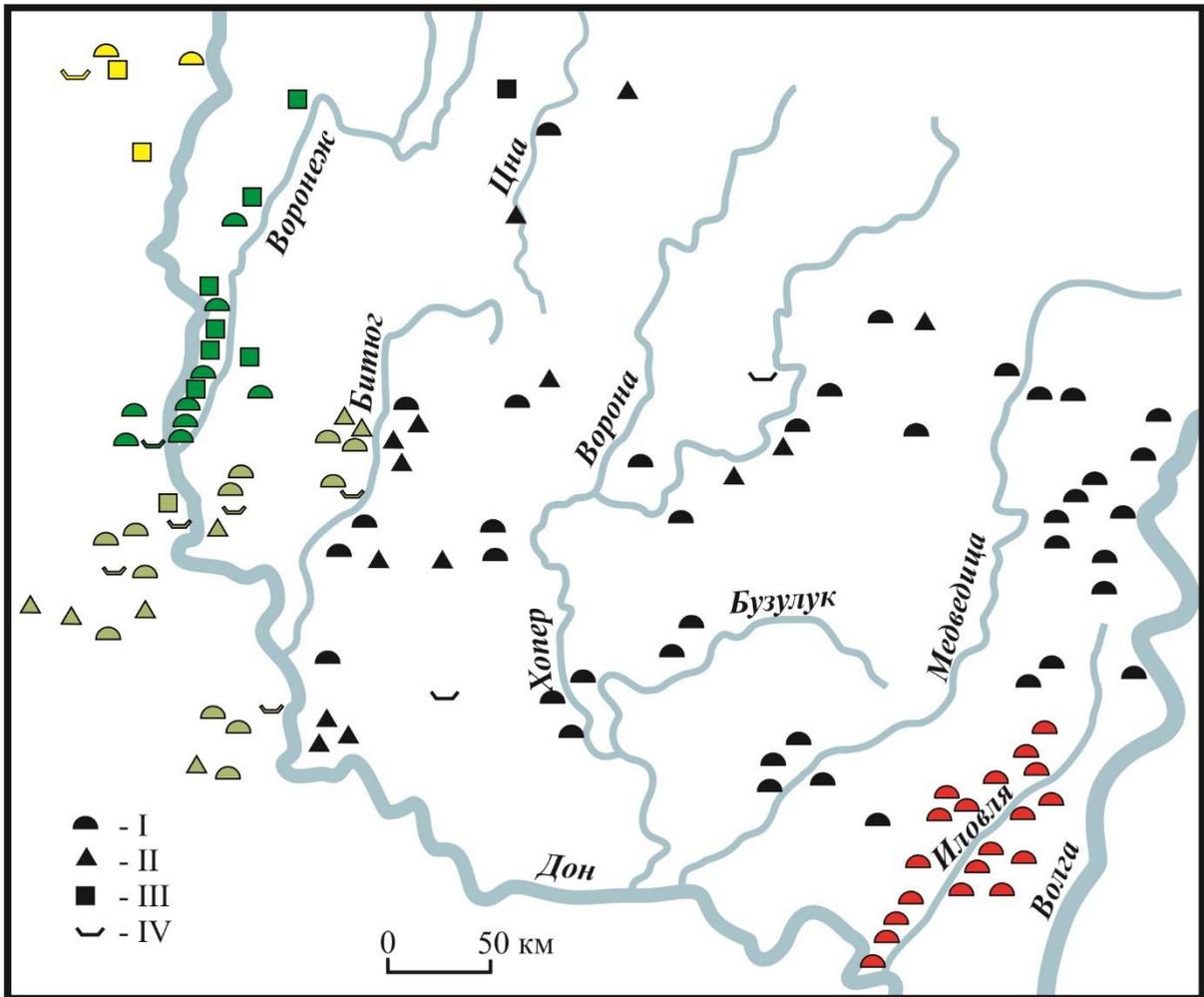

Рис. 64. Карта-схема районов концентрации сарматских памятников междуречья Дона и Волги: I - курганы; II - случайные находки; III - городища; IV - грунтовые погребения.

1 - верхнедонской район (по: Медведев, 2008)

2 - воронежский район (по: Медведев, 2008)

3 - среднедонской район (по: Медведев, 2008)

4 - иловлинский район (по: Сергацков, 2000)

5 - хопёрско-волжский район